

K 9638 VV

ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

TRAVAUX DE LA COMMISSION POUR L'ÉTUDE DE LA RÉPUBLIQUE
AUTONOME SOVIÉTIQUE SOCIALISTE IAKOUTE

TOME VII

S. JASTREMSKIJ

FRAGMENTS CHOISIS DU FOLKLORE IAKOUTE

LENINGRAD
1929

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТСКОЙ АВТОНОМНОЙ
СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

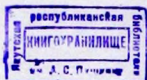
ТОМ VII

С. В. ЯСТРЕМСКИЙ

ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТОВ

ЛЕНИНГРАД
1929

Кр. 9.638

Декабрь 1929 г.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

И. о. Непременного Секретаря академик *В. Комаров*

Редактор издания академик В. А. Комаров

Представлено в заседании Президиума Академии Наук 1 июля 1926 г.

Начато набором в августе 1927 г. — Окончено печатанием в декабре 1929 г.

Издательство Академии Наук СССР

2 тит. л. + 4 ил. + VI + 226 стр.
Ленинградский Областлит № 29130. — 30 печ. л. — Тираж 1000
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

Одной из задач Комиссии Академии Наук СССР по изучению Якутской АССР Республики является издание трудов прежних экспедиций, между которыми труды Якутской экспедиции 1894—1896 гг., снаряженной на средства И. М. Сибирякова («Сибиряковской»), занимают одно из первых мест. Из означенных трудов особенного внимания заслуживают исследования Д. М. Павлинова, Н. А. Виташевского, Л. Г. Левенталя и С. В. Ястремского, каковые ныне изданы Комиссией.

Предметом содержания настоящего (VII) тома Трудов Комиссии является работа С. В. Ястремского: «Образцы народной литературы якутов».

Главное участие в редактировании этого труда, по просьбе Комиссии, любезно согласился принять на себя член-корреспондент Академии Наук СССР Э. К. Пекарский, которому, равно как и проф. С. Е. Малову, написавшему предисловие и именной указатель, Комиссия выражает свою глубокую признательность.

Председатель Комиссии академик *В. Комаров*.

Ученый Секретарь профессор *П. Виттенбург*.

Содержание.

	Стр.
Предисловие	I—VI
Народное творчество якутов	1

Былины (олоцко).

Эр Соготох (Одинокий)	13
Вороным конем владеющий, в оборотничествах искусившийся Кулун Кулдустур	56
Грозный-Разящий (Сюнг-Джасын)	77
Бессмертный витязь	100
Шаманки Уолумар и Айгыр	122

Загадки (табрыц).

1. Природа	155
2. Животные	157
3. Человек	160
4. Дом (и церковь)	164
5. Одежда и уборы	165
6. Промыслы	166
7. Принадлежности хозяйства	168
Поговорки и пословицы (бс хосбю)	175

Песни (ырыа).

1. Зима	185
2. Наступление лета	186
3. О происхождении человека	187
4. Песня на кумысном пире	189

	Стр.
Остатки старинных верований у якутов	195
Родины	198
Бездетная женщина подле лиственничного «гнезда» (арык) на южном скате долины вымалывает ребенка	200
Постройка юрты	201
Вешание веревки гению урочища	204
Песня	206
Высекание огня, как средство против сыня у новорожденного	209
Култ Баялая	210
а) призывание Баялаев перед охотой	211
б) кукла Баялая	»
в) гимн Баялаю по добыче лося	212
г) добыча лисицы	»
Формула присяги времен язычества	213
Последнее напутствие	214
Резюме	217
Указатель собственных имен и предметный	219

Предисловие.

Впервые здесь, благодаря трудам С. В. Ястремского, появляются на русском языке в таком количестве грандиозные якутские эпические поэмы.

Если раньше для незнающих якутского языка, а знающих очень и очень немного, для знакомства с якутским фольклором служила книга И. А. Худякова «Верхоянский сборник»¹, пользующаяся большой известностью и заслуженной репутацией, то теперь, по праву, первое место в этом отношении должен занять настоящий труд С. В. Ястремского. Мало что можно прибавить, здесь в предисловии, об якутской словесности, в частности о поэмах — олоэхо, к вводной и содержательной статье их собирателя и переводчика С. В. Ястремского «Народное творчество якутов».

Главная цель героев поэм — это добыча себе суженой невесты (или — мужа), на пути к чему якутские герои и героини совершают бесчисленные подвиги.

Имея очень большую связь с монгольскими былинами², из турецкого фольклора эти якутские поэмы могут быть ближе всего сопоставлены с киргизскими, а затем отчасти с казачьими былинами и былинами алтайских и абаканских турецких племен. При чем в настоящее время эти поэмы у алтайцев и абаканцев как-то измельчали, сократились, распались на отдельные части и превратились в обыкновенные сказки.

Меня — думаю, что и каждого читателя — поразили и поразит этот чудный мир якутской фантазии, его особый своеобразный рбзмах. Читателю будет даже трудно уловить основную фабулу и нить рассказа, — до того он бывает пресыщен чрезвычайным обилием вставочных сюжетов и обстоятельств. Не лишним поэтому считаю дать здесь краткий остов-план нижеприводимых якутских поэм.

Эр-Соготох.

И. Эр-Соготох едет добывать себе жену Юкэйден.

По дороге он: а) добывает девушку Ники-Харахсын для Дуодарбы — кузнеца; б) убивает Громадного Верзилу; в) дважды убивает Нюргуна (и его мать); г) убивает Дыбырдана и получает девушку Хачылан-куо для богатыря Акымаза; д) доходит до Медного Господина и получает себе жену.

¹ Верхоянский Сборник. Якутские сказки, песни, загадки, пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. Перевод. Сиб. Зап. Вост.-Сиб. Отд. И. Русск. Геогр. Общ. по этногр., т. I, вып. 3. Иркутск, 1890, стр. 1—314.

² На это указывал уже Ю. Г. Рамstedт в статье: О монгольских былинах. — Трд. Троицко-Саванко-Кяхт. Отд. Приамурск. Отд. И. Русск. Геогр. Общ., т. III, вып. 2 и 3, 1900 г. Иркутск, 1902, стр. 44—52.

- II. Разлука с женой; Басымджи, сын Эр-Соготоха сражается с Джессияном; Эр-Соготох едет домой с женой; Басымджи убивает Мерзлого Торольджуна и получает девицу Ясное Солнышко. Все «богато и широко зажили».

Кулун-Нуллустур.

- I. Подвиги: а) победа над шаманкой Ытык-Холур и избавление девицы Айтальин-куо; б) победа над птицей Хардай-богатырем Бус-Булгум; в) — над Почтенным Стонущим и Пешим-Лодырем; г) — над огненным и Рослым Богатырем; д) — над Кулутом и получение его сестры Юкэйден.
- II. Свадьба. Исчезновение Юкэйден. Сражение с Ав-Адырынчаем. Возвращение с Юкэйден домой, где «стали жить и поживать».

Сюнг-Джасын.

- I. Маленький человек (= богатырь Агья) побеждает одноногого и одноглазого богатыря; побеждает Белого Юошу; едет за девицей Хачылан-куо для Белого Юоши; исчезновение невесты.
- II. Богатырь Агья (в виде ерша) вторично едет на поиски; избавление Хачылан-куо; свадьба Белого Юоши и Хачылан-куо; сражение с Уот-Джурастаем; дочь Белого Юоши; исчезновение богатыря Агья.
- III. Рождение у Белого Юоши сына Сюнг-Джасына; победа над богатырем Аан-Дурай; приключение с шаманкой Ахтыр; поиски Солко-Нуогай; битва с Уот-Огуруодаем; убийство шаманки Холурдан; сражение с Кёр-Джизельтом и 5 богатырями; Сюнг-Джасын добывает жену Солко-Нуогай и становится «избраннейшим из якутов».

Бессмертный витязь.

- I. Дитина Сирота едет к своей невесте Айтальин; сражения: а) с Тонг-Дорольджуном; б) с Харджыт-Мохсоголом и в) с Ады-Буджу. Свадьба. Похищение Айтальин богатырем Дуоданом.
- II. Подвиги Бессмертного витязя, сына Детяны-Сироты и Айтальин: поражение Дуодана и Олүра Ботура; женитьба на Анальджима-Мяняльджимя.

Шаманки Уолумар и Айгыр.

- I. Два похищения демоном шаманки Уолумар.
- II. Исцеление Кюн-Эрлика шаманкой Уолумар и похищение его ею; исцеление шамана шаманкой Уолумар и похищение ею его сына Бэрэт-Бэргэна; возвращение Уолумар к сестре Айгыр; Уолумар берет мужем Кюн-Эрлика, а Айгыр — Бэрэт-Бэргэна.
- III. Дети их и их подвиги.

Первая былина «Эр Соготох (Är Soçotoq) — Одинокый» издавалась целиком и частично, в тексте и переводе неоднократно, но все эти издания разнятся от ниже предлагаемого,

и только в переводе С. В. Ястремского дается более полная и весьма красочная былина с таковым заглавием. 1) В первый раз эту былинку в тексте (русскими буквами) с немецким переводом издал: O. Böhlingk в соч.: *Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. Besonderer Abdruck des dritten Bandes von Dr. A. Th. v. Middendorff's Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens.* St.-P. 1851, p. 79—95. 2) Без текста, краткий пересказ этой былины, в виде сказки, см.: В. Л. Приклонский. *Якутские народные поверья и сказки* (Жив. Старина, 1890, вып. II, отд. II, стр. 169—176 и вып. III, 1891, отд. II, стр. 165—179; Эрайдах-Буруйдах Эр Соготох). 3) Часть былины (с издания O. Böhlingk'a) перепечатана (только текст) в «Букваре для якутов» (Изд. Православи. Миссионерск. Общества, Казань, 1898 г., стр. 19—22). 4) Часть былины в тексте и русском переводе имеется в «Грамматике якутского языка» С. В. Ястремского. Иркутск, 1900, стр. 300—307 (= Вост.-Сиб. Отд. И. Русск. Геогр. Общ. Трд. Якутск. экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. II, т. III, ч. 2, в. 2). По нижепредлагаемому изданию этот отрывок содержится на 28—30 стр. 5) Часть былины (русский пересказ) или ее вариант см.: «Верховянский сборник», на стр. 112—131: Старуха со стариком. 6) Вариант текста см.: Образцы нар. литературы якутов, изд. под ред. Э. К. Пекарского. Т. I, ч. 1. Тексты сказок, собранных Э. К. Пекарским. СПб. 1911, 475 стр. Здесь под № 19: Хара-Холорукай балыстах Ар Соготох.

Из былины Кулун-Кулдустур имеется в Грамматике С. В. Ястремского (Иркутск, 1900, стр. 293—299) небольшой отрывок (в тексте и переводе). Кроме того две редакции текста имеются: 1) под № 12 в I т., ч. 1 Текстов сказок, собр. Э. К. Пекарским, СПб., 1911, п 2) в т. III, ч. 1, вып. 1 в Текстах сказок, собр. В. Н. Васильевым.

В той же Грамматике С. В. Ястремского помещена также (стр. 284—292) часть былины «Грозный-Разящий».

«Бессмертный витязь» и «Две шаманки», перевод которых дает здесь С. В. Ястремский, были записаны (на якутск. яз.) Э. К. Пекарским и напечатаны (якутск. текст) им же в т. I, ч. 1 Текстов сказок, собр. Э. К. Пекарским (СПб., 1911), под №№ 3 и 4¹.

В якутских былинах мы встречаемся с героями, выходцами из степной аристократии. Герой владеет неисчислимыми стадами скота, является большим собственником недвижимого имущества и окружен большим штатом слуг и служанок, стремящихся, конохов и проч. Весьма ясная социальная дифференциация и обусловила у якутов наличие эпической словесности с сильным заимствованием и извне, из Индии и Тибета через монголов. Такие сюжеты, как Аджы-Буджу (несомненно < санскр. gāḷa Bhoja), птица гаруда (хардай — демонская птица, стр. 68), ясно указывают нам на влияние со стороны монголов на якутов².

¹ Эд. Пекарский. Библиография якутской сказки, см. Живая Старина, т. XXI, стр. 529—532. П. П. Хороших, Якуты (.) Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутской народности, Иркутск, 1924, стр. 27—30: Фольклор (Отд. отд. из Изв. Вост.-Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. XLVIII, в. 1).

² О распространении народной тибетской литературы у монголов см. Б. Я. Владимирцов: Монгольская литература, стр. 107—108 в над. Всемирная литература (.) Литература Востока (.) Сборник статей (.) Вып. 2, Петербург, 1920 г.

Все то, что говорит проф. Б. Я. Владимирцов о монгольском эпосе¹, весьма приложимо и к якутам.

По многим соображениям было бы лучше издать стихотворные вставки в былинах стихами, т. е. с новых строк и заглавными буквами, а не так, как это издано все в виде прозы под ряд².

Загадки (числом 424), как и пословицы (числом 225) не представляют в настоящем издании интереса новизны, так как большие собрания их были уже известны из других печатных изданий³; это же следует сказать об «Остатках старинных верований у якутов» (стр. 193 и след.). Вообще о якутских загадках я уже высказывался в своем предисловии к собранию якутских загадок Э. К. Пекарского. Здесь скажу только, что не могу согласиться с С. В. Ястремским по поводу его толкований загадок №№ 216 и 273; никакого сарказма я не вижу, нескромности — тоже⁴.

В песенном отделе более интересна песня «Наступление лета» и близкая к этой по содержанию и по времени своего исполнения⁵ «Песня на кумысном пире». Еще приводятся С. В. Ястремским — «Зима» и стихи с шаманским содержанием «О промысле божием над человеком»⁶.

Я ничего не могу сказать о точности нижепредлагаемого перевода, так как не занимался сравнением перевода с (частично изданным) текстом. Вполне соглашаясь с якутом А. Е. Кулаковским, что «якутский язык . . . в народном эпосе — витневательный, любящий аллегории и сравнения в длиннейших периодах», — я отнюдь не могу присоединиться к нему, когда он продолжает, что («язык былин») для исследователя европейца весьма трудный. Надо быть коренным якутом, и то выросшим вне влияния русского языка, чтобы понимать настоящий, часто скрытый смысл слов и дух этого языка»⁷. Думаю, что это далеко не так. Многое в якутских былинах может быть понято только лицом, специально интересующимся и занимающимся якутским фольклором и историей якутского языка, и в этом отношении якутское происхождение не будет давать исследователю каких-либо преимуществ сравнительно с европейцем.

Мне хочется сказать несколько слов о некоторых этимологиях (главным образом собственных имен)⁸, весьма принятых, со слов самих якутов, среди многих якутоведов (вне национальности) и закрепленных в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского.

¹ Монголо-обратский героический эпос. Перевод, вступительная статья и примечания Б. Я. Владимирцова. Пг. — М. Изд. «Всемирная литература», 1928, стр. 26 и след. Б. Лауффер, Очерк монгольской литературы, перев. В. А. Казакевича под ред. и с предисловием Б. Я. Владимирцова, Лг., 1927, стр. XVII и 71 и след.

² Ср. константинопольское издание, выпущенное учителем Келлиси Риф'ат беем, Kitab-i Dede Qorqud 1332 г. мус. и В. В. Бартольд, Китаби Коркуд, см. Зап. Вост. Отд., т. XV. О стихотворных вставках в романах у туркмен см.: В. Успенский и В. Белзев. Туркменская музыка. М., 1928, стр. 22 и 34.

³ Edward Piekariski, Zagadki jakuckie (Z przedmowa S. E. Małowa). Rocznik Orientalistyczny, t. IV (1926), Lwów, 1928, p. 1—59. Его же, Przysłowia i przypowieści jakuckie. Roczn. Orient., t. II, Lwów, 1925, p. 190—208.

⁴ Но раньше сарказм этот мог и быть, см. хотя бы к объяснению этих загадок рецензию Г. Карпова на: Н. В. Брюлова-Шаскольская. Пережитки древних форм брака у туркмен (Туркменоведение, Ашхабад, 1928, № 7—8, стр. 101—102).

⁵ «Наридное лето раскинулось» . . .

⁶ Ср. старые турецкие стихи (XI в.) о зиме и лете у Махмуда Камгарского в немецком переводе С. Brockelmann'a (Alturkistanische Volksprosa II. Asia Major, 1924, Vol. I, p. 24—44).

⁷ А. Е. Кулаковский. Материалы для изучения верований якутов. — Зап. Якутск. Краев. Геогр. Общ. Кн. I, Якутск, 1923, стр. 9.

⁸ Не разделяя нижеследующих этимологических соображений почтенного автора специалиста-турколога, редакция в то же время не считает возможным отказаться от приведения их здесь в виду оригинальности высказываемых взглядов при толковании некоторых собственных имен тем более, что сам переводчик

Имя героя Суц Цасын (Süç žäsün) С. В. Ястремский переводит «Грозный-Разящий», как я в Словаре Э. К. Пекарского (столб. 2394). Я бы сравнил süç с якутским суц шерсть животных (Словарь Э. К. Пекарского, столб. 2337); сравн. в других турецк. наречиях: jüç, jüç, jün и др. К слову же žäsün, сравн. якутск. sas — прятаться, с возможным *žas-. К чередованию в якутск. языке ž и s сравн., напр.: žауа || сауа край; žardā- || sartā- раскальвать; жоқ || сооқ ничтожный, недостаточный; žurułā- || surułā- пролететь, быстро промчатся и др. (см. Словарь Э. К. Пекарского, столб. 768, 794, 847 и 865). Таким образом Süç-žäsün я бы перевел «Спрягавшийся под шкурой», «Скрытый шкурой». Мое объяснение этого имени подтверждается и многими выражениями из быliny с этим именем: вот родивши, когда взглянула женщина на свое дитя: зад ребенка видом — алчный волк, передняя половина его — старый, ярый медведь, а, повидимому, мальчик (стр. 88, сравн. стр. 96); . . . видит она, что на темени его есть железный винт. Потихоньку его отвинтила женщина эта: тут-то и прикреплена медведя-волка шкура. И видит: такого красивого она еще не видывала! (стр. 93); . . . медведя-волка образину свою сбросивши, лишь только прибыл в свою сторону, сделался он лучшим из людей, избравнейшим из якутов (стр. 99).

В сознании якутов Süç-žäsün еще (кроме «Грозный-Разящий») ассоциируется с другим корнем с значением «блестать, сиять, сверкать» (сравн. в других тур. наречиях jaşuq солнце, jaşuñ и jaşuñ молния и др.), и Süç-žäsün является еще божеством грома сравн. Äñ-Цасын бог света и молнии (см. Словарь Э. К. Пекарского, столб. 801).

Имя героини Kün tupałuşa здесь переводится как «Солнце белеющее» (— светящееся, — блестящее), при чем от «Ред.» делается пояснение: «от глагола tupału- белеть, блестять, сиять». Полное имя этой женщины (см. Образцы нар. литературы якутов [.] собранные И. А. Худяковым. Вып. 1. СПб. 1913, стр. 51) таково: Küññä-köstü-bät-Kün-Tupałuşa «непоказывающаяся солнцу, солнце белеющее». Уже по контексту речя мне кажутся как-то неудобными эти эпитеты: сама она подобна солнцу и — не показывается в то же время солнцу. Оговариваюсь: для меня здесь не представляет никакого неудобства то, что kün (определяемое) предшествует определению — tupałuşa¹.

Всегда предположительно я мог бы сопоставить слово tupałuşa с турецк. tu-, tun- быть заваленным, — закрытым (о дороге), tuç завал (дорожный), tuçla- заваливать (напр. вход в берлогу), покрывать (о тумане). Из Словаря Э. К. Пекарского сравн. tün djaqtar впервые рожающая женщина; tupaууг- страдать от невыхода последа (столб. 2813

С. В. Ястремский, ознакомившись с содержанием «Предисловия», сообщил редакции в ответ на ее запрос, что «никаких замечаний с его стороны ни на один из пунктов статьи С. Е. Малова не поступает» (письмо от 29 сентября 1928 г.). Сближение якут. qardai с санскр. gargaḍa принимается с благодарностью. *Ред.*

¹ Я считаю, что исправил М. Тынышпаев и следующий за ним А. Н. Самойлович, которые отвергают этимологию слова қазақ (казак — название турецкого племени) из қаз (гусыня) и ақ (белая) на основании того, что здесь существительное предшествует прилагательному (М. Тынышпаев, Материалы к истории киргиз-казацкого народа. Ташкент, 1925, стр. 31. А. Самойлович, О слове «казак». См. Казаки (.) Антропологические очерки (.) Под ред. С. И. Руденко. Материалы Особ. Комитета по исслед. союз. и авт. республик, вып. 11. Сер. Кавказская. Лг., 1927, стр. 6). Я утверждаю, что с синтаксической стороны здесь для народной этимологии ничто не угрожает. Сравн., напр., имена Altun агуу, Ai агуу и др., см. Н. Ф. Катанов, Алаштинский указатель собственных имен, встречающихся в первом томе Образцов нар. лит. тюрк. племен, собр. В. В. Радловым. СПб. 1888, стр. 3 и 5; в подобном же указателе ко II тому см. стр. 2, 16, 18 и др. В. Радлов (и Н. Ф. Катанов), Образцы нар. литературы тюркских племен, ч. IX, стр. 218 (текст) и 184 (перевод). Сравн. еще, напр., монг. Бар-Хара (Тигр-Черный), см. Б. Я. Владимирцов, Монголо-обратский героический эпос, 1928, стр. 107.

и 2814). Можно сюда привести еще следующее место якутской былины об этой героине: «... держат ее, заключивши, говоря: пусть не видят глазами, пусть не слышат ушами, пусть не говорят (о ней) лзычные» (см. Верхоянский Сборник, стр. 113, сравн. стр. 112 и 119). Приблизительно я мог бы имя этой женщины перевести так: непоказывающаяся солнцу, солнцезапретная, запретная для солнца и т. п. Ср. в языке желтых уйгуров глагол *tupnaŋ* — просвечивать(ся), сквозить, быть сквозным (и якутск. *tunaŋy*). Тогда имя героини можно бы перевести: солнце (через себя, сквозь себя) просвечивающая. В былине Эр Соготох (Är Soġotoġ) меня заинтересовало выражение *пешее* небо (стр. 28). Место это на якутском языке имеется у С. В. Ястремского в его «Грамматике якутского языка» (Иркутск, 1900, стр. 300), где слову *пеший* в якутском тексте соответствует *saty*, то же приводится и в Словаре Э. К. Пекарского (столб. 2131): *saty qallān* нижнее (ближайшее к нам, пешее) небо; сравн. тут же у Э. К. Пекарского *saty bylyt* пешее облако, т. е. ходящее ниже высоких гор. Как С. В. Ястремский, так и Э. К. Пекарский слово *saty* считают за *saty* *пеший*, *пешеход*; но это, по-моему, неверно. Слово *saty* я произвожу от **sat-* (в других турецк. наречьях *jat-*¹) с значением «лежать».

Существование якутск. глагола *syt-* (лежать) против меня ничего не говорит, так как здесь могут быть разные периоды развития этого звука а || у (ы). К слову *saty* сравн. якутск. *saty byŋunjaq* широкий (низкий) бугор (Словарь Э. К. Пекарского, столб. 2131), карагаск. *šadyq* широкий (В. В. Радлов — Н. Ф. Катанов. Образцы... ч. IX, стр. 633, № 103), казакц. *žatyq* пологий, низкий берег (Опыт Словаря... В. В. Радлова, IV, столб. 45). Таким образом *пешее* небо я бы перевел *saty qallān* как широкое, лежащее, распростертое небо (или облако).

Едва ли есть какое-либо основание у С. В. Ястремского переводить Топ (и Тонг)-Торольджун как «*Мерзлый* Торольджун», сближая здесь первую часть имени с первым попавшимся якутским созвучным словом *top* мерзлый (см. здесь стр. 52). Я сопоставляю вторую часть имени с якутск. словом *tūrülün-* быть свертываему трубкой, свернуться, быть скатанным (см. Словарь Э. К. Пекарского, столб. 2916 и Э. К. Пекарский, Краткий русско-якутский словарь, 2 изд., СПб., 1916, стр. 184 и 190), а *top* можно бы сопоставить с якутск. *son* || **top* шуба (сравн. в других турецк. нареч. *top*, *don*, *tun* шуба, платье, штаны; тунгус. *sup*). Сравн. выражение из былины об этом герое: он был человеком — вот исчезла железная одежда — настоящим человеком он был (стр. 105); или: человек весь сплошь в железной одежде.

Мои этимологические соображения имеют главным образом целью показать ошибочность некоторых этимологий, принятых якутоведами, но не заменить их объяснения своими.

Особенно не соответствует действительности редакционное объяснение «замена, эквивалент» к (якутск.) слову «*qardai*» (демонская птица, см. стр. 68). Слово это — санскр. *gaṛuḍa* божество с птичьим клювом и крыльями — перешло к якутам через монголов вместе с некоторыми другими элементами буддийского фольклора из индийской мифологии.

Тарховна.
Лето 1928 г.

Сергей Малов.

¹ Ср. близкий с этим глаголом семантически, но другой глагол в своих фонетических проявлениях — *jat-* разложить, распространять, расталять.

Народное творчество якутов.

Народное творчество якутов коренится в глубинах народного духа. Авторы загадок, поговорок, пословиц, песен, былин назвать нельзя. Из века в век вся народная словесность переходит в своих безыменных творениях от одного поколения к другому, и можно назвать грамотных собирателей этого творчества, записывавших русскими буквами (исовершенную транскрипцию прот. Д. Хитрова) загадки, поговорки, пословицы, песни и подчас былины, и исполнителей (чаще всего певцов) былин (олоцхо), но не авторов.

Эти образцы народного творчества хранят в себе архаизмы, уже чуждые народной современной обыденной речи, уже непонятные массе якутов.

Здесь найдете вы названия представителей южной фауны: льва, тигра, орла, верблюда. Вы найдете слова религиозного и домашнего обихода, общие с алтайскими турками. Но угрюмый колорит навис над этим турецким народом, заброшенным от родственного племени так далеко на север, в беспредельные пространства, сковываемые льдами, окутываемые туманами, заносимые снегами, и мрачна фабула его сказаний (олоцхо). Здесь идет борьба героев с злыми силами, демонами (абэсы), порождениями осьминогих чудищ, нескладными, некрасивыми, но такими могучими, что героям подчас и не совладать с ними без помощи посланных свыше от Белого Творца Господа (Ўруч Аҕы Тоҕон) светлых сил (аҕы).

Бедна обстановка жилища якута, бедна его утварь, несложны и первобытный характер носит промыслы. Все это отразилось и наглядно видно в загадках. Часто детски просты эти загадки и непонятны силошь и рядом человеку, далекому от примитивных условий жизни охотника, рыбакова, скотовода.

Но подчас загадки далеко не лишены поэзии. Это бывает в загадках в отделе «Природа». Напрям., загадка про воду: Дыханье ее — роса, одеяло — туман, ложе — зеркало.

Кажущаяся бессмысленность вных сопоставлений, как в загадках, так и в других произведениях якутской народной словесности, объясняется требованиями аллитерации. Это своеобразная рифма турецких языков. Рифмуются концы слов, как у нас, лишь в виде исключения. Как, напрям., в песне о Джесеге:

Сийл байбыт,
Сити ыҕабыт,

Грива повязана,
Веревка повешена,

Чэчир аспыт,	Березки воткнуты ¹ ,
Иараҕай маҕан артык тэйллібит:	Узорчатый, ясный путь стелется:
Цасагай Аҕы крэн исэр абит!	Джесегей божественный шествует сюда.

А любимы, напротив, однозвучные начала слов. Наприм., так:

Сысыҕа сырбас, хонуга хохос, убккэй бббс. Сасы. Туруја. Улар.

На лугу вергялыйй, на поле долговязыйй, на иве понурый. Лисца. Журавль. Тетерев.

Хајаттан харахтэх. Хараҕаччык.

Из горы кто-то глазастый. Стриж.

Халҕајыга халбарыбатах хара бар усу. Кисі уцуоҕа.

На южном склоне долины есть, говорят, что-то неподвижное. Могила.

Кэйлҕарай балаҕадца катас күтүөт күтүөттэин сытар усу. Ыгарҕа кулҕаха.

В однобокой юрте назойливый зять свит с обрученной², говорят. Серьга в ухе.

Көңүл барарбын көмүс бөбүх тутар дйр бар. Адаҕалах ат.

Есть кто-то, что так говорит: «на волю уйти держат меня серебряный браслет». Лошадь с колодкой на ноге.

Поговорки и пословицы носят уже другой характер. Здесь видна вековая мудрость народа, выливающаяся в изречения, достойные стать наряду с соответствующими книгами Библии.

Таковы, наприм., поговорки: Не балуй глупого — на голову тебе влезет; или: С большого места рука не сходит, с любимого глаз не сводишь; или: Ждущему день долог, ревнующему ночь долга; или: Желания женщины удовлетворяются в могильной земле, желания мужчины удовлетворяются при добыче самца-лося.

Самый, пожалуй, слабый род якутской поэзии — это песни. Слабы здесь попытки описать зиму, лето, кумысный праздник. Любовь народа к песне велика: воспеваются и божества, и река Лена, импровизируются любовные песни. При обряде «вешания веревки духу урочища» — опять песни. Но однообразны картины, бедны украшающие эпитеты.

Главные силы народного творчества, народной фантазии ушли на создание олоҕхо — сказаний о богатырях, о борьбе их с темными силами, демонами, бесами, населяющими и нижние слои неба и преисподнюю.

Олоҕхо начинается, обыкновенно, чем-то в роде увертюры, где идет длиннейшее описание места действия, полей, окружающих дом героя, величественного дерева на поле, дома, утвари, оружия. Всегда говорится чуть ли не о божественном происхождении героя. К герою то прилетает сокол, то предстают перед ним божки стремянные, на беломолочных конях, с серебряными жезлами в руках, то другие вестники или посланцы, зовущие его на славные подвиги. Эти подвиги часто связаны с избавлением суженой героя, назначенной ему вышними божествами и почти всегда попадающей девушкой или уже по выходе замуж в плен к представителям темных сил. Очень часто демон предъявляет к пленнице свои

¹ Букв.: пучками гривы повязанный, волосяными веревочками увешанный, воткнутыми березками обставленный (путь) и т. д. *Ред.*

² Это был обычай, что, по выплате известной доли калыма, зять получал право, и всегда осуществлял его, спать с обрученной. Теперь, конечно, это отошло в вечность.

любовные искательства в виде сладких мадригалов, очевидно, с точки зрения якута, недостойных серьезного мужчины и характеризующих лишь похотливость темных сил.

Здесь, в олоџхо, мы вступаем в очаровательный мир, полный поэзии, полный могучих красок. Живет вся природа. Тут мы видим тоску по знойным странам, где так ярко светит, так жгуче греет солнце. Человек забывается как бы сном, грези в олоџхо о таких волшебных краях, где и зимы нет, а вечное лето, где вечно резвятся и поют птицы и все течет сливками и маслом, и жиром.

Ужас от неприветливой обстановки действительности навеивает фантазии картины жизни в таких бездоленных краях, где солнце ущербленное, где все оледенело и стоят железные деревья, растет железная трава.

Мир представляется в олоџхо разделенным на три света. Мир, где живет человек, — средний свет. В верхнем мире, в нижних слоях неба — владения демона Улу Тоюн-а, владыки запинаящихся людей, поровистого скота. А в верхних слоях неба пребывают светлые божества: Ёруџ Аџа Тоюн и Кубаи Хатын, и богиня чадородия Аџысыт, и Иаџасит — богини благ жизни, и родственное им существо с несколько бледным обликом — иногда бог, подчас богиня — Цаџагаи, и целый сонм высших божеств.

Большую часть якут выражается о них так: аџыс аџым (восемь божеств моих), тобус тацарам¹ (девять небес, божеств моих). В поэме Кулун Куллуустур этих божеств насчитывают тридцать².

Связующим звеном героя с миром божеств являются не только благодетельные посыланцы Ёруџ Аџа Тоюн-а — божи стремянные, но и проникнутые божественным вдохновением, прекрасные собою шаманки, в чудных япанчах, украшенных шелком, серебром и золотом.

На полях героя растущее дерево достигает чудовищных размеров. Оно проникает до нижних слоев неба, где владения Улу Тоюн-а, пугается царницей там стужи. Бойся, что в три года захиреет там, поблекнет, станет добычей смеха и злых шуток гениев медкой растительности. Оно пробивается выше, и ветви его становятся коновязью у самого Ёруџ Аџа Тоюн-а³, и тут происходят кумысные пиры небожителей, украшаемые березками.

Бойся это божественное дерево забраться корнями и далеко вглубь подземного мира, где царит Арсан Дуолаи (Туолаи), чтоб не сгнить здесь от грязи и мерзости, и корни его становятся вешалкой для посуды со сливками у божеств рогатого скота. И вот происходят тут у дерева игры и свидания богов. Следы изобильных пиршеств палицо: бурлит божественная влага, стоит молочное озеро. И подкрепляют здесь свои силы усталые, голодные, измученные трудом, болезнями.

У этого дерева есть гений (дух, хозяин = иччи). Это — дух, гений полей героя, его усадьбы. Гениями, духами полон весь средний мир. Не только у медкой растительности есть гении, насмешек которых бойся божественное дерево усадьбы героя. Гении есть у каждой

¹ Тацара — слово, родственное с турецким таџри и монгольским таџэри небо, бог. *Ред.*

² У Хорюсты (может-быть, это Аар Тоюн, Ёруџ Аар Тоюн, Ёруџ Аџа Тоюн) подчиненных ему таџриев 33 (ср. Бобриников, Грамм. монг. языка, стр. 42, 43).

³ Но в другом сказании сделать так дерево не дерзает, ибо это будет предосудительно для дерева, выросшего на земле, и верхние ветви его становятся березками кумысного пира у божеств конного скота.

реки, озера, леса. Есть эльфы, парни и девицы, убирающие землю, травами ее украшающие. Есть злые создания: девы убийств, парни несчастных случаев, неожиданной смерти. Они радуются, прыгают, поднимают неистовый хохот, когда предвидят что-нибудь злое, угрозу жизни, несчастье.

На перевалах горных дорог, у входа в ущелья стоят гении горных проходов. От них надо откупаться дарами, вешать им гриву.

Из гениев особенно выделяется гений огня (а́л уот¹ ічгггá).

Присягу времен язычества якут давал «пред дедом нашим пылающим огнем, творя возлияние с самого верха яств».

Перед отправлением на подвиги герой (см. поэму Кулун Куллустур) преклоняет колено пред домашним огнем и молится духу огня, ища у него опоры и защиты в предстоящих боях, где он разит врагов громадным, как высокая лиственница, очистительным опахалом своим и трезубцем и осмызубцем, и прося у дома не раздвигать тяжелых своих прясел, не отпирать тяжелой своей двери, не давать утихнуть жару, а горячей струи над пламенем не унимать.

Жар очага проникает в преисподнюю² и на проторенном проходе там превращается в красного быка и не даст выступить из преисподней быку демона Арсан Туолаі-я (Дуолаі-я), несущему гибель и смерть Среднему Свету. Горячая струя, реющая над пламенем, провикает в близкие слои неба, становится там темногнемым жеребцом и стоит угрозой для коня демона Улу Тојон-а, готового по гладкому проходу спуститься и нести гибель Среднему Свету: увидя того жеребца, демонский конь приостанавливается.

Когда герой едет на подвиги, ему родители посылают благословение и заклинаят его: «Сделай себе спереди подобную утесу защиту из веского благословения духа твоего пылающего огня и поезжай, сделав себе сзади опору из веского благословения духа твоей усадьбы!»

Гений огня неотделим от огня и очага. Таковы и его эпитеты: Зола — постель, Уголь — подушка, Пышное одеяло, Жар — золотая отметина, Медный башмак, Седая борода, Твердая крепь, Громадный нос³, Плетеная спина⁴.

Мы, как будто, и видим его со всеми его атрибутами, и, вместе с тем, он никогда не примет вида, хотя бы и царственного, но антропоморфного существа, — чувствуется что-то грозное, носящее величественный, почти наглядный и, однако, не укладывающийся в людские формы божественный образ. Он, как будто, и пред нами и все же не теряет своей грозности и необъятной и чудной силы и остается и реальным, и нечеловечески грозным, и сверхъестественным⁵.

¹ Богиня огня называется у монголов турецким словом Ут или От, к которому прибавляют эпитет Гахай-хан, царица огня. Ср. в словаре Э. К. Пекарского при слове а́л: а́л уххан а́й — эпитет духа домашнего очага.

² Уту́гáи. Богиня земли у монголов называется Этүген или Итуген.

³ Выступ над челом очага.

⁴ Здесь разумеется тыльная сторона очага.

⁵ В иных былинах дух огня является герою в виде обнаженного до пояса почтенного старца с белеватой бородой и седыми волосами, похожими на струйки пламени, в правой руке — с медной тросточкой (с погремучкой) в виде кочерги, с большим огнивом в виде сумки, свешивающимся через левое плечо на пурпурной ленте (са-лама). Его характеризуют довольно жизнерадостным стариком, подобно Баянаі-ю. Он может дать словесное наставление герою. (Личное сообщение студ. Г. В. Башева). *Ред.*

Не то гений усадьбы. В виде царственной женщины, богато и пышно одетой, он может явиться герою не только в свидении, но и наяву. Эта богиня дает герою отвесть молока своей груди, чем вливает в него могучие силы. Такой же реальный облик у духа темного леса, гения охоты — Бајанаі-я¹.

Бајанаі — имя собирательное. Гениев охоты одиннадцать: девять братьев и две их сестры. Они произошли от людей. В глубокой древности жили девять братьев и две их сестры. По смерти души их превратились в бајанаі-ев. Самый главный именуется Дух богатого темного леса, Богатый Бајанаі — щедрая подача — обильно наделяющий — обилие пушного.

Он, как только люди заснут на стоянке, прибежит в своей черного оленя дохе на то место, где сожжена была принесенная ему в жертву голова лося, сядет, запыхавшись, захочет (он всегда является смеющимся), пошлет благословения и вмиг исчезает.

Его увидят воочию едущие табором люди. Верхом на пегом олене в черной оленьей дохе покажется он. Он зычным голосом потрясает лес, обещая добычу. Они принесут ему жертвы. Опять увидят его, и он пошлет им благословения, опять зычным своим голосом потрясая лес.

Ўруң Ајы Тојон, центральное божество якутского культа, никогда не является людям. Он белотельный, живет на молочном озере в верхних слоях неба и никогда оттуда не спускается. Его называют еще Аар Тојон. Его жена, Кубаі Хатын, тоже пребывает всегда на небе. Недоступно лицемерию и божество Ылаба-хан — Властелин рока и вместе высший судья.

Ороі-бураі, Дудук-хан, Хан-Чаған и Уола-хан — это, как будто, разные названия бога грома. Это божество никогда не антропоморфизмуется.

Суга-Тојон² — божество, упоминаемое в одной из формул языческой присяги. Облик его туманен, одна из функций — карать за ложную клятву.

Цасагаі в якутской формуле присяги представлен в виде бога, но в поэзии он смешивается и с богиней благ земных — Іајэхсіт.

Якуты верят в свое божественное происхождение. От живущего на безо всякой тени ясном, на безо всякого следа гладком небе Создателя Господа произошли они. Создатель Господь одарил их и теткой Іајэхсіт-богиней и старшей сестрою — Ајысыт-богиней.

Представления якутов о душе своеобразны (как, впрочем, и алтайских турков): душа состоит из трех элементов — буор-кут (земля-душа), ійя-кут (мать-душа) и аҕа-кут (отец-душа). Первоначальный якут назывался Оноҕоі-Баі. Элементы душ потомства Оноҕоі-Баі-я, т. е. якутов, соединяют, подбирая сходные души, предназначая их друг для друга в их земной жизни, богиня Ајысыт и Іајэхсіт.

На небесах, на высотах, девяти снегом покрытым коннам равных, они направляют (аргіт) мать-души, разбрасывают (аіма) отец-души и смешивают (буакуі) земля-души. Они дуют в серебряные дудочки и тем дуновением дают рождение.

Души по смерти терпят превращения. Так, души знаменитых шаманов, семь раз меняя

¹ Имя Паанай встречается и в пантеоне алтайских турков.

² Самое главное из имен бога грома. *Ред.*

вид, по смерти превращаются в гусей-гуменников, а души знаменитых шаманов, три раза меняя форму, принимают вид казарок¹.

Но начало жизни (сүр) может быть ниспослано женщине гением урочища. Ниже, в моей статье «Остатки старинных верований у якутов», описан обряд, где бездетная женщина молит ребенка у духа земли, у дерева с ведьминым помелом (арыктях²), и на белую подстилку ее падает сүр (жизненное начало) в виде козявки или паука, смотря по тому, что родится: мальчик или девочка. И женщина это мигом проглатывает. Такое дитя (арыктях), впрочем, недолговечно и нравом вспыльчиво. Оно носит в себе следы происхождения: «чуть подует ветер, оно и колыхнется».

В былинке «Шаманки» Уолумар-шаманка приносит в руках мать-душу больного, спасаемого ее чарами, и его землю-душу. Она требует, чтоб ей дали в мужья больного, и тогда она спасет его: она вложит в него ушедшую было мать-душу, которую добыла, переступив три смеющихся порога демонских сил. А в противном случае грозит рассыпать землю-душу его. «И тогда гибнет сын твой!» говорит она отцу больного.

Поразительно могуча, страстна, полна поэзии бывает олоэхо.

Нас поражают преувеличения. Размеры героя и демонов грандиозны. Это напоминает картины Уэльса в его «Пище богов».

Вечное стремление человечества к полетам в воздух находит себе здесь выражение в крылатых конях, оборотничествах в птиц.

Время мало значит в этих сказаниях. Герои сражаются несколько суток, а то и месяцы и годы. Женщина вместо девяти месяцев может выносить ребенка и в девять дней. Рожденный ребенок может сразу стать на ноги.

Украшающие эпитеты не всегда удачны. Здесь поражает бедность поэзии: шелк, золото, серебро, драгоценные камни, брюшной жир (sic!), костный мозг (sic!) — вот чем оперирует сказка для выражения красоты лица, волос, губ, тучной, плодородной земли. Сравнения дико и странны: лес, например, сближается с отрезанным гладко хвостом коня⁴. Брови красавицы сравниваются с двумя горностаями, ногами друг к другу лежащими.

Еще невольно возвращаешься к языку олоэхо. Он звучен, прекрасен, и перевод, подчас, и не может передать всей красоты подлинника. Речь эта вычурна для нас. Язык лишен подчинительных союзов, почти не прибегает к относительным местоимениям, и придаточные предложения других языков выражает косвенными падежами абстрактных глагольных имен действия. Он страдает, с нашей точки зрения, длиннотами — излишним пристрастием к длинным периодам.

Что сказать о памяти певцов или повествователей олоэхо? Она, поистине, колоссальна. Это одно уже указывает на недюжинные дарования народа. Поражает, повторяем, и поэзия сказаний.

¹ По сообщению студ. Г. В. Башшева, человеческая душа состоит из следующих трех элементов: 1) буор кут — душа, которая по смерти человека вместе с телом остается в земле; 2) салгын кут — душа, которая по смерти человека остается блуждать в воздухе в виде ўбр-духа, и 3) сүр кут — главная душа, которая по смерти человека уходит во власть богов, претерпевая всевозможные превращения. *Ред.*

² То же, что оруктях. *Ред.*

³ Слушателям они таковыми не кажутся, — напротив, нравятся. *Ред.*

⁴ Сближается собственно не лес, а верхушки его дерев: издала кажется, что они как бы срезаны так же ровно, как срезывается хвост коня. Откуда же и черпать сравнения, как не из знакомого якуту материала? *Ред.*

И так эти стройные, поэтические и обширные по размерам сказания сложились и живут в памяти народной, переходя от поколения к поколению.

Здесь ищут выхода силы народные, здесь работа души народа, его интеллекта. Это не поэты цивилизованных стран, к услугам которых бумага и перо: эти поэты должны все создавать, все хранить не записанным в своей памяти. Конечно, эта способность бывает не у всякого. Масса художников прибегает к этюдам и по ним уже пишет картины. И когда находится художник, не прибегающий к этюдам, слава его бессмертна.

Эти произведения носят характер эпоса. Повторяющиеся украшающие эпитеты, повторяющиеся описания — все это найдем мы и в древнем греческом эпосе древних певцов Элады, одицетворенных в одном собирательном имени Гомера. И как там пред нами встает древняя жизнь эллинов, их быт, их оружие, строй их нравственных понятий, строй религиозных верований, так и в олоџо пред нами стоят древняя жизнь якутов.

Обстановка этой жизни в материальном отношении оставляет желать очень многого.

Нет и в помине хлеба. Едят только мясо домашнего скота, рыбу, пьют молоко, сливки, кумыс. Самым желанным, лакомым блюдом являются сало, жир, сливки. Самое отрадное питье — кумыс.

И в описаниях утвари дома героя много места отведено описанию кумысного меха, — с его пестом, мутовкою, — посудам для хранения кумыса, бадьям, бокалам.

В описаниях свадебных пиров угощению кумысом отведено главное место.

Далее, нет белья. Его заменяют шкуры животных. Правда, герои и божества одеты в соболиные, рысьи меха, лучшие бобровые, медвежьи. Но челядь героя и вообще знати — как бедно одета в телячьи, коровьи шкуры! Как и смешно и убого одета всегда коровница, эта комическая старуха сказаний!

Рубить дрова, косить сено, смотреть за скотом — на это есть многочисленная прислуга у знатных. Охота не представляет такой отрадной забавы, как у знати цивилизованных стран. Остаются подвиги.

В сказаниях невольно ищешь подвигов богатырей в их стычках с чужеземцами. Но в олоџо редко борются богатыри с земными богатырями. Нет, вся суть этих сказаний — борьба с демонами-выходцами с неба или из подземного мира.

Множество черт в олоџо характеризуют народ как гостеприимный, чуткий к горю ближнего. Но нельзя отрицать и проявлений диких выходов, необузданных поступков, решающей силы кулака¹.

Есть, хотя и немногочисленные, правды, указавшие на убийство престарелых родителей². Есть следы кровавых людских жертв.

Даровитый публицист А. А. Сухов в своей прекрасной работе «Религия в свете современного знания», в третьем ее издании³, говорит о религиозных представлениях якутов, поскольку они выясняются в «Верхоянском Сборнике» И. А. Худякова, «Остатках старинных верований у якутов» (мой очерк) и в «Образцах народной словесности» (приложение

¹ Как, например, не мотивированно груб, дерзок Эр Соготох! Сын его еще грубее, еще больше озорник.

² Это не преступление, а обычай. Так, отправленная сыном на тот свет мать является на небесах предстательницею за сына.

³ Государственное издательство Украины. 1923 г.

к моей «Грамматике якутского языка»). Он видит в борьбе Ёр Соботоха-а с Нјургун-ом и его матерью в образах борьбу между стихиями.

Это толкование поразительно по своей меткости. Оно проливает свет на все олоџхо, оно выявляет скрытый в них смысл.

Несомненно, что борьба солнца с зимой живет и в сказаниях о Дионисе и в мифах христианства. И, может-быть, правда, народ не только тешил себя в олоџхо картинами утерянного рая теплых стран, им покинутых, но и утешал себя победами короткого лета над жуткой, долгой зимой, в образах победных стычек героев олоџхо с демонами.

Во всяком случае, в олоџхо пред нами каторжная жизнь турецкого народа, как бы сосланного в неприветливые страны севера и почти одичавшего здесь, но громко и поэтически-страстно поющего на родном языке, прекрасном, звучном и стройном, жалобу на горькую судьбу.

Мои переводы произведений народного творчества якутов охватывают творения, записанные мною в Дююнском улусе Якутского округа б. Якутской области, при содействии интеллигентного якута того улуса, А. П. Афанасьева. Это — загадки, поговорки, пословицы, песни и олоџхо: Ёр Соботоха, Кулун Куллустан и Сун Цасын. Мною же переведены и две олоџхо, записанные Э. К. Пекарским. Это — Ёлбэт Баргян и «Шаманки»¹. Переводы всех этих творений возможны были лишь при содействии А. П. Афанасьева. При окончательном просмотре их я очень, очень часто прибегал к помощи «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского.

Женщина в олоџхо рисуется очень симпатичными красками. Она полна красоты, ласки, привлекательности. Очень часто по интеллекту она куда выше мужчины. Положение ее незавидное, впрочем, и рабское. Только становясь шаманкой, она могуча.

Одна из лучших олоџхо — это описание жизни двух шаманок, сестер. На ней надо остановиться подробнее. Во-первых, здесь куда меньше грубости нравов, диких боев, безжалостных поступков². Здесь нет и подвигов героев. Все победы за них одерживает посланный им с неба дядька их Суодалба. А, ведь, противником выступал Бура-Дохсун, сын грома. Он же помогает им жениться и устраивает им их домашний уют.

Но когда он завкается, чтобы ему самому помогли создать домашний очаг, он встречает ледяное равнодушие. Тогда Суодалба вскипает гневом, забирает самовольно часть домашней обстановки господ и устраивает себе особняк среди лесов. Суодалба, несомненно, протестующее начало низов народа против захвативших блага жизни оптиматов. И когда приходят к нему его господа, он не принимает их, гонит от себя.

— Не подходите! Вы самих себя сами губите! Убирайтесь прочь! — И те покорию уходят.

Сколько реализма являют олоџхо местами! Смело можно сказать, высоко-художественны картины кокетства, притворных любезностей, расточаемых плененной демоном

¹ Якутские тексты обоих олоџхо помещены в издаваемых Академией Наук СССР «Образцах народной литературы якутов», т. I (СПб. 1908, стр. 113—194).

² А все-таки есть они. Как обижена Суодалбою бедная дева небесных улусов Кыбы-Армэх! Как жалобно, горько плачет она, обиженная, обещанная: «К чьимх улусов народу моему, на чистые небеса мои с каким лицом пойду я? На небесных чистых дев каким лицом я гляну?»

молодой женщиной своему чудовищному искателю, чтобы утишить его гнев, чтобы спасти себя, ребенка своего. Но больше всего дышит реализмом опять-таки олоцхо «Шаманки». Как ярко образ скупой хозяйки! Как живая, стоит ревнивающая невестка с ее криками!

Кажется, не устал бы говорить о дивной поэзии олоцхо, наполнил бы статью выписками, дающими наглядное представление о красоте подлинника, и прямо заставляешь себя отказаться от этого — ведь читатель перечтает, и не раз, эти творения и без труда найдет и оценит в предлагаемом сборнике и красоты подлинника и посильную их передачу в переводе,

В борьбе с демонами герои часто терпят поражения, и победа достается только их детям¹. Здесь происходит то же, что и всюду. Напомним слова поэта:

«Каждый крик скорби замер в раскатах отголоска, каждая жалоба ветром развеяна, когда со своим изменчивым жребием вступает в жизнь новое поколение. Другой юности золотые дни, другого зрелого возраста высокий путь! Новая надежда, новая жалоба — все возникает вновь!»²

Встречающиеся в олоцхо угрозы противнику для незнакомого со старинным погребальным ритуалом якутов могут показаться не совсем понятными:

«Я тебя одену в погребальные одежды,
Я дам тебе кусьть смертных яств,
Я посажу тебя на смертного твоего коня».

Покойника снаряжали в тот край, «откуда еще ни один пугник не возвращался», так любовно и бережно, что невольно весь обряд вызывает в уме прелестное стихотворение Шиллера «Надовеский похоронный плач»:

Труп над вырытой могилой	Сбоку окорок медвежий —
Плачем огласим.	Путь его далек!
Все, что было другу мило,	Алой краски в руки вложим,
Мы положим с ним:	Чтоб, натершись ей,
В головах политый свежей	Он явился красякожижм
Кровью и монок,	И в страну теней!

Весь этот обряд описан в прилагаемой ниже статье «Остатки старинных верований у якутов».

О шаманах надо заметить, что не всегда они пользуются почетом и уважением: чуть что не так, он может получить в зубы. Прекрасную шаманку волочит привязанною за волосы к хвосту коня отвергнутой ею искатель. Очевидно, веления божества и вещатели этих велений тогда только хороши, когда они творят удобное нам.

Не мирится ум знатного, что над ним, если не здесь, так на небе есть высшая воля.

¹ И часто олоцхо получает название уже по имени сына героя.

² Jeder Wehruf ist verschollen,
Jede Klage ist verweht,
Wo mit seinem wechselvollen
Loos ein neu Geschlecht erhebt.

Andrer Jugend goldne Tage,
Andern Alters steile Bahn!
Neue Hoffnung, neue Klage —
Alles steht von neuem an!

Так, одна английская леди, когда ее пугали адом, возразила: «О! они двадцать раз подумают, прежде чем поместить туда особу моего звания!»

Раз зашла речь об аде, может-быть, не лишнее заметить, что выходцев преисподней заклинают рогатым скотом, а демонов неба конями.

Я мог бы привести здесь чудное место из «Шаманок», как Аигыр-шаманка не впопад заклинает конем выхода из ада. Но почему отдать предпочтение этому месту, этой олоцхо, этой черте верованай, этой особенности старого быта: все олоцхо прекрасны, все полны интереса, значения, и читать их — не потерянный труд.

БЫЛИНЫ

(олоҥхо)

Эр Соготох (Одинокий)¹.

На благословенном нашем свете, окаймленном лежачими горами — не то сдвинется, мол, — скрепленном стоячими горами — не то болтаться будет, мол, — обставленном каменными горами — не то козыхаться будет, мол, — где верх — земля, вода в середине, что дерном одет, проживал некий божий человек². В восьмипободной, восьмикрайной вотчине проживал он³, своеравный он был и запальчивый. С вышнего неба беду вызывал, напастей звал от подземного бесового племени, а с нашего света — непредвиденных бед.

Был он красавец собою и храбрец.

Ни почтенного государя-батюшки, ни почтенной государыни-матушки не звал.

— Если б я с неба упал, внем одет я был бы, а если б из подземного мира вышел, то землей покрыт я был бы! — говорил он.

Имя ему было Одинокий (Эр Соготох). Коши его бродили вольно, а рогатый скот разбредся без вести. Множество крылатой твари клало рядами цветные яйца. Суету, суето-лку подымали четвероногие — нашли себе уют надежный и плодился.

А посреди урочищ росло священное дуб-дерево. Корни его тянулись до Сихты⁴, ветви добралась до моря, до реки Татты⁵ доходили разветвления. Кора на нем была черного серебра, иглы золотые, шишки серебряные, громадные, ровно б то кубки заздравные зажиточного какого человека, листья широкие, широкие серебряные, береста серебряная;

¹ О значении помощи, оказанной А. П. Афанасьевым, как и о других лицах, помогавших мне при изучении языка и фольклора якутов, я упоминал уже в моей «Грамматике якутского языка» (Ирк. 1900) и выше — в статье «Народное творчество якутов» (стр. 8).

Печатаемую ныне поэму, при большом стечении работников, работниц, семьи А. П. Афанасьева и окрестных якутов, и громадной юрте вечером, при свете пылающего громадного камина, я слышала в исполнении певца. Это было в ноябре 1895 года.

Певец был родом из Мегинского улуса, Меньгеренского наслега, Якутского округа. Его имя Григорий Николаевич Свинобоев. Он был приглашен А. П. Афанасьевым нарочно для того, чтобы и ознакомился с якутскими поэмами из такого прекрасного источника, как этот певец, известный тогда среди якутов под именем Григория-певца. Поэму Эр Соготох он диктовал мне в течение шести дней, с 24 по 29 ноября 1895 года.

12 апреля 1925 г. Одесса.

Сергей Ястремский.

² Букв.: соделан был некий человек.

³ Букв.: создан был он.

⁴ Под Сихтой разумеется остров Ситха у берегов северо-американской территории Аляски.

⁵ Левый приток Аздана.

оно сочилось желтой влагой, каплями с яйца гоголя, и трепетало, роняя зеленую влагу каплями с яйца кряквы.

Однажды утром пришел сюда этот человек и так говорил:

— Ну, вот! О старшая сестра моя! Гений земли, кормилица, создательница! Вы девять молодых красавцев парней, травы украшающие! Вы восемь гимны поющих девушек, землю нарядами убирающие! От кого по крови я, чей я утробы? Каким божеством содан я? Не от рока ли веления на мне? Что на мочочном озере живет, с подножьем из беломолочного камня, Белый Создатель Господь, не от него ли я произошел?

Что у него все пятася люди, а скот все спотыкается, что слывет за гордеца, Важный Громадный Владыка — из его поколения самые вспльчивые, самые горячие, самые злющие, самые драчливые не придут же с вызовом, в бой не вступят!

Что о семи подпорах непоколебимая широкая преисподняя, с торными царь-проходами, с знаменитыми царь-дорогами, с опасными крутизнами, где волнами ходят знатные люди (мужчины) и льдинами (шугою) — знатные женщины¹, где зияют густым огненным туманом реоще долины, где над обомлевшими восьмью коленами-родами родоначальником стал Арсан Дуолап старик, с стойки завязнувшими в тине парнями, с лежащими расслабленными девизами, с знаменитыми ширококостными жеребцами и черными упрямыми быками, и восточный край, где очаг убийств и темных дел, не несут же несчастья!

Северной стороны оборотнических, вороватых и виглявых улусов самые искусные в оборотничествах, в схватке, в единоборстве, не быют меня по теменю, не обуздывают меня, не ломают рук, не ломают ног, высокое имя мое не понижают, не грязнят белое лицо мое, самого меня, добра молодца, не убивают!

Южной стороны несчастного холма владелец, одноногий Суодал-богатырь, проведавши, изведет ли шагнутом-болезню моих белых бегунов², растянувшихся до белого леса? Или сухоткою сведет моих черных круторогих бегунов², что бродят по черному лесу? Так их изведет?

На счастливом, благополучном буровой глины бугре есть, говорят, юрта, в тридцать комнат, с сорока стеклянными окнами. Она подперта восьмьюдесятью лиственничными подпорами — не пошатнулась бы, мол! Она девяноста лиственниц плахами скреплена — не колыхнулась бы, мол!

В этой юрте и родился он, говорят.

Ровно поле, стол-лабаз в ней, на нем, ровно озерко, драгоценного серебра тарелки, а на тарелках — восьми отгулявшихся кобылиц отборного сала и жиру доброго наложено, и все это самопроизвольно сварилось.

Он вверх режет и улетает, он вниз режет и глотает. Крепким кумысом горло поправляет, свежим кумысом глотку прочищает. Вот его пища!

¹ Тут разумеются души обоего пола, которые, подобно волнам и шуге, во множестве пропадая, беспременно и днем и ночью вывергаются в преисподнюю. (Толкование М. Н. Ионовой). *Ред.*

² Как и вообще в олохце, под белыми бегунами надо разуметь конный скот, а под черными бегунами — рогатый скот. *Ред.*

Глянул он на красный угол — домочадцев нет! Глянул на левую сторону — работников нет! На правую сторону глянул — служителей нет!

Чтобы ходить, медный пол был. Крыша тройная серебряная, с севера и юга тройные стены — стужа, мол, не прохватила был.

Был жаркий важный очаг; слово озерко, белым белый шесток; с седоватой бородкой, важный, почтенный, святой огонь.

Была так плотно захлопывающаяся дверь, что семидесяти человекам не распахнуть. Были такие широкие сени, что задыхающейся лошади рысью вдоль них не пробежать, и входная дверь такал, что восьмидесяти человекам, расставив ноги, не открыть.

Обильного вихрями белого неба града не задержит — гладкий, чистый двор был. А посреди двора с девятью резными украшениями главная коновязь.

Однажды утром расходился норов его, буйная кровь кинулась в голову, волосы на висках, как загоревшаяся сера, с треском вспыхнули, стаяло ему брюшные жилы, и сухожилые спины вытянулись. Златой пол пробивая, выбежал он на гладкий, что града обильного вихрями белого неба не задержит, чистый двор свой.

Он схватил с крюка свои серые лыжи, надел их и поехал в свою восьмибодную красивую, разубранную усадьбу.

От стремительности езды его вздымалось и ходило море, гулкое широкое небо белками обоих глаз глянуло, а преисподняя язык по грудь выпятила¹ — сказал бы: такая выюга поднялась. Град стал падать градинами с трехтравую корову. Приехал.

Гром сверху загрохотал, и крупный дождь хлынул. С четырех краев неба клочковатые, будто с головами и ногами, белые облака понеслись. Небо распахнулось, и прибыли на трех молочного-белых конях три молодых человека с серебряными жезлами, божии стремляные:

— Ну, вот! В смуты старых годов вскормленный Эр Соготох! Внимай! Обоими чуткими ушами слушай! Что ясное солнце, глазами твоими гляди! Ровно озерко, глубоким теменем виikai!

Мы прибыли доверенными вестниками, парочными послами. На молочном озере живущий, с подножьем молочного камня, белый дождь — питье его, Белый Святой Господь, дед твой, послал. Солнце-глаз, кумысный мех-грудь, Ясная Читмая Владычица, бабка твоа, та послала.

На западе, ровно б шерсть на загривке самца медведя, такой травой и деревьями поросшая, совсем черная страна — по ту сторону ее доезжай! Доехавши до перехвата семи дорог, будет тебе толстяк черный старик, с молодняком конями и коровами, с вещими девками, с ведунами парнями. Туда левым краем войди!

За девяносто дневных переходов слышится стук наковальни его горна — такая та страна. В буроватом бугре, в девяноста местах отверстом, приотившийся, с шумными, громадными — ровно белые кобылицы — мехами, с наковальней из плотного камня преисподней, с молотом — волна морская, с девяноста, как уголь, черными парнями угольщиками, с семьдесятю рослыми черными парнями слесарями, девяти кузнецов родоначалник, Гибель-Дуодарба² - Черный-Кузнец будет тебе. Туда войди!

¹ Т. е. поднялась сильная буря.

² Т. е. высокий и в короткой одежде. Ред.

В семь рядов плотного железа плыи вели сделать! В восемь рядов листового железа клинья вели сделать! В девять слоев каленого железа стан вели сделать! Чугунным черным камнем вели оторочить! Цветного камня пуговицы вели положить! Когда будут бить, чтоб не пробивалась, когда будут колоть, чтоб не ломалась, когда будут рубить, чтобы не иззубрилась — такую кольчугу вели изготовить!

Адского зверя костью вели натереть! В моче семи девц небесной выси вели закалить! В запекшейся крови сивны Ёксёкю-птицы вели отпустить! Чтоб с того берега леса губы и зубы молодого человека отражались в ней, а с южного склона леса девичьи глаза с бровями радостным трепетом переливали, такую саблю вели изготовить!

Из Кимен-Имен страны крепким деревом вели скрепить! Из Томон-Имен страны берестю вели покрыть! Клеем из пузыря пестрой Гибель-рыбы² вели склеить! Желью Ёксёкю-птицы вели окрасить! Вели тетиву поставить из прямой кишки³ крупного лоса! Такой, как извив долины длинной, грохочущий роговой лук вели сделать!

Спорые, пернатые, горячие черные стрелы, как опушка шубы небогатой женщины, вели сделать! В девяносто пудов бузаву вели сделать! В пятьдесят пудов гладкого черного камня ядро вели сделать!

Это заказать отправился он.

И поехал он по совсем черной стране, поросшей такими деревьями и травами, как шерсть на загривке самца медведя. И показался, впрямь, приютившийся в девяноста местах отверстием буроватом бугре девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец.

Он к нему подъехал: сидит тот среди костра! Подъехавши, стал глядеть через главное окно и стал ему рассказывать свое поручение:

— Ну, вот! Девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец! Сударь дедушка мой! Здорово!

Своими чуткими ушами разбирай! Что солнце, ясными, зоркими глазами гляди! Ровно б озерко, глубоким, провицательным теменем внимай!

В семь рядов плотного железа плыи сделай! В восемь рядов листового железа клинья поставь! В девять рядов закаленного железа стан сделай! Чугунным черным камнем оторочь! Цветного камня пуговицы положи! Когда рубят — чтоб не щепилась, когда секут — чтоб не шербилась, когда бьют — чтоб не пробивалась, такую железную кольчугу сделай!

Адского черного зверя рогом натри! Семи дев небесной выси мочью закали! Ёксёкю-птицы сивны запекшеюся кровью отпусти! Чтобы с того берега леса зубы в губах молодого человека ослепительно в ней отражались, а девичьи глаза с бровями с южного склона леса в ней радостным трепетом играли — такую саблю мне изготовь!

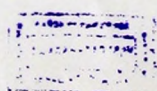
С Кимен-Имен крепким деревом скрепленный, с Томон-Имен берестю отделанный, склеенный клеем из пузыря пестрой Гибель-рыбы, раскрашенный кровью льва-зверя и

¹ Сказочно-шаманская птица о двух или трех головах. *Ред.*

² Т. е. рыбы нижнего мира (букв.: гибельной рыбы, рыбы смертного места). *Ред.*

³ Собственно: из кожи у заднего прохода. *Ред.*

1. 2. 3.

желью Екскю-птицы, с тетивой из прямой кишки крупного лоса, как извив громадной долины, роговой гузкий лук изготовь!

Спорые, пернатые, горячие черные стрелы и девяностопудовое из гладкого черного камня ядро сделай мне! Плату тебе вдоволь дам. Я отпладирую тебе шершавые твои тиски. Заново поставлю обветшавшую твою наковальню.

Девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба-Кузнец изготовил эти доспехи и сдал их все.

Этот человек надел это на себя.

Девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец плату свою просит:

— Вот! вот! вот! Чтобы на долю выпало мне на лето четыре махровые жерди установить, а на зиму восемь важных, толстых столбов воздвигнуть, на, ровно б озерко, большим шестке седую бородку — святой огонь зажечь, уютный дом построить, родить запоздалых детей, поздний скот водить, возжелал я, славу ее слыша, и таяло сердце, слыша молву о ней.

Она — дочь Арсан-Дуолама старика, что стал родоначальником восьми обомлевших-колен-родов, где торные царь-проходы и знаменитые древние царь-дороги, где опасные крутизны и выгою обитые холмы, где заики кукушка и косноязычные вороны, где волнами ходят знатные мужчины, где реют огнем открытые долины.

Она девяти сынов его последыш и родилась позже всех из восьми дочерей его. Она зрачок его глаза — глянц на нее, белизна зубов его — попробуй вырвать, отпавший кусочек его заключенного в сумку владыки-сердца. На коня верхом не сядет: грех это, слава пойдет, мол! Щебечущий-клюв-журчащее-небо-Никы-Харахсын-девица. В плату мне привези мне ее!

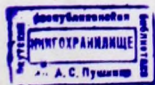
Эр Соготох туда отправился, прямо на запад поехал. Мутной, как уха, страны, где, ровно б заячий желудок, выщербленное солнце, где все навыворот, все опрокинуто и ночь стоит непроглядная, торного царь-прохода достиг он, древней знаменитой царь-дороги, опасной крутизны. И тогда на пути возговорил:

— Вот! вот! вот! Заика кукушка, зловеще не кукуй! Торный царь-проход, помех не чини! Древняя, знаменитая царь-дорога, препятствий не ставь!

Я иду именно к старика Арсан-Дуолану. У меня цель детей запоздалых родить, поздний скот водить.

Щебечущий-клюв-журчащее-каменное-небо-огонь-купный-голый-хвост-Никы-Харахсын-девушку в жены взять вду я.

Дашь ты, возьму, не дашь—возьму. Добром не отъеду я: я посажу тебя на смертный конь, я одену тебя в смертную одежду, я снажу высокое имя твое, белое лицо твое изгряню!

Так, говорят, сказал он.

Это услышала, желтолицая, в замшевом платье, в железном колпаке, с железными и медными серьгами демонова девка услышала. Она, остромордою серою мышью оборотившись, наза, говорят, в громадный домину, вынырнула пред отцом и матерью.

А затем возговорила так:

— И беда, и напасть, и путаница! А я радешенька!

Густой туман — мои напевы, снег и дождь — мой крик, черная мгла — моя песнь, ураган — моя весть!

О матушка милая! Внимательно слушай обоими твоими чуткими ушами и, что ласковое солнце, глазами зоркими всматривайся!

О батюшка милый! Ровно б озерко, глубоким теменем вникай!

В смуты старых годов вскормленный, в брани прежних годов домом заживший, в деянья былых годов родившийся, Эр Соготох именем человек, с торожистым телом, с гнойным мозгом, с телом от земли, с разумом от ветерка, с дыханьем от ветра — этот человек прибыл!

Глянь — зеницу твоего ока, вырви — белизну твоих зубов, — так сравнивают, — из средины твоего владыки-сердца выпешдую, щебечущий-клев-журчащее-каменное-нёбо-огонь-куцый-голый-хвост-Някы-Хараксын-дэвицу, дитяtko твоe, взять я пришел! говорит. Дашь — возьму! говорит. Не дашь — возьму! говорит.

— Вот туда! — говорит старик: — Ни родившего отца не знаем, ни вскормившей матери не ведем, ни от кого по крови — не знаем, ни чьей утробы — не ведем, не отдам такому! На мой счастливый бугор, в мою благополучную страну не приходило еще так вертеть мною демоново племя! Не даю моего дитяти!

Тогда с своего осьминожного лабаза железного, с подстилкой из листового железа, с одеялом листового железа, с плотного черного камня подушкой, осьминогих чудиц-бесов девка, щебечущий-клев-журчащее-каменное-нёбо-огонь-куцый-голый-хвост девушка, Някы-Хараксын по имени, подошла к отцу и матери и слово сказала:

— О матушка милая! Уже давно необманные приметы были у меня, что придет мой муж. О батюшка милый! Еще в прежние ночи все тот же сон беспрерывно видела я, что придет муженек мой! Значит, святой земле определена я. А я родилась, когда исполнилось семь веков, что Смертного-боя-шаман в течение семи дней и ночей по заказу вашему справлял обряд разрезания веревки, чтоб дети родились у вас. Принесите мне мою нанковую шапку, опушенную кожей с голов девяноста человек, и обвесьте кистями костей затылков семидесяти человек! Скорее принесите мое ожерелье из позвонков восьмидесяти человек! Мои панталоны внесите, ребрами девяноста человек увешанные! Обувь мою внесите, шпичками зубов семидесяти человек усаженную! Коральки и жемчуг навесьте на меня! И принесите мне мое хорьковое опахало! Ведь я, теперь суженая чужеземца. Ухожу я!

Старик сказал:

— Старуха! Внеси мне ту одежду, что в молодости носил я!

Разрыли амбар и принесли его одежду. Надели на него железную жесткую куртку, форменные железные штаны, железные сапоги и в семи местах до дыр занашенную шляпу

железную. На железных костылях вывели его. Вывели на двор, в девяноста местах дыривый. Оперся он там о коновязь о трех перехватах.

— Ну, покажите мне этого человека! — сказал.

Один парень с железным крюком по груди его вверх взбежал, зацепил и потянул вниз нижние его веки. Один парень с крюком по хребту вверх взбежал. Он, упираясь ногами в его рябое каменное темля, верхние его веки зацепил и вверх подтянул. Своими голубыми бусами векинул он:

— Фу! — сказал он. — Не даю дятя мое. Для дитяти моего не подходишь ты! — говорит. — Уведите меня, парви!

Он подошел к железному амбару. К замку, что висел, ровно б живот лежачей коровы, из кармана вытащил ключ. Дверь амбара настежь открыл.

А туда поглядеть — к железному столбу железным канатом прикрученный, с черной, как столб, ногою, росшей из паха, и та нога у бабок цепью закована, с рукою, ровно б десять лопат громадных, вороватую, загребистую, выросшею из грудной ямки, и та рука у запястья железною цепью скована, с дюжею черною шеею, железною цепью у горла закованною, с железными волосами, что роца сосенок, смолистыми пупырышками покрытых, с глазом посреди лба, ровно б озеро вымерзшее, с железными торчащими ресницами, с высоким переносьем, ровно б кость спины захудалого быка, с седой бородой, как медвежий нагрудник старянных людей, с раскрытым, ровно овраг, ртом, с семью зелеными громадными зубами-скобелами, что семь обгорелых черных пней, и с длинным чумным языком человек стоит! Ему слово сказал старик:

— Вот! вот! вот! Ты был сереброгрудым жаворонком моим. Ты был моим златогрудым птенчиком. Ты должен был поднять мои серебряные кости, златые кости мои в гробницу положить. Ты искрой моего огня быть должен был. Это мавзолей будет на моем пепелище! говорил я. Так вот: в смуты давних лет искормленный, в брани прежних лет жильем обзаветшийся, в делния былых годов родившийся, Эр Соготох именем, человек при-был. Завтра вызовет он на бой. Ты пойдя туда, побороться попытайся!

На это стоящий человек улыбулся, приподнялся края губ, и глухо он засмеялся. Просиялся его на девять пальцев грязью покрытый нос, кровавыми злыми глазами взглянул он, седая борода его задвигалась туда и сюда. Он слово сказал:

— Ой! ой! ой! Почтенный сударь батюшка! Ты в мрачную темницу заточил меня! Уютно устроил! Ужасный дом мне воздвигнул, на целых три года! Мое большое каменное горло наполни! Дай чего-нибудь гнить в моем громадном каменном чреве! Знаменитую мою каменную глотку услади! Если это из таза лишь женщины вышедший человек, то отчего ж не бороться мне?

Старик пошел в дом. Велел целиком изжарить и коней и коров, натолкал ему в рот.

Мутное, как уха, небо просиялось. Как заячий желудок, выщербленное ржавое солнце краешком вышло.

Затеяли привести этого человека. Раскрутили со столба железный канат, расковали железные цепи. Ну, привели!

Тут якут-человек оперся на пальмú и слово сказал:

— Ну, вот! Из какой ты страны, бездельник? Какой страны ты изва? Я ударю тебя

по темени! Обуздаю тебя! Свнжу высокое имя твое! Искрошу тебя, добра молодца! Я исчерню твое белое лицо! Я посажу тебя на смертного твоего коня! Смертные яства дам вкушать! В смертные одежды облеку! Выходи, сейчас же! — сказал.

Этот вот демон своєю воровскою загребистою, ровно б то десять громадных лопат, рукою сгреб было его за темя. Но тот под мышками у него проскочил. И тогда пальмою трехгранное его громадное сердце раскромил и главную боевую жилу, что у хребта, вздымаясь, идет, рассек. Девять голых, что поперек стояли, белых холмов охвативши, демонов сын навзничь упал. Ровно б десять лопат, загребистой ладонью стал он, лежа, бить по земле. И тогда слово сказал:

— Ой! ой! ой! — заплакал, застонал. — Почтенный сударь-батюшка! гляди на долю мою добрую да радуйся! Солнышко-государыня-матушка! смейся при вести о смерти моей! Двукружная, двукрайная, широкая, клокочущая государыня-земля моя! — говорит: — серединой твоей ты разверзлась, ты прочь убрала твою толстую дверь, тяжелые прясла твои отвалила, лихо наслава! С горем одинок я, знать! Ни бога, знать, нет у меня, ни талану, ни доли! Ой, Эр Соготох, друг! Не мучь ты меня, старика, друг! Еще раз порази!

На то Эр Соготох сказал:

— На добрую лошадь одна плеть, а у хорошего человека слово одно. Обойдешься и этим, негодяй!

Тогда демон этот тридцать дней, лежачи, трепыхался и издох.

Тогда Эр Соготох во славу месяца и солнца прах его развеял.

После того старик велел вытолкать на двор ту свою дочь, что раньше не отдавал, со словами:

— Пусть берет эту женщину! — Потом: — Не разорил ли землю Эр Соготох? — спрашивает у парней своих старик.

— Не разорил! нет! — сказали.

Ну, одновременно с этим, Эр Соготох схватил за ворот ту девушку, туго притянул к спине своей, надел свои серые лыжи, торными знаменитыми проходами поднялся, знаменитыми древними путями-дорогами в свою землю поехал — в путь отправился.

Такою землею, где выбоины по печень, а кочки до колен хватают, такою странною поехал, и девяти кузнецов родоначальника, Гибель-Дуодарба-Черного-Кузнеца буроватой горшечной глины бугор-дом показался.

Увидевши это, Эр Соготох еще на пути возговорил такие слова, как говорят:

— Ну, вот! Ну, вот! Сударь-дедушка! От знаменитых из чужеземцев, издаалека взял я в жену женщину и везу ее. Летом четыре жерди с пучками веток наверху укрепи (= летнюю берестяную юрту, — урасу, — поставь)! Зимую восемь больших основных столбов поставь (= зимнюю юрту построй)! Вушительно-важный огонь зажги! Устрой парядный дом! Запоздалых детей воспитай! Опознявшийся скот вскорми! В постели лежать равную тебе я привез, с тобою жить суженую.

Женщину, что вез на спине, старику бросил. Старик поймал ее в руки. Старик повес женщину в дом. Главное окно дома настезь раскрыл. Войдя в дом, жену свою левой рукою под мышками зажал. Затем, прощаясь, благословляя Эр Соготоха, сказал:

— Таки-так! таки-так! таки-так! Впереди тебя всюду пусть идет великое, с голову

шестигодовалого коня, счастье, а за тобой следом широкое изобилие — такое, как десяти-саженный стог сена! А рядом с тобой пусть идет с прекрасной лосиной шкурой на плечах, с полными руками добра, всем явно богатый, щедро и обильно наделяющий Богатый Владелец всего ¹ дед твой! Дитя мое! У кого стрела, берегись, не падай! Дитя мое! У кого лук, смотри, не вались! У кого крепкая грудь, пред тем не робей! У кого хлесткий язык, не отступай! У кого огненный взгляд, не убегай! Прощай! — сказал.

Эр Соготох пустился в путь. Прибыл он в восьмибодную, осьмикрайнюю страну родную.

Как перед отправкой зажег огонь, так он и трещит - горит. Сейчас туда бросился он.

Как широкое долина-поле, светлый стол поставленный стоит. Словно маленькие озера, сверкают блеском поставленные серебряные тарелки, наложено грудами в шейного и брюшного жира восьми яловых кобылиц. Подошел Эр Соготох, на новую, разубранную фигурными закроймами, мамонтовой кости скамью сел. То вверх режет, улетает, то вниз режет, упи-сьвает — ест. Все это поел, навзничь повалился, заснул, захранел. Тридцать дней месяца спал. Вскочил, побежал. И голубых пучки и водою темных глубин начисто обмылся.

Поел, как обыкновенно, схватил большую пальму, распахнул дверь. Обильного вихрями белого неба граду не задержаться — такой гладкий, да покатый, да чистый двор у него, туда бросился, надел свои серые лыжи.

В осьмибодную, осьмикрайнюю землю свою поехал.

Как приехал туда, с четырех углов неба пришли белые облака клочковатые (с головами да с ногами), а небо разверзлось.

После того на трех, что молоко, белых конях, с тремя серебряными жезлами в руках, юные божья стремянные предстали и речь говорили:

— Ну, вот! В смуты былых годов вскормленный, в невзгоды минувших годов рожденный, в битвы прежних годов на жилье осевший, Эр Соготох удалой!

Твоими двумя чуткими ушами слушай внимательно! Что солнце, ясными твоими глазами пристально гляди! Головы твоей пронизательной, ровно б озерко, глубоким теменем чутко вивай!

Мы пришли, как доверенные гонцы, как послы нарочные. На молочном озере жилье его, сам, что молоко, белый; белый дождь — питье его, Белый Создатель Господь, дед твой, послал. Солнце-глаз, кумысный кожаный мех-грудь, серебро-переносье, Ясная Почтенная Государыня, бабка твоя, — та послала.

Как раз отсюда, держа путь в сторону восхода летнего солнца, поедешь, — молодой ты, а, изнурившись, достигаемой страны достигнешь; гулкое широкое небо, что волнистые журавлиные перья, свисает, а преподняя, что лыжи тунгусские, дугою выходит — той страны достигнешь. Есть там человек по имени Медный Божий Господин; дымокур его, что солнечного дня шар, реет, а дым — что легкий туман месячной ночи; прбруби на восьми-проточном маслоподобном море у него.

Девять, молодым журавлям подобных, сынов у него, так за ними; восемь, статным стерхам подобных, дочерей у него, так младшая из них; глядеть — с зрачком его глаза равняют,

¹ Геней охоты.

вырвать — с белизной зубов его сравнивают; заключенного в сумку владыки-сердца его комочек это отвалился. Самки дося сосков молоком вспоенная, костным жиром дося умащеная, лосниным мясом вскормленная; с трех долин собранными прекрасными, отборными рысьими да собольими мехами закутанной воспитываемая, Мотылек Красоточка Белая Юкэйден по имени. На эту-то женщину восемь божеств назначение дали, Властитель рока, Господин дед твой, указал, вскормившая тебя Хранительница сказала:— Это, говорит, судьба твоя; поезжай, говорит; поздно явившихся на свет детей породы, говорит; запоздавший скот вскорми, говорит; летом поставь, говорит, четыре счастливых жерди с веточками на концах; зимой, говорит, вколоти восемь основных толстых столбов; священный - важный, говорят, огонь зажги; нарядный дом, говорят, устрой!

Уехали. Эр Соготох удалой к восьмиветвястому священному дубу-дереву пришел. И тут возговорил:

— Ну, вот! Земли владычица, нарядная, красивая государыня-тетушка! Отчины владычица, кормилица, создательница, государыня — старшая сестрица моя!

Ясными, что солнце, глазами ясно взгляни! Двумя, что полный месяц, круглыми чуткими ушами вслушайся, пронизательной головы твоей теменем, ровно б озерко, глубоким, ласково внимай!

Грудью спшибиться воззамерился отправиться я, с знаменитым столкнуться, с сильным поборотся, с быстрым в беге померяться.

Превосходному не дай превзойти, нечаянностям не подвергай! Лихому не дай обидеть! Прости! — сказал.

И вот восьмиветвястого священного дуб-дерева гений, отчины владычица, кормилица, создательница, государыня — старшая сестра его, сейчас же явилась. Серебристых соболей доху накинула, пятнистой рыси шапку набекрень набросила, лучших волчьих шкур шароварами колени охвачены, пятнистой рыси передних лап рукавички надеты, серебристых соболей задних лапок сапожки обуты. Что ласковое солнце, глазки ее ясно глядели, что рай, светлое личико сияло, блестящие, кумысному меху подобные, с сосцами перси ее вздымались, белели одетые мехом колени. С тремя отверстиями пеструю гадаальную ложку держала, семью зелеными травами, как онахалом, себя обвевала. И сказала, говорят, государыня эта такие слова:

— Ну, вот! Ниспошли! Даруй! Да будет так! Дитяtko мое! У кого стрелы, не падай! У кого лук, не вались! Перед крепкогрудым не робей! Пред грозным взором не поскользись! Пред сильным не споткнись! От скорохода не отставай! Лихому в обиду себя не давай! Чарам не давайся! Ниспошли! Даруй! Прости! Сосцов груди моей пососи! на!

Он пал на колени и стал сосать.

От груди своей оттолкнула и вмиг исчезла.

Эр Соготох прямо на восток в путь отправился. Зиму лютую по снегу спознавал, лето жаркое по дождю, осень позднюю по морозящему снегу.

Одни, ведь, а, как пятьдесят человек, бесновался. Как палец один, а гаму-веселья на восемьдесят человек. Одним - один, а крику, а шуму на девяносто человек.

С небес беду великую он звал, из подземного мира молил невзгоды, с земли — гибель несущее племя.

На небе, среди облаков, песни гул слышался:

— Дуралла, дуралла! На подрагивающих плечах, что дивные полосы бересты, железные крылья у тебя, о трех горбах горбатая, ржавобурая кобылка моя! Семена, семена, рысцой потрухивай!

Земля, откуда приехал я, имя Роковая Царица, имя родной земли моей Беспросветная Царица. Юрты моей имя Клокочущая, кровных моих имя Вороватые Иноходцы. С святого неба родом я, а мое имя Громадный Верзила.

Что пар ясного дня, дымок у него, что легкий туман месячной ночи, дым его, на восьмипроточном масляном море прорубь у него — Медный Божий Господня по имени, говорят.

Про него-то справляюсь, дорогу выведывая, а на уме держу его последыша по девяти, молодым журавлям подобным, сынам его, младшую из восьми, белым стерхам подобных, дочерей его.

Ее-то, лосихи сосцов молоком вспоенную, лосиным костным жиром умащенную, лосиным мясом вскормленную, с трех долин собранными прекрасными, отборными рысьями да собольими мехами укутанной воспитанную, Мотылек-Красоточку, Белую Юкэйдя, се-то в жены хотят взять.

Есть Потенный Громадный Господня, люди у него вечно пятаются, а скот все подается назад, дородная жена у него (Громадный Жернов), так вот сын его, Господня Култ по имени, он-то меня святом послал.

Такими словами закончилась песня, перестал петь. А тогда Эр Соготох возговорил так:

— Ну, вот! Зрячие глаза твои покрыло, уши заклепало, мысль твою развеяло! Последний толк отняло! Важничашь ты, собачий сын, что ты, мол, родом с святого неба. Хвастаешь ты, что ты, мол, Громадный Верзила богатырь: демонов ты сын! Ну-ка, скорее спускайся! Потягаемся, померяемся! Я тебе голову разобью, обуздаю тебя, толстую шкуру твою искромсаю, черную кровь твою выточу, крепкие кости твои измельчу!

Не успел сказать он это, как сейчас же осьминогих чудищ-демонов сын спустился с метелью, криком, градом, вихрем и вьюгой. Стянул он вершинами семь лиственниц и за ржавый ловод привязал к ним свою ржавобурую кобылу, о трех горбах горбатую. Поглядел он из-под своей загребистой ланы, такой громадной, как десять лопат для отгребанья снега. Откинул шапку, стал своими загребистыми громадными десятью пальцами чесать щетину свою, что проступала пупырышками, как проступает смола на смолистой сосенке, и зашуршали, посыпались зеленые шиш, как водолюбы на лесном озере. И заговорил он так:

— Ой-ойшеньки! Бедняжка! бедняжка! Где тебе, с твоими ли руками вступать в бой да кровь выпускать! Ах-ах! вот такой-то бедняга, с такими-то растопыренными десятью пальцами, выступает противником, кости выламывать да сокрушать! Убирайся туда, откуда пришел! В родную землю свою проваливай!

Тут, как загоревшаяся сера, вспыхнули огнем волосы на висках Эр Соготоха удалого; как лук, туго стянуло его короткие ребра; сининные жилы назад стянуло, а жилы печени стянуло в трубку, и так возговорил он:

— Ну, вот! Какой страны ты вищий, кривая сволочь? Гляди-ка на соль его клюва! Но в какой же стране не найдется отчаянного! Гляди-ка на яд его уст! Гляди-ка на досаду чудищ-демонов сына! Как повалившуюся елку¹, поставлю тебя! Выцветшие затесины кровью я смажу! Посажу тебя на твой смертный конь, в смертные одежды одену, смертную пищу дам вкусить! Это будет прощальный твой путь!

На это этот демонов сын сказал:

— Попробуем стреляться!

— Стреляться, так стреляться! — ответил.

Демонов сын каменную гору до основания отвалил и щитом себе поставил.

Человек чистого мира земляную гору до основания отвалил, щитом себе поставил.

— Стреляться будем! — сказали.

Чистого мира человек сказал:

— Ты первый!

— Первый, так первый! — сказал демонов сын.

Вытащил ржавый свой лук и с широким наконечником стрелу. Припал на колени, от одного до другого уха натянул и сказал:

— Друг мой! Гляди-ка на силу моего-то большого пальца, на меткость!

С этими словами грянули его два большие пальца, словно удар грома в сильную грозу. Стрела пробила земляную гору. Человек успел упасть навзничь, и стрела пролетела, как раз, мимо груди его.

Демонов сын обрадовался и стал скакать большими прыжками:

— Что же будет, как выстрелю еще? От одного ветра моей стрелы ты падаешь, валяешься! Чем же ты так славишься?

На это Эр Соготох схватил свой, что излучина большой реки, громадный, гулкий роговой лук и спорую пернатую, струя горячая — черную стрелу, от одного до другого уха натянул и, присевши, возговорил так:

— От богов благословение на мне было, от Рока веления, и парни и девушки даны в удел мне были Гением отчины.

Стрела моя, дитячко! Ни горы, ни преграды пусть тебя не остановят, не застревай в ивовых кустах, не попадай в неровности почвы!

Пробей насквозь его в сумку заключенное громадное сердце и выпуклую жилу, что у хребта! Понизь его высокое имя! Белое лицо его изгразни!

И огнем вспыхнули его два большие пальца — как гром в сильную грозу, грянули.

Свалил он каменную гору до основания.

Демонов сын вверх подскочил и нырнул за пределы западного неба.

Эр Соготох, надевши свои серые лыжи, отправился прямо на восток.

¹ Веху с затесинами.

Едет он прямо на восток и доезжает до того Медного Божьего Господина, что владеет тремя белобулаными урочищами. Ну, доехавши туда, глядят.

Аи, глянь, стала виднеться золотая юрта. Верхние три рода толпою испали: Громадного Дородного Господина (что знаменит своим чванством, холодным домом и забиячеством) сын Господин Кулут, говорят, прибыл свататься к дочери Медного Божьего Господина, — с демонским своим племенем прибыл.

Медному Божьему Господину:

— Дочь твою взять прибыл я! — сказал он. — Дашь ты или не дашь, тихо и мирно не уеду, а возьму. В случае не дашь, так разорю твою усадьбу, омрачу твои ясные дни, весь окрестный племя-народ твой до основания уничтожу, прахом развею.

На это Медный Божий Господин возговорил:

— Дать отчего не дать? Дал бы тебе я. Да раньше тебя присватался Нюргун могучий по имени. Земля его на севере, и владеет он там огнем реющим морем. Он раньше тебя взять приезжал и свата засылал, и придет в полнолуние того месяца. Теперь отправляйся ты! Убей того владельца огня реющего моря, Нюргуна могучего! Когда убьешь его, дам тебе свою дочь.

Тогда Господин Кулут отправился, с демонским своим племенем отправился. Священный важный огонь Нюргуна могучего погасить намеревался да разорить его отчину, высокое имя его подрезать, самого добра молодца убить, с грозным, сильным народом своим отправился. Поехали они прямо на север.

И вот приехал к Медному Божьему Господину Эр Соготох. Приехавши, застал он дома Медного Божьего Господина.

С зычным голосом он был, с большим кадыком, с окладистой бородой, старый господин был. Ну, старик возговорил:

— Ну, вот! В смуты былых годов вскормленный, в битвы прежних годов на жилье осевший, в схватки старых годов родившийся Эр Соготох удалой!

Обоими своими чуткими ушами внимай! Ясными, зоркими глазами пристально гляди! Проницательной головы теменем, ровно б озерко, глубоким, внимай!

Отчего бы не дать тебе мое дитяtko? Лучшую часть белых бегунов, что до чистого леса растянулись, дал бы тебе, а из черных моих бегунов, что до темного леса дотянулись, самых отборных да круторогих дал бы. Что в сумах хранится добро, и оттуда самое лучшее дал бы. Да до тебя владелец моря, Нюргун могучий по имени человек, приходил. Он обещал прибыть в полнолуние того месяца. Туда отъехавши, священный важный огонь его погаси, нарядный дом его разори, омрачи ласковое солнышко его, высокое имя его срежь, его самого добра молодца убей!

Услышав это слово, Эр Соготох прямо на север отправился. Вслед за Господином Кулутым быстро поехал: из-под ног его земля пылью рассыпалась по вершинам лиственниц. От стремительности его бега вздымалось и бушевало море.

Еще до середины пути вагвал. Пальмью искрошил он людей Господина Кулута. Длинные их кости бревнами поплыли, малые кости прахом пошли, а кровь кровавыми ручьями. Больше половины людей его погибло. Посмотрел на это Господин Кулут и возговорил:

Труды Ком. по изуч. Якутск. АССР., т. VII.

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой! Ой-ой-ой! Парни! Да ваши глядящие глаза покрыло, да ваши слышащие уши заклепало, что ли? Да, ведь, это едет в смуты былых годов вскормленный Эр Соготох удалой! Известный чванством Дородный Господин отец мой говорил, да и Дородная Госпожа моя мать говорила: — Смотри, не вступаи в битву с Эр Соготохом! — говорили они. Эр Соготох удалой, ведь, это едет, — как раз тот человек, что разгонит кровь у Нюргуня могучего удалого, поразит его в темя, обуздает его, толстую кожу его искромсает, выточит его черную кровь, истрошит его крепкие кости, день ясный омрачит, разорит его усадьбу, священный важный огонь его погасит, понизит его высокое имя! Вот кто едет! Эр Соготох удалой! Прости, паренек! — сказал.

Отлетел в вышнее небо.

Эр Соготох прямо на север поехал. Доехал он до того реющего огнем моря, что за три дневных перехода не допускает к себе. Поверх этого моря птица не перелетит, а низом мышь не прорвется.

Прибывши туда, стал он смотреть.

С того берега моря голубыми сполохами пышет огонь. А из-за огня вылетела черная поджарая птица с такими железными крыльями, как две дянные полосы бересты, и с такими перьями, как сабли, с поджарой железной семисаженной спиной, с железной трехсаженной шеей, с железным хвостом, как в трубку свернутая береста, с громадной, как чан, головою, с такими, как чашка, глазами и с крючковатыми железными когтями. Летит и выговаривает такие слова:

— Ой-ойшеньки! Ой-ойшеньки! Лечу я караульным дяди моего, Нюргуня могучего удалого: Эр Соготох едет, говорят.

Была там Гибель-осина, трехветвистая. В глубине ветвей было, ровно десятисаженный стол сена, гнездо. Птица эта прилетела туда и там села.

Увидел это Эр Соготох, схватил свой, ровно б излучина долины великой, гудкий роговой лук, что обделан был кренивым деревом с Кимен-Имен, березою с Хаман-Имен, берестою с Томон-Имен, да склеен клеем из пузыря пестрой, Гибель-рыбы, а выкрашен львиною кровью и желчью Ексёку-птицы. Вытащил свою спорую, перчатую, горячая струя-черную стрелу, припал на колени, натянул до самих ушей и стал смотреть в сторону той птицы. Птица прилетела и уселась в свое гнездо.

Загремели два его большие пальца, — как в грозу гром, грянули. Стрела его пробила той птице остреем своим ее громадное трехгранное сердце, перерезала большую боевую жилу, что у хребта.

Снизилось высокое ее имя, сама она, молодец птица, сгнула, упала в середину моря — погибла эта птица.

Этот Эр Соготох стал кататься-валяться. С жабрами назад, с чешуею навыворот Гибель-ершом рыбой обернулся, в середину огнем реющего моря кинулся.

Деять дней и ночей плыл он, доплыл до громадного бугра с выходом на вершине. Тогда вышел, принял свой собственный вид, пошел вверх и возговорил такие слова:

— Ну, вот! Нюргун могучий! раскрой твои два чуткие уха, взглядишь твоими ласковыми, ясными очами, провинцательной головы теменем, ровно б озерко, глубоким, полностью выйкай! Из дальней стороны, распранивая, из знаменитой страны, выведывая, из именитой

страны нарочно прибыл я, чтобы белое лицо твое изгряднить, высокое твое имя понизить, тебя, добра молодца, убить.

Священный важный огонь твой я погашу, нарядный твой дом разорю, ласковое солнце твое омрачу, разметаю твою отчину, уничтожу племя-народ твой!

На смертного коня посажу тебя, в смертные твои одежды одену тебя, смертную пищу твою дам вкусить, в последний путь отправляю тебя, в темя поражу тебя, обуздаю! Вставай! Выходи!

На это лежавший в доме человек, Нюргун могучий, голосом заговорил, слово сказал:

— Ой! ой! ой! Эй ты, паренек! Эр Соготох удалой! Пусть завтра мутноватое, как уха, небо мое прояснится и похожее на заячий желудок ржавое солнце мое взойдет! По ту сторону огнем реющего моря моего есть чистое поле, гладкая каменная страна. Завтра туда иди! Ну, чей талан верх возьмет, чье счастье лучше!

— Иду.

— Иди, парень! — сказал.

Когда глядит Эр Соготох удалой, и, впрямь, прояснилось мутноватое, как уха, небо, взопло на заячий желудок похожее, выщербленное, ржавое солнце!

Тогда Эр Соготох оборотился соколом с белой полосой вокруг шеи, с пуховыми круглыми комками на хвосте¹ и полетел. На восточный край огнем реющего моря спустился. Прилетев туда, стал смотреть.

Глянь, ан такой человек стоит там: весь железный человек стоит! Стаг смотреть на этого человека: по верхнюю обшивку подштанников в железной куртке был он, в железных штанах, в железных сапогах, железные были у него и рукавицы и шапка.

Он был об одной черной ноге, что столбом росла из паха. Громадная vorovataя рука росла из грудной кости. Был у него один только глаз, как раз посреди лба, такой, как вымершее озеро. Переносье у него было громадное, как спиная кость худого быка. Окладистая седая борода похожа была на старинный нагрудник из медвежьей шкуры. Вместо рта зияло что-то в роде оврага, и торчали там семь громадных зубов, зеленых, каждый величиною с скобель, и темноватый язык, словно зеленая селезенка.

И возговорил этот демон:

— Ой! ой! ой! Эр Соготох удалой! Эй, парень! Медного Божьего Господина дочь, лосиха молоком вспоенную, лосиным жиром умащенную, лосиным мясом вскормленную, красоту трех падей в себя впитавшую, Мотылек-Красоточку-Белую-Юкейден, женщину мою, не даю. Пока жив, не дам!

На это, говорят, Эр Соготох возговорил так:

— Ну, вот! Откуда ты, убогий? Осьминогой чудище демон! Хорошо пугну я тебя! Высокое имя твое снижу! Тебя, добра молодца, убью! Не тебе назначили эту женщину восемь божеств. Рок-царь мне ее указал. Мне ее создал на молочном озере живущий, с подножьем из белого, как молоко, камня, белым дождем утоляющий жажду Белый Создатель Господь, дед мой. Миром, зря, не отдам! Ну, подходи-ка! — сказал.

¹ Буквально: с ожерельем на шее, с бубенчиками на хвосте.

С пальмами навстречу друг другу побежали они. Стали рубиться пальмами. Стук был такой, как раскаты грома в грозу.

Бросили пальмы и кулаками по ребрам молотили друг друга.

От этого боя их заревел лев, говорят; стал падать град и снег, говорят; крепкое дерево ломилось, говорят.

Так тяжело ступали, что накренили море, и железная морская рыба ерш, с плавниками назад, с чешуею наизворот, так забегала, что тело себе у хвоста¹ изрезала.

Непоколебимую преисподнюю они в такую грязь истоптали, что паук и тот бы вязнул.

С гулкого широкого неба от боя этих удалцов с вихрем град стал падать, такой, что, словно, мерзлые молодые коровы комом валялись.

После того среди чистого поля вымотали они друг у друга боевые жилы, что у хребта вздымаются, и на землю брякнулись.

Оба они упали. Выгода прошла до них. Покрылись они плесевью на три пальца, а по глазам их мох порос. Оба они, в борьбе поверженные, ждали неминуемой смерти.

С четырех углов неба четыре облака пришли, ключковатые (с головами да с ногами). Небо разверзлось. На трех, как молоко, белых конях, с тремя, как молоко, белыми железами молодые люди, божья стрелянные, наклонясь, стали смотреть и слова выговаривать стали и речь молвить:

— Ну, вот! Молочное озеро седалище его, собою белый, как молоко, белый дождь питье его, Белый Создатель Господь послал. Доверенными вестниками прибыли мы, нарочными послами. Эр Соготоху нами созданная женщина! А тебе велено на смертного коня сесть, смертную одежду надеть, смертные твои яства вкусить.

Божьими восьмигранными медными пиками пронзили они заключенное в сумку владыку-сердце Нюргуна могучего и у хребта его вздымающуюся боевую жилу вскрыли. Демонов сын задыхаться стал и гиб.

Божьему человеку, Эр Соготоху, в рот каплями, с яйцо гоголя, золотистую влагу влили. Вскочил Эр Соготох. Схватил свою пальму, в мелкие крошки искрошил демонова сына, «на пир², мол, солдцу и месяцу!» развеял³.

Затем Эр Соготох оборотился в сокола с белой полосой вокруг шеи, с пуховыми круглыми комками на хвосте, полетел вверх и, превратившись в огненную звезду, лег на видном людми (якутами) ближайшем к нам (пешем) небе.

С северного края моря показалась вдруг старуха, о трех горбах горбатая.

Взглянул на нее Эр Соготох: с облезлой мордой белую собаку вела она. Потом смотрит: у ней под мышками железная колыбель, с железным желобком и железной дугою.

— Беда! — запела она: — густой туман мой напелы, снег и дождь мой крик, черный дым моя песнь! И-и! — плакала она: — дитя мое, Нюргун могучий! Сюда! сюда! — звала она собаку: — из косточек моего дитяти не найдется ли какой осколочек. Найди!

Та побежала и принесла кость. Сейчас ту кость схватила старуха, в железную колыбель брякнула, собаку свою повела, колыбель под мышку взяла и пошла на север.

¹ Буквально: икры ног.

² Ысыах — кумысный пир.

³ Подобно тому как брызгает кумыс на празднике в честь солнца и луны. Ред.

Эр Соготох увидел это, спустился вниз, качался, валялся и превратился в самого дрянного парня, в дрянной, обтерханой куртке, поджарого, с иссохшими — кожа и кости — руками, с большим, как в водянке, брюхом.

Он побежал прямо на север. Вдоль по такой глубоко-проторенной дороге побежал, что человек по шее в ней скрывался; бежал по стране с чахлой железной травой и чахлыми железными деревьями.

Глядит — стоит железная юрта. Поглядел он тут, да в полы своей дрянной обтерханой куртки насобирав железного хворосту и вошел в железную юрту.

Когда вошел он, глядь, сидит старуха на железной кровати из костей¹ ног девяноста человек, из костей² хребтов семидесяти человек, из костей³ шей восьмидесяти человек: она сидит и железную колыбель колышет. Взглянула на него и страшно громко вскричала:

— Уходи прочь! — говорила: — если гибели своей не хочешь. Ты напустил холода на ребенка!

Парень брякнул свои дрова, подошел к чувазу, громко плюнул на ладони и об глаза вытер. Подошел к старухе и слово сказал!

— Ой! ой! Бабушка! матушка! тетушка! Сжался, смилостивься, пожалей! Верхних трех поколений-родов владельцев окон обошел я, к владельцам дымовых труб заглядывал, загляну к владельцам стен: войти дома не нашел, разговаривать слова не слышал, сидеть сиденья не видел, поесть еды не нашел.

Нижних восьми поколений-родов владельцев окон обошел я, к владельцам дымовых труб заглянул, к владельцам стен заглядывал, пороги обивал — войти дома не находил, сесть сиденья не видел, говорить слова не слышал, есть еды не находил.

Бабушка! Был у тебя сын Ниургун могучий. У него я ночи ночевал, бывало, дни дневал, вкусные его кушанья ел, сладким своим спал, бывало — старший мой братец был он!

Вот он теперь умер. Сталось так, как проклинавший напрокинул; стало так, как злоречивый наговорил: на брошенном жилье его поросла воюющая польня.

Видевши это, я плакал. Во имя этого на эту ночь приют мне дай!

— Бедяга! — сказала старуха: — поди в чулан, поешь там!

Пошел в чулан, показал вид, будто ел, и, выпячивая брюхо, пришел назад.

— Парнюга! — сказала старуха: поди-ка сюда, покачай ребенка!

Тогда парень взялся за дужку железной колыбели.

— Стук-бряк! Стук-бряк! Бай-бай-бай! Новорожденного ребенка плачем заплачь! Грудного ребенка криком вскричи! Тебе на роду написано, трижды умрешь, оживать. Гибель-Бой-шаман, твой дед, семь дней и ночей разрезал веревку² — тогда ты родился; ты родился, когда матеря твоей исполнилось семь веков. Если суждено тебе запутанный след Эр Соготоха удалого разыскать, его занесенный след открыть, разорвать его красивые швы, расслоить его слоистую бересту³; если суждено тебе срезать высокое имя Эр Соготоха удалого, загрязнить его белое лицо, убить его добра самого, то сейчас же родись!

¹ Надо понимать в том смысле, что кости, будучи обожжены, превратились в железо. (Толкование М. И. Иоановой). *Ред.*

² Резание веревки — старинный обряд, совершаемый в случае бесплодия женщины.

³ Т. е. разорить его дом — берестяную юрту.

На это старуха сказала:

— Эх, бедняжка! Паренька моего, бедняжка, причитанья лучше моих-то! Ах! парень мой, бедняжка! За смертью ребенка моего, за страшною, за слезами моими, я и не спала еще — засну я! Покачай ребенка!

На свою железную кровать из костей ног девяноста человек, из костей хребтов семидесяти человек, из костей шей восьмидесяти человек навзничь повалилась она и, заснув, захрапела.

Как только она заснула, этот парень вынес на двор ее ребенка, положил там. Вбежал в дом, вошел в железный чулан, взял железную веревку и накрепко привязал старуху к кровати. В крепком, в трех местах заплатанном горшке поставил топить олово. Оно растаяло, потом закипело. Он взял в руки горшок и вылил в глаза старухины. Глаза ее выскочили совсем.

— Ой, больно! — вскричала старуха и с кровати на спине вскочила и побежала на парня. Парень побежал, распахнул толчком дверь, потом вернулся и пальмою отрубил голову старухе.

Старуха на порог верхом упала, потом легла и загребистыми своими ладонями, с десять больших лопат, била землю и слово сказала (голова ее):

— Густой туман мой напевы, снег и дождь мой крик, черная мгла моя песнь! Увы, досадушка! О горе, горюшко мне! Обманщику в обман далась я! Плуту дала сплutowать над собой! Хитро обернувшись, сплutowавши так искусно, обманом приди, ты, Эр Соготох, победить — победил, одолеть — одолел: высокое имя мое уничтожил, белое лицо мое изгрядил, меня добру самое убил, с ребенком потопил, с роднею разорил, со мною самою извел.

Старуха умерла. Ее Эр Соготох в росу тумана обратил на пир месяцу и солнцу. Он изрубил семьдесят лиственниц, вырыл большую яму в три печатные сажени и сделал костер. Того ребенка в железной, с железной дужкой, колыбели он принес и вытряс; он, ступив ногою накрепил море, а потом воду отколыхнул обратно.

Тогда Эр Соготох сказал:

— Я урезал твое высокое имя, я изгрядил твое белое лицо. Их славу я урезал, всех их я уничтожил!

Свои серые лыжи надел и поехал прямо на юг, в родную землю тестя своего.

Когда вот он ехал, летит с тремя детенышами Гибели черный ворон и так выговаривает:

— Кар-кар! чул-чал! Эр Соготох! Раскрой твои чуткие уши! Ясными глазами пристально смотри! Провицательной головы, ровно 6 озерко, глубоким теменем виikai!

Как раз отсюда прямо на восток поехавши, доедешь до такого места: до червигого моря доедешь! К владельцу его, что одет в рябые лягушечьи шкуры, что на спине носит кузовок с червями, а на леденистый багор, как на посох, опирается — Юёдюену старику прибудешь ты.

Когда переправившись на ту сторону червигого моря, ты доедешь до Богатого Харана Господина — у него чернеющая открытая отчина, а под глазами такие черные родинки, что, как сумочка, каждая.

По девятиста¹, вольным журавлям подобным, сыновьям его последыш, из восьмидесяти², рослым стержам подобных, дочерей его младшая, смотрят на нее, как на зрачок его глаза, попробуй вырвать — с белизной зубов его сравнишь, комочком его заключенного в сумку владыки-сердца отвалилась она, с уполовник крови с румянцем ова — Хачыдан-куо³ дочь у него. На развевающейся чолке высшего неба родившийся, на гриве пресподней живущий, о трех тенях Длинноногий демонов сын к этой женщине прибыл.

Отправляйся туда, спаси ее нежное дыхание, глубокие вздохи защиты, в тесноте своей зажимы, в шири твоей укрой! Спаси от демона!

Птица эта улетела.

Эр Соготох прямо на восток отправился. Долго ли ехал, не знал; скоро ль доехал, не знал. Прибыл к червивому морю — поверх его птица не перелетит, а низом остроносая мышь не прорвется; ни на север, ни на юг пределы его неведомы. Прибыл он к владельцу червивого моря, Юёдюену-старiku — юрта у него, как крутой холм⁴; одет в рябье лягушечья шкуры; на спине кузовок с червями; посохом у него леденистый багор.

Тут возговорил Эр Соготох:

— Ну, вот! Червивого моря владелец! Юёдюен-старик! Здорово! Двумя твоими чуткими ушами, открытыми, слушай! Ласковое солнце-глазами зоркими гляди! Проницательной головы теменем, словно б озерко, глубоким, внимай! Имя мое Эр Соготох, что вскормлен в смугты былых годов, в битвы прежних годов соделал, в деяния прошлых годов родился. Как перейти мне на ту сторону червивого моря? Путь укажи мне, укажи мне проход, растолкуй дорогу! Плату тебе вдоволь дам: увидишь благодарность доброго человека, приличного человека дары узнаешь и всю щедрость его руки.

На это Юёдюен-старик сказал:

— Одежду мою из рябых лягушечьях шкур надень на себя! Взвали себе на спину мою ношу — кузовок с червями! Мой леденистый багор посохом возьми! Оборотись в такого старика, как я!

Эр Соготох выслаушал, стал кататься-валяться и оборотился стариком, как Юёдюен-старик. В одежду из рябых лягушечьях шкур оделся, кузовок с червями взвалил на спину, леденистый багор за посох взял: сделался таким, как владелец червивого моря.

Перешел через червивое море.

Эр Соготох оборотнем в путь отправился и пришел к Богатому Харахану Господиу, тому, что владеет чернеющей открытой отчиной, что под глазами у него черные родники такие большие, как сумочки.

— О-о! Чего это бедный Юёдюен-старик пришел? — раздалися голоса.

Из красного своего угла, в пять рядов проколотыми узорами разубранного, с прилавка своего, в десять рядов выемками украшенного, с кровати своей, золотой, осьмишожной, с постелью из меха летних соболей, с одеялом из меха зимних соболей, та, что ест один только жир без мяса, а пьет только сливки без молока, что нитки у ней шелковые,

¹ Обычно: по девяти.

² Обычно: по восьми.

³ Куо (красавица, неженка) служит приставкой к именам былинных герцогинь. *Ред.*

⁴ Буквально: как студ (обрубок) накаливали. *Ред.*

а иглы серебряные, что с уполовник крови румянец у ней, Хачылан-куо, — сквозь одежду тело просвечивало, сквозь кости мозг костей виднелся, а сквозь панталоны природные части¹, — мягко, не слышно пропорхнула, пред отцом и матерью стала. Что черного жеребенка, в морозы родившегося, глаза, такими глазами глянула: что серенького жеребенка, весною родившегося, губы, такими губами повела. Задвигалось горло, как струна. Гортань дрогнула. И слово возговорила:

— Ну, вот! С волосами, пожелтевшими да разметавшимися, как грива и хвост белого коня, ясноокий, с прекрасным переносем, почтенный государь батюшка мой! Что солнце ясное, ясными глазами глянь-ка! На груди своей золотой покоя, сидел ты да приговаривал: пойдешь ты, мол, в чужие края, зажжешь там внушительно-важный огонь! Ложию стало твое благословение! Демоновой пасти назначена я!

С седыми волосами, гладкими, что гладкие грива и хвост серого коня, почтенная государыня матушка моя! Бывало, кормишь твоими крапчатыми сосцами, положишь на убранные колени да приговариваешь. О, да зачем же ты приговаривала! Да зачем же ты говорила: пойдешь, мол, в другие края? Да зачем же говорила, что построю я нарядный скотный двор?

Младшей, по девяти сыновьям, родившаяся, одна я, знать, несчастною была! Лихому в пасть уготована я, знать!

Этою ночью виделся мне сон, и толковала себе я, что это, значит, на тот край червильного моря прибыл в смуты былых годов вскормленный, в брани прежних годов на жилье ошевший, в дельня прошлых годов родившийся Эр Соготох называемый человек. Так себе толковала я, да и проснулась.

Кто-нибудь да едет! Вышлите, батюшка, матушка: пусть посмотрят!

Тогда вскочил старик:

— Ну-ка, парни, выйдите, посмотрите! — сказал: — не водилось за дитячком, чтобы лгала она.

Тотчас в перегонку повыскочили, туда-сюда глянули: как есть ничего нет. И вот вошли:

— Э! ну, кто к нам придет? — говорят: — только вот и есть, что сосед наш Юёдюен-старик, — говорят.

Услыхав это, девушка в слезах ушла на свой прилавок.

Юёдюен-старик пошел к двери хлева и заснул. Проснувшись, вскочил он и подошел к правому боку чувала и смотрит.

У красного угла, в пять рядов проколотыми узорами разубранного, пришел-сидит, оказывается, трехтеновой Железный Дыбырдан, что на вздымающейся чолке выпянутого неба родился, а на гриве превисподней поселился.

Как еланы, громадный светлый стол выдвинули, блестящие тарелки поставили. Великолепного быка, Тойя²-Тойболуна именем, целиком сваряли, принесли, целиком выложили на стол.

¹ Буквально: ноздрюемое. *Ред.*

² Тойя — господин. Тойболун — коротконогий. *Ред.*

Видел это Юёдоен-старик и возговорил:

— Ну, вот! Зятюшка! Ты взял любимое наше дитя! Раскрой твои чуткие уши, ясными, ласковыми глазами глянь! Ровно б озерко, глубоким теменем внимай!

Где только стены, преглядывался я. Где окна, глядел. Где трубы, заглядывал. Войти дома не находил я, поговорить слова не слышал, посидеть сиденья не находил.

Живу я промыслом с лесного озера, существую промыслом с большого озера. Стряпня моя рыбье лягушки, убогий стол мой черные лягушки. Зятюшка! поделись тем, что есть!

На это возговорил демон:

— Ой! Юёдоен-старик! Что и говорить! Правда!

Отрубил голову быку и бросил Юёдоену. Юёдоен поймал голову и стал ее обглядывать.

— Старый уж я! — сказал он: — зубы совсем повыпали. Сам съешь твою голову! — сказал и бросил назад демонскому сыну голову быка. Брошенная голова попала в грудь демонскому сыну.

— Досадно! — сказал демонский сын и вскопил.

Юёдоен-старик бросился за печку. Демонский сын за ним.

Юёдоен-старик выбежал на двор. Демонский сын следом за ним.

И выскочили они на твердый, как камень, двор, такой гладкий, что обильного вихрями белого неба граду негде там удержаться.

Эр Соготох принял свой обыкновенный вид.

Загremели оба, как гром в грозу. Рубили бока друг другу.

От ярого боя их зарыкал лев, град вихрем посыпался, крепкие деревья поломались.

Самые храбрые из домашних в хлев бросились, самые доблестные на полата вскочили, трусые под лавки забились, испугавшись этого боя.

Ну, стали говорить между собою про Юёдоена-старика:

— Удалой, гляди!

— Силен, вишь, Юёдоен-старик! — говорили.

— Юёдоен-старик в молодости богатырь был! — говорилл.

Среди разговоров этих Эр Соготох удалой, поддев его на трехсаженный бок свой, бросил демонского сына: тот упал и пробил землю на семь саженей.

Эр Соготох сел ему на грудь верхом и вынул свой малый да спорый нож, выкованный из стали семи брусьев железа, вырезал ему хрящи горла, вытащил главную боевую жилу, что идет вдоль хребта. Заплакал демонский сын. Обдало смрадом из его рта.

— Ой-ой! — воскликнувши, заговорил он. И слова его эти такие слова были: — Эр Соготох удалой! Хитро обернувшись, искусно сплудовавши, пришел ты и посадил меня на мой смертный конь, в смертные одежды одел, смертные яства дал вкусить! Последний путь пошел я, видно! На смертное седалище я сел, знать! Уж такая, знать, судьба моя горькая! Нет у меня, видно, богов! Эр Соготох, ты победил!

Эр Соготох совсем ему вырезал главную боевую жилу. Демонский сын издох.

Эр Соготох вскочил, схватил пальмú, искрошил демонского сына.

Об этом рассказали домашние.

Тогда возговорили старик со старухою:

— Нужно вознаградить червивого моря владельца, Юёдюена-старика. Нужно ему дать треть нашего скота: для бедняка богатейшая награда! — говорили.

На дворе Эр Соготох возговорил:

— Ну, вот! С чернеющей громадной вотчиной, с громадными, как сумочки, черными родничками под глазами Богатый Харахан старик! Два чуткие твои уха раскрой! Ласковыми, ясными, зоркими глазами гляди! Головы проинпательной теменем, ровно б озерко, глубоким, вникай.

В смуты былых годов вскормленный, в бои прежних годов на жилье осевший, в деяния старых годов родившийся, о двух серых лошадях-лыжах, Эр Соготох именем я человек. Из дальних стран, выпрашивая, я пришел. Из славных стран, славное имя называя, я прибыл. Взгляни своими ласковыми, ясными глазами!

Если смотреть — с зрачком глаза твоего сравниваемую, если вырывать — с безлиной зубов твоих сравниваемую, комочком заключенного в сумку владыки-сердца твоего увалищую, восьми, стройным, белым стерхам подобных, дочерей твоих позже родившуюся, девяти, вольным журавлям подобных, сыновей твоих младшую, нитки у ней шелковые, иглы серебряные, с уполовник крови румянец у ней, Хачылан-куо дочь твою увешай всю уборами, одень в одежды длинные, дай ей в приданое самых видных белых скакунов, что табунами до белого леса дотянулись, самых круторогих черных скакунов твоих из стад, что до черного леса дотянулись, дай ей в приданое, дочь твою сейчас же мне вышли! Не задерживай путника! Не задерживай человека дорожного!

Тогда потолковали старик со старухою. Дтя свое богато нарядали, в одежды длинные одели, — белых скакунов, что до белого леса доходят, самых видных в приданое дали, самых круторогих черных скакунов, что табунами до черного леса доходят, в приданое дали. Выдали с румянцем в уполовник крови дочь свою Хачылан-куо.

Сгреб эту женщину Эр Соготох. Дали множество слуг из своей команды. Восемьдесят стремянных дали. Погнали, говорят, стада белых и черных скакунов.

Эр Соготох удалой оделся в свои рябые лягушечьи шкуры, кузовок с червями, пошу свою, положил на плечи, взял за посох ледяный багор свой; сделался таким стариком, как Юёдюен-старик. Под мышки левой руки зажал женщину, перешел через червивое море. Оно стало песчаной релкой, и переправили через него и белых и черных скакунов. Эр Соготох прибыл к Юёдюену-старiku.

Сняв свою одежду из рябых лягушечьих шкур, сбросил кузовок с червями, пошу свою, и бросил посох свой — ледяный багор. Юёдюена-старика за волосы с затылка сгреб и пальцею кожу с него сдирать стал. Юёдюен-старик всякие, всякие слова говорил, муки и муки извещал, и лежал, а сам так говорил:

— Ну, вот! Был я, — говорил, — владельцем червивого моря. Не был я вовсе таким именитым, что на лошади достигнуть до меня надо было бы, и не таким славным, что дорогу до меня извездить надо было бы. Жил я промыслом с лесных озер, дьями своими обязан был промыслом с светлых озер, пуще рыбы безгласен был, яйца тупее был, в огонь брось меня — никуда б не провалился, сгорел бы, не страшный был я человек, не могучая какая орысина!

Эр Соготох поставил его на ноги. Тело его совсем было ободрано, и торчали кости, а изнутри всевозможные мелкие земляные черви повысали. Эр Соготох удалой налил ему в рот золотистой волшебной влаги, и стал он бледнолицым стариком.

Эр Соготох возговорил:

— Ну, вот! Пусть же тебя теперь никто не называет владельцем червивого моря — Юеюеюем-стариком! Отныне твое имя, в даль идущая слава такая: будь ты Акымал Богатый Господин! — сказал.

Богатого Харахана Господина, у которого громадная чернеющая вочьяна, у которого родники под глазами, величиною с сумочки, дочь, — посмотреть — с зрачком его глаза сравниваемую, вырывать — с белизной зубов его сравниваемую, заключенного в сумку владык-сердца комочком упавшую, что ест один жир без мяса, пьет сливки без молока, что иитки у ней шелковые, а иглы серебряные, именем Хачылан-куо, — даю тебе в жены.

Породи девять вольным журавлям подобных сыновей, восемь статным белым стерхам подобных дочерей породи, роди до старости детей, до старости выводил скот, летом четыре счастливые основные жерди устанавливай, зимою восемь толстых важных столбов укрепи, священный, важный огонь зажги! нарядный дом построй! Пешему ночлегом будь, конному приютом, возвышай униженного, обедневшего поддержи!

Это тебе плата за то, что переправил на ту сторону твоего червивого моря.

Тут он со скотом и припасами эту женщину отдал.

— Вот тебе и вся твоя плата! — сказал. — Прости! — сказал.

Надел свои серые лыжи и поехал прямо на юг.

От стремительности бега его заволновалось, забушевало море, выюга настала, поднялся ветер в непогода, зарыкал лев, пурга забушевала, крепкие деревья ломались — в путь поехал. Доезжаяючи, доехал в страну Медного Божьего Господина.

— Прехал к тестю моему! — сказал.

На пути возговорил:

— Ну, вот! Медный Божий Господин! Сударь тесть мой! Ласковыми, ласвыми, зоркими глазами пристально гляди! Обои чуткими ушами внимательно слушай! Пролицательной головы твоей, ровно б озерко, глубоким теменем внимай!

С удалыми я состязался, с славными сшибался, с силачами боролся, выступал на ристалищах с быстрыми, силу демонов громила, силу незримых губил; преодолел, не отступал пред огненноглазым, не робел пред хвастунами.

Выставь, ровно озеро, громадный заповедный кумысный чан! Лес светлых березок наставь! Выставь рядами нарядные жбаны! Резных кубков груды приготовь! Внимай!

Ну, прибыл из странствований в землю тестя. Остановившись, поглядел. Что ореа собою, с большим, обросшим бороною, лицом старик. По левую от него руку глянул. Как снег, белоголовая, дородная старуха-родовичка. На ней накинута отборных соболей доха, пятнистых рысей шапка набекрень надета. Лучших волчьих шкур панталоны облегают колени. Задних ножек серебрястых соболей сапожки обуты. В руках держит о трех отверстиях пеструю гадалуюю ложку.

Выставили громадный, как озеро, светлый кумысный чан; ровно лес, серебристых березок натыкали; нарядные жбаны рядами поставили; задранных кубков резных нагромоздили. Девяти юным парням велено было подносить кумысные кубки, где масло плавало комками с яйцо гоголя. Поднесли мяса девяти юных кобылиц. На сиденья положены были цельные шкуры белых коней.

Ровно поле, чистый стол поставили. Ровно озерко, блестящих серебряных тарелок поставили. Восемь отгулявшихся кобылиц и жиру отборного и сала толстого наложили.

Эр Соготох на белой конской шкуре сел. Вверх ножом резал да уплетал, вниз ножом резал да уписывал. Наелся. Схватил сразу девять громадных кубков, все девять налитых сливками от молока юных кобылиц. В рот опрокинул, как бурливой речки потоком.

На это, когда напился он, старик слово сказал:

— Ну, вот! С полной сотней годов, до одряхления захиревший старик я. Уже, едва восьмидесятилетним, до потери всех сил исхудавший. Три людских века проживший, удрученный, ослабевший старик я! Эр Соготох! Обоими твоими чуткими ушами слушай! Что ясное солнце, зоркими глазами гляди! Проницательной головы, ровно б озерко, глубоким теменем внемли! Ты спас от демоновой пасти! От глотки незримого избавил! Смотреть — моего глаза зрачок, вырывать — белизна моих зубов, комочком заключенного в сумку владыки-сердца моего отвалилась она. С трех падей самое лучшее выбирал, растил ее, лосихи сосцов молоком кормил, костным лосиным жиром умащенной воспитывал, мясом лосиным кормил, три травки степля у ней, трехсаженная коса — Мотылек-Прекрасную-Белую-Юкейден, дитя мое, отдаю.

Что снег белоголовая, дородная родовичка-старуха слово сказала:

— Эр Соготох! Оба твои, что полный месяц, круглые уши раскрой! Что ясное солнце, зоркими глазами внимательно смотри! Проницательной головы, ровно озерко, глубоким теменем внимай! Глубоко в недрах золотых моих приютивши, у заключенного в сумку владыки-сердца моего удививши, десять месяцев носила я — пока она, что вода, слабая, костями не окрепла. Чрез недра мои пробилась она. Серебристых соболей хребтов мехом хранящую воспитывала, пятислой рыси мехом окутанной растила, на пушных коденях моих ее пестовала, сосцами груди моей кормила. Смотреть — зрачок глаза моего, вырывать — белизна зубов моих, заключенного в сумку владыки-сердца моего комочком ниспала она. Без мяса жиром одним кормила, без молока сливками поила, что ей нравилось, ела она, по выбору своему одевалась. Из белых бегунов моих, что до белого леса дотеснились, самых видных в приданое даю, из черных бегунов моих, что до черного леса дотоплялись, добрую долю круторогих в приданое даю. Из добра моего, что в сумках у меня, всего отборного даю. Что в амбарах ряд в ряд медная посуда наложена, самую звонкую назначая. Поехавши в твою сторону, поставьте там широкий конский двор, для жеребят веревку извивающую протяните, конные дворы, дымные¹, густо стройте, пропитанные пбтом коровьи загонь тесно ставьте, четыре жерди устанавливайте, восемь толстых да крепких столбов воздвигайте, священный, важный огонь зажгите, нарядный дом постройте, до старости детей родите, до старости водите скот, пешему ночлегом будьте, ковному приютю! Что

¹ Блзх — с острым, едким запахом. Ред.

укоротилось, удлиняйте, что обузилось, расшпиряйте! Пусть козния могучие вас не тронут, беды не кощутся, лиходей не обидит!

Тем временем Эр Соготох вскочил. Дверь ему открыли. Он подошел.

По золотому полу их, грузно, как по мягкому, ступая, вошел он. На правой половине, на плотном и длинном прилавке сел. Обоня круглыми большими глазами кругом смотреть стал. И видит он, что в красном углу, в пять рядов проколотыми узорами разубранном, на прилавке, в десять рядов резьбою украшенном, на подстилке из меха летних соболей, на одежде из меха зимней рыси, Мотылек-Прекрасная-Белая-Юкейден женщина сидит. Чрез платье тело виднеется, чрез тело кости, чрез кости мозг костей. Мрачный дом светлым становится, светлый дом спать начинает — такая красивая женщина сидит вот.

Увидевши это, Эр Соготох удалой с болами в семь рядов шнурового серебра, с кольчугой из восьми клиньев черного железа, с станом из девяти полос закаленного железа, черным чугуном отороченную, с драгоценного черного камня пуговицами свою железную броню-кафтан снял.

Он припал к женщине. Легли они. Полюбился с ней, говорят. На утро поднялась она. Железную броню-кафтан свой надел. Голубых пучин водою обмылся, черных пучин водою отмылся.

Ровно поле, громадный стол выставили. Расставили таких огромных, как озерко, блестящих серебряных тарелок. Восьми отгулявшихся кобылиц и жиру доброго и сала толстого наложили.

Эр Соготох вынул свой спорый и острый ножик, выкованный из семи кусков железа. Вверх резал да улетал, вниз резал да уписывал. Кончил есть.

Принесли крепкого кумыса в ендове, что еще с тех пор, как старик домом обзавелся, хранилась. Сдобрили желтым маслом комками с яйцо гоголя.

Бурливой речки потоком опрокинул в рот. Женщину за ворот сгреб. Выбежал. Старуха со стариком выбежали за ним.

Эр Соготох выбежал и надел свои серые лыжи. Прямо на запад отправился. От стремительного его бега зарыкал лев, с вихрем снег стал падать, деревья ломались, морские возы вздымались, бурлили, вьюга взвилась, все выло и бушевало. В путь отправился!

Отец с матерью глядели на дочку свою: в путь отправилась!

Тогда возговорили они:

— Ну, вот! Дитяtko наше, не дав ей поглядеть на полный лик ясного солнца ее, не дав запомнить очертанья края родного, не дав проститься с родными, увез! Почтенного судари-батьюшки благословенья не дав взять, не дав проститься с почтенной государыней-матушкой, не дав повидаться с девятью рослым журавлям подобными старшими братьями, не дав поговорить с восемью статным стерхам подобными сестрами старшими, увез! Из белых бегунов наших, что, теснясь, растянулись до леса белого, не выбрав самых видных, из черных наших бегунов, что стадами до черного леса продвинулись, самых лучших круторогих не угнавши с собою, из добра нашего, что в оумах хранится, самых лучших одежд не надевши, из того, что в амбарах, серебра нашего звонкого, самыми звонкими уборами не убравши себя, уехала! Дитяtko нашего, Козния могучие, не коснитесь! Несчастья злые, не троньте! Лихо лютое, не обидь! А ты поседь, — поставь там четыре пышноверхие

жерди, восемь основных крепких столбов установи! Зажги священный, важный огонь! Устрой нарядный дом! Раздольный конский двор воздвигни! Извилистую веревку развесь! Добрых жеребят води! Дымные конские двory множь! Пропитанные потом коровья хлывы строй и строй! До старости роди детей! До старости скот води! Пешему ночлегом будь, конному приютом! Укороченное удлиний! Узкое расширь! Ниспошли! Даруй! Прости!

В путь отправился Эр Соготох! С выбоинами по печен, с кочками по колена, с ямами в рост человека землю проезжал. Наоборот кружащегося, темной ночи веба землю проезжал. С ржавым солнцем, заляему желудку подобным, землю проезжал.

И вот, когда ехал он, та вот женщина, что вез он на себе, с стельками из трех зеленых травинок, с трехсаженными косами Мотылек-Прекрасная-Белая Юкейден женщина, говорят, на пути возговорила и сон свой рассказывать стала:

— Ну, вот! Эту ночь виделся мне сон. Очень злобещий это был сон! Ну, друг, Эр Соготох удалой! Верхние три рода, очень что-то, наклонясь, глядеть стали, а нижнее бесовское племя поговаривать стали! Завтра ты приедешь к узлу девяти дорог, к разделу восьми дорог прибудешь, к перехвату семи дорог. Когда туда приедешь, — заповедный, ровно озерко, кумысный чан выставиши, что лес серебристых березок наставиши, выставиши рядами шитые жбаны, резные кубки нагромоздивши, накинув на себя серебристых соболей доху, пятнистой рыси шапку набекрень надевши, задних лапок серебристых соболей сапожки обувши, держа в руке о трех отверстиях пеструю гадаальную ложку, ровно поле, светлый стол выставиши, что озерко, блестящих серебряных тарелок наставиши, наложивши вдоволь и сала и жиру восьми отгулявшихся кобылец, на сиденье бросивши цельную шкуру белого коня, по правую сторону девяти парням заздравные кубки подавать велевши, по левую сторону восьми девицам подавать восемь кубков велевши, скажет она: «Я — Акымала Богатого Господина дочь, имя мое Нежная! Дядя мой, Эр Соготох! Это ты приехал? В пути был, проголодался, должно! В дороге был, пить, наверное, хочешь! Ехал, устал, води! Вот сливки молока молодой кобылицы, вот превосходный кумыс! Дядюшка, Эр Соготох! приехал ты! Покушай перед отъездом. Преследуя врагов, недругов своих, ты, наверное, нагнал бегущих, ты, конечно, снизил высокое их имя, уничтожил бесовское племя!» О, не ешь, когда она потчевать тебя будет! А то много муки изведаеть: что ветлу гибкую скрутят тебя, в дугу согнет! И краем глаза не гляди!

Эр Соготох удалой продолжал путь. А то, что сейчас ему сказала жена, слова эти пропустил мимо ушей.

Приехал он к славному узлу девяти дорог, к разделу восьми дорог, к сближению семи дорог. Своими, что ясное солнце, глазами глядеть стал. Вот, когда он глядит, — серебристых соболей доху накинута, пятнистой рыси шапку набекрень надела, колени свои шароварами лучших волчьих шкур охватила, серебристых соболей задних лапок меха сапожки обула, о трех отверстиях пеструю гадаальную ложку в руках держала, что озерко, чан кумысный выставлен, что лес, серебристых березок наставлено, нарядные кожаные жбаны в ряд поставлены, заздравных кубков много наставлено, по правую сторону от себя девять молодых парней поставила, девять резных кубков подносить им велено, по левую от себя сторону восемь девиц поставила, восемь кубков держать им велено, что озерко, блестящих серебряных тарелок наставила, что поле, светлый стол выставлен, восьми отгу-

лявшихся кобылиц вдоволь и сала и жиру наложено, цельная шкура белого коня на сиденье брошена. Эта женщина так возговорила:

— Ну, вот! Дядюшка мой Эр Соготох приехал! В пути человек — проголодался, знать! — говорит. — В дороге человек — жажда его дожимает, конечно! Едет человек — устал, наверное! Бежавшего настигал ты, врага преследовал, недругов губил, демонскую силу громил! Я дочь Акымала Богатого Господина. Я женщина, Нежной называемая. Остановись! Огкушай! — говорила.

Тогда вот человек этот наперекор жене пошел: Эр Соготох подошел покушать, на цельную белую конскую шкуру сел. . .

Загудело шумом в ушах у него, провалился на дно бездны, на семь саженой льдом покрытой. При падении разбил в дребезги восемь ребер своих, ногу одну сломал, руку искалечил, и глаз один вытек у него.

И лежал он, говорят, и сверху плесенью на три пальца покрылся, а внизу на шесть пальцев подгнил. Куда же жена делась, так и не знал.

Женщину эту осьминогах чудищ-бесов сын унес — владелец ледовитого моря Железный Джессин-богатырь. На середину этого ледовитого моря принес. Ввел в свой дом из ледяных глыб, с дверью на крышу. Посадил он эту женщину на железную подстилку, на железное одеяло, на тяжелую каменную подушку.

Демонов сын пошел в чулан, взял там в трех местах заплатанный серый тяжелый горшок, натолкал туда медвежьего мяса, поставил на очаг, каменный, с двумя устьями — наперед и назад. Взял выщербленную миску и поломанную ложку. Листового железа куртку свою подобрал. На лбу у него пот стал проступать. Сидит, ест свою медвежатину. Кровавыми своими глазами исподлобья на жену свою посмотрел и сказал:

— Ой-ой-ой! Милка, милка, милашечка моя полюбила! В эту ненастную непроглядную матушку-ночь полюбимся мы с тобой! Встрахих перницу, выбей железное одеяло, положи подушки, постель скорее изготovi!

Поел свое кушанье, жене ничего не давши.

Женщина по его приказу ничего не сделала.

Демонов сын вскочил, смял женщину, насильно положить хотел. Его женщина толстыми своими серебряными пальцами, словно б это десяток горностаев в руках радком держала, оттолкнула его. Покатались у ней слезы из глаз, как русский жемчуг, крупные. И слово сказала она:

— Владелец ледовитого моря, Железный Джессин-богатырь! Раскрой свои чуткие уши! Своими, что ясное солнце, глазами пристально гляди! Проницательной головы, ровно озерку, глубоким темевем виikai! О дружочек милый! О господи дорогой и друг! Раньше тебя, в смуты прежних годов вскормленный, в брани былых годов домом обзаведшийся, в дедия прошлых годов родившийся, Эр Соготох именем человек, раньше тебя мужем моим он был. От него я три месяца, как беременна. Не может в утробе одной и той же женщины родиться ребенок и от демона и от человека чистого мира. Надо отсрочить ногами, дяди переждать.

Демонов сын глухо рассмеялся:

— Э-э! Милашка моя! Что я могу знать? Покрайности господина свояка моего, Эр Соготоха, ребенка ты уже на руки мне выточила! Съем покрайности!

С женой своею не послал, говорят.

Эр Соготох на семь сажений льдом покрытом дне бездны лежит. Вот, лежа, глубоко вздохнул он из самой глубины недр своих. Затем, все лежа, возговорил так:

— Ну, вот! Вышние! На молочном озере живущий, с белым каменным подножьем, Белый Творец Господь, дед мой! Солнце-глаз, серебро-переносье, кожаный мех-грудь, Ясная Почтенная Государыня бабка моя! Властитель рока дед мой! Ясными, что солнце, очами зоркими взгляните! Велушайтесь вашими чуткими ушами, полному месяцу подобными! Выкиньте, ровно озерко, глубоким теменем пронциательных ваших голов! Обману поддался я. Лиху дал себя погубить. Чудище-незримый притиснул меня. Приизлилось высокое имя мое. Изгрядилось белое лицо. Умираю я, добрый молодец. Сверстников поношеньем стал я. Спасите мое дыхание чистое! Живот один и то чуть жив. Глаза заволокло слезами. Спасите мое дыхание чистое!

Тогда с четырех углов неба вышли, вздымаясь, облака ключковатые (с головами и с ногами), и небо разверзлось.

Божьи шаманки, три шаманки, с пышными шелковыми кистями, обвешенные золотыми табличками, серебряными кружочками, с громадными, ровно озерко, белыми бубнами, с белыми мохнатыми колотушками, Владыки-Солнца дочь Кюёгельджи шаманка, Владыки-Месяца дочь Ытык нуодур шаманка, Божья шаманка¹ Айтальи шаманка — три шаманки ниспали, говорят.

Они золотистого цвета восьмисаженною святою веревкою вытащили, говорят. Эр Соготоха, как это вытащили его, сверху на три пальца заплесневешего, снизу на шесть пальцев прогнившего, омыли в молочном озере, никогда пеною не заволакиваемомся. Потом положили его. С трех сторон около него стали, взяли свои, ровно озерки, громадные белые бубны, мохнатые колотушки звали. Зазвенели золотые таблички, забилась шелковые кисти. И возговорили они:

— Ну, вот! Восьми божеств шаманки мы. Три года назад умершего исцеляли мы. Дитя ваше! Эр Соготох! К ясному солнцу твое дыхание чистое крепким арканом привязали мы. От грозящей тебе смерти спасли. От демонова навожденья удалили. Убежавшего от тебя настигли, ушедшего от тебя преследуй, иди за врагом твоим и сокруши его, недруга губи! Ниспошли! Даруй! Ниспошли! Даруй!

Владыки-Солнца дочь Кюёгельджи шаманка полевала, поворожила, Божья шаманка Айтальи шаманка святою влагою насытила его, говорят. Эр Соготох вскочил со словами:

— Да никак это я уснул, друг!

Три божьи шаманки воскликнули:

— Ах-ах! — и улетели на небо.

Эр Соготох надел свои серые лыжи и жену разыскивать поехал.

¹ Ајы удабана — белая шаманка, шаманка-посредница между добрыми духами и людьми. Ред.

Женщина, что живет в демоновом доме, исполнилось вот десять ее месяцев. Тогда, лишь демон ушел на промысел, женщина эта почувствовала роды и слово сказала:

— Ну, вот! У государя-батюшки праведного, у матушки-государыни, — Солнце - глаз, кожаный мех - грудь, — в усадьбе их когда проживала я, когда с девятью моими, вольным журавлям подобными старшими братьями на милой земле жила я, когда с восемью моими, стерхам подобными, старшими сестрами моими на божей моей земле была я, когда еще части демоновой в удел не дана была я, не приходила еще в страну сына незримых, когда еще в демонов дом не входила я, когда еще в черную книгу не вписана была я, когда наглая смерти еще не подпадала я, когда лютой гибели еще не касалась я... О! мутится разум мой глубокий! Втупик я стала, находчивая! И силы падают у меня, крепкой!... Задумешные подруги мои былых дней, прошедших лет! Владыки-Солнца дочь Кюёгельджин, шаманка, Божья шаманка Айталын шаманка, Владыки-Месяца дочь Ытык нуоуор шаманка! Своими отверстыми ушами вслушайтесь! Вглядитесь вашими, что ясное солнце, глазами зоркими! Выикните, ровно озерко, глубоким теменем пронциательных голов ваших!

Лишь сказала это, как с четырех углов неба прилетели четыре облака ключковатые (с головами и с ногами). Небо словно разверзлось.

С золотыми табличками, с серебряными кружочками, с кистями шелковыми пышными, с белыми, ровно озерко, громадными бубнами, с кологушками мохнатыми белыми, три шаманки на кровлю дома демонова сына спустились. Они возговорили так:

— Ну, вот! Молоком лосиным вспоенная, лосиным жиром умащенная, лосиным мясом вскормленная, Мотылек - Прекрасная - Белая - Юкейден! Дитя наше! Здорово! Вслушайся твоими чуткими ушами! Гляди твоими, что ясное солнце, глазами зоркими! Выикни, ровно озерко, глубоким теменем пронциательной головы твоей! Не плачь, не горюй! Сейчас, — говорил они, — с золотистыми кудрями до плеч родится мальчак. Этого ребенка своего ты назови: не уживающимся на земле, поросшей деревьями и травами, родившийся Басымджи-богатырь — так назови! Твое дыханье чистое этот ребенок спасет. Он избавит тебя от демона, из демоновой страны увезет. Прости!

И они улетели.

Как улетали они, сейчас же эта женщина оперлась на железную кровать и с криками разрешилась от бремени мальчиком с золотистыми кудрями до плеч. Ребенок заплакал.

А тем временем вернулся демон и сейчас же бросился на ребенка. Ребенок меж пальцев проскользнул и убежал от демонова сына. Прочался он вокруг очага. Ребенок вскопал на подстилку матери у ее ног. Демонов сын бросился схватить его. Мать оттолкнула руками в грудь. Демонову сыну, мужу своему, говорила так:

— Ну, вот! По твоим словам, ты так именит, что конем до тебя доезжать надо, так славен, что дороги до тебя изездить надо. По твоим словам, ты владеец ледовитого моря, западные силачи родня твоя. По твоим словам, на востоке твой тетки, а на севере дяди. По твоим словам, имя твое Железный Джессин-богатырь. Ты станешь поговоркой верхних трех колен-родов и басней восьми нижних колен-родов: «ест мокрых от слизи, от вод ребят!» будут говорить. Пусть же поподнеет в руках, округлятся ноги, спина: все равно твой будет!

— Ладно, друг! — говорит. — И правда! Что я знаю, друг? Я только увидел, и хочется съесть. Разве я когда видел, как родится ребенок? Да разве когда-нибудь куда дам ему уйти! Пускай поползает его руки, округлятся ноги! Ну, пусть будет по-товому!

Эта женщина перерезала пуп у ребенка. Потом положила ребенка с собою, дала ему грудь. Кроме молока материнской груди, другой пищи не было: глаза она и кормила своею грудью. Он стал десятилетним дитятею. Стали у него белые руки, цвета лиственницы с снятой корой, ноги стали толстые, как срубленная лиственница. В плечах широкий стал — шести сажень слишком. С красивым перехватом стал в пять сажень. Выпуклые бока выдавались на три сажени. Нос был с громадным переносьем, словно то была передняя нога коня. А круглые, большие глаза были, как кольца мундштучной узды. Был он царственно красив лицом, мощного вида собою. Словом, лучший из уранхайцев был он. И это десятилетним дитятею такой он был!

Демонов сын вскочил. И смотрит он: у шеи матери лежит это дитя! На него он набросился. Ребенок проскочил под мышками демонова сына. Демонова сына дома из ледяных глыб половину снесли и выскочили. Демонов сын вскачь побежал за ребенком. Проступил пот у ребенка. Довел он его до изнеможения и уже близок был к тому, чтоб съесть его. Вот, вот нагонит! Стал кататься-валиться ребенок. «Мать!» воскликнул он. Когда позвал он мать, демонов сын взглянул на него. А ребенок, обернувшись детенышем лисицы, бежит к матери и слово говорит:

— Ну, вот! В самой глубине золотых твоих недр, близ заключенного в сумку владык-сердца, дала ты гнездо, жилье и уют и десять месяцев носила. Я пробился, расширил недра твои и рождался.

В демоновом доме родила ты. Уже с рожденья демоновой пасти был я обречен, уже с начала жизни для демоновой глотки родился я. О ясная, чтимая государыня матушка! Что ясное солнце, глазами твоими пригляди! Слушай твоими чуткими ушами! Словно озерко, глубоким пронизательной головы теменем виikai! Зачем меня назвали восемь божеств моих, зачем назвали неуживающимся на земле, поросшей деревьями и травами, родившимся Басымджи-богатырем? Выдь мне на встречу и правую грудь твою лилейную вынь!

Мать его навстречу ему на колени пала и правую грудь вынула. Ребенок начал быстро сосать. Как раз когда он сосал, сколько раз демонов сын хватал невпопад этого ребенка.

Ребенок убежал. Демонов сын погнался за ним. Опять утомял ребенка, наступать стал. Ребенок стал кататься-валиться. Двуголовою Эксёкю-птицею с широкими крылами оборотившись, ребенок этот полетел в широкое гулкое небо.

Когда улетел ребенок, демонов сын от злости досыта земля и сору напихал себе руками в рот. А ребенок к нему слово сказал:

— Ну, вот! Демонов сын! Отец мой! Двумя твоими чуткими ушами послушайся! Что ясное солнце, глазами твоими зоркими гляди! Пронизательной головы теменем, ровно озерко, глубоким виikai! Малого меня ты возрастил! Худого утучнил! Самыми лучшими, благодарности достойными, угощеньями угощал! У груди золотой на руках ледела! Смотри, не гневи мою почтенную государыню-матушку и никогда не будь вспыльчив с нею! А я

приведу тебе белого, Богом созданного, скота из белых бегунов, что до леса белого дотянулись — вознагражу тебя! Демонов сын! Отец мой! Простя!

Он, сказав это, улетел.

Демонов сын с корнем вырвал лиственницу и взял ее за посох. Пошел к своей жене.

— Пойду съем белую бялинку! Заночует она в моем широком каменном чреве! Услажу я мою знаменитую каменную глотку! — говорит.

Слова эти услышала эта женщина и слово сказала:

— Ну, вот! О старик мой, бедняжка! Железный Джессли-богатырь, друг мой! О как он иззяб да замерз! Как он отошал да изголодался! Варначий сын и сам варнак, сын плута и сам плут, собачий сын собаки. Молоко его пил, пил! После того как ты кормил, поил его, чем он только желал, конечно, он и издевался, как рябая собака, и смеялся, как серая собака!

— Правда, так! Милашка моя! что ж она может сделать, миленькая? Варначий сын и есть варнак. Так разве она его подстрекала? Сын плута, и сам плут, конечно. Так разве она его учила? Раз у меня имеется рот, так сейчас и есть моего птенчика! Раз у меня имеется брюхо, так сейчас и жрать дружочка! До чего я, бедняга, дошел!

Демонов сын взглянул. Из ледяных глыб дома его вышла ему навстречу его жена:

— Эх, старик! Где это ты побывал, друг? Очень я тосковала по тебе, друг!

— Ох, милашка моя, бедня! — сказал он и стал ее целовать и нюхать и размазал ей по лицу и сопки свои и слюны.

Об руку пошли к своему дому. Войдя в дом, демонов сын пошел к поставцу, достал оттуда свой в трех местах заплатанный крепкий серый горшок, натолкал туда медвежьего мяса, налил рассоло и стал кипятить на очаге своем, с устьем наперед и назад. Сам сел у очага, захватив с собою выщербленную мяску и поломанную ложку. Едва закипятила стала сторона, что к огню, он уж стал есть.

— Ах! Друг, милашка моя! Не жди от меня, что спать с тобою буду эту ночь! Очень устал я, друг! Засну я, — сказал.

Повалился навзничь на свою железную кровать и заснул. На обе ноздри храпеть стал.

Чуть за полночь послышался страшный шум. «Что это?» — воскликнул демонов сын и вскочил. Подобрал свою твердую железную куртку и вышел на двор. Сейчас же вскочил назад и бросился в чулан.

Голоногим, с выщуренными глазами, с вытянутыми плашмя рогами и вывороченными надлодыжками шишками самкою тугут¹-зверем² оборотился и провалился сквозь землю.

Что на дворе стоял человек, он у самых подошв его головою вынырнуть собрался. Но на дворе стоящий человек с словами: «что это?» почти на версту вверх подпрыгнул.

Демонов сын в своем собственном виде выскочил.

Демонов сын стал смотреть: в чем мать родила, голый человек стоит!

Демонов сын пристальнее посмотрел: ах это в поросшей деревьями и травами земле не живяющимся родившийся Басымджи-богатырь, сын его, прибыл, стоит!

¹ Тугут — олененок, неблюй. Ред.

² Мифический зверь в былявах и у шаманов. Ред.

Демонова сына Басымджи-богатырь за загривок сгрел. Он стал его вытягивать по спине трехвостною железною плетью: до того вытягивал его, что показались доснившиеся сухожилия спины.

И вот когда хлестал и гянул, прибыл на серых лыжах Эр Соготох удалой.

Навстречу прибывшему Эр Соготоху вышла жена его. Из глаз ее проступали, как русский жемчуг, слезы, и плакала она, говорит. Выплакавшись, возговорила она, говорит:

— Ну, вот! О дружочек, друг мой! Своими, что полный месяц, ушами слушаешь! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Проницательной головы теменем, ровно озерко, глубоким, внимай! Не послушала ты заветного моего слова, доброму слову не вняла, не приняла святого слова, пасти демона чудовищного обрел. Сын незримых угнал в свою землю! Демонов сын привел в дом свой. Как ветлу сырую свернуло меня, как дугу согнуло. Испугавшись демонова сына, никогда не волновавшееся, заключенное в сумку, владыка-сердце мое заволновалось, никогда не трепетавшие, крепкие кости мои стучали от трепета, от губителя дрожало тело мое, от чудовища волосы мои на голове дыбом становились.

Увидел отца своего Басымджи-богатырь:

— Отец! — сказал он: — здравствуй! Чего же ты стоишь? Увози жену! Я остаюсь с демоновым сыном.

Слово сказал он:

— Где вскормлен ты, в страну родимую поезжай! Где создан ты, в усадьбу твою отправляйся! Где провозшел ты, в добрую ту землю отправляйся! В родимую землю-страну отправляйся! Построй там чистый дом! Зажги огонь священный! Ровно озерко, чап заповедный выставь! Наставь, ровно лес, березок светлых! Ряды нарядных кожаных бадей наставь! Заставь подносить резные громадные кубки! Прости!

Эр Соготох взял жену свою и отправился прямо на юг. Басымджи-богатырь остался хлестать демонова сына. И сердце и печень демонова сына стали выпукло проступать чрез ребра. Силы стали падать у демонова сына, пришел день его смерти, унал он. И затем слово сказал:

— Ой-ой-ой! Дитя мое! Басымджи-богатырь! Обними твоими чуткими ушами вслушивайся! Что ясное солнце, глазами твоими зоркими гляди! Проницательной головы теменем, ровно озерко, глубоким, внимай! Много молока своего я выпоял, малого тебя возрастил! «Басымджи-богатырь отца своего убил!» будут говорить. Станешь ты поговоркой у трех верхних колен-родов. У нижних восьми колен-родов посмешищем будешь. Ровесников своих поношением станешь. Тяжелы слезы мои! Тяжелы слова! Много грехов у меня! Черные вины на мне! Убьешь меня — все мои грехи взвалишь на себя. Твой отец, Эр Соготох, толковал про свое богатство. Так ты возьми меня в работники смотреть за конями да за коровами! Гну шею, кланяюсь. Колени сгибая, падаю на колени!

Басымджи-богатырь поднял демонова сына:

— И впрямь очень пригодный человек сено косить или рубить дрова. Надо мне взять его себе в работники!

Демонов сын стал кататься-валаться и оборотился ржавобурным быком, с отметиной на лбу, об одном единственном роге. На него сейчас же Басымджи-богатырь вскочил верхом. Трехвостною железною плетью по спине вытягивая, погнал он его, прямо на юг

отправился. От стремительности езды его забурлило, заволновалось море; непоколебимая преисподняя, как пловучий островок мха, заколыхалась; гулкое широкое небо задернулось густым дымом. В путь отправился!

Приехал в усадьбу Эр Соготоха, отца своего.

Ровно озерко, заповедный чай выставили. Наставили серебрястых березок. Выставили ряды нарядных кожаных бадей. Груды кумысных резных заздравных кубков навалили. Устроили пышный кумысный пир из молока первожеребых кобыл. На правой стороне юрты содового убили, на стороне против камня белого повалили, на левой стороне — черного, у порога светлосивого, в сенях желтоватого свалили. На скотном дворе саврасых уложили. Подрагивающий парень свежевал, пухлый рубил на части, шустрый поваром был. Отец с матерью пришли сюда. Они пир открывали. Их сын верхом на демоновом сыне приехал. На чистом, светлеохном, таком гладком, что обильного вихрями светлого неба граду негде задержаться, креском царь-дворе, у главного столба коновязи, девятью резными узорами разубранного, демонова сына - быка собирался привязать.

Тут мать взглянула на сына. И выступили на глазах матери крупные, словно богатый жемчуг, слезы. Выплакавшись, слово сказала:

— Ну, вот! Своими двумя, что полный месяц, круглыми ушами вслушайся! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Ровно озерко, глубоким пропитательной головы теменем выпкай! В самой глубине золотых недр моих, близ заключенного в сумку владыки-сердца моего, дала гнездо, жилье и уют. Десять месяцев, пока ты, что вода, слабый, не окреп костями, носила я. И ты, пробившись чрез недра, родился. Молоком груди моей лизайной кормила тебя. Я сравнивала тебя с зрачком глаза моего, с белизной моих зубов. Я почитала тебя за отпавший комочек заключенного в сумку владыки-сердца моего. Зачем привел ты демонов-губителей сына? Привел, небось, показать: не видела, мол? О чудовище! как пугалось его мое сердце! О явный негодяй! как трепетало пред ним мое тело! Убери его дадой!

Сын ее сел верхом на ржавобурого, с отметиной на лбу, быка и отправился прямо на юг. Он выехал в черный сушняк, никому еще неизвестный, где черный ворон кричет. Соскочил с демонова сына. Один глаз выбил ему, восемь ребер растоптал, оттоптал ногу ему, руку ему выломал и бросил его.

Когда назад возвращался, то так бежал, что пыль из-под ног шла по верхушкам лиственниц. Прибыл к отцу и матери.

Десять суток, день и ночь, справлялся пир горой, и игры всякие без устали играли. Тут-то женщины плясали! Тут-то силачи боролись! Тут-то скороходы состязались в беге! Тут-то искусники скакать на одной ноге соперничали друг с другом! Десять суток, день и ночь, словом, пировали и играли. Голодный тут-то наедался. Отощавший тут-то отгуливался. Тут-то морщины сменялись лоском на лицах.

А сын, Басымджи-богатырь, на дворе навзничь лежит, подпершись руками в бока, ногу на ногу положивши, в небо смотрит.

Вот отец с матерью выходят, выносят самые лучшие одежды, из отборных мехов серебрястых соболей, пятнистой рыси, из прекрасного волчьего меха, из лучших оленьих, из самых крепких лосиных шкур. Но не могут добиться одеть: не одевается и только!

Переглянулись старик со старухой:

— Э! смотри-ка, друг! В демонском доме родившись, с ума спятило дитяtko! — говорили друг другу. — Своенравный какой! — говорили. — Через край гневный человек! — говорили. — Словно сухожилия ему таяет! — говорили. — Словно жилы ему кто трогает! — молят.

Пошли к себе в дом.

Когда отец с матерью входили в дом, а сын лежал и смотрел, с четырех краев неба пришли, вздымаясь, клочковатые (с головами и ногами) белые облака, а небо распахнулось. На трех молочнорубых конях, с тремя серебряными жезлами, божьи стремляные, три белых молодых человека, речь держали:

— Ну, вот! Не уживающимся в стране, поросшей деревьями и травами, родившийся Басмиджи-богатырь! Своими чуткими ушами вслушивайся! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Провицательной головы теменем, ровно озерко, глубоким, виивай! Доверенными вестниками прибыли мы. Нарочные послы мы.

На молочном озере жилье его, что молоко белое каменное подножье у него, светлым дождем жажду утоляющий Белый Творец Господь, дед твой, говорит.

Содиде-глаз, кожаный мех-грудь, золотое переносе, Ясная Почтенная Госпожа, бабка твоя, говорит.

Властитель рока Господь, дед твой, указывает.

Небесный жеребец, Хан-Джаргыстай жеребец, был отцом его. Хранительницы, тетки твоей, кобылица жалованная на ее скотном дворе, плотная и приземистая серая кобылица была матерью его. С бурной гривой, мятущейся чолкой, с хвостом, что вихрь, с тремя поперечными отметинами, ретивого Джабын-Тугуй¹ молодого коня послали они. Это конь восемь божествами назначенно-посланный.

Севши верхом на этого коня, ты поезжай прямо на восток! Материк-страну проедешь, сменишь она поросшее ветлами долиной. Материк-землю проедешь, тундра пойдет. Взятые с собою припасы все кончатся, а надетая на себя одежда вся изорвется, пока доедешь ты до той страны.

По сю сторону того места, где широкое гулкое небо, как волнистые перья журавля, вниз свисает, а преисподняя, как лыжи тунгуса, поднимается вверх, жвет он, Джагыдыма Богатый Господин именем. У него три красивые вотчины, красивые кони и красивые коровы. Девяти, вольным журавлям подобных, сыновей его младшая, родившаяся после восьми, стерхам подобных, дочерей его, что счатаяют за зрачок глаз его, за белзну его зубов, за отвалившийся комочек его заключенного в сумку владык-сердца, без мяса жиром вскормленная, без молока сливками вспоенная, что питается сердцем и печенью опойка-жеребенка, а џет топленный жир, что нитки у ней шелковые, а иглы серебряные, Ясная Туналынгса² по имени женщина.

Восемь божеств твоих здесь назначили. Властитель рока твой здесь указал.

Тебе велят для лета водрузить четыре счастливые жерди с пучками веток наверху, а для зимы установить восемь крепких основных столбов, нарядный дом постронть, свя-

¹ Тугуй (тубуй) — неопытный, неразвитый. *Ред.*

² От глагола тунданы — белеть-блестеть, сиять. *Ред.*

ценный огонь зажечь, до старости детей родить, до старости скот водить, быть поцелом пешему, а конному приютом, и голодного кормить. Ниспошла! Даруй! Прости! — сказали.

И испустился к нему конь его. Басымджи-богатырь вскочил на ноги. С буйной чолкой, разметавшейся гривой, с хвостом, что вихрь, с тремя поперечными отметинами молодой конь его, Джабын-Тугуй, спустился.

Он схватил его за недоуздок, что был из солнечных лучей. Поводья были сплетены из месяца лучей, с неба взята узда, потник из мха преисподней, седло бугор небесный, из угг веяло бурей, и дым из поздрей курился. Кусками горячего железа тарахтел он, струей воды для заправки железа мочился. Такой был конь.

А у крюка луки седельной была ловкая в тридцать пудов плеть.

Басымджи-богатырь на ноги вскочил. Он отправился в свою осьмиподбную, осьмикрайнюю усадьбу. Отрубил голову отпову быку Тойон-Тойболуну. Как с зайца, целком снял с него шкуру. Раньше нагой, Басымджи-богатырь надел на себя бычью шкуру: глаза к глазам пригнал, рот ко рту, уши к ушам. Из задних ног обувь сделал, из передних рукавицы, из шкуры головы шапку, из спины кафтан. И прибежал домой.

Он схватил с крюка висевшие лук и надуц отца, Эр Соготоха, и пальмú его.

— Ему, старому, уже не надо! — сказал он и подвязал к боку коня.

Сел на небесный бугор-седло коня своего. С отцом и матерью остановился попрощаться и слово сказал:

— Ну, вот! О давший жизнь, почтенный сударь-бабушка мой! О родимая ясная, почтенная государыня-матушка моя! Что солнце, ясными глазами зоркими всматривайтесь! Что полный месяц, ушами вашими слушайте! Пронипательной головы теменем, ровно озерко, глубоким, вникайте! Настал мне час сдружиться с царь-дорогою о девяти высотах. Отправляюсь я в путь, где близко сойтись придется с царь-путем о восьми горных проходах. Я еду изведать глубину бродов грозной пучины. Я еду восходить на подъемы крутых гор. Я еду, чтоб довелось мне установить для лета четыре жердц, с пучками веток на концах, а для зимы вколотить восемь основных столбов я еду. Я еду построить уютный дом. Я еду, чтобы пало на долю мне зажечь священный огонь. Я еду, чтобы судьбою дано мне было родить до старости детей. Водить скот до старости я еду. Отец и мать, простите!

Он схватил свою тридцатипудовую плеть, он пробивал ею круп коня. Он направлял коня прямо на восток.

Изо рта коня сильной бурей веяло, а из носу курился дым. От стремительности сады его заволновались, забурлило море, крепкие деревья ломались, с вихрем снег стал падать и зарыкал лев! В путь поехал!

И кончилась материк-страна, сменилась поросшей ветлами долиной. И кончилась материк-земля, тундра пошла.

Ехал он по такой стране, где ямы по глаз человека, выбоины по печень, за кочки по колена. Солнце там наоборот вращалось и вспать восходило. Царила непроглядная ночь.

Проехал эту страну, выехал по ту сторону ее.

Он доехал по сю сторону того места, где гулкое широкое небо свисает вниз, как перья журавля, а преисподняя заглубается вверх, как концы лыж тунгуса: он прибыл во владенья Красивого Богатого Господина, с красивыми конями, с красивыми коровами.

Приехавши, Басымджи-богатырь стоит и смотрит.

И вот видит он, что солнце здесь никогда не заходит, месяц всегда без ущерба, кукушки никогда не перестают куковать, трава никогда не желтеет, деревья не валятся, вода не убывает, не улетают стерхи, не бросают гнезд журавли.

Многочисленная птичья тварь, найдя тучную, мягкую стоянку, блеском кроет ряды нанесенных красивых яиц, а суетливые, хлопотливые четвероногие, найдя крепкую, светлую стоянку, выводят потомство.

Тут воздвигнуты громадные конские дворы, извилистые веревки для привязи жеребят протянуты, тесно настроены дымные конские загоны, жмутся друг к другу пропитанные потом коровьи хлевы, раздается ржанье плодового конного скота и мычанье плодовых коров. Такая страна!

Увидел он, значит, наконец, белый пышный уют Красивого Богатого Господина. Заблестала золотая юрта.

Восьмиразвилостое священное дуб-дерево в пышной красе росло среди угодий. Корни его дотянулись до Сятхи, сучья до моря дошли, ветви до реки Татты. Кора на нем была черного серебра, белого серебра береста, золотая заболонь была на нем, крупного серебра шишки, листового серебра листья. Такое, красуясь, дерево росло.

К подножью его рысью подбегал Басымджи-богатырь и с коня соскочил.

Он зажег такой огонь, как жертвенный костер могучего шамана. И огонь стал пожирать священное дуб-дерево!

Стадного жеребца, Хан Джарылык¹-жеребца их, на вертел насадил он! Главную кобылицу скотного двора, приземистую, коренастую, серую их кобылицу на вертел насадил! Племенного быка, Тойон-Тойболун-быка, на вертел насадил! Лучшую из коров, в хлеву непрестанно содержащую, на вертел насадил! И лег он спиною к разведенному им огню.

— Такой человек прибыл! — домашние говорили отцу: — гибельный человек! Восьмиразвилостое священное дерево-дуб наше сжег!

— Э, парни! — сказал отец: — пусть поведает он про свою родную страну! Назовет пусть имя давшего жизнь отца! Вскормившей матери имя скажет! На прыткой лошади доехать — имя его поезжайте узнать! Дорогами доезжать — славу его разведайте! С гонимому помирая, алчный, он это на еду накшнул? Поезжайте, спросите!

О девяти, что молоко, белых конях, девять красавцев-молодцов вскочили на девять коней и поехали. Они прибыли к этому человеку. А он из четырех своих вертелов мяса два поворачивал!

Все девятеро на конях своих, поспев, остолбенели, увидев этого человека. Кругом шагом оббегали. И ни одного не нашлось заговорить с ним.

Все девятеро повернули назад. Приехавши, отпустили они на дворь своих коней. Все девятеро рядком сели на правом прилавке. Когда вошли они, отец их слово сказал:

— Парни! Что? Спросили имя отца его? Что, парни? Имя матери его спросили? Самого его как зовут, узнали? Зачем прибыл человек?

¹ Важный, блестящий. Ред.

— Ах, почтенный государь-батюшка! И черный глаз не видал такого, и плоское ухо не слышало! — говорят они: — и не узнали мы, чорт ли это или человек чистого мира. Мы не то, что спросить, а и не подходили близко!

Отец на это сказал:

— Черные собаки! И здесь и вдали всюду бродите, всюду подвыгов да состязаний ищите! Не потомки мои вы, а выродки! Немного дней впереди меня, а далеко ушло, что прожито! Старуха, веда ввести мне ту одежду, что в молодости надевал я!

На это старуха велела принести из амбара его одежду.

Накинули на него серебристых соболой доху, пятнистой рыси шапку набекрень надели, лучших волчьих шкур панталоны надели, серебристых соболой задних лапок меха сапожки обули. С двух сторон поддерживали его. И старик нетвердыми ногами пошел. Но не мог выйти на двор старик: уж очень тучный был! Жир около сердца души старика.

— Ну, голубчики! Если одолеет человек, пусть себе одолеет! Если обгонит, пусть себе! Введите меня в дом! — говорит он.

На резную новую деревянную лавку, что выслась, как крутой склон каменной долины, посадили старика. Нег человека, чтоб пошел поговорить с Басымджи-богатырем!

И вот бубенчик коровьего хлева, звонок на палке над яслями, знакомка яслей, поглядывавшая красной медью глазами, похожими на зимний на ущербе месяц, служанка старуха, — в кафтане, в девяносто местах прогнившем, из шедудявого телянка шкуры, в корявых штанах, дыбом стоящих подштанниках, в сапогах лыжами, с почерневшей железной лопатой, — из хлева вышла. Хватилась руками о левый выступ печи.

— Ну, мать! отец! — сказала.

И слово сказала:

— Ну, вот! Громкоголосый сударь-отец! Ясными, что солнце, глазами зоркими гляди! Что снег, белоголовая государыня-мать! Что солнце, ясными глазами гляди! Девять, вольным журавлям подобных, молодых людей! Дети мои! Проницательной годовы, ровно озерко, глубоким теменем випкайте! Восемь, стерхам подобных, девушек! Дети мои! Внимайте! Сто лет исполнилось мне, до помраченья состарилась я. Восемьдесят лет уже до изнурения стара я стала. Три людских века проживши, захирела совсем я. А видела я и из трех верхних колен-родов и лучших и дрянных. И из нижних восьми колен-родов именитых видела я. Пойду-ка я: узнаю, где вскормившая его мать-родная земля. Выскрошу, как зовут давшего ему жизнь отца! Услышу имя матери его, узнаю имя его самого! Может-быть, это прибыл такой человек, что зарится на скот, умирая от бедности. Или он в безвыходно-стесненных обстоятельствах и на добро зарится. А не то, до смерти обнищавший, на одежду зарится. Или, с голоду помирая, алчно пищи ищет. Ходила я к именитым чужестранцам, так не пойду разве на что бы там ни было?

Побежала вприпрыжку к своему прилавку, отвернула одеяло, сшитое из восьмидесяти шкур вылинявших жеребит, подовинку ржавых ножиц взяла, заткнула слева за голышко. Прибежала, из широких сеней выскочила. На крепко-убитый двор, такой гладкий, что обильного вихрями светлого неба граду негде там задержаться и негде сесть пушинке снега с далекого светлого неба, выскочила.

Стала она кататься-валиться: оборотилась в бурю бесхвостую, безрогую жертвенную корову. Во всю мочь бежала и прибыла к этому человеку.

Не смутилась, не оробела, как те парни.

От восьмипразвильного священного дуб-дерева обуглившийся пень только стоял. На него она положила левую щеку и тереться стала. И сказала слово:

— Ну, вот! Наверху есть Грозный Дородный Господин. У него люди спотыкаются, скот все пьитесь назад; чванливый, слышно; холодный дом у него и драчливые парни. Не из тех ли ты? А то молва была, что в непоколебимой преисподней, о семи подпорах, о девяти трубах, о трех дымовых трубах, Арсан Дуолан старик захозяйничал и стал там отцом вялых, сонливых восьми колен-родов. Не из того ли ты племени? Или ты из той страны, где валится деревья, где солнце восходит и заходит, где вода убывает и прибывает, где красуется и блекнет трава, где валится отборные деревья — здесь в запovedной средней земле - государыне произошел - родился ты? Назови давшего тебе жизнь отца! Вскормившей тебя матери имя скажи! Откуда кровь твоя? Чьей утробы ты человек? Поведай про твою родную землю! Своими чуткими ушами вслушивайся! Что солнце ясное, глазами зоркими гляди! Проницательной головы, ровно озерко, глубоким теменем вилай! Что ущелья склоны, разумом высоким метко угадывай! Я пришла сюда доверенным гондом, нарочным послом пришла я. О трех красивых урочищах, владеющий красивыми конями и красивыми коровами Красивый Богатый Господин, отец мой, говорят: обедневши — на скот позарившись, удрученный нуждою — на добро позарившись, пришел он? или обнищавши — на одежду позарившись, отощавши — на еду алчный, пришел?

Басымджи-богатырь поднялся и сел. Он, что уздечные кольца поводыев, круглыми большими глазами повел в ее сторону. И возговорил он:

— Ну, вот! Дева! Старуха! Обои ми твоими, что полный месяц, ушами слушай! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Проницательной головы теменем, ровно озерко, глубоким, вилай! О трех красивых урочищах, с красивыми конями, с красивыми коровами Красивому Богатому Господину доверенным вестником будь, нарочным послом! Отец у меня Эр Соготох по имени. Он домо м жить стал в схватки прежних годов, родился в деянция былых годов, вскормлен в смуты старых лет. Мать моя Мотылек-Прекрасная-Белая-Юкейден называемая женщина. Она дочь Медного Праведного Господина. Она вскормлена лосиным молоком, умащена была костным жиром лосиным. У ней стельки три зеленые травки. Коса у ней в три сажени. С трех долин лучшее приносили — так холлили ее. А мое имя: в земле, поросшей деревьями и травами, неуживающимся родившийся Басымджи-богатырь. Из далеких стран, выпрашивая, прибыл я. Из знаменитых, славных стран, имя называл, весть выпытывая, прибыл я. Меня послали восемь божеств мовх и имя назвали. Государыня-Хранительница¹, тетка моя, послала и говорила. Властелин рока, Царь Владыка², дед мой, послал и указал. Девяти вольным журавлям подобных сыновей его младшую, восьми статным стерхам подобных дочерей его позже всех родившуюся, зрачок глаза его, белизну зубов, отвалившийся комочек владыки-сердца его, без мяса жиром одним вскормленную, без молока сливокми вспоенную, опойка-жеребенка печенью и сердцем кормимую, жиром

¹ В якутском тексте: Ыајахсит хатын. *Ред.*

² В якутском тексте: ҕылаба хан Тоҕон. *Ред.*

поешную, с шелковыми нитками, с серебряными иглками, с десятисаженной косою тонких, гладких серебряных волос, Солнце Ясное женщину по имени, дитя его, я пришел взять. Если не отдаст он, то я погану его священный важный огонь, разломаю нарядный дом, помрачу ясное солнце, развею его усадьбу, туманом подниму ее, росой разбрызгаю. Я снижу его высокое имя, изгрязно лицо его белое, самого его распластаю, посажу его на смертный конь, в смертные одежды одену. Даст — возьму, не даст ли — тоже возьму. А миром я не уеду.

Старуха домой отправилась. На том дворе, где обильного вихрями светлого неба граду задержаться негде, она каталась и валялась: и опять стала сама собою старуха служанка. Она распахнула гулкую крепкую дверь, что семи человекам не открыть, и стала, опершись о левый выступ печи, и слово сказала:

— Ну, вот! Почтенный государь-отец мой! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Солнце-почтенная государыня-мать моя! Что полный месяц, ушами круглыми внимай! Девять, вольным журавлям подобных, молодцов! дети мои! Проницательных голов ваших теменем, ровно озерко, глубоким, вникайте! Восьми статным стерхам-самкам подобные девшцы, дети мои! слушайте! Глаз мой черный еще не видывал такого человека! Плоское ухо не слышало! И про родину его я доньталась. И имя той земли выведала, где он на свет появился. И сказал он мне, кто вскормившая его мать. И его самого имя от него узнала. Имя его отца — вот такой именем человек, говорит: в смуты старых годов вскормлен, в битвы прежних годов домом обзавелся, говорит; в деяния былых годов рожден, говорит. Эр Соготох называемый, говорит, человек. То, говорит, его отец. Медного Праведного Господина дочь; ее, говорит, вспоили лосиным молоком, умащивали лосиным костным жиром, лосиным мясом вскормили, три зеленые травки стельки у ней, в три сажени коса ее, с трех долин лучше брали да холяли ее. Мотылек-Красивал-Белая-Юкейден женщина именем, говорит, есть. То, говорит, мать его. А я, говорит, Басымджи-богатырь и родился я неуживающимся на земле, поросшей деревьями и травами. Я, говорит, прибыл из дальних стран, выпрашивая. Я, говорит, из знаменитых стран прибыл, имя называя. Восемь божеств моих назначил, говорит. Властитель Рока мой указал. Хранительница моя послала и говорила. Будь же ты доверенным гонимом и нарочным послом к Красивому Богатому Господину, у которого три красивые урочища, красивые кони и красивые коровы. Я прибыл, говорит, взять дитя ваше, именем Солнце Ясное. Она, говорит, младшая девяти вольным журавлям подобных сыновей его, из восьми статным стерхам подобных дочерей его позже родившаяся. Зрачок глаза его, белзна зубов, комочек отвалившийся заключенного в сумку владыки-сердца его она. Вскормлена одним жиром без мяса, вспоена слявками без молока, ест она только сердце и печень опойка-жеребенка и пьет жир, как воду; десятисаженная коса у ней гладкого серебра. Если он не отдаст, я разрушу его нарядный дом. Я погану его священный, важный огонь. Ясные дни его омрачу. Его усадьбу разорю. Весь народ его уничтожу. Великое его богатство прахом подыму и, как росу, разбрызгаю, говорит. На смертный конь посажу его, говорит. В смертные одежды одену его, говорит. На смертное сиденье посажу, говорит. Миром не отведу я, говорит: даст ли, не даст, возьму, говорит.

Старик сказал:

— Если Властителем Рока указано, то как же я не отдам дитя мое?

Когда Басымджи-богатырь стоял и глядел, то, как раз в то время, как этот старик говорил, прямо с запада, ровно сполохи, стал вскипать огонь голубым маревом.

А когда затем глянул он, то показалась, ровно б отрезок соснового леса, сухопарой серой лошади голова, вздымаясь на железном, словно безменная цепь, поводу; трехгранным, из каменной глыбы, седлом оседлана лошадь была.

А еще когда посмотрел, то с железными висками, ровно б сосенок роща с проступившей смолой, с едвым глазом прямо посреди лба, ровно б то яма высохшего озера, с переносьем, ровно б то спинная кость худого быка, с седой бородой, ровно б нагрудник, с открытым ртом, ровно овраг, с ржавыми зубами, с темносиним языком, с загребистой ладонью, выросшей из грудной ямки, с выросшей из паха, торчащей черной ногою, одетый в железную кафтан-куртку, в железной шляпе, в семи местах насквозь протертой, в железных форменных штанах, в железных сапогах, в железных перчатках мужчина едет. Он на пути так говорит:

— Ой! ой! ой! Владеющий тремя красивыми урочищами, красивыми конями и красивыми коровами, Красивый Богатый Господни! Раскрой свои чуткие уши! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Теменем головы твоей, глубоким, как озерко, внимай! Издалека и поднялся, выпрашивая. Гибели-Боя шаман¹, дед мой, указал. Гибели-Зла шаманка², бабка моя, говорила. О семи подпорах, о девяти трубах, о трех дымовых трубах, широкая, непоколебимая преподня — там я родился. Где торные царь-проходы, где знаменитые царь-дороги, царь-опасные крутизны, холмы с царшей выюгой, где зияют огненным туманом реющие долины, где волнами почетные родовичи, где тиною стойми черные молодые люди и глыбами черные девицы, где белобокие сухопарые кони и черные упрямые быки, там родоначальником стал над обомлевшими восемью коленами-родами Арсан-Дуолан именем человек. Это мой отец. Глыба-Громада Госпожа то моя мать. Мерзаль Торольджун-богатырь имя мое. Я слышал и расспрашивал про дитя твое; что сравнивают с зрачком глаза твоего, с белизной твоих зубов, что отвалилась комочком заключенного в сумку владыки-сердца твоего, что ест один жир без мяса, пьет сливки без молока, ест печень и сердце оюйка-жеребенка и пьет жир, как воду, что с нитками шелковыми, с иглами серебряными, что с десятисаженною косою гладких серебряных волос, Солипе Ясное — прекрасное дитя твое пришел я взять. Вот уж тянутся раздутые ноздри мои понюхать сладчайший запах из-под щечек дитяти твоего. Тянутся толстые губы мои поцеловать губоньки дитяти твоего. Вот уж скрючились крючковатые пальцы мои ласкать дитя твое. Э-э! старик! Дашь ли, не дашь — возьму!

Басымджи-богатырь услышал эти слова.

И вспыхнули с треском, как загоревшаяся сера, волосы на висках Басымджи-богатыря. Свернуло в дугу ребра его, как лук тугой. Светло жилы печени его, стгнуло сухожилия хребта.словно напившийся племянной бык, гневная дума, мыча, выиграла. И вся запальчивость его рвалась наружу. В таком гневном помчался он на демонова сына и пальцею своею ударил по швам головы.

— Ах-ах! — вскричал демонов сын и рухнул наземь.

¹ В якутском тексте: *Өлү Кыкылайы ојуна. Ред.*

² В якутском тексте: *Өлү Кып удабаана, ниже (стр. 53): Өлү Куп удабаана. Ред.*

Трехгранное каменное седло рассек он вдоль пополам. И вдоль пополам рассек, словно по перешейку отхваченный черного соснового леса кусок, поджарую лошадь его. Лошадь демонова сына издохла. Тогда возговорил так Басымджи-богатырь:

— Ну, вот! Из какой-такой страны пришел это ты, презренный? Бесшабашная черная собака! Глянь-ка на яд его уст! Из извиля какой страны ты пришел? Глянь-ка на соль его клюва! Гляди-ка на горечь глотки его! Мое имя: на земле, поросшей деревьями и травами, неуживающимся родившийся Басымджи-богатырь! Померялся, потагаемся! По головам, по темени побьемся, порубимся! Искромсаю я шкуру твою толстую! Черную кровь твою повыточу, крепкие кости твои искрошу, высокое имя снижу, белое лицо изгрязно, тебя, добра молодца, уложу, на смертный конь посажу, дам смертных яств вкусить, в смертные одежды одену; ты, по-моему, последние дни изжил, последний твой путь пройдеши!

Восьминых демонов сын на него в упор поглядел и Эксёно-птицею загракал, львом-зверем зарыкал. И возговорил, говорят:

— Ой! ой! ой! Глянь ка на яд подобного карапуза! Не тебе чета высококошменного ровля я! Не тебе чета белолицего разил! Не тебе чета храброго стирал! Тебя, добра молодца, уложу я! В моем каменном чреве сгною я тебя, в каменную глотку мою положу, омочу свой жадный, длинный язык! Так, значит, ты давно пришел к Солнцу Ясному, женщине моей? Не позучить тебе женщины моей! Это моя собственная жена.

И спшиблись они, как громовой удар в грозу. И стали они лупить и тузить кулаками друг друга. Вступили в бой!

Под тяжестью ног их накренилось и полилось море: Гибели-Дракова рыба, с чешуею назад, с плавниками наоборот, так забегала, что изодрала себе брюхо.

Тадую землю в кашу истоптали, в такую мокрую тундру обратили, что паук и то увяз бы. Лев зарыкал, с вихрем снег стал падать, крепкие деревья ломались.

В высй живущие в высй удетели, подземные пали под землю.

Вышние три колена-рода, наклонившись, глядели:

— Э! вот это бойцы!

Подземные восемь колен-родов, выдвинувшись, говорили:

— Вот это народ!

Разорили они старикову усадьбу. Омрачили ясные дни старика! И белых и черных бегунов истоптали: больше половины скота погибло. И траву и деревья стариковой усадьбы вытоптали. Ровнеховько тридцать дней меслца дрались они. Своим трехсаженным боком подхватил демонова сына Басымджи-богатырь. Сел верхом на грудь его и стал вытягивать у него главную кровеносную жилу, что у хребта. Изю рта у демонова сына черная смола клокотала. И возговорил он:

— Ой! Прости, земля родная! Арсан Дуолан, отец мой, прости! Глыба, мать моя! прости! Нарядный дом мой, прости! Пламя-огонь мой, прости! Гибели-Боя шаман, дед мой, прости! Гибели-Зла шаманка, бабка моя, прости! Коснулся день смерти. Сел я на смертный конь, надел я смертные одежды, вкусил я смертных яств, высокое имя снязилось, белое лицо изгрязнилось; сам я, добрый молодец, умираю.

Он вырвал главную кровеносную жилу у демонова сына. Демонов сын издох.

— Пир месяцу и солнцу! — сказал он и развеял. Погиб демонов сын.

Басымджи-богатый удалой, вскочив, поймал того с бурной гривой, разметавшейся чоклой, вихристым хвостом, с тремя поперечными отметинами коня своего Джабын-Тугуя. Он сел на небесный холм-седло и взял поводья.

Он взглянул в сторону стариковой юрты: набросив доху серебристых соболей, набекрень надевши пятнистой рыси шапку, лучших волчьих шкур штаны надевши, задних лапок соболей серебристых сапожки обувши, громкоголосый, бородастый, сокол собою, почтенный старик вышел, вишь.

Налево от него глянул: как снег, беловолосая, дородная, почтенная женщина стоит, вишь; на ней накинута серебристых соболей доха, набекрень пятнистой рыси шапка надета, лучших волчьих шкур штаны надеты, серебристых соболей задних лапок сапожки обула, о трех отверстиях узорную гадальную ложку держала, а вокруг нее восемьдесят слуг стояло.

Десяти парням наказано было подносить девять резных больших кубков: налили молока первожеребой кобылицы, сдобрили желтым маслом, с яйцо гоголя кусками.

Восьми девицам велено подносить восемь увитых гривую кубков: кумыса молодой кобылицы налили, сгустками с яйцо кряквы белыми слявками сдобрили.

Солнце-Ясное девице выйти велели: чрез платье тело виднеется, чрез кости — мозг костей! Как выйдет она, мрачный дом светлеет, светлый — сияет. Такая-то красивая девица была, говорят.

Басымджи-богатый увидел это. Он схватил свою тридцатипудовую, цешкую, как говорится, плеть, до крови стал ею хлестать коня и вихрем помчался. Проездом сгрел за ворот Солнце-Ясное девицу, на коня бросил и поехал прямо на запад.

А старик со старухой говорили промеж себя:

— Да что ж это за беда такая, друг? Да, ведь, это, друг, прямо на глазах упустили дитя свое?

— Гляди, и слова не скажет человек! — говорили.

— Гляди, ни скота, ни кушаньев ему и не надо! — говорили.

Вслед дочери они благословляли, говорят, и так говорили:

— Ну, вот! Ниспошли! Даруй! Дитя наше! Как доедешь, то на лето четыре с пучками веток наверху жерди воздвигни, а на зиму восемь толстых, крепких столбов установи, острой нарядный дом, зажги домашний огонь, просторный, крепкий конский загон огороди, развесь извилистую веревку, хороших жеребят привязывай там, тесно строй дымные конские дворы и ряды пропитанных потом хлебов для коров воздвигай! Пусть в уюте живут порожденные тобою дети, а водимый тобою скот в оградах стоит! Ниспошли! Даруй! Прости!

Басымджи-богатый в путь поехал. От стремительности езды его морская вода вздымалась и бушевала, ледяная метель настала. Поехал в путь!

Когда приехал в свою восьмиободную, восьмикрайнюю зеленую, цветущую землю родную, то там Эр Соготох, отец его, и почтенная государыня-мать его выставили, что озерко, громадный ясный, белый чан, словно роццу березовую, золотистых березок натыкали, нарядные кожаные бады в ряд поставили и рядами же поставили увитые гривую кубки, множество резных задранных кубков грудью наложили. Сиденье покрыли цельною белою конскою шкурою.

Выставили громадный, ровно поле, стол-лабаз, наставили, что озерко, громадных блестящих серебряных тарелок, а на них положили и жиру отборного и сала толстого. На правой стороне в доме серых свалили, в красном углу белых множество положили, на левой стороне черных расластали, а у входа булавых повалили. На скотном дворе саврасых уложили.

Пухлый парень рубил на части. Подрагивающий свежевал. Шустрый поваром был. Посыльный косноязычный парень созывать гостей отправился.

Поводья приняли, с коня сойти помогли.

Деять дней и ночей великое пиршество пировали. Исхудавший тут жиру нагуливал, отошавший тут наедался. По меткам скакать на одной ноге тут скакали. Неуклюжий силач тут боролся. Большими прыжками тут-то скаканье было. Тут-то женщина плясала!

Деять дней и ночей праздновали.

На лето тут-то четыре махровые жерди устали, на зиму тут-то восемь крепких столбов воздвигли.

И вот, гляди, нарядный дом настроили. Огонь домашний, гляди, зажгли. Гляди, конский двор крепкий огородили. Гляди, веревку извилистую повесили. Гляди, и добрых жеребят водили. Гляди, дымных конских дворов тесно настроили. Гляди, пропитанных пѳтом коровьих хлевов ряды настроили. Гляди, рожденный ребенок нашел уют, кормимый скот в ограду стал. Гляди, ночлег нашелся для пешего, для конного приют.

Так-то вот богато и широко зажили.

Вороним конем владеющий, в оборотничествах искусившийся Кулун Куллутур¹.

Ледовитое море² вокруг, на востоке теплое море, внизу Арат-море, нажимай — не колыхнется, наступай — не гнется, топчи — не шатнется — на светлой земле есть, говорят, сказка. О девяти перекладинах, о восьми подпорах, о семи скрепах, о четырех засовах, о трех углах, высокое светлое небо — под ним есть, говорят, сказка.

Простор поперек неведомый — широкая сияющая страна! Протяжение вдоль неведомое — необъятная вдаль земля!

С подножья восточных склонов путаными нитями перевита нарядная земля, с западных склонов отчеканены ее красивые луговины, с северных склонов отлиты ее махровые поля, с южных склонов добыты ее зеленого шелка долины, вытянутым листам жести подобны ее урочища, тени не видно — светлые озера, певую не покрываются молочные озерки, грязью там творог, солончаками скопы молочные, черные глубины — это масло с квашеным молоком, лесные озерки — сливочное масло, горы — из кишечного жира, угесы — из подбрюшного жира, вровень с головою³ молодецкого коня растет там хвощ, а зеленая осока — по развеваящуюся чолку доброго коня; по гладкие виски отменного коня — горная осока, по коленные чашки прекрасного коня — нарядная трава; как жгуты из серебра — там ветлы, как ссученное серебро — тальники; красуются березы, кругом тальник, ерником поросли дороги.

Нет зимы, а все тянется лето, такая страна. Ночей нет, а все стоит светлый день, такая земля.

Не заходит солнце там, не потухает месяц, не отлетают грудастые петушки, постоянно верещит лысуха, не перестает куковать звонкоголосая кукушка, не замолкает горленка, не отлетают белобокие утки, все те же неизменно кулики, и никуда не уходят крошшпены.

Широко пошла молва об этой стране⁴.

¹ Якутский текст поэмы записан мною в 1895 году в Дювюнском улусе Якутского округа 5/17 — 7/19 октября со слов молодого сказочника, уроженца 2-го Оспетского наслега того же улуса, Николая Афанасьевича Каприна.

² Букв.: мерзлое.

³ По обаянный лоб.

⁴ Здесь и ниже большое отклонение перевода от синтаксического строя якутского текста. Это иногда повторяется и далее.

Слава ее высока, не доползешь. Велики достоинства! Обездоленному тут и государь-отец и государыня-мать. Далеко бродят ее кони, повсюду шатаются коровы. Вздыхается довольство и бренчит богатство. До Оймекона разбрелись ее кони, и с того края оймеконцы кормятся ими, жара на вертелех, а кони все растут в числе. А рогатый скот с своего конца поедает Камчатский народ, и, несмотря на то, растет он.

Как дымка знойного дня, реют дымокуры. Как в свете месячной ночи, виднеются конские дворы. Лосятся яси. Заперты летние стойла. За дневной переход пешего сивют заплаты. За десять дней пути проступают очертания оград.

Кругом дома тишь да гладь — соринке негде упасть! Двор — град катись по нему — крепко укутанный. В ряд выстроились двенадцать амбаров. И стоит священная коновязь о девяти привязях, словно то почетные особы сошлись да, обвиняя друг друга, громко беседуют. Тяжелая, плотная дверь: пусть семьдесят человек пинают ее — не шевельнется. И тяжеловесная входная дверь: пусть восемьдесят человек растопыривают ноги — не откроется. Громаднейший засов: пусть натужатся девяносто человек — не отодвинется.

Был громадный порог, словно б то, хватив по лбу, поставили на колени черного быка.

Вскинув глазами вверх, войдя в дом, посмотреть кругом, то, говорят, были там задние балки, словно б то старшины стояли и грубыми голосами разговаривали, и передние балки были, ровно б то стояли почетные люди и громко беседовали.

Ровно б отвалили громадный камень южной страны и поставили его, из такой громадной каменной глыбы печь была. Выступы ее были такие широкие и громадные, что похожи были на двух гвехых кобылиц, осаженных назад.

Холм глыб булыжника служил шестком. Как днище десятисаженного стога сена, был покрыт он слоем мелкой, обильной золы. Раскаленные крупные угли на нем были с отрубленную голову трехгодовалого быка. В продолжение семи людских веков горит-трещит семь порубленных громадных листовниц, что внесли и натолкла семеро юных парней.

В девять саженей широкая дымовая труба была, скакали искры, взвивался дым, горячая струя била вверх, жар не остывал, говорят. Жар от раскаленного угля печи, проникши в непоколебимую преисподнюю до проторенного громадного прохода, оборотившись серовато-рябеньким быком, стал там, загораживая проход. Здесь главного из грязнолицых, господина закоптелых лицом, отца мутнолицых, грубых восьми колен-родов атамана, Арсан-Туолая демонского быка, с такими развилстыми рогами, что ни в какую страну не войдет, с таким крутым позвоночным столбом, что ни в какую землю не войдет, с таким щетиныстым затылком, что ни в какую сенокосную долину не войдет, с разбитыми копытами, с дырявыми почками, с перехваченным хвостом, с осклизлым задом, гибельной гибели тяжеловесного черного, белоголового быка племянного, когда намеревается выйти — «стану, мол, я началом погнбелн среднему миру!»¹ — этот серовато-рябенький бык, наставив на него рога, не пропускает.

А вверх вздымающаяся горячая струя пламени печи, донесшись до близкого к земле светлого неба и оборотившись темногвехым жеребцом, стоит, говорят, там поперек железного лоснящегося прохода, подобного зарубкам нёба ретивого коня. И ворчуна, Грозного

¹ Это — земля; небо — высший (верхний) мир, преисподняя — нижний.

Владыки старика, — что люди у него спотыкаюшнся, а скот поровыстый, — гибельной гибели ржаво-рыжий жеребец, с мятущейся гривой, с бурным хвостом, быстро спускался, тоная ногами, по тому железному полированному проходу — «стану, мол, я началом гибели среднему миру!»¹ — увидев того (темноногого) жеребца, остановился.

Как бы не колыхнулось, мол — девяносто плах поставлено. Не рухнуло б, мол — восемьдесят столбов вколочено. Не расшаталось бы, мол — семьдесят подпор подперто.

Словно молодых коней боком наложки, такие золотые закроймы, говорят, у прилавков. И чуланчик на них с бречащими дверками, и узорчатый красный угол, и сами они резьбою украшены.

В шесть слоев тяжелой меди пол настлали: не прохватило б, мол, снизу холодом. В три слоя серебра крышу настлали: не пахнуло бы, мол, сверху сквозняком.

С востока, запада, севера, юга великий, что трехпоясная берестяная юрта, вихрь не повалил бы, мол — воздвигли крепкого камня стены.

И было там с юга девяносто громадных окон: пусть, мол, лучезарное ясное солнце, в полной мощи своих девяти пучков лучей, пробираясь поверху девятислоистого широкого ясного неба, ярче бьет. У этих окон и днем и ночью девяносто жаворонков щебечут.

И было там с запада восемьдесят, с большими простенками, окон: пусть, мол, лучезарное, ласковое, ясное солнце, в восьми снопах лучей, спускаясь по восьмислоистому далекому небу, лучезарнее светит. Здесь восемьдесят певчих птичек и днем и ночью поспевают.

Ровно половина сенокосного дола, великолепный парадный стол был. Блестящего серебра тарелки были, ровно б то выбросили целиком кругами лед озерка. Были серебряные ложки, ровно б лопаты приморских жителей для откидыванья льда. Были серебряные вилки, ровно б вилы, которыми старинные люди метали стога сена.

Было уютный дом, что кругом только тельная лошадь обежать могла бы. Сенцы были, что сильная лошадь, задыхаясь, пробежала бы.

Словно околосердечный жир, серебряный уют был. Если глянуть кругом, то в переднем углу увидишь: гордо сидит, опираясь на золотой посох о трех перехватах, важный собою, с выступающим кадыком, громкоголосый, знатный господин. А в левом углу, если взглянуть, осанисто сидит седоволосая, как снег, госпожа. Направо с пташку (величиною) служителя у них нет, направо с тетерку (величиною) приспешника-парня нет. Что называется, с кукушку (величиною) домочадца, и того у них нет.

А только и есть домашних, что, как говорится, понграли — и дитя появилось, поговорили — и человеком стало больше, побеседовали — и якутом стало больше на свете — единственное дитя их: родился и подживает, человек именем Кулуу Куллустур, что владеет природным рысистым конем. Отроду ему пятнадцать лет.

И все-таки сказочное дитя. Он был как лучший из иностранцев, как отборный из народа, как старшина людской, как избраннейший из якутов. Так они жили: мозгом костей зубы набивали, толстую шею позвонками клали себе, жирные куски плитками резали. Крепким кумысом горло прочищали и свежим кумысом смачивали глотку.

¹ Т. е. земля (см. прим. стр. 57).

В большом богатстве и довольстве жили, от твердого икала, жидким поперхиваясь. Хилому матерью были, хворому отцом, сиротам владыкою.

С загорелыми коленами, с пятнистыми боками, рябою грудью, с проступавшими ребрами, с обвислым брюхом, неокрепших мальчиков и девочек, как питомцев, кормили и ставили на ноги.

Сгустилась сумерки матушки-ночи, черная матушка-ночь взяла в усы, серая матушка-ночь обступила.

Стала одолевать слеза из глаз и приневолила. Разостлали на резных прилавках нарядные подстилки, положили упругие подушки, нарядными одеялами покрылись, серебряных собелей и пятнистой рыси мехами укутались и уснули, говорят.

Со словами: «зря занялась!» мол, потягиваясь, «светает!» мол, позевывая, «солнце взошло!» мол, вздыхая, вскопали они.

«В серую мою матушку-ночь серая грязь пристала ко мне, пожалуй!» мол, так говоря, все прочь отмыли голубых пучки водою.

«В темную мою матушку-ночь черная грязь пристала ко мне, пожалуй!» мол, так говоря, все долой отмыли темных пучки водою.

В былые века ластика начисто не было, сукна совсем не было, плису ничуть. Вот поэтому утерались они плотною конскою цельною кожей. Поели, покушали.

А этот, Кулун Кулустр называемый, человек оделся в лучшие лосиные кожи и олени, лучшие волчий меха и медвежья с проседью, затонал, застучал ногами, выскочил и отправился в поле. Он тяжело шел походкою тяжело шагающего племянного быка. Он грузно переваливался походкою грузно переваливающейся беременной женщины.

В талую землю уходил он по вертлюги, по колени влинул в мерзлой.

Дошел до чистого озера, где любил купаться, и разделся донага.

Три дня и три ночи прохлаждался он там. Выскочил и оделся.

Были золотые холмы, где играть в скачки на одной ноге; там он много скакал на одной ноге. Были чистые поля играть в прыжки — там он много прыгал. Был там дуб в борьбу играть; с ним боролся он, что треск шел. Была каменная гора, чтоб там отдохнуть на вольном воздухе, — и наверху каменной горы отдыхал он на вольном воздухе.

Прямо держалась шея. Взоры блистали. Чуткие были уши. Дюжи плечи. Стройны ноги.

Он так повел взором кругом, словно б братяна, иль там кубок паршественный шел в круговую. И видится ему, как раз посреди поля, в златом и блестящем его средоточии, бугор плодородный и громадный.

На бугре том величественная, пышная береза: переплелись ее семьдесят корней, и тодствоважны ее восемьдесят ветвей. Словно вниз опрокинутые паршественные кубки богача, крупны ее шишки. Словно берестяная подстилка богача, широки ее серебряные листья. В три пальца толщиной серебряная береста на ней была, в шесть пальцев толщиной золотая заболонь, чуть не до Сихты достигал цвет ее, чуть не до моря почки, чуть не до Татты побег.

Подземного мира сплетения семидесяти корней ее проросли в широкую, непоколебимую преисподнюю. Проросли, как раз, посреди двора гибельных и ужасных восьми колен-родов отца, Арсан Туолая старика, — «о какая, мол, грязница! наружи дома чуднца! Да я, мол, большое дерево, и трех лет не дотяну: сгнию, паду непременно!» — дугою выйдя вверх, водрузились столбом для вешанья сливок у Господина и Госпожи генеев рогатого скота (коров).

И знаком того, что тут приходили в гости к нижним¹ божествам, по трое суток, вздувшись, стояла белая влага, с белого горнистая в вышину.

А вышние восемьдесят кудрявых ее ветвей, пробившись чрез восьмислойное, стройное, светлое небо, «у того, что люди его заппауются, а скот у него норовистый, у Всполошного Грозного Владыки, как раз, посреди двора его, проросши насквозь, возникши, не водрузились ли нам семиветвистою ржаво-бурою коновязью?» мол.

— «Да нет!» — молвили: «наружи дома чуднца стужа, ведь! Вот громадное дерево в десяти лет выжить не могло! готовятся насмеяться духи мелкой растительности над нами, никвущими пожелтевшими главами». Так молвивши, подобно слоями положенным грибе и хвосту дородного жеребенка, выйдя наверх, водрузились они, говорят, у Подножье-его-Молочное-озеро-Сам-беломолочный-камень-собою-Белого-Творца-Господа и Почтенной-Государыни-матери пышною, ясною коновязью, говорят.

Тут тридцать божеств, собираясь, по семи суток пьют в круговую, чаши передают друг другу и кубками обмениваются, говорят.

И, ровно остров березнику, водружают пирашественный частокол у верха этой березы, говорят. И тут боги, собираясь, играют и пируют, говорят.

И познается, говорят, знак этого их пирашества: яйцами гоголя журчат и бурчат капли, падая на землю, говорят. И та вышняя и низовая божья влага, собираясь, стоит непокрывающимся пеною, молочным озером, говорят.

С востока, запада, севера и юга приходят отощавшие (истощенные), подкрепляются у этого озера, поднеют и еще про запас берут с собою в обратный путь.

Эту березу этот человек, глядя на нее, очень хвалил.

— Восемь моих божеств, девять небожителей моих славное же дерево вырастили!

Было еще у него блестящее озеро, чтобы глядеть на свое отражение. Пришел туда и глядеться стал.

Стан его в перехвате был в пять сажений. Шести сажений дороден в плечах был. В три сажени были округлые бедра, мышцы были с крупный отрубок толстой ливственницы, с средний отрубок средней ливственницы были ляжки, с ободранную ливственницу были руки, с голую ливственницу ноги.

С кольца мундштучной узды были его выразительные глаза. Писанные брови его были словно два серых горнистая, легшие ногами друг к другу. Заоторумянные щеки походили на две, бокон брошенные, красные чашки. Был он чудной фигуры, красив собою, мужествен видом.

¹ Мира подземного.

В это время гул раздался с широкого неба, и прямо с востока, с верхушек черного села, что стройно стоял, ровно б правильно отрезанный хвост дюжего коня, зашуршал сильный-таки ветер. Растительность полегла, как сухожилья спящие.

Потом с ожерельем на шее, с бубенчиком на хвосте¹, с осмигранным перламутровым клювом, с шестигранными перламутровыми когтями сокол прилетел.

Он сел на отроге ствола сказанной березы, глянул на него² желтыми глазами, потряхивая головой.

Говорить он мог — заговорил, песни петь он мог — запел:

— Вот как! Вот как! Эвона вон как! Молодого ль коня моего, ног ли его крепких достижения ли, великую княжью весть о тебе выведываючи, прибыл как будто ль я! Крепкому коню не поднять — тяжелое, веское имя твое называючи, прибыл я, ребята, ой ли! Что врозь пошла берестяная моя страна, из хлябей ее ли прибыл я! А если ты молвишь: «Из моей ли каменной страны, отроги ее кольхнувши, азь с пологой долины прибыл ты?» (тогда поведаю тебе так:) Отсюда прямо на восток — приглядывайся — не распознается, кричи — не расслышится! — Ой ли! ой ли! Как раз так! Глянуть поверх стройного черного леса, что стоит, ровно гладко обрезанный хвост дюжего коня, ровно б рибизна крыла тетерева, крапчатого скалистого горного хребта полуденного склона по ту сторону, ровно б десять лебедушек, стройно да красиво выступаючи, дугую изгибаючись, шестающих, лазурных девяти небес край по сю сторону, — ой ли! — и солнце там особенное, и месяц совсем особенный, солнце не захолящее, месяц не ущербяющийся, ночи нет — бластный день, страна — ой ли! Дико бродят кони его, волюно гуляют коровы его, вздымаются богатство, шестлат утварь, разведывай, не найдешь — широка слава его, не допозсти — высокоый сан, не допрыгнуть — великий жребий, — детушки! Свзой дымки государь, свзой дымке подобная государыня есть, говорят. От них-то, ой ли! родилась, проявилась светлого³ дома их пташка⁴, белого⁴ дома мотылек⁴, черного⁵ дома стриж⁵, задуманной их думы основа, сказываемой речи суть, глядящего глаза миг, слышащего уха проход, околосердечного их жира отвалившийся комочек, владычных сердец их кусочек, славных печеней их отвалившийся краешек, почек их парных жир, комком упавший, поиграли — и дитя явилось, поговорила — и человек, перемолвились — и якут — о шестисаженных косах, Айтальн-куо называемая, дочь у них. Вот эту их дочку похитила живущая на огненном море Ытык-Холур⁶ шаманка, что на маковке своей головы кипятит шесть котлов. Ну, а отец-то его с моим отцом приятели были, мать его с моею матерью задушевные подруги, дед его с моим дедом приятели были, бабка с моею бабушкой задушевные подруги были. «Почтительное слово мое да примет он, заветное слово да не бросит! последнее слово мое да не оставит! Дитя мое да вырастит! Если вырастит, то лучшим людям моим за великую честь поведаю, всем людям моим восхваляю, умнейшим из народа моего рассказывать буду. Да будет он цитом плотным, тижедой дверью, кольчугой-панцирем, кровом глубоким!» — с такими словами он меня послал. «А будь он домочадцами нищ, женою скуден, и сердцу глянется, думе полюбится, то эту женщину и замуж взял бы».

¹ Здесь разумеется шаровидная форма перьев, напоминающая бубенчик.

² На Кулуи Кулустура.

³, ⁴, ⁵ По требованию аллитерации.

⁶ Почтенная-Неуклюжая. Ред.

На это наш человек ничего не молвил. Птица же та улетела.

Кулун Куалустур пошел домой.

В одеждах из телячьих шкур людей-народ свой до последнего всех приволок, в одеждах из коровьих шкур прислужников своих толпою приволок, одетых в конские кожи молодежь свою всех приволок. Ровно остров лиственниц, родовичей окрестных собрал, что стеной лиственниц, заплотою окружающих, окрестных дочиста всех приволок.

К тельным коровам телят припустили, яловых доили, молодых маток молоко на сливки отставили. Что остров лиственниц, березок натыкали, что озерко, чан глубокий наполнили.

Обище такое стало, что жердью два не дохватишь, столько пенного, что ветлой два не достанешь. Шеренги кожаных посуд поставили, кучею нагромоздили кубков, ряды бадей поставили, о девяности привязок извилистую веревку протянули, девяности бурых жеребят к привязкам привязали. Кумысный пир устроили.

Мужчин отдельно поставили, женщин отдельно.

Был дядя у него Одун-ого¹, — тому украшенный гривою кубок велел поднести.

Посреди того народа своего стал, говорят, и слово возговорил:

— Вот как! Вот как! Не как раз ли этак, что ли? Злое дело приписуло, необычная беда страшася, и, как полотно, стелется уж день отъезда моего, — что китайка, реет день отправки в путь: к главной из грязнолицых, к атаманше заплесневолицых, к владыке законтелолицых, с лицом, на три пальца покрытым смертным тленем, к сильнейшей из незримых, к самой последней сводочя из всех ачвых — к Ытык-Ходур шаманке, что на маковке головы своей шесть котлов кипятит, в путь отправляюсь я! Читмое, веское благо-словение ваше дайте мне!

И пошел он в поле свое, поймал ковыя своего Кулун-Сюрюка², привязал к главной коновязи.

Из полога бездны адской он потник положил, бегущего облака низ за коврик постлал, багрового облака полы тебеньками седельными повесил, перистого облака верх за чепрак набросил, — что небесный холм, седлом оседдал коня, поперечно-полосатыми подпругами перетянул, что луч солнца — чымбур накупил, что сляные месяца — поводья прикрепил, с множеством погрмушек и множеством украшений тридцатипудовую тяжелую плеть у луки седла прицепил. Вошел в дом. И сказал тогда:

— Какое же оружие назначено-дали мне мои восемь божеств, мои девять небес?

И с такими словами глянул он на оружие свое.

Из крени Кимен-Имен страны, законченный берестою Тумуон-Имен страны, ровно 8 пзлучина громадной долины, роговой полимерованный лук у него.

Из ремня спины зверя Гибели-страны тетива на нем, жилами пестрой сказочной рыбы скрепленная. Крупным пером крыла орляного оперены были стрелы его!

С широким наконечником деревянные стрелы — наподобие рыбацкого деревянного балагана! Гладко оструганные янтарные стрелы!

И, подобные языку проклинающей женщины, отборнейше стрелы была у него!

Чрез холм размахнуться горазда, из пади — упереться, чрез долину — колоты,

¹ Одун-ого — отрок-дитя. Ред.

² Кулун-Сюрюк — природный рысак.

сверху сухожилиями скрепленная, с окрашенной рукояткою, молодого человека зубы и уста отражающая, громадная, длинная пальма!

Была у него тяжелая стопудовая булава. Черное камениое пятидесятипудовое ядро.

На полторасаженной веревке, ровно шитая из лап лосиных шкур сума старинных людей, трупница была. В ней шерстистого труту — с покрытую снегом копу.

В ней же, с пещью тучного жеребенка, кремень и полторануговое железное бречашее огниво. Был и острый-преострый ножик, что, увидев в миске мясо, рвет свою тройную железную цепь и с громким криком ворона торчмя кидается в середку. К нему в аккурат пригнанные ножаы.

— Ой! да прекрасное же оружие дали мне мои восемь божеств, мои девять небожителей! — сказал он и очень возрадовался.

Это вот оружие свое сложил в оружейную суму (оружейный ящик), вынес и навьючил на коня. Пошел в свое поле. Восемь отгулявшихся, не жеребившихся кобыл в дом пригнал, перебил им ноги. Нив лежащую выпуклую шенну вырезал; навзничь положив, толстое сало брюшное срезал. Натопкал в одну дорожную суму. Семь кожаных посудин кумысу спаштавши, в один малый мех вместил.

Навьючил на коня. Вошел в дом. Он взял свой увешанный погремущками ожог и загремел им, поправляя огонь, потом преклонил колено и слово сказал:

— Вот как! Вот как! Эвона вон как! Хозяин моего пылающего огня! Зола — постель! Уголь — подушка! Пышное одеяло его! Жар — золотая отметина! Медный башмак! Седая борода! Твердая крепь! Громадный нос! Плетеная спина! Взвесь слова моих сегодня еще не раскрывавшихся уст! В слова до сих пор молчавших уст постарайся выкинуть! Подробную речь мою выслушай! Время настало мне ехать, отправляться пора настала. Я еду на брань с храбрецом, с сильным сразиться, спознаться с трудами и мую челом рассечь. Того, кто съесть готов, ты порази в хребет твоим, равно б высокая ливенища, опалом, гривую увешанным! Того, кто погубить готов, порази в главную кровеносную жилу твоим трезубцем! Осмызубцем твоим в пасть брось тому, кто пожрать готов! Горящему жару не дай утихнуть! Горячей струи, реющей над пламенем, не унимай! Не раздвигай твоих толстых прясел! Не отпирай твоей плотной двери! Прости! А ты, почтенный государь батюшка, чьи волосы пожелтевшие подобны разметающейся гриве и хвосту доброго коня, теперь ты внемли! И ты внемли, солышко-почтенная государыня мать, чьи волосы побуревшие подобны приглаженным гриве и хвосту бурого коня! Я вернулся, чтобы говорить; замедли, чтобы слово молвить! Дайте мне ваше чтимое и веское благословение! Я уезжаю. Счастливо оставайтесь!

Он, громко застучав ногами, затоптав, вышел. Подошел к коновязи, отвязал коня, в высокое¹ стремя левую ногу вдел и, как косач-тетерев, с громким криком на коня сел.

Он дернул уздою вверх морду коня, отхлестнул с горшок мяса, с котел мяса отбил, раскрыл здоровые мышцы, до свежей кости прошиб, толстые мышцы до крепкой кости пробил, — так бил плетью.

¹ Выступ над челом очага.

² Здесь разумеется тыльная сторона очага.

³ Ыи да бина и с а ч а т а — стремя с добрую (до месца) гору.

Конь его копытами такие куски земли, как потник, отворачивал и такие, как мехи¹, куски отбрасывал. Он иногда перебирал ногами, ступню скользил, рысью подрагивал. И когда бежал он рысью, то стук его круглых и красивых серебряных копыт, четырьмя покрытым снегом коннам равных, подобно раскатам сильного грома, гулко раздавался в четырех углах неба.

Ветви, на которые наступал его конь, ломались, и куски их, превращаясь в тунгусов, сгорбившись, бежали. Если конь копытом по валежнику бил, валежник, превращаясь в ачлных медведей, рычал. Пни, задеваемые им, превращаясь в горных волков и выли.

Он ехал, распознавая зиму по снегу, лето по дождю, осень по морозящему снегу.

Удаляясь от двора родного, он далеко уж был от родного крова и гнал коня вдоль по пути, указанному затесинами на деревьях, и по меченой дороге быстро мчался, а мать с отцом, плача, в след ему посылали благословение:

— Вот как! Вот как! Этак-то! Серебряногрудый жаворонок наш! Медногрудый наш птенчик! Крошечка! благословляем тебя мы: пусть ни руки твои, ни ноги никаких препон не встретят! Стрелы быстрее поезжай! Легче пуха леги! Пусть встречает тебя такое большое счастье, как громадный стог сена², и сопутствует тебе такая большая удача, как добрый бугор³! Справа пусть прикнет к тебе такой большой успех, как трехлетний лось, а слева направится к тебе большая удача! Сделай себе спереди подобную утесу защиту из крепкой молитвы к духу твоего пылающего огня и поезжай, сделав себе сзади опору из крепкой молитвы к духу твоей усадьбы! Поезжай, держа в правой руке мое благословение, как потешный бузат! Поезжай, держа благословение почтенной государыни (матери), как роговую с сеточкой из волос палку при езде на лыжах! Пусть не противит против тебя своих рук владеющий десятью вытягивающимися пальцами! Пусть не захватит ничего через тебя тот, у кого пять растопыривающихся пальцев! Тот, у кого продолговатые ступни, пусть тебе не противостанет! Тот, чьи глаза полны огня, пусть робеет! Тот, чей язык востер, пусть ничего не смеет! Пусть не сверкает огонь его глаз снопом молний, таких, как большая берестяная юрта о трех поясах! Прости!

Наш же человек выезжал из своей осьмибодной, осмикрайной родимой усадьбы, из своего золотого юрта.

Пение его перистым облаком реяло, воспевания — тучей. Очень далекий путь преодолел он, чрезвычайно далекую страну проехал.

Пошли долины, сплошь хвощом покрытые; потянулася тальником поросшие долины; обступили долины, покрытые ерником.

Он достиг той страны, где край земли, загнувшись вверх, как носки лыж, и небо, как брюхо жеребой кобылы, отвиснувши, как будто били и кусали друг друга, подобно захудалой лошади.

Здесь он круто удержал коня и посмотрел вправо. Видит он: насканивает на него, подобно девятилетнему молодому жеребцу, громадный мыс. Посмотрел влево, и видит: теснит

¹ Сірі чабычак — бадейна из конской кожи.

² Того со от — так называется сено с отводных обществом участков для прокорма лошадей членов общественных собраний во время их съездов.

³ Бузугунях — бугры, свойственные только рельефу Якутской республиканки.

его перовные камни, подобно тому, как если б навстречу ему легли с мычаньем пятилетние или шестилетние быки.

Посмотрел вперед и видит: насакивает на него зеленая гора. Посмотрел вверх на нее: это такой камень, через который птичке не перелететь, а внизу длинноногая серая мышь не прорвется.

По сю сторону глянул: стоит коновязь, а на ней семь человеческих ликом. У кого грива была, тот гриву здесь повесил; от конного взяли тут плеть, от пешего — посох, у кровного отняли слезу глаза, у хромого — сок суставов.

Такая сумеречно-темная коновязь стоит! Взглянул на нее наш человек и молвил:

— Какие встарь у моих гордо посивших голову¹, обладавших громким голосом, статных собою, орлам подобных почтенных родовичей предков — какие молитвы были к духам дорог?

Соскочил с коня и слово сказал:

— Вот как! Вот как! Эвопа вон как! О семи человеческих ликах, сумеречно-темной коновязи моей дух и вы, семь медных ликом, услышьте мое слово! Откройте проход ваш, за дары и приношения открываемый! Дорогу неровную выровняйте, полный корней путь сгладьте!

Коновязь эта на семь частей распалась, и выскочили оттуда семь медноликих людей.

Тогда наш человек из своего коня выдернул семь волосков и, трижды кругом ими помававши, в сторону солнца их бросил, сказавши:

— Обратитесь в семь яловых кобыл!

Обратились в кобыл. Он отрубил им головы и, на пальмѹ насаживая, побросал их той коновязи. Те медноликие стали есть.

А наш человек сел на коня и погнал мимо, звонкою рысью поскакал по прихотливым извилинам широким ущельем залегшего горного прохода.

Прибыл он в страну ущербленного солнца, ущербленного месяца. То была страна корявого дерева, с наоборот растущими большими шишками — с брюхо лежащей коровы. Поросла она иглистою низкою железною травою. Пошла страна, где лягушки были с оттулявшеюся яловую кобылицу, а водолюбы — с большого быка. Проехал он и страну, где осы — с молодого четырехгодовалого быка; там девять сильных стуж собрались воедино.

Он прибыл в страну, где не росли ни дерево, ни трава.

Это была страна скользкого черного камня.

Посреди этого камня, далеконько поглядеть — громадный пестрого камня бугор располжился, черной кровью крашенный, свежей кровью мазаный, стуктами крови лепелый, с тремя пристройками. Увидевши это, наш человек сказал:

— Это и есть дом Ыгык-Холур шаманки! Там! — мол, не десять ночей почевал: вскачь погнал к тому дому. — Здесь! — мол, не пять ночей почевал: рысью подъехал.

Погнал он мимо того дома восточной стороной. Была там приземистая железная ветла. Подъехал туда, соскочил, оружие и вещи — все снял с коня.

Глянул в сторону дома: от дома того веревка железная протянута, на ней девяносто девяти богатырей головы напизаны. Увидевши это, подумал:

¹ Собственно: с большими кадыками.

— Знать, эта тварь народу-то потрескала!

Пошел к дому.

Столбы сеной — из костей ног видных мужчин, а крыша крыта плечевыми костями.

Тут он тридцатипудовою плетью своею постучался очень-таки сильно.

В доме сильный, что называется, вошь пронзительный раздался.

Змеиной шкуркой обитая дверь распахнулась.

Выскочило дужее черное чудовище, ровно громадный каменный бугор.

Страшного очень вида чудовище вышло и стало себя хлопать по бедрам. Ровно б низкорослая рощица, грязные неубранные волосы. Что расцелна горы, глаза. Ровно б осколки большого камня, нескладные губы. Ровно б щели горного крижа, проступали ноздри. Большие загребистые черные руки. Ровно б лопата для откидыванья снега, вороватые ладони. Ровно б пест, выросла одна-однишенька нога. Ровно б брюхо лежащей коровы, неуклюжие каменные штанишки. Из брусьев железа штаны. Поношенная железная обувь. В девяносто пудов короткая каменная кацавейка. Осьмигранная кровавая большая и тяжелая шапка. Тучею стояли складки платка, слякотью висела косынка на шее. Почерневшей лосиной кожи лицо. Такая-то красавица!

Выйдя, она говорить стала. Как далекой речки шум, гудело в горле; как в половодье речка, бурляло в глотке.

— Наконец-то! По коню видать и на самого поглядеть — ведь, это, кажись, богов моих дитятко пришло! По одежке видать и на шов глянуть — ведь, это, кажись, небес моих дитятко пришло! Это деревянный божок мой втолкнул. Каменный божок мой низринул. Это кинул мой берестяной божок. А я-то девять суток досыта не ела, да и просто есть — восемь суток не ела, семь суток куска, поди, не видала. Ты, моя белолицал, беленькая моя девонька! Вынеси-ка поскорее сковороду мою, с девятисаженною цепью железною! В девяти местах заплатанный, крепкий, низкий да объемистый котел мой! на огонь живее! В семи местах заклепанное железное ведро мое! ступай сейчас же по воду! Ты, доска для рубки мяса! прыгай сюда! Топорик мой с лезвием в четверть! иноходью сюда! Одноногий черный калека стол мой! выпрыгивай!

Так говорила. И вся целиком посуда и ковши собрались.

Увидев это, человек наш подумал:

— Эта тварь и впрямь съест собралась? А из дома что это? Ровно ласковое ясное солнце в восьми снопах лучей! Да не солнце ль это ясное выплыло в полном сиянии девяти снопов лучей? — подумал он.

Ясный лик женщины вдруг показался! Вышла красивая собою женщина.

Она ножками легко ступала, глазками поводила, мило, сладко улыбалась. Что шлифованный камень, губы ее были. Как халцедон, глаза. Как брильянт, светлое лицо. Что драгоценный камень, шея. Что брильянт, светлый подбородок. Как два серых горностая, лежащие ногами друг к другу, были у ней брови. Как золото, румянец. Сквозь платье видно тело. Сквозь кости мозг костей виднеется. Такая красивая собою женщина вышла.

Выйдя, что крупный жемчуг, слезы лила. И так говорила:

— И-и! У-у! Это ли, что ли? Богов моих дитятко! Небожителей моих дитятко! Зачем ты приехал? А я-то думала: будут же ужасные ростани по пути к перевалу, что ведет

к моей приемной матери! Будут же объезды! думала я. Хорошо зная, что умрешь, зачем ты приехал? Что бы там ни было, съест она тебя! Всеми силами уйти старайся, старайся спастись! Дружок мой милый! услышь мое слово! Девяносто девять богатырей приезжали отбить меня и самих себя отдали на съедение.

На это Кулун Кулустур сильно рассердился, крепко разгневался. Что свиловатое дерево, погнуло его назад. Что крепкое дерево, свело ему шею. Как дым печной, потускнело его белое лицо. Волосы на висках, как сера, вспыхнули и загрешали.

И возговорил тогда:

— Вот как! Вот как! Это ли, что ли? О, сильнейшая из незримых! Кто это, усадив на почетное место, на мягкую подстилку, подал тебе, что есть собираешься? А я-то, напротив, с такой думою прибыл, что твоей высоты урежу. Длины твоей укорочу, мол. Ширь твоей дам меру, мол. С тем вот прибыл, стою. Я искромсаю твое тело здоровое, на куски разрублю кожу твою толстую, кровь твою черную выточу. Длинные кости твои плавняком пушу по огненному морю твоему, а короткие кости, что про зиму припасенные дрова, в кучу сложу. В этой стране, словно б и не жили, с домом, с постройками в прах разорю.

Едва сказал он это, как демонова дева заголосила, на него пала, схватила его.

С криками бросали от себя друг друга, с воплями валяли, с уханьем вели смертный бой. И крепко сильна была их смертная схватка. От силы их смертоносного боя не распознать было восхода солнца, небо не прояснилось, безо дней ночь настала, тьма кроменшная пала. Ощупью распознавались — такая темь стала.

Распались глиняные горы, свалились каменные, рухнули высокие. В кусочки поломались деревья северных склонов, в щепу — деревья южных. Птицы за горы улетели. Звери забились в горы. Перестали класть яйца птицы, перестали плодиться звери. Три дня и три ночи сражались они. Талую землю по вертлюги в грязь месили, мерзлую землю в болото истапывали. Вида кровь, ярились; от вида запекшейся крови еще упорнее шел бой.

Наш человек вскричал:

— О, горе, детушки! О, досада, детушки!

Сильно разъярился. Он у перехвата стана схватил ее, приземил и пронзительно громко вскричал. Пустил ее по скользкому черному камню и ниц повалил. Прodel ей в нос железную веревку, обротал.

— Пусть до меня никто не отвязывает!

С такими словами конец оброта в камень втоптал. Вбежал в дом, сильно стуча ногами. Ту женщину он вывел и подвел к коню. Посадил на коня и тогда сказал:

— Коник мой! Восемью божествами моими назначенно-данный конь, слушай! Эту женщину к родным ее матери, отцу доставь! Лиху не дай похитить! Не дай молниеносного глаза огню молнией пасть! Глазу не виден будь, уху не слышен! А потом, как надо мне будет, в день, что позову, прибудь! Прости!

Женщину на коне отпустил. Женщина великою радостью радовалась.

Побежал к своей Ходур-Шаманке. Оброть ее отвязал, крикнул пронзительно. Сел верхом на нее. Тварь та заноровила, на дыбы взвилась, поскакала. Трехдневные перегоны в скак один скакала. Тридцатипудовую тяжелою плетью своею широкую спину ее на куски

рвал. Быстрее чего бы то ни было поехал. С падающей звездой равнять — быстро поехал. К осьмибодной, осмьмикрайной земле родной скакал он.

И вот гул раздался по широкому небу, расселись полосатые облака, черные тяжелые тучи громадою грузно выплывали, а там со стороны заката, ровно б опрокинутого красной меди котла, багрянец западной стороны неба умирал. Грузною трехполюсною юртою сильной вихрь пронесся. С брюхо лежащей коровы (величиною) каменные глыбы вверх взвились.

Переждав это, как глянул он: летит необыкновенно-страшная великая птица. Клюв у ней — что кирка, откованная в Вильюйске, а перламутровые когти — что косы верхоянские. Отменным пухом железным покрыта была. Крылья — что кусты можжевельника. Хвостовые перья — целая рощица хвойного леса. Громадный котел — голова у ней, а глаза — ровно чашки. Это летит на него демонская птица Хардай¹. Летит и поет:

— Ах! о горе мне! о лихо! Так это ты, сорванец, на беду мне тетушку мою в таком ужасном виде вводишь! Я точно так же тебя самого приведу в ужасный вид сейчас! Черным глазом не виданное, плоским ухом не слыханное дело! Затрещат у меня кости спины твоей! Обглодаю я твои серебряные кости, златые² твои кости сжую — будут мне за шляпку пия³ зубов моих, снедью — шести². Я умуюсь твоей свежей кровью, я напьюсь ее, горячей! Имя мое Бус Булгуй богатырь: это я иду.

Спустился вниз, катался, валился. Свое птичье оборотничество в землю втоптал и превратился в осмьмигранного блестящего железного человека.

Увидев это, Кулуз Кулулустур спешился с своей демоновой девы, за тот повод повел ее и конец повода в черный камень втоптал. Чрезвычайно разгневался, чрезвычайно рассердился. Схватила свою стопудовую булаву. Подбежал к тому демонову сыну, но лбу хватил его. В волосы вцепились друг другу. Шум кулаков их, как раскаты грома в грозу, гулко раздавался. Ни с чем не сравнить борьбу их в течение девяти дней и ночей.

После того, поддев на бедро демонова сына, на семь сажень земли втоптал (от натуги ушел ногами в землю). Повалив, железною веревкою нос его провертел, обротал его. К той демоновой деве привел. Хребет ее провертел, вместе запряг. Сел верхом на демонова богатыря. Несравненно быстрее чего бы то ни было в путь поехал: быстрее, чем на демоновой деве, поехал.

От силы бега обе щеки его зудели, ровно б их искромсали острыми розгами, а два его уха шум такой издавали, как шум крыл голая.

Семи ден путь в раз проскакивал. В осьмибодную, осмьмикрайную землю родную прибыл. Подъехав к подножью той пышной величественной березы, что росла на тучном громадном бугре, среди поля стоящем, спешился.

— Что крепки ноги да сухожилия здоровы, то и вернулся! Врага доконавши, приехал! — молвил. Ту оброть в землю втоптал.

Осьмибодную, осмьмикрайную землю родную, ровно б чаша круговая, в круговую оглядел: ни волно бродящих коней его, ни далеко разошедшихся коров, ни богатства вздымающегося, ни утвари, о чем-то шепчущейся³ — ничего ровнехонько!

¹ Хардай — замена, эквивалент (Г. В. Башнев). Ред.

² По требованию аллитераций.

³ Шепчущейся — потому, что среди нее ютятся ее духи.

Четвероногие плодиться не стали, пернатые яйца класть перестали. Без ночей светлых дней страна зимою с ее свистом стала. Поблекли трава и деревья.

Увидев это, он освирепел. Подбежав к демонову сыну, перетянул его плетью. Тогда лишь заговорил:

— Ну, если скот мой, добро мое, даже сверху ниспешши, забрали, доставь меня к ним! Подземного ль мира выходишь даже взяли или забрали с востока, запада, севера, юга ли — доставь к ним меня! Не доставишь, убью тебя!

На него сел. Севши на него, быстрее чего бы то ни было быстро поехал.

Вверху ли летел он или погружался вниз или даже ехал по среднему миру¹, не распознавал, поди — так быстро ехал. Долго ли ехал или скоро, не ведал.

Доехавши до какого-то места, опознал, что остановился в земле, где ни солнца, ни месяца нет. Поглядел. И отступают потоки, и вздымаются валы, и низвергаются волны — на берегу такого огненного моря он стоит! И два демоновых богатыря, осмигранные, железные, стоят! Они-то его добро и скот сюда привезли и пригнали.

Тех дьяволовых богатырей, на которых верхом приехал, оброть их в землю втоптал.

Чрезвычайно разгневался, рассердился, освирепел. Побежал на тех богатырей, что добро и скот его забрали. Богатырей тех имена: Ыгык Ылчыктай (Почтенный Стоящий) и Саты Наньзын (Пеший Лодырь). И сейчас же, как подбежал, вступили в бой.

Бились они тридцать дней и ночей. Он ододел. Носы их провертел, железною веревкою всех четырех вместе соединил (связал). Сильнейшего из них отобрал и сел на него верхом. Прямо на восток быстро поехал.

Зиму по снею, весну по ветерку, лето по дождю, осень по морозящему снегу распознавая, ехал он. Рябью подернутого, моря великого² берегом едет он.

На море том демонов голос поет. К песне той прислушиваться стал:

— Ой, горюшко! Живу на огненном море я, Уот-Джурастыр (Огненный Рослый) Богатырь называюсь. Иду я взять замуж младшую сестру Господина Кулута — Белую Юкейден женщину так называемую. И даст и не даст — возму! Что бы там ни было, а доспею я к солнышку нежному, месяцу ясному — дружку моему!

Наш человек сказал:

— погоди! Свидеться с ним, нос его повертеть, сесть на него и поехать, не иначе! А то он, как выйдет на средний свет (землю), разрушит его. Не иначе, как в демоновом мире драться мне с ним! — молвит (думает себе).

Спешлся, коней своих оброть втоптал в камень.

К морю тому пеший направился. Глядит на берег моря. А там такой выходец: ровно б якутского края каменной глыбы бугор, черный каменный человек стоит!

К тому побежал он, сильно топая ногами. В бой они вступили. Сильный тот бой был, смертоносная схватка.

Шесть суток сражались они: то был атаман демонов, сильнейший из незримых.

У него, твари, ни уязвимого куска тела не было, ни крови, чтоб выточить ее. Ничего не проступало в нем смертного, так как он был храбрейший из мужей, лучший из удалцов.

¹ По земле.

² Хан Абарасы бажадал.

На бедро подсадал его, спшиб и ниц повалил. Железною веревкою, провертев нос ему, обротал его.

Тех демонов, на которых верхом прехал, привряг к Уот-Джурастыру. Продолжал путь прямо на восток. Быстрее чего б то ни было быстрого ехал. Говорит:

— Врага доконал! Демонов поубавил! Теперь, — молвит, — уж я могу взять себе в жены Господина Кулута младшую сестру, Белую Юкейден красавицу.

Продолжал путь. Удалился от демоновой земли, в чистые земли прибыл.

Прибыл в такие места, что из-за девяти ден пути неслоь звонкое ржанье жеребца молодого. В такие места прибыл, откуда из-за восьми ден пути неслоь громкое мычанье молодого бычка. Там терлись друг о друга так, что бока оголялись; так теснились, что бока белели. Тут имеющие пятки толшились. Десять миль вдоль, девять миль шириь народу многогнко собралось, на богатое приволье привалило, игры всякие играли — вот какая была страна.

Тут-то был уют, тут-то тишь.

Такой прекрасной страны еще и не видел он за весь свой век. Очень ему поправилось.

Посреди этой земля, будто шеина лошади, золотая резка была. На вершине ее стояла, играя переливами света, серебряная юрта о тридцати стенах. Десятью заплатами огорожена была. У ворот тех заплатов девять небесных богатырей, рослых и жилистых, стражею были. Не спавши, ночи и дни кругом дома с пальмами ходили.

«Придет Уот Джурастыр, украдет младшую сестру мою!» мол, поставил стражу.

Нашего Кулун Куллустура поезд увидели девять богатырей. Что необычайно им то было, что дивились они¹. Побежали они к нашему человеку.

Прибежали. Слова не молвивши, стали рубить пальмами. Кулун Куллустур спрыгнул и кинулся в бой. И людей и скот истоптали. Девять дней и ночей сражались они. Кулун Куллустур всех одолел.

Из девяти богатырей самый большой возговорил:

— Остановись, господин! Вину мою прости! Поступок мой в строку не ставь!

Тогда прекратил бой. Прекративши, сказал:

— Пойдите! — говорит: — в семь печатных сажений глубокую яму выройте! Ответите туда этих демонов, всех до одного, заройте тут! Черным камнем привалите плотно (чтоб ничто наружу не выступало)!

Передавши тех демонов этим людям, он направился к дому. На гладкий (крупинка не задержится) двор пришел.

И семидесяти человекам не открыть — плотную наружную дверь настезь раскрыл. И девяноста человекам, натужившись, не отодвинуть — засов громаднейший махом отодвинул. И восьмидесяти человекам, раздвинув ноги, не открыть — тяжелую входную дверь распахнул. Влетел в дом. На самом переднем месте сел и взглянул, обводя взглядом, на место против входа. Там сидит изрядно сильный на вид человек, изрядно красивый собою, широкоплечий. К нему наш человек речь повел:

¹ И модно им это было и дивно.

— Господин Кулут! И дюжему коню не осплить — тяжелое, веское имя твое называючи, я прибыл! Что жилы из себя вытягиваючи, лишь тогда разве достичь ее молодому коню — славу твою разведывая, я прибыл. А если ты спросишь: «зачем пришел ты?» — я скажу тебе мою нужду: твою младшую сестру, Белую Юкейден, младшую сестру твою красавицу мне дай! В постели лежать другом равным, у лона лежать другом равным сделать ее дай мне! Я дам тебе вдоволь калымаго подарка¹. Весь калым² в изобилии дам. Выкуп³ наличными выплачу. Дай ее мне!

На то разгневался Господин Кулут:

— Не в моей власти эта женщина. У ней есть семеро кремень-богатырей дядей. Те решат.

И тогда с бумажными крылами Кудесника Проворного парня послал он за теми кремень-богатырями. Тот бумажнокрылый парень помчался. Прежде чем, разговаривая, вздохнешь, привез их. Они вскочили в дом. Войдя, те кремень-богатыри сказали:

— Ладно-бы позвать Ан-Дуралова⁴ Шамана. Их, на землю павших⁵, жребий, их, на сено (при рождении) павших⁵, рок этот шаман узнать должен! — сказали они и послали за ним.

Шаман прибыл. По прибытии в дом вошел.

Шелковая бахрома япанчи по коленям билась, канфовая бахрома — по плечам⁶. Сверкала кружки на спине. Длинные полосы железные на руках сияли. Громыхали звонцы.

Словно трескучего озера лед всей своей глыбой выскочивший — круглый да большой, шерстью отороченный, такой серебряный бубен был у него. Как правое плечо трехлетка⁷, колотушка была золотая. Золотые погремущки на япанче.

Отрывисто начал моление. Зачастая удары бубна.

— О даруй! даруй! Плавно! Тихо! Стройно! Кулун Кулустура и Белой Юкейден, их земного жребия, назначенного при рождении рока, — о трех дырах, пестрою серебряною гадальною ложкою, — судьбу испрашивать день мой настал! Словно гладко отрезанный хвост дюжего коня, стройного темного леса поверх, нагнуться — не видно, криком кричать — не слышно, словно рябизна крыла косача-тетерева — полосатого светлого неба по ту сторону, словно с распластанными выпуклыми крылами девяти лебедушек полет — неба чистого в верхних слоях, родного мне поколенья Оногой Бай⁸, на златых высотах, девяти покрытым снегом копнам равных, направляючи их мать-души⁹, распределяючи их отец-души⁹, разбираючи их прах-души⁹, в серебряные дудочки дуючи, дуновение пораждаячи, если вы¹⁰ их, на землю павших, жребий¹¹ поравняли, на сено¹² павшие назначения соединили, о Создательница Богиня, Старшая сестра моя, вещь гадальную ложку даруй!

¹ Курум — безвозвратная плата за невесту скотиной.

² Атб — весь калым (скотом).

³ Сулзү — часть калыма, выплачиваемая девками.

⁴ Это едва ли не? Ан Дурал — старший сын главы верхних духов.

⁵ Вернее: павший.

⁶ Буквально: по предплечьям (хары).

⁷ Коня.

⁸ Оноҕой Бай — первоначальный якут, прародитель якутов.

⁹ Элементы души.

¹⁰ Все эти составления души из ее элементов и акт творения — функция обеих богинь (Илхэсит и Айсыт).

¹¹ Их земную жизнь.

¹² Здесь разумеется сено, на которое кладут новорожденного.

Этими словами закончил. Тогда чуть не по низ высокого облака кинул он ложку. Ложка, три раза вихрем кружась, боком упала. На это тот шаман заклинать стал:

— Ой-ой! Кулун Кулустур! На западном небе видно, как запыргали существа с лицами, словно в клочки сырое мясо рассеченное. А на севере, — говорил, — в углу неба семь медноликих Убийства дев расхотались. Ты этого берегись! И вперед себя, и назад себя оглядываясь, ходи! Ты не опомнишься, как будешь лежать пополам разрезанный. Ты и не спознаешь, как будешь лежать с головою разбитою. Эта женщина — не твою суженая! Тебе не подходящая женщина! Этой женщине в слуги отдать (тебя) враз! Наше дитятво вдесятеро тебя получше!

Тут он перестал шаманить. Сел обок с Кулун Кулустуром. Кулун Кулустур тогда левой рукой хватил его по лицу. Шаман ничком упал на пороге. Носом и ртом кровь полилась сгустками с печень трехгодовалого жеребенка.

Господин Кулут изрядно разгневался, изрядно рассердился, с задней балки над прилавком против входа достал он громадную пальму, пошел к выходу с такими словами:

— Эвона! Эвона! Это ли, что ли? В такой громадной голове у тебя мозгу нет! В тебе и с ложку крови нет! Дылда ты глупый! Сволочь! Хорек! Выходи! На железном мосту-поле, шириною в девять, длиною в десять миль, сразимся!

За ним выскочил Кулун Кулустур. Они пришли на железное площадь-поле.

Схватились. Глиняные горы ломали, каменные горы валили. Деревья южных склонов в кусочки¹ ломались, деревья северных² — в щепу².

Черная тьма настала такая, что опознаваться можно было лишь ощупью. И в этой стране, солнечной, зима не знающей, зима с ее свистом настала. Взыграл Орой Бурый³.

Пыль взвилась. Поднялась мгла. Царство гибели настало. Господин Кулут подаваться стал, взмолился:

— Вот как! Вот как! Господин мой, остановись! Слово дай сказать мне! Заветное слово да скажу я! Вину мою прости! Проступок извини! Спину мою склоняю, гну шею! Прими мое почитительное слово, моим добрым словом владей, не бросай прочь моего заветного слова, не отвергай горькое слово мое!

В ответ он брякнул его оземь, на грудь ему сел, вытащил свой острым острым ножик из ножен, вспорол ему плотный (трехшовный) брюшной покров.

Тут кто-то подошел к нему и за обшлага вверх толкнул. Он пристально взглянул: необыкновенная внешность, чудная осанка, красивые очертания, губы, что полированные, хацедон — глаза, брильянт — лицо, шейка — драгоценный камень, двум на бок брошенным красным чашкам подобие златорумяные щеки, серые горностаи — брови. Нежным шоклом падают восьмисаженные косы. Что встающее солнце, ласкает взор. Что лучезарное солнце, ясен лик. Вот такая красавица, что крупный жемчуг, плача, слезы лила. И так говорила:

— О господин мой и друг милый! Остановись! Не убивай моего дядю (старшего брата): мою! Уютного дома твоего хозяйкой сделай! Парадного дома твоего владыкой сделай! В постели лежать равным другом, у ложа лежать подругой сделай меня!

¹, ² По требованию аллитерации.

³ Орой Бурый — одно из названий бога грома.

С такими словами притянула его за уши, серебряными губками поцеловала, золотым носиком попохала. Тогда гнев человека пропал. Вскочил. Поставил побежденного на ноги. Шамаи, и плюя и в бубен ударяя, залечил раны.

Господин Кулудт обещал выдать младшую сестру. Веселье из веселий настало. Семь дней и ночей пировали.

На стороне против входа¹ серых¹ много убили¹, на левой² стороне черных² много сранили², на правой³ стороне бузанных³ уложили³. Поела тут и немущий и имущий.

Ступилась ночь. Взяла в узы темная ночь. Стала одолевая слеза из глаз. Вяли слезам очей, заснули.

Когда спали, в полночь выломали три бревна из тройной стены чуланчика и девицу их украли. И ничего не обнаружилось.

На утро Кулун Кулудустур проснулся. Женщины его нет. Он выскочил на двор.

— Восемью божествами моими назначенно-данный конь, сейчас же приди! — позвал он. Прибыл конь его. Прямо на юг направился.

Очень далекую страну упрямо проезжал, чрезвычайно дальнюю страну преодолевал.

Зиму по снегу, весну по ветерку, лето по дождю, осень по морозящему снегу распознаяв, ехал. Ширь поперек неведомая, сияющая, широкая страна — туда вступил. Длина вдоль неведомая, длинная страна — туда прибыл.

И на пути видит, что три столба высокие вколочены, а поперек дороги одноногий черный стол выставлен. Сзади кукушка, наверху ёксёю птица, над ней беркут. Обширный жертвенный шалаш поставил. Красивую ленту проделал. Стоят и молятся.

Звонкими золотыми колотушками святыми в громадный серебряный бубен бьют. Это он прибыл в страну, где девять шаманок стояли и шаманили. Шелковая бахрома по ногам их билась. Канфовая бахрома по рукам бьется. Кружки с фигурами солнца, месяца, проруби сияли. Длинные полосы железа с продольными разрезами на руках блистали. Оторочки брэнчали. Колокольцы громко звенели. Золотые подвески позвякивали. Чистые Джаргыл⁴. Шаманки, шаманя, напевая, молились:

— Даруй! Даруй! Плавно! Тихо! Стройно! Кулун Кулудустур! От горемыки горе не отходит, не отходит от страдальца мука! Твою жену отсюда прямо на запад, на грани земли, на краю света, куда пернатые, три раза яйца понесли, долетают, а ногами бегущие, три раза приплод привела, добегают, куда знаменитых шаманов души, по смерти, семь раз вид меняя, ставши гусьями-гуменниками, гогоча, достигают, а души знаменитых шаманок, трижды превращаясь, по смерти, казарками ставши, с криками: лък! лък! достигают, по ту сторону восьми морей, среди девяти морей, на проклинавшем проклятом, заклинавшем заклятом, волшебником заговоренном Волшебном Чарабана-море, на острове Ан Адырынчай⁵ богатый живёт... Вот это он и украл твою жену. Полные пблы несчасть у тебя! О, бедняга ты! Как же ты сможешь доехать, выручить? Напрасно и ехать!

На это Кулун Кулудустур молвил:

— Вот как! Вот как! Этак ли, что ли? Где ни схоронился, выслежу — хоть добычею

^{1, 2, 3} Все это по требованию аллитерации.

⁴ Джаргыл — звонкий.

⁵ От адырчи — шестипятый. Ред.

собак стану! Дорогу к нему выведу, хоть сведью воронов стану! Где же бывает, чтоб человек не умирал? Пусть умру, если на то пошло!

Поехал-таки. Продолжал путь. Очень далекий путь упрямо едет. Чрезвычайно далекий путь гордо свершал. Зиму распознавая по инею, лето по дождю, весну по ветерку, осень по морозящему снегу, ехал он.

Потянулись долины, хвощом покрытые, ветлою, ериком поросшие. Все теснее становилось. И уж земля, ровно носки лыж, загнулась, а небо, словно брюхо жеребой кобылы, отвисло. Проехал и то место, где они цеплялись друг друга, как зубы захудалой лошади.

Поехал по стране с ущербленным солнцем, с ущербленным месяцем. Корявое железное дерево пошло, иглистая железная трава. Водолюбы были тут с громадного быка, а лягушки — с жеребую кобылу. Змеи там были, ровно плеть с скребицею.

По сплошному камню громкой ступью и по гальке звонкой рысью ехал.

За три дня пути костром огня кидало огненное море. К нему подъехал.

По самому краю берега поехал и вдале глянул.

Темной кровью крашенный, свежою кровью мазаный, стуктами крови обведенный, с тремя пристройками громадный каменный курган виднелся.

С коня спрыгнул, пустил его. К тому кургану побежал. Добежал. Вбежал на вершину. На вершине дверь была. На двери с голову медведя винтовой замок был. Приложил туда ухо и, лежа, прислушиваться стал. Внизу, внутри кургана, словно шиск комара, слышится, голос жалобно причитает:

— Вот как! Вот как! Это ли, что ли! Кувыркю полечу я — вот такие сны мои! Шею сверну себе — вот к чему ведут приметы! Спала я эту ночь, про Кулун Кулдустура, муженька своего, грезил. Вот прехал, мол, убил Ан Адырынчая, поехали вот верхом вместе на нашем коне, и радостно проснулась. Сюда, в эту страну, ну как он сможет приехать? О чем думаю непрестанно, то, знать, и привиделось!

Наш человек вскочил и средний палец в тот замок всунул, вывернул его и в дом вскочил. Увидев его, женщина упала без чувств. Он дал ей понюхать свой мизинец и тем привел в чувство. Молвил ей:

— Друг! — говорит: — какие оборотничества у демона, мужа твоего? Куда он отлучился?

Женщина сказала:

— Я, — говорит, — ту пищу, что он ест, не ем. Поэтому он пошел на море. Он пошел промышлять гольцов, девять дней уж. Сегодня он возвратится. Как бы там ни было, он одолеет. Убегай! Никаких оборотничеств его я не знаю.

Наш человек сказал:

— Пока целы тело и кожа, не убегу я!

Вышел из дома.

С западной стороны (демон) возвращался. Из девяти связанных вместе лаственниц плот себе изготовил, из двух лаственниц, пополам вдоль расколотых, весла себе сделал, плавает. Вот прибыл. К подножью кургана подъехал, кричать стал, рыбу взвалил на плечи.

Заячьими прыжками вверх стал подниматься. Наш человек пошел ему навстречу.

Тут сильно восполошился демон, навзничь пал, в море погрузился. Выскочил вверх, птицей оборотившись. Стал в воздухе, расластав крылья, как мартышка-птица, и говорит:

— Не даром ты так славишься! Скор ты в езде и быстр в пути! Отсюда прямо на север есть Славное Зыбь-море, счастливый крепь-мыс, смертных боев крутой мыс, гибельная охряная гора, кровавая помеха-гора. Я туда лечу. Нас здешняя страна не сдержит. Туда отправимся, там попробуем силы в бою!

Полетел прямо на север. Кулун Кулудустур пеший пошел, от той птицы не отставая. В очень далекую страну ушли.

И перед глазами Кулун Кулудустура стали виднеться волны Славного Зыбь-моря, и забелел счастливый крепь-мыс, зачернела кровавая помеха-гора, и тенью встал смертных боев крутой мыс. К счастливому крепь-мысу подошел Кулун Кулудустур.

На гибельную охряную гору спустился демонов сын. Кулун Кулудустур прибежал туда, сильно стуча ногами, и стопудовую бузавую хватил его в лоб.

Демонов богатырь меднокрасную шею свою подставил. Вступили в бой.

Растаптывалась галька, таял мягкий камень, трескался твердый и раскалывался крепкий, оползнями плыли глиняные горы.

С гиканьем подставляли ноги друг другу, с криками отражали друг друга, с воплями бросали друг друга. Увидят кровь, и пуще ярятся. Увидят сгустки крови, и упорнее становятся. Так они сражались тридцать суток. И гикнула тогда Кулун Кулудустур. Подставил ему бедро свое и сбросил его с кровавой помехи-горы.

Сел ему на грудь. Раскроил ему тройной железный брюшной покров и, что руку чело-векоубийателя, главную кровеносную жилу (аорту) его оторвал и вытащил.

Тот схватил себя своими толстыми десятью пальцами. Морщась от плача, перекашивая губы от рыданий, лежал он и говорил:

— Господни мой! Девять¹ раз кланяюсь заду¹ твоему, восемь² раз припадаю² к ногам². Вину мою прости! Грех мой отпусти! Не убивай! Я тебе дрова рубить буду! У меня есть полуторанудовый топор и шестисажженная громадная коса: в работники возьми меня! Я очень прилежен!

— Подобного тебе человека не возьму себе в работники! Убью!

Убил. Искрошил пальмью своею, по всему свету развеял, заговорил, возрадовался:

— Противника сгубил я, врага злобного доконал!

Побежал в тот край, где жена его была. Очень долго тянулся путь его, и прибыл он к жене своей. Призвал коня своего, а женщину вывел из дома. Вдвоем сели на коня своего и поехали в осьмободную, осьмикрайнюю мать-землю родную.

Песни его облаком струились, воспевания в тучу обращались. И едет он, поет, и песня его одного звучит, как хор пятидесяти человек. Страшно далекие пространства преодолел он, на диво далекие места молодецки проехал и прибыл в дом свой.

И, оказалось, живы были и отец и мать его — почтенные люди, господин и госпожа! И очень это его порадовало.

¹, ² По требованию аллитерации.

Устроил он светлый пир. Что остров лиственничного леса, окрестных сородовичей широко захватил. Ровно рощу лиственниц, окрестных жителей гурьбою всех прихлоп.

Словно лиственничный остров, прирщественных березок натыкал. Что озерко, глубокий жбан с краями полно налить велели. Что длинную жердью¹ не дохватить — избыльно¹ (яств) наставили, что ветлюю² не достать — пенного² предложили. И стали они сильно богачеть, очень сытно наедаться. Жидким поперхивались, от густого икали.

И возговорил:

— Наслу-го! И горя много задевал я в жизни пблами и много мўки челом рассекал! Пора уж и отдохнуть!

Сказал так, ну, и стал жить и поживать.

^{1, 2} По требованию аалитерации

Грозный-Разящий (Сюнг-Джасын)¹.

При сотворении мира на западном краю земли было очень большое озеро. На восточной стороне его на маленькой релке одинокая маленькая юрта была. Хозяином этой юрты был очень маленький человек. Шкуры одной белки хватало на всю его одежду: из спинки доха была, из брюшка — штаны, из задних лапок — торбасы, из передних лапок — рукавицы, из ремешка пояса, из шкуры головы — шапка, из хвоста — боа.

Этот человек только вот теперь опознал, что вот он в этом дому; а как произошел, не знал. Ну, опознавшись, когда глянул: в доме есть, оказывается, с чешуйку четырехгодовалого караса маленький топор, ему-то ладен; потом глянул: с кукушечье ухо котелочек есть у него, больше никакой снасти.

Взявши топор свой, дверь свою вагой отворивши, вышел. Вышедши, туда-сюда поглядел: на запад от него, конца-края не видно, большое озеро; а на восток от себя глянувши: все темный лес. Больше ничего другого не заметил, отоцал, поест захотел, туда-сюда смотрел, но ничего поест не нашел. Потом, пришедши на берег своего озера, стал выглядывать. Вот, когда глядит: у берега поросло травую, оказывается, а в траве у берега тугунки взапуски бегают. Увидел это и вскочил он, руками скорее стал было ловить, да нет: не мог поймать. Тогда пошел назад домой. Вот, пришедши, лег и думает: как бы этого зверя упромыслить? мол. Придумал: с наголенники снасть приготовить ладно будет, мол.

— В эту снасть войти-то войдет, только обратно уйдет; вот это как бы так сделать, чтоб не уходило; вот что придумать надо!

На утро, перепочевавши, встал, топорик свой взял, потом, на двор вышедши, в лес пошедши, из ерика сплел вершу. Эту (свою) вершу поставил в своем озере.

¹ Эта былина записана со слов родовича 1-го Оспетского наслета, Дюбенского узуса, С. Н. Стрекаловского. При записывании быliny все время присутствовал А. П. Афанасьев. Со слов сказителя, отдельными периодами, диктовал мне Афанасьев, и я, благодаря этому, мог записать былинку в таком ее виде — с поэтическими красотами и подробными описаниями. Не будь при этом записывании Афанасьева, и записывание было бы не мыслимо: мешало бы, прежде всего, то, что сказитель, при передаче быliny отдельными периодами, утомлялся и в скопированном виде излагал суть, опускал подробности и красоты.

Несколько приподнятому тону перевода, несколько важно-торжественному стилю в иных местах нельзя удивляться: якутский язык — язык довольно высокого типа; это, впрочем, давно уже и наглядно доказано Худяковым в его неподражаемой красоте переводах якутских поэтических творений (так называемый Верхоянский Сборник).

Опять, поспавши, вставши, пошел к своей верше: только один большой тугонок попал. Его не мог он поднять, топором своим на четыре части разрубил, затем в дом свой перетаскал. Эту рыбу свою четыре дня он ел.

Вот, когда вышла у него еда, выпала пороша. На этой пороше, когда глянул: с очень большим следом зверь наделал много. Там насторожил он самострел со стрелюю из рыбьей кости. Потом, переночевавши, когда поглядел: этот зверь застрелен; его он тоже разрубил на четыре части (зверь-то белка была). Одно место¹ ел день. Опять наутро, когда вышел: большое белое животное ходит, траву щиплет, — должно, зверь, — думает он.

К этому зверю подойдя, оглядывая, окружает. Там, оказывается, была трава — борщевник, с нея вскочил он верхом на этого зверя. Потом в ушах у него зашумело, чувств лишился.

Глядь, прийдя в себя: едет это он, верхом на коне, прямо на восток. Вот, едучи, глядит: а это он едет по миру земному; далеко ль или близко уехал, долго ли, коротко ли в пути, — не ведает. Зиму по ивию, весеннюю пору по ветерку, летнюю пору по дождю, осеннюю — по морозящему снежку примечая, ехал.

Вот едучи, как глянул: ан место-то, сторона-то переменялась. С железной травой, с железными деревьями каменная сторона пошла. Вместо всякого другого дерева стелется по земле, дугою растет, подымается железное дерево; трава — железные трубочки иголки; займки — сплошь камень; поле — железная галька.

Вот, едучи, как глянул: тут по верхние сучья лиственницы железная юрта была, дверью на запад, на полночь окнами, на задь коновязью. У коновязи-то стоит привязанный, на брюхе о трех ногах гусем, с шеей в 30 маховых сажени, огромный верзилка железный конь. Этого человека увидевши, конь этот из самой глубины своих недр задул полымем, черною слизью фыркать стал на человека и лошадь. Но конь здешнего мира увернулся.

Вот человек здешнего мира, коня своего чембур спустивши на землю, по чембурю спешился.

Спешившись, коня своего бросил подле того коня, что был у коновязи. Тут два коня подрались: демонский конь ревел и бился и набросился на коня здешнего мира; конь здешнего мира вывернулся да одним разом лягнул, и голову ему долой.

Прибывший человек, топориком своим дверь вагой отворивши, вскочил в дом. Вот, вошедши, как глянул: в переднем углу лежит кто-то, в паху об одной, пест ровно, ноге, на груди, по самой середке, об одной саженой руке, на лбу его как раз посредине, словно слюдяное окно русского человека, одним-однишенек глаз, на маковке его семь железных, коротких, жестких волос (эти волосы зачесаны, три брошено вперед, четыре назад откинута), на нем обдерганная железная шляпа, железный кафтан, железные штаны, железные торбаса; ногу свою в чулан, что налево от входа, упер, в изголовье лавки направо от входа голову положил и спит.

Человек здешнего мира, взобравшись на этого домохозяина, заснул, держа топорик свой. Проснувшись, демон, «татат!»² крикнувши, испугавшись, вскочил и выпрыгнул на двор.

¹ На «места» (гермин технический) делат в якутском округе убитого коня, когда мясо идет в продажу.

² Ох! Что это?

Там сходявши за нуждой (человек здешнего мира, когда демон это встал, скатился и сел на лавку), демон, вошедши, севши в передний угол, одинокой саженой рукою защищаясь от света, поглядел в сторону человека здешнего мира, потом ударил себя по ляжке, губы свои плотно сжал. Зачавка-задвигался, ровно Алдаанское русло, нелепый рот; замямлили, словно прорубь с убылой водой, губы.

— Тьфу, ты брат! Что это? Тьфу, ты брат! Что это? Черным глазом не виданная, плоским ухом не слышанная шаткому, двуногому неведомая тварь. Что это? Испугался я этого, всполошился, замерячил¹ я даже! Поглядеть — и глядеть нечего, схватить — и не схватить; такое маленькое, что за волшебство ты? Жевать, и на зуб не попадет, есть — не наешься! На какое мое имя, на какую молву обо мне пришел? С бока какого камня ты тронулся, с какой открытой поляны добрался ты? По-человечьи молвивши ли, по-якутски говоривши ли ты? Если есть у тебя язык и голос, разговаривай, молва: не ел я восемь суток, не кушал я семь суток, не наедался досыта девять суток; если не скажешь твою нужду, кто съем!

Человек здешнего мира молчит. Три раза демон так спросил. Потом сильно гневом разгневался, злом разозлился; после этого, вскочивши, чтоб схватить, стал шарить рукою. На это другой, увернувшись, взбежал по демоновой руке, вскопал ему в ухо. Вот, взобравшись туда, привялся крошать топориком своим мозговую его оболочку.

На это демон смертным ревом заревел, смертными схватками забился. Тогда говорит:

— Смертный день мой задел меня, прикоснулся ко мне последний мой день! Оттого-то сны мои так худы стали, такие худые приметы, такие, смерть предвещающие, подергивания были. С сидячего ребенка каменный идол у меня был; вот он по мне остался. Прости, умираю! Сказавши так, очень уж плохо выговаривая слова, умер.

Как он умер, наш человек выскочил из его уха.

Вышедши, этот человек сильно радовался: «такого большого богатыря убил я!» мол. Так говоря, из демонова дома выскочил, сел на своего коня, прямо на восток поехал.

Зиму по иному, весеннюю пору по ветерку, лето по дождю, осень по мокрому снежку примечая, ехал. Так странствуя, прибыл человек в свою землю.

Приехав в свою землю, глядит: восемьдесят красивых еланей одна за другой протянулись, девяносто открытых полей в ряд вытянулись; кукушка там, не переставая, кукует, горленка всегда воркует; восточный край без ночи светлый день, без зимы постоянное лето — такая страна была; лысуха не улетала, грудастые петушки не покидали ее; сказкою стала, поздних потомков песнею стала эта страна.

В этой стране, как раз посредине, была 30-стенная, дутого серебра юрта. Возле этой юрты двор был, на этом дворе, ровно по середке, восьми божеств коновязи вбиты были.

У главной коновязи конь привязанный стоял. Конь этот собою — день пути в длину, мяля в ширину, лучисто-белый, с круглыми, с четыре занесенные снегом копыта, с 30-саженным шелковистым хвостом трубою, с 7-саженною пышною гривой, с 8-саженною блестяще-бедою челкой, с глазами, что ясное солнце, с длинными, что два полных месяца,

¹ Мерачение — душевная болезнь, наблюдающаяся по преимуществу среди якутов и бурят Восточной Сибири, но встречается и в некоторых местах Сев. Америки и на Малайском архипелаге.

ушами, с тройною серебряною включенной шерстью, с подстилкой из моха подземных стран, — с подседельным ковриком из бегущего облака, с высоким небесный-бугор-седлом, на крупе чапрак — кучевое облако, по бокам тебеньки — багровое облако, торока — ложе подземного мира, чебур — луч солнца, поводья — сияние месяца, стремена — ступенька солнечной лестницы.

Рядом с этим конем привязал он своего. Эти два коня стали на дыбы и бились. Потом взвизгивать стали и пощипывать зубами друг дружку.

На это: «должно-быть, с хозяином этого коня друзьями будем мы», думает прибывший. С такою думою подошел к дому; 70 человекам, упершись, не отворить — дверь отворивши, 80 человекам не открыть — медную дверь настежь открывши, вошел¹.

Вот вошедши, когда глянул: в переднем углу человек сидит, заходящего солнца блеск — вид его, восходящего солнца сияние — вид его, с большими круглыми, словно узды с мундштуком кольца, глазами, словно серебрястые соболи, что легли друг к другу ногами, — с такими, как наведенными, бровями, крупный нос его — с высокую голень коня, с высокими, в 3 маховых сажени, бедрами, в шесть сажений громадными плечами, с голенями с ободранную ливственницу, с ободранную ливственницу предлечьями, в лучшие соболяные, рысья и волчьи меха одет он был, в бархатистые лосиные шкуры, в прочную ровдугу. Этот человек ел, брюшной жир раскладывал — как монеты², шейный жир — как позвонки, рыхлою костью зубы заколачивает, крепким кумысом глотку поправляет.

Вот, сидя, глянул он в сторону пришедшего человека; увидевши, заговорил к нему:

— Дже-е! Бо-о! (ну-у! во-от!) (2) С высоты трех небес, с молочным-озером-седалищем, молочный-камень-собою-Создателем-Господом созданный, спустился я на этот свет: дать начало рождающимся детям, дать жилье позднейшим потомкам, будущим людям судьбу устроить, потомству счастье заповедать — с высокими в 3 маховых сажени бедрами, Белый Юноша по имени я человек. Ты, из какой страны двинувшись, из какой страны поднявшись, пришел? На тебя посмотреть — и на человека ты не похож, и на демона не похож тоже. Как на тебя взглянул я, ни думам, ни сердцу, ни глазам моим ты не полюбился. Какою дорогой пришел ты, тою же и уходи по добру!

На это со двора пришедший говорит:

— Дже-е! Бо-о! (2) И подобный тебе хозяинишко прогоняет тоже! Не чета тебе, с доблестным в схватку, не с таким удалцом в брань вступал я. Гляди, не прогону ль тебя нынче же из твоего уютного дома, не отлучу ль тебя от твоего домашнего огня, не лишу ль тебя твоей усадьбы; здоровое твое тело кроша, толстую твою кожу разрубаячи, не натешусь ли; черную кровь твою выточу, долги кости твои разбросаю — что дерево, валяться будут, малые кости твои изрублю! Божий, мол, сын я, чего величаешься?

На это хозяин говорит:

— Дже-е! Бо-о! (2) Многое множество создавший и в Промысле своем содержащий, благословенный Создатель Господь, отец мой! Вземли: черным глазом не виданного, плоским ухом не слышанного, уранхайцу неведомого — человек ли он, демон ли? — яд уст,

¹ Очевидно, Адымга богатырь уже принял образ героя: чары с него спали.

² Буквально: квадратные плитки (харчы), которые вырезаются из черевки лошади, самой жирной части (Якут. Епарх. Ведомости 1898, № 23, стр. 365). Фед.

губ его изветы! Светлое дыхание мое погубить задумал! Ты говорил: человека чистого мира не смей трогать! Меня не вина: мощного дыхания моего на выручку, чистого дыхания моего для избавления драться готовлюсь с этим бездельником. На это да не гневайся и не кори!

Так сказавши, подхвативши пальму, выбежал и вскачь прибежал на середину поля. Прибежавши, стал. За ним наш человек, сильно топяя ногами, быстро прибежал и стал перед ним.

Тогда Белый Юноша размахнулся пальмой хватить его вдоль темного шва. Но противник его, увернувшись, по вытянутой руке его взобравшись на него, оседлал его шею; затем стал рубить его сухожилия на затылке. Белый Юноша никак не мог отделаться от этого человека; так-то он его уже сгубил-было. Вот, когда пришел его смертный час, сказал он:

— Ух! погоди! остановись! — Тогда другой остановился. Белый Юноша заговорил: — Еще как спускался я в этот мир, Солнце-Кюбий-Хатын¹, матушка, говорила мне: в этом мире родился и жил в былые века Агья-богатырь, по имени. Этого богатыря, за его неуживчивость, Создатель-Господь проклял и спустил в земной мир, изменивши его вид. На грех, этот человек коснется тебя погубить, убить тебя озлобится, ему скажи ты: сказала вот Кюбий-Хатын матушка: «Это ты Агья-богатырь? Если так, то ты мой старший брат!»

Лишь только сказал это Белый Юноша, тот поднял его на ноги. Затем оба сказали:

— Горе нам: оба мы богом созданные, для земного мира назначенные, сюда спустившись, готовы вот были пролить эту алую кровь нашу, — что мы братья, того не ведая! Примирився!

Ну, вот, как, примирившись, целовались, целовались до того, что из верхних губ по три ложки крови вышло, а из нижних по шести, потом рука об руку домой пошли. Ну, здесь Агья-богатырь сколько-то ночевал, дневал.

Вот, живя, Агья-богатырь спрашивает своего младшего брата, Белого Юношу:

— Как это ты столько годов одинокам прожил? Хорошо было бы тебе обзавестись женой и домочадцами. Чего ты не подыщешь себе женщины? — мол.

На это Белый Юноша говорит:

— Что есть женщина, слышать-то я слышу, да она в ни какими силами не достижимом для меня месте.

На это Агья сказал:

— Попробую я, поеду; если уж кто доедет, так это я! — мол.

На это младший брат:

— Да, ладно! — сказал. — И матушка Солнце-Кюбий-Хатын говорила: «Тебе твой старший брат, Агья-богатырь, жилье твоё устроит, даст хозяйку твоему очагу». Согласно этому ее слову, только на тебя и надеюсь.

Старший брат сказал младшему:

— Поймай и приведи мне моего коня! — мол.

¹ Кубай Хатын — достопочитенная госпожа. *Ред.*

Труды Ком. по науц. Якутск. АССР, т. VII.

Младший брат, по слову его, поймавши, привел. Агья-богатырь взуздал, оседлал коня, сел верхом и, оборотившись к младшему брату, сказал:

— Дже-е! Бо-о! (2) Зажженный тобою домашний огонь да не гаснет! Белые бегуны твои да зарождаются, черные бегуны твои да умножаются! Осмикружная-осмикрайная мать земля твоя да не отверзает толстой двери своей, не раздвигает свои толстые прясла! Спизу сквозной ветер да не дует, сверху холодный ветер да не проникает! С земного мира стужа да не пахнёт! Изяхсит (богиня) мужчии, обернувшись тетеркою, да не оставляет (да возвращается); богиня женщин, Создательница, да защитит! Созданный Создатель Господь да милостив будет!

Так сказавши, направил коня прямо на восток; ступню скользил, иноходью колыхался, рысью подрагивал. Уже 80 там-сям раскинутых еланей миновал, 90 в ливню вытянувшихся полей проехал; уже долины¹ в узенькие пади переходить стали, уже страна тальником потянулась, уже земля мелким хвощом поросшей стала, нарядный лес кончатся стал, красная трава блеклою стала. Да, так-то он мчался, валя и круша, и дыханье его струилось облаком, мольв тучею грозовую становилась, слово — громом.

Ехал, ехал и доехал до восьмируслого Арат-моря. Здесь один человек стоит и на каменном столбе письма пишет. Этот человек в шляпе был; на нее на три аршина падало злое снегу. Наш человек подъехал и сбросил его (снег). На это стоящий человек: «О-о! татат!»², взумившись, воскликнул, обернулся и сказал:

— Девять лет падавший на меня снег кто это сбросил?

Привывший:

— Я, человек по имени Агья-богатырь, приехал и сбросил, — сказал.

На это другой сказал:

— Хорошо! Тот и сбросил, кому следовало, — мол. Потом спросил: — Какая у тебя нужда ко мне? — мол.

На это Агья-богатырь сказал:

— К тебе-то, небесных велений ведателю и письмоводцу, нужда и привела меня. У меня в земном мире есть младший брат, Белый Юноша по имени. Этому младшему брату моему супружеского ложа достойную подругу, в постели возлежать с ним достойную, уютного дома хозяйку, домашнего огня назначение, рождаемых детей участь, на землю павший жребий, на траву павший рок только ты указать, определить можешь, сказали. Ради этого к недостижимо-великой славе твоей, к недосягаемо-высокому имени твоему я прибыл.

На это тот сказал:

— Правда! — сказал: — твоему младшему брату, Белому Юноше, назначенная женщина есть. Отсюда прямо на восток, когда переправившись на ту сторону этого моря, далеко отъехавши, будет там земли пуп земля, страны тишина страна, здесь живет Хара-хат-Тойон³. Дочь его С-уполовник-крови-с-румянцем Хачылан-куо. Та девушка ему назначена. А какою сылю-мочью туда ты доедешь, не вырешил.

На это Агья-богатырь сказал:

¹ Верхонья река.

² Ох! Что ж это?

³ Черный Важный Господин. *Ред.*

— Разве если ты добрым советом посоветуешь да силу и помочь приложишь, достижимое это дело.

На это велений рока писец сказал:

— Коня своего дам, — мол.

И вот оба пошли они по берегу моря. Пришли к железной конюшне, с 3-годовалого быка замок отперли. В ней стоит связанный железный конь: нища его — мерзлая галька, испражняется он горячей крицей, а на спине его железные крылья. Этого коня хозяин его развязал и вывел. Потом товарищу велел сесть верхом на этого коня. Когда тот сел, он сказал:

— Молодой мой коник! Прежде чем, говоря, вздохнешь, прежде чем, глядя, моргнешь, доставь ты этого человека, без толчков на ухабах, без тряски по каменистому грунту, к Хара-хан-Тойону!

И вот Агья-богатырь летит на коне: уши его подобно крыльям гоголя шумели — так ехал он.

Вот, едучи, когда прислушался: внизу, на дне моря звуки. Это был шум саней, а с ним вместе топот копыт. Между тем шум замолк, а раздался звонок-пронзительный женский крик:

— Эй, малый! Куда едешь? — мол.

На то голос мужчины молвит:

— На Харахановой дочке жениться еду!

На это собеседница его, глянувши вверх, изумившись, пронзительно вскрикнула:

— Ого! Вверху это что за шум? ты не знаешь?

А тот:

— Нет, не знаю! — мол, говорит.

На это женский голос сказал:

— Этот шум — Агья-богатыря поездки шум: он едет к дочери Хара-хан-Тойона. Ты ворочайся домой: это чародей человек — не попасть бы тебе в беду; это оборотень — не поразил бы тебя хитрости его искусства!

— Го! го! го! — рассмеялся, захохотал. — Я-то да чтоб воротился (я ль из ворочающихся парней)!

Агья-богатырь, все с таким же шумом, прибыл к Хара-хан-Тойону. Коня своего привязал у коновязи; затем, вошедши в дом, сел на правой стороне от входа. Вот, сидя, смотрит: в переднем углу сидит старый старик, с поседевшими волосами, с редкой, белой бородой; у него — серебряная трость о трех резных перехватах. Налево от него — с белыми, как снег, волосами, с обвислым жирным животом госпожа; на правой стороне — 90, словно вольные журавли, служителей у них, на левой стороне — словно восемьдесят стройных стерхов, восемьдесят девушек служанок у них; у печки у них в семье — старуха коровница: с вывороченными веками, косо своими гривнами (= глазами, похожими на Екатерининскую медную гривну) смотрит; на глазах у ней — с две занесенные снегом копыны гною; в натазниках из бычачьей кожи, с завязками к ним из больших волосяных веревок, в наголенниках без завязок, с отвороченными краями, в обтерханной шапке, в короткой из телячьей шкуры кацавейке. Наш человек, глядя прямо в сторону хозяйня и хозяйки, говорит:

— Дже-е! Бо-о! (2) Хозяин и хозяйка! слушайте-примечайте, смотрите-вникните хорошенько: я расскажу, зачем я пришел, я скажу, с какою вестью я послан, я изложу, какая у меня надобность. Есть у меня младший брат, с высокими, в три маховые сажени бедрами Белый Юноша, у него нет ни домочадцев ни подруги. Вот потому я прибыл к вашему знатному имени, на молву о вас: если поглядеть — ваш глаз, если вырывать — ваш зуб, ваших почек жира отпавший кусочек, ваших печеней отвалившийся придаточек, ваших сердец кончик, в облачное небо не выпускаемую, в ясное небо не показываемую, в солнечное небо не являемую, С-ложку-крови-с-румянцем-Хачылан-куо, дочку вашу, за своего младшего брата просить вот прибыл я. Восемь божеств их назначения воедино указали, девять небожителей судьбы их воедино начертали; с вашего на это согласия, с благословением данного, они бы зажгли домашний огонь; поставили бы уютный дом, вколотили бы медную коповязь: рождаемые дети их были бы положены в тройные серебряные колыбели, вскармливаемый ими скот в 90 изгибов загон: лучшего качества серебро — в таком скотном дворе поставлен был бы; Иахсит их въявь парила бы, божество их воистину испустилось бы.

На то старик:

— Э! вам не отдать, кому же и отдать-то?

Вот, по сговоре, наradoвавшись, навеселившись, поевши-покушавши, легли спать.

На утро, «брезжится», мол, потягиваясь, «светает», мол, позевывая, поднялись домашние. Вот, вставши, когда поглядели: из их тройного, говорливого чулана, с узорчатой спальной лавки, из чуланчика с побрякушками дочка их исчезла: тройная, около девницы, стена выломана. Лишь только увидели это, домочадцы ее, почтенный господин отец, почтенная госпожа мать, все плачем без памяти заголосили.

Среди этого шума и наш человек проснулся. Вот, выслушал все это; потом, выскочивши, сел на коня. Взвился, полетел прямо на восток и хлопнулся на восточный берег наменишнего моря. Соскочил с коня; павши на землю, трижды на спину перекатился и оборотился, так-то перекатившись, железным ершом-рыбой. Потом нырнул в море; вот, по дну моря поплыл, зашумел прямо на запад.

Доплывши до середины моря, поплыл на север; вот, доплыл до берега. Там оказалась каменная речка, по ней вверх поплыл, доплыл до заязков. Здесь была верша, он вскочил в нее: вот лег там.

Скоро довольно слышит он такой шум: идет, скачет на одной ноге вприпрыжку человек; вот, пдя, говорит:

— Иахьяльбин чухаллайбин! (2) Великая радость! веселый праздник! Старший мой брат, Уот-Джурастай удалой С-ложку-крови-с-румянцем [девицу]-Хачылан-куо привез-таки! Так приговаривая, пришедши, разделось, слышно. Раздевшись, пошло к заязкам, вытащило вершу. Там одна только маленькая ерш-рыба. Увидевши это, сказала:

— Эх чорт, этим не поживишься!

Но все-таки положило в свой берестяной кузов.

Это была демонская девка, одноногая, однорукая, наряжаться надевать — жертвенной шкуры кафтан у нее, на кумысные пиры надевать — жертвенной обреченной шкуры штаны, на пирушки надевать — в угощение демону принесенной шкуры кухляка,

ровдужный сарафан у ней, жестяная бляха на шапке, костей предплечья почетной женщины паридные дудочки на ней, берцовой кости почетного мужчины трубочки в виде игольницы у нее, красной меди бубенчики, железные погремушки. Имя ее: Быстрый пах, Иноходец колено, Бегун-сустав, Проворные подмышки, Рвется-рвется настаивается, Трескается-трескается сходится, Ножицы задок, Узкие плечи, Дымокур хвост, Пламя-дыхание, демонская, с вертлявой шеей, белокуроя девка.

Эта демонская девка кузов свой взвалила на плечи, пошла домой, поскакала вприпрыжку. Вот на ходу веревка ее кузова лопнула, кузов упал на землю. Всполовившись, пронзительным голосом закричала:

— Тридцать пудов рыбы входило, бывало, в кузов. Какой страшной силы эта рыба, на вид такая маленькая!—Связавши, что порвалось, понесла, поскакала вприпрыжку к дому. — Кого я накормлю этой рыбой! — сказала. Затем оставила кузов с рыбой на дворе, юркнула в дом.

Потом в доме очень громкий голос заговорила:

— Ну, что, девка? Где же рыба твоя?

На то девка его говорит:

— Эх, чорт! Ничего не попалось!

На то другой говорит:

— Шлюха! совсем ничего?

— Пусть язык тебе стянет! Что малехонькая ерш-рыба попала, на дворе бросила я.

— Зачем бросила? Поди, принеси.

Пошла за рыбой: рыбы нет! Хлопая в ладоши, вверх взглянувши, подскочила. Вот стоит, глядит: с белыми перьями круг шея, с бубенчиками (= шаровидно-перым комком) на хвосте сокол вверх летит.

— Что это? — мол, выглядывается: а птица в когтях женщину поперек держит.

Закричала, заскакала:

— Старший брат! — говорит: — чтоб твоя оба глаза вытекли, чтоб тебе оба уха заклесало. Только и твоего, что жадность, пока брюхо твое лопнет. Ну, что ты знаешь? Агья-богатырь удалой женоу твою давным давно унес!

На это Уот-Джурастай удалой поломал дом — так вскочил и выбежал.

Вот, выбежавши, когда глянул вверх: уже давным давно, далеко, по самому верху неба сокол летит, женщину неся в когтях. Лишь только увидел он это, как из недр своих вверх, в сторону птицы, задул он с берестяную кадку огнем.

Когда огонь этот дошел до сокола, тот пнул на огонь черное облако, полное воды. Огонь погас. Вслед за этим демон говорит:

— Ты убежал! Но ничего: придет время — твой сын возьмется за лук, дочь за ножицы — тогда-то я серединой поля твоего выпырну, тучное¹ обилие твое разолью, без всякой накиши, чистое пучина-богатство твое распецую! Тогда на меня ты не гневайся, а на самого себя!

¹ Без воды.

Агья-богатырь привнес женщину к своему младшему брату. Принесши, отдал женщину своему младшему брату.

Вдосталь навеселившись, вдосталь игр и забав справивши, зажили.

У этого его младшего брата, Белого Юноши, не отставая от черного леса, черные бегуны расплодятся, с одного края берет и ест Камчатский народ; а белые бегуны расплодятся наравне с сырым лесом, и их беспощадно крошит, ест Алеутский народ. И не заметно, чтоб убывали, плодятся и белые и черные бегуны; вот сколько скота было у него.

Живут так они да поживают, и вдруг Агья-богатырь исчез. Белый Юноша с женою остались вдвоем только. И вот жена его за одни сутки становится месячной беременности, за двое суток — двухмесячной, за трое суток — трехмесячной, за десять суток — десяти-месячной беременности стала. И, когда пришло время, родила девочку. Эту девочку очень любили они, деляли ее.

Этой девочке исполнилось восемь лет. Однажды, когда темная ночь налегла, сумерки сгустились, легли они спать по обыкновению. Наутро вставши, муж вышел. Вот, вышедши, когда он смотрит: как раз посредине поля отверстие зияет, сюда и белые и черные бегуны, водоворот словно, вертятся, падают. Подбежал он сюда остановить, но никак не мог остановить, божество своих, небожителей своих всех¹ тщетно призывал он:

— Помилуйте, спасите! — говоря. На это ничего не последовало. Потом: — Старший брат мой, Агья-богатырь! Где ты? До тебя видно ли, до тебя слышно ли? Избавь!

На это Агья-богатырь удалой из склона долины, обращенного к северу, из гнезда стража вышел. Вот, ничего не молвя, не говоря, спустился-бросился он в дыру.

Как он бросился, сразу унялось там, где был вихрь, скот же перестал валиться.

После этого, когда прошло целых девять лет, хозяин, Белый Юноша, будучи на дворе слышит голос:

— Смертный мой день задел меня, прикоснулся ко мне последний мой день!

Когда слышит: голос раздается из отверстия.

Подопедши к отверстию, посмотрел в него, нагнувшись. Вот, когда смотрит: в этой дыре, о две стенки ее упираясь крылами, тою частью, где кости, ни туда ни сюда двинуться не в состоянии, этот старший брат его, соколом обернувшись, погибает. Его он вытащил. Выйдя (на свет божий), старший брат его говорит:

— Подземного демона, Уот-Джурастая, я ододел, — мол: — врага погубивши, старинному недругу вот отомстивши, пришел я. Но, хотя победить я его победил, это чудовище внедрило двух змей в сердце мое с двух боков. Эти змеи засасывают меня на смерть. Протв этого что ты придумать можешь, какое найти средство, как избавить меня?

На то младший брат его сказал:

— Я ничего не знаю; разве ты сам придумываешь что-нибудь.

На то старший брат его сказал:

— Стой же, прямо лицом на черную землю, три раза падаючи, припадай!

Именно так сделал младший брат его и оборотился в сокола. Тогда старший брат его сказал:

¹ Всех своих добрых гениев и богов.

— Как раз отсюда прямо на юг лети! Очень далекий путь совершишь и достигнешь того места, где земля, как лыжи якута, загнается вверх, а небо вниз свисло, как брюхо жеребой кобылы: там, сходясь друг с другом, так будут скрежетать, как зубы горячего коня. Поднявшись, минувши это, ты придешь к живущему на нижнем уступе неба шаману Ай-Баджыр. Этому шаману ты скажешь так: если ниц упадет — ты обещаю, что за лоб поддержишь, если навзничь упадет — за затылок поддержишь, — такого-то приятеля твоего, Агья-богатыря, на волос лишь дыхания осталось; смертный день его задел, последний день его прикоснулся: поди, избавь его поскорее, — таково его слово!

Держа путь, как ему сказано было, младший брат его прибыл к шаману. Вот, когда прибыл: у шамана ни дома, ни построек, прямо на уступе голого неба навзничь лежит, нога на ногу закинувши, шаманские напевы напеваючи.

Этот шаман очень старый человек: волосы его уж из седых желтыми стали. В руках он держит мохнатый, с озерко, свой бездонный бубен и, с правую переднюю ногу четырех-травного коня, звонкую свою колотушку. До половины голени в шелковых волнистых кистях он; как тростник глубокого омута-озера, крепкого железа погремущки на нем; а на спине у него, как раз посредине, с озерко, кружок.

Вот по прибытии слова старшего брата своего, одно за другим, подробно, передал. На это тот:

— Отправляюсь, — сказал, — следом за тобою. Ты же вперед доспеешь; твоего старшего брата посреди поля на восьминогий медный лабаз положивши, выдь мне навстречу!

Белый Юноша с этими словами воротился в свою страну. Прибывши, как сказано ему было, старшего брата своего на лабаз положил.

После этого из верхнего мира, держа бездонный бубен свой вверх, колотушкой своей, вниз обращенной, размахивая, творя заклинания, спустился. Вот, по прибытии, творит заклинания:

— Айхалым! апылэтым! (2) От высшего неба мое назначение, от Грозного владыки мое предопределение, от верхнего мира сила моя, от нижнего мира чары мои. Когда, бывало, взываю-молюсь о человеке, три года тому назад умершем, — он привстает, бывало; над человеком, низ его на шесть пальцев плесенью покрылся, верх на три пальца — над таким человеком, когда, бывало, творю мои заклинания — приподнимается, встает, бывало, и говорит: «хорошо же поспал я!» Такой-то силою бы я одарен. Эти мои! Куда, куда ушли вы? Здесь, здесь будьте же!¹

После того, трижды произнесши «айхал», трижды в бубен ударил. При этих ударах змен от этого человека подползли к бубну и обвились кругом.

Их он в давешнее отверстие снес и, чародейски спустив вниз, бросил. Вот при смерти лежавший человек, «хорошо же поспал я!» сказавши, вскочил на ноги. Потом пошел в дом и вывел хозяйскую дочь; ее, перервавши пополам, спустил в отверстие.

После того шаман своими напевами забил это отверстие. Сделавши так, шаман отправился в свою сторону. После этого Агья-богатырь говорит своему младшему брату:

— Мне назначенный путь этим кончается, отныне моя полезность тебе миновала. Предел мой, конец мой пришел, рок мой, судьба моя совершилась. Мени осудившего их

¹ О чары! Где вы! Сюда! Сюда!

приговора исполнение настало. Умираю! Что твое дитя «убил», говоря, не гневись и не кори. Это дитя пошло в укладку за то, что забито было отверстие глельной бездны.

Так сказавши, Агья-богатырь, земле подобно, прахом рассыпаясь, росе подобно, испаряясь, исчез.

Белый Юноша с женою, двое двоешеньки оставшись — и старший брат их помер, и любимое дитя демону в выкуп отдано, — ох, горько же плача, сильно же печалась, растущего дня красу, что ночуют, ночь путем не разбирая, жили.

Когда они так жили, женщина опять забеременела и, когда пришло время, родила. Вот родивши, когда взглянула женщина на свое дитя: зад ребенка видом — алчный волк, передняя половина его — старый, ярый медведь, а, повидимому, мальчик. Увидевши это, испугавшись, заголосила, потом сказала:

— Иди-ка сюда, друг! Взгляни сюда: такое от человека рождается?

Мужчина подошел, ничего не нашел сказать, и стали они так, глядя друг на друга. Старик сказал:

— Как же быть тут, друг? — молвил.

На то та говорит:

— Друг! что от человека демон родится, вероятно, про это говорят. Спровадить его — самое подходящее дело.

— Правда, только и остается! — сказал муж.

Увязал он веревкой это чудовище и на лошади выволок его в лес на севере. Тут, вырвыши яму, закопал. Потом вернулся домой. Пуще прежнего плача, рыдая и даже страшась, жили они.

Когда так они жили, родилась девочка. Вот ласкаячи, думы свои разговяючи, растили ребенка.

Вот стал ребенок по десятому году. Однажды Белый Юноша вышел на двор. Когда стоит там, смотрит: сверху зашумело пронзительно, и на коновязь спустился ястреб. Эта птица говорит:

— Дже-е! Бо-о! (2) Из верхнего мира, от Белого Создателя, — молочное-озеро-седалище его, молочный-камень-собою, — от него я прибыл. От тебя сын родился, — слово его, Создатель Господь предопределением своим дал его тебе, — слово его: твой век продлить, — потомство твое увеличить. Имя этого сына: Сюнг-Джасын (Грозный-Разящий)-уранхайцу-взгляда-его-не-выдержать-остроумному-метко-про-него-не-сказать-равного-себе-не-находит-могучий-богатырь-судьбою. Этого ребенка ты спровадил. Его «непременно пусть найдет!» наказал Создатель Господь.

На то Белый Юноша сказал:

— Я не думал, что человек родился: я думал — демон родился.

Эта птица улетела обратно. Вот человек, придя к своей жене, все это рассказал. Очень горевали, очень печалились. Затем сказали:

— Пойдем, поискать попробуем, — мол.

Так сказавши, стали искать, но не нашли.

После этого вскоре прямо с юга поднялся сильнейший вихрь. Растительность этой страны вся полегла в одну сторону, словно сухожилья свины. Покатились, поскакали круглые

камни с отрубленную голову 3-4 годовалого быка, с свистом понеслись-запрыгали мелкие камушки; собою с ребенка, который начинает сидеть, — льдины градом падают стали; взыграл Орой-Бурай; полетела, взвилась пыль, мгла. Темь, как перед молодым месяцем, день ли, ночь ли — света божьего не видно: во весь голос крича, разговаривают, ощупью опознаются. После этого зазвенели колокольцы, а, немного погодя, приехало много народу на санях, на конях. Приехавши, остановились, как раз посредине поля.

Остановившись, послали к хозяину одноглазого, с глазом на лбу, где начинаются волосы, демонского парня, Духа Бродячего Облака по имени. Этот демон, вошедши в дом, заговорил:

— Бай! бай! Зооблачного мира пятящегося народа владетеля, упирающего скота владельца, гордого Почтенного Господина старший сын, Аан-Дурай удалой, вот прыбли и послал меня нарочным сватом, доверенным вестником: белого дома твоего бабочку, черного дома твоего стрижа, Белую Юкейден, по имени, красавицу дочку твою этому моему Господину дай, — слово его. И дашь, и не дашь, возьмет, — слово его. Сейчас дай ответ!

На это старуха и старик, что и сказать, не знали. И демон, ни мало не медля, ушел.

Белый Юоша с старухой своей, не зная, что и предпринять, плакали только и обнимали свое дитя. Вот в это время в северном углу из хлева очень неприятным голосом кто-то протяжно плачет:

— Будь бы отцу претил его поступок, жалеи-люби меня мать, такую ли бы жалкою была моя участь!

На это жена говорит своему старику:

— Что это за голос? Выдь, глянь!

Белый Юоша вышел, поглядел.

Вот глядит: давешний, половина медведь, половина волк, сын его показывается из-под земли. Тут своего сына мать и отец вдвоем втащили в дом. Втащивши, отогрели у огня его, окочевевшего, горячею пищей накормили. Тогда сын их пришел в себя. Вот, оживши:

— Мать! — говорит: — покорми меня левой твоей грудью!

Тогда мать дала ему грудь. И вот с такою силою сосал он, что мать упала в обморок.

После того сын их сказал:

— Я иду биться с демоном. Далеко на юг мы пойдем, будем биться. Если демон одолевает, поднимется черная мгла; тогда, «значит, ваш сын побежден!» сказавши, прощальную пищу вкусите, траурные одежды наденьте! А если поднимется белая мгла, «значит, наш сын победил!» говоря, пребывайте в радости и весельи!

Так сказал и отправился к демонам. А те, оказывается, на ночевку припасли скота: на месте стоянки они на 9 вертелех жарили 9 скотин. Эту еду на вертелех Сюнг-Джасын удалой схватил и в девять приемов уложил в рот. Тогда демону слово сказал:

— Ты в средний мир по чьему поведению спустился? Зачем ты пожираешь людскую скотину? Ты, должно быть, атаман демонов, а я чистого мира богатырь, нашей битвы среднему миру не сдержать! Отсюда на юг видевшая много битв — сгусток-крови-гора, много побойц — бой-на-живот-и-на-смерть-гора, рукопашных схваток — скала-гора, счастливый крепь-мыс, кровавая помеха-гора есть: туда я иду. Отправляйся и ты!

Так сказавши, распростерши руки, пал ниц на землю, на спину перекатился и встал на ноги. Вставши на ноги, так молвит:

— О восьмидесяти чарах, о девяноста превращениях будешь ты, сказали. Те мои! явятся!

Лишь только сказал так, как превратился в громадную ёксьёку птицу и полетел прямо на юг.

Аан Дурай удалой, восьмерым свиты своей: «вам поездки, поступи нашей не догнать!» сказавши, отослал их в их края; а тогда, тоже оборотившись ёксьёку птицей, отправился в путь следом за давешним человеком.

Сюнг-Джасын, как только показались тени гор, молвит налету:

— Дже-е! Бо-о! (2) Государыни-бабушка! На вашу благую славу, как ребенок к матери родной ласкается, иль по отце тоскует, с такою надеждой на вас, с такою тоскою по вас я иду! Бабушки! Усеянную галькою землю вашу выровняйте, неровностями богатую землю вашу сгладьте, счастье даруйте, достижение цели даруйте: с храбрым на брань иду я, с чудовищем на бой иду я!

С этими словами спустился и стал на горе. В это время прилетел-спустился и Аан Дурай удалой, и оборотился он в железного человека в три печатные сажени. Посмотрел из-под руки в сторону своего противника и сказал:

— Эх, бедняга, бедняга! Здесь-то стоишь ты, допелся беденький так далеко, как далеко хватают потки мочи мочащейся девчонки! А я-то, я-то думал: пролетит он сквозь трое небес, пройдет он сквозь девять небес, за тройною блестящею тенью Белого Создателя Господа схоронится, уйдет, позагал я!

Так сказал и с криком набросился на человека чистого мира. Тот же стоит, уже принявши вид медведя-волка. Так стоит он, и вот нападающего демона за левый локоть схватил, повернул и инул его правой ногою. Тяжело, на четвереньках, журавлем заковылял демон; опоры ища, оторвал, отвалил с громадного девяти-годовалого быка каменную глыбу. Напавшего же человека он (демон), вниз головою выхрем закружив и бедро свое ему подставив, отбросил; человек чистого мира, чуть держась на ногах, выдвинувшись справа мыс отвалив, махом пробежал.

Потом в рукопашную схватились, красное мясо (тело) друг другу крошить, черную кровь друг другу точить стали. Шум кулаков их, как самые сильные раскаты сильной грозы, вдали отдавался. Что заходит, что восходит солнце, разницы не знали, частою мглою дышали, густой туман подняли.

От трех поколений-родов верхних духов вниз глядели: «что за беда случилась, мол, на среднем свете?» От восьми поколений-родов, нижних погибельных духов, высомываясь, глядели: «что за суматоха случилась на среднем свете?» мол.

Так-то бились они девять лет, не переставая. Но вот тяжелеть стал кулак человека здешнего мира. Демон постепенно, постепенно изнемогать стал, постепенно, постепенно уставать, колебаться стал. Вот ослабевши, когда стало ему не в моготу, взмолился:

— Меня не убивай: отныне я Создателем созданного ни человека, ни скота не трону!

Но другой не внемлет. Тогда демон опять молит:

— Завет-слово не отвергай! Мольбу-слово прими! Меня не убивай!

Противник его не выил, опрокинул его, наконец, и сел на него.

Тогда, что, увидевши в чашке мясо, ножен своих веревку режет и выскакивает, острый ножичек свой вынувши, там, где перерывают аорту, распорол ему брюхо и, всунувши руку, перервал натянутую в струну аорту. После того демон издох с пронзительным ревом (криком). После того как издох он, во славу солнца и месяца, съел он его и разметал. Тогда, «врага моего погубил я!» говоря, «старому недругу отомстил я!» говоря, радостный и веселый, прямо на юг в путь пустился, оборотившись в Ёксёку.

Вот поднялся он на наше облачное нижнее небо. Тут подлетел к одиноко стоящей серебряной юрте. Подлетевши к ней, спустившись, принял прежний свой медведя-волка вид.

Тогда из юрты женщина вышла. Заходящего солнца блеском блистает, восходящего солнца сиянием сияет лицо ее, что вчера ела, пятикопеечная монета словно, что сейчас ела, в одну копейку монета словно, что намени ела, в три копейки монета словно, виднеется, говорят; через платье — тело ее, через тело — кости ее, сквозь кости — костный мозг ее виднеется; черными коралками харкает, бусами плюет. Вот вышедши, ясными большими глазами своими повожаючи, глянула на человека и молвит:

— Глянь! Это ты прибыл-стоишь, дитя мое? И видеть не чаяла!

Так сказавши, дверь ему открыла. Сюнг-Джасын направился к входу.

Хозяйка, большую радостью нарадовавшись, пища самой хорошей настряпанши, постелю самую лучшую поглавши, оставила его ночевать:

— Устал ты, должно быть — отдохни, проголодался, должно быть — ешь! — мол.

Вот он спрашивает:

— Тетушка! — говорит: — где найдется мне подходящая жена, укажи мне!

На то говорит ова:

— Голубчик! — говорит: — подходящая тебе жена есть-то есть, да не пойдет за тебя: вид твой ужасен очень! Эта женщина приходится дочкой Бёлому Суоруи-Тойону, так называемая Манган-Ханьяхтыр¹ шаманка.

На это говорит:

— Пусть так, все же я поеду, попробую!

На то та говорит:

— погоди, не езд! Эта женщина — моя первая приятельница, друг и на живот и на смерть; завтра сюда она придет. Вот придет, я попытаю, сирому. Вид-то твой больно не хорош: спрячу я тебя!

Так сказавши, этого человека увела в чулан и уложила, чтобы не видно было.

На другой день рано поутру раздаваться стали удары бубна, зазвенели звонцы шаманской япанчи. Лишь только услышала это хозяйка, тотчас вышла и открыла дверь принять гостью. Гостя вошла и села направо от входа. На женщину эту тот человек, что лежал, взглянул через щель. И видит он, что она вдестеро краше хозяйки: необыкновенно милой наружности, чудного вида. По спине ниспадают ее шелковые прекрасные волосы, о самую средину спины ударяются украшающие их дудочки чистого серебра, золотые звонцы на

¹ Манган Ханьяхтыр — Белая Чайка.

япанче, до колен доходят шелковые кисти, громадный серебряный бубен у ней, звонкая колотушка к нему золотая.

Две приятельницы задумчивыми речами наговорившись, одна другою налюбовавшись, намиловавшись, самых лучших кушаний накушавшись, сидели, играючи, забавлялись.

Хозяйка говорит:

— Милая! — говорит: — я что-то хочу спросить тебя: не обидься, смотри! У меня на среднем свете родня есть. Что тут есть так называемый Белый Юноша, ты сама, ведь, знаешь. У этого человека родился сын, Сюнг-Джасын по имени. Так вот он о тебе справляется, слух есть. За этого человека пошла бы ты?

На это другая — евши, есть перестала, — разговаривавши, разговаривать перестала; юная кровь вскипела, молодая кровь выиграла, туманом лицо подернулось:

— Я слышала: правда, говорили, что удалец родился. Вот после того с Аап-Дурай удалым на брань отправился, говорили. Тогда я отправилась на облаке взглянуть на этого человека. Как глянула, а это не человек, по виду настоящий демон!

Сейчас же как сказала это, взглядом повелела, взяла¹ свою одежду и бубен, ушла, хлопнувши дверью².

Спрятанным лежащий человек, услышавши это, разгневался, рассердился.

— Ужо! поймаю же тебя, — сказал, — белую белинку!

Затем сейчас же сказал своей старшей сестре (тетке):

— Укажи мне, где живет эта женщина! — Потом сказал: — Мне обещан был конь.

При этом обещано было, что ты только можешь дать этого назначенного мне коня.

На это старшая сестра его хватает одежду и бубен; вот вышла и у подножья коновязи, «доң, доң!» ударяя в бубен, молит:

— Айха! Айха! Анлызат! Анлызат! Благословенный Создатель Господь, отец мой! Сюнг-Джасын, дитя твое, пришел вот и требует своего коня. Ниспустить этого коня что для тебя значит?

Как она говорила это, быстрее, чем речь, у коновязи спустился и стал чалый конь. Сами собою выросшие узда на нем и седло; богатырские уборы и оружие, все на нем навьючено.

Потом указала ему:

— Отсюда на юг, близко живет.

Это «слышала ли или не слышала» сказал, вскочил на коня и поехал прямо на юг.

Доехавши до небольшой юрты, у коновязи привязал коня, вскочил в дом. Когда вошел он, женщина спала в своей восьмистенной кладовке, в девятистенном своем чулане, в узорчатом своем красном углу. Туда подошел он, сел вправо от женщины и стал ее шупать за груди. Женщина сейчас же, «о татат!»³ сказавши, рукою наотмашь его ударила. От удара человек упал на четвереньки. А тем временем женщина улетела через трубу.

Поднялся он и сильно досадовал:

— Упустил! — говорит. Даже стыд взял его: — На ноги мочащейся, босоногой девчонке дал себя повалить! — говорит. С этими словами стащил он наземь ее постель

¹ Сүдүүдү аялга — чародейски взяла: глянула только — и одежда и бубен сами пошли ей в руки.

² С таким шумом, что (двери) готова была расколоться.

³ Ой! что это?

и одею. Вместе с ними упала ее одежда и бубен. Это схватил он и сказал: — Ужо! восемьдесят чар твоих, девяносто твоих превращений, семьдесят див твоих, кажись, в руках у меня! Как на коне, верхом поеду, как быка, я тебя запрягу!

И выбежал с добычей к коню своему. Продавил круп и вложил туда эту вот одежду и бубен. Севши верхом, ввяз, прямо на средний свет, с шумом спустился. Спустившись, отправился прямо на восток. Вот, когда едет туда, эта шаманка, на облаке сидя, догнала его и молвит:

— Дай мне мою одежду и бубен: за три перехода дневных виднеющейся, блестящей тени твоей клавию! Мольбу-слово прими, завет-слово мое не отвергай! — говорит.

Так говоря, тщетно умоляла его: тот не дал, краешком глаза искоса даже не взглянул и даже ни слова не молвил.

Женщина ушла.

Вот человек, ехавши, однажды остановился, заночевал (ему сильно захотелось спать); коня привязал у своих ног. Когда он лег и заснул, приходит шаманка, ходит кругом, оглядывает спящего. Видит она, что на темени его есть железный винт. Потихоньку его отвинтила женщина эта: тут-то и прикреплена медведя-волка шкура. Отворотила, в лицо ему взглянула. И видит: такого красивого она еще не видывала! Ох сильно же кружилась:

— Такого-то человека, по поведению, не впопад и отвергала! — мол.

Опять завинтила винт, как было раньше, и смирнохонько подседа к нему. Вот просыпается он. Когда глядит, а подле него сидит давешняя женщина, ласково таково улыбается! Эту женщину за восьмисаженную косу ее схватил он и привязал к хвосту коня. Сел тогда на коня и поехал на восток.

Вот волочится женщина по земле, что горьким плачем плакала, что слезными мольбами молила, плакала-молила понапрасну: он-то ей ни да ни нет не молвил.

А эта женщина плакала, рыдала:

— Ый-ыйбын! Уй-уйбун! С восьмисаженной косой Айталын-куо, подруга моя! Если ты можешь слышать твоими обоими ушами, услышь! Смертный день мой задел меня, прикоснулся ко мне последний мой день, дыхания моего, что струна натянутого, тонкий волосок лишь остался. За время жизни нашей на этом свете в мире и дружбе мы были, ведь: приди, избавь!

С этими словами ее, держа своей бубен, сидя на белом облаке, с восьмисаженной косой Айталын-куо вот прилетела. Вот прилетевши:

— Фу! парень! Ну, что ты это сделал? Эта женщина—под покровом восьми божеств, под заступою девяти небожителей. За обиду ее Вышнего Господа милосердия будешь ты отлучен. Если в жены ее берешь, по-человечески сговорившись, по-якутски поговоривши с нею, увози! А если не берешь ее себе в жены, то отпусти!

На это человек, остановившись, слова не говоря, отдавши бубен и одежду, отпустил женщину. А потом поехал в ту же сторону, куда ехал, на восток.

Старшая сестра вслед ему так говорила:

— Эту брошенную тобой женщину, — что вот близко, — тебе бы взять и ладно, думала я; да не пришлось. Отсюда прямо на восток есть одна женщина: очень далеко живут

Нет-старик¹, Есть-старуха², так называемые, с стариком старуха, их дочка — Солжо Нуогай (Шелк-Гибкая) по имени. Эта девушка, воистину, тебе предназначенная. Парень, — говорит: — на юге девять смеющихся гор есть; чего ж это здесь Несчастных Случаев сыны расхотались? Налево от нас восемь остро-зубчатых гор есть; чего здесь семь Убийства дев запела (исновидящим взором моим вижу я)? А если это так, будь осторожен! Итак, дитя милое! Спереди да не будет тебе никаких препятствий, сзади никаких помех! восемь божеств твоих да спутниками будут, девять небожителей да товарищами будут! Убежавшее настигни, утерянное найди! Равных тебе позором, подобных тебе поношением да не будь! Айхалым! Айхалым!

Вот, выслушав это, наш человек, то рысцою, то шагом, скоро и плавно скользил-ехал. Уж очень далеко отъехал и приехал в очень широкое открытое поле. А с восточного края поля конское дыхание, словно тройная, длинная, ременная веревка, тянется-струится. Разгадал он: без седла верхом человек едет это. Едучи, так молвит:

— Нет-старика, Есть-старухи сын я, имя мое: С-сивеньким-конем-Кюняи-богатырь! Есть у меня единственная младшая сестра. Вот на имя моей младшей сестры прибыл атаман демонов, из Незрвмых-самый-сильный, о-семисаженном-громдном-мор-повальные-болезни-языке, о-тридцати-саженном-огонь-аркан-хвосте, Уот-Огуруодай так называемый. После брани с этим демоном, когда уж он готов был сожрать, когда он неотступно преследовал, чтобы съесть, по пятам за собою приведа от дома за девять дневных переездов, — здесь с своим косяком ходит превосходный матерой жеребец! Тойон Джагыл по имени, за тройными косяками хвоста его схоронился я; вот, дыхание мое спасая, бегу я. Я слышал, что родился на среднем свете великий богатырь, Сюнг-Джасын по имени. Достигнуть мне только его, и мощному дыханию моему будут тяжелые прысла, бедной душе моей будет толстая дверь, думал я; от злого демона покровом мне будет, от коварств чудовищного племени заступою он будет, думал я, едучи. Близки, оказывается, восемь моих божеств! вот же я встретил тебя!

А тот ни да не говорит, ни нет не сказал, продолжал своей путь, не меняя ходы коня. Кюняи-богатырь поскакал домой обратно. А наш человек доехал на пути своем до сыпучих песков бора, там спрыгнул с коня и как в песке, так и в сосновой смоле терся и валялся целых три дня и три ночи. После того его медвежье-волчья шкура стала блестящей броней.

В таком виде приехал он к тому жеребцу, о котором говорил давешний человек. Приехавши, когда глянул: демон, оборотившись в алчного волка, с яростью просасывает зад жеребца. А жеребец лягается, приговаривая:

— Хозяин мой, С-сивеньки-конем-Кюняи-богатырь, говорил мне: Сюнг-Джасын вот едет, мол; до тех пор терпи: он спасет, сказал. И вот смерть моя настала. Ах! ах! куда же он делся, добрый молодец?

Спрыгнувши с коня, он сказал:

— О мой назначенный мне конь! На каком бы краю земли я ни был, ты в грядущий день нужды моей сам найди меня, повидай меня! До счастливой встречи!

¹ Т. е. Неизмученный старик.

² Т. е. Инушая старуха.

После того подбежал к демону и бросился на него. Тот бросил тогда жеребца. Житель чистого мира схватил демона за волосы подле ушей и погнал на север: быстрым и гулким галопом и по пятам за ним пошел.

Итак достигли они северного края среднего света. Здесь земля, не выдержавши тяжести, растреснулась, и они с шумом упали тем (провалом) на дно бездны, в беспорядочный, бездонный мир. Это был мир демонов с гибелью и ужасом наводящим дыханием, это был мир, куда, кружась, визвергаются, после смерти и после троекратных превращений, души могучих шаманов и шаманок. Начальником же этого мира атаман демонов, из незримых самый грозный, так называемый Аарсан-Туолай. Жена его — с землянку собою, так называемая Буор-Балахай-старуха. Родни у него восемь демонских колен-родов.

Они-то упали-грохнули на середину ледяного двора этого демона. Когда упали, Уот-Огуруодай говорит:

— Эх, друг! Эх, друг! Твои боги верх взяли, твое небо ослило. Прежде, бывало, со мной с глазу за глаз, лицом к лицу урахаец-якут встретиться боялся, от целых восьми родов нижних духов, от три-девяти родов верхних духов в руках накрепкие, в груди наисильнейшие, из на девяносто видов оборачивающихся самые искусные мне не противостояли. Рока моего исполнение, двей моих завершение от тебя знать было: погиб я, умираю!

Так сказал и, обратившись оловом, расплавясь, вниз проточился.

Сюнг-Джасын, как упал, так, будучи не в силах встать, лежит. Демоньвы слуги, увидевши это, донесли своему господину. На то господин их:

— Э? Что? — воскликнувши, сказал: — Идите-ка, приведите Аан-Арбай-шамана!

Пошли, привели. Поглядеть наружность его, этот шаман из заплещневелюлицх самый главнейший, смутнолицх отец, из законтолялицх самый главней, с головою с громадный чан, с большими, с чашку, круглыми глазами. Домохозяин сказал:

— На моем дворе какое-то волшебство появилось: лежит, говорят; сверху ли, снизу ли прибыло, неизвестно. Удали его безвозвратно!

Тогда этот шаман распорядился привести беломордого рыжего быка, взвали на него (Сюнг-Джасына), после заклинаний наверх вывез и положил у дома на-маковке-своей-кпялит-семь-красной-меди-котлов Железной Холурдан-шаманки.

Этот человек вскочил, подошел к дому этой шаманки и, стучась, очень сильно стал колотить, до того, что дом задрожал.

Хозяйка старуха, опаливавшая, сидя, голову человеческую, «о татат!»¹ вскрикнувши, очень испугалась. Швырнула человеческую голову и выскочила: поглядел на нее, а она лишь в патазниках. Лишь только увидела этого человека, как от изумления голосить стала и навзничь на стену упала. Потом заговорила:

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой! Невиданное увидела, неслыханное услышала! Но если ты с шипящим на сковороде салом, с журчащей кровью, уж, конечно, съем.

— Девка! — говорит: — Дочь месяца, Почтенная Сардангачан-куо! Семিশовную сковороду мою вынеси сейчас: наскоро изжарить, съесть мне печень его с сердцем! В девяти

¹ Ой! что это?

местах прошитый тальником и замазанный глиною, крепкий горшок твой поставь к огню! Семипшовное ржавое, порыжелое ведро мое, воды почерпни!

На эти слова ее девушка вынесла сковороду. Девушка была из красавиц красавица лицом, с прекрасным прямым станом.

Ведро же, негромко напевая, принесло воды.

Девушка ее пошла в дом и поставила горшок свой на огонь.

Тогда старуха с пронзительным криком напала на человека. И вот, как вихрь крутит дерево, так стали они ломать и крутить друг друга, с криком друг друга бросали. Тут, где они ступали, протоптали землю до глубоких ям; где с уханьем подставляли в борьбе бедро друг другу, бездонные пропасти протоптали.

Когда девять суток вот так, как кони¹ ровно, тешились, Сюнг-Джасын повалил демону шаманку. Тогда сел на нее, вынул нож, стал водить лезвием. На это шаманка:

— Не убивай, не губи: слово скажу я! Дыхание мое не студи: слово скажу я! Приемную дочь мою Почтенную Сардангачан возьми женою! Когда вот женишься на ней, от верхних тридцати родов злых глаз их искре не дам упасть на тебя, от нижних восьми родов злым козням не позволю выйти!

Этому не внял он; убивши, во славу месяца и солнца развеял. После того позвал коня своего. И тотчас спустился из верхнего мира конь его. Взял женщину, вложил ее в уло коня своего и поехал прямо на юг.

Вот поехавши, ни долго ни скоро ездил, прибыл прямо к Нет-старичку и Есть-старухе. Приехавши, остановился у коновязи их. Видевши это, безмерно испугались, когда увидели: наполовину алчный волк, наполовину порыжелый медведь, такого демонского вида, поехал к их коновязи, стоит. Все трое, с стариком старуха и сын их, всполошившись, так и уставились друг на друга. Сын их сказал:

— Ой, и беда же! — говорит: — в ту пору еще, когда забрался к нам и разорял нас Уот-Огуруодай, я демона этого по пятам за собою завел за девять дневных переездов отсюда и спрятался за жеребца своего, Тойон-Джагыла. Спасая свою жизнь, поехал к Сюнг-Джасыну. И вот едучи, к счастью, встретил его самого на пути. Этому человеку: «спаси от демона, от незримого будь покровом!» мол, поведавши, воротился. Этот человек вот прибыл, стоит: вид его точно такой был!

Тогда-то совещаться стали: ждав и не дождавшись Сюнг-Джасына, что не приходит, «должно помер!» мол, девушку свою, Солко-Нуогай, давно уже выдали, оказывается, замуж за доброго молодца, роскошных владений Кёр-Дживльыта так называемого.

— Покою не даст нам Сюнг-Джасын! Надо ему самому это рассказать! Он сам решит, как сделаться с этим.

Когда они так советовались, тот, что на дворе был, вошедши в дом, сел в красном углу (направо). Угощали его самыми лучшими угощениями, самые лучшие кушанья подавали, самые прекрасные слова говорили. Прибывший спросил у хозяйского сына:

— В былые годы, встретившись со мной, «от Уот-Огуруодай спаси, избавь!» сказал ты; «младшую сестру мою, что ладился взять демон, отдам за тебя», сказал ты; за этой-то женщиной я и приехал.

¹ Мерия и кобыла.

Между тем хозяева украдкой послали человека, С-бумажными-крыльями-Долговязаго-Длинногого-парня, к зятю своему Кёр-Джизьлту: такое-то обстоятельство вышло, пусть побережется, мол.

А хозяйский сын возговорил Сюнг-Джасыну:

— Дже-е! Бо-о! (2) Внимай без злости, без гнева, не оскорбляйся, не сердясь на то, что надежды твои разбились: за тебя не отдать, за кого же и отдать-то было? Тебя ждав, ждав, не дождавшись, — «должно, не думает приехать, раздумал!» мол, «должно, в чудной стране более под пару себе нашел!» мол, — девушку нашу выдали мы замуж за Кёр-Джизьлту, так называемого. Это разве только жалостливость твоей печени, милосердие твоего сердца разберет; как поступить, — тебе решение!

Как выслушал это Сюнг-Джасын, молодая сильная кровь в дужку шеи вошла-вскипела, закипела юная кровь, что с затылка появляется, неуступчивая мысль пришла, с громадного черного быка собою, упрямая мысль пришла, серым огнем вспыхнула шерсть подле ушей, словно две яркие звезды, заискрились, засверкали глаза. И вот возговорил:

— Дже-е! Бо-о! (2) Взгляните-ка! Вишь какие прыткие! Губ-то их извороты, зубов их узоры, глоток их горечь, уст их яд! О, сегодня же, как сепную труху, как стружки сосновой забони, растопчу: Вышним суженай, мне богами назначенная жена моя была! Но как бы то ни было, не упушу, добуду! Сейчас же укажите дорогу!

Ну, указали:

— Отсюда прямо на юг, на самой середке земли, в середине страны место жительства его будет.

Это «слышал ли или не слышал» сказал, выскочил и сел на коня. Поехал прямо на юг. Домашние вышли за ним и смотрят: ровно раскаты четырех сильных ударов весеннего грома, в четырех краях земли отдался-провесся стук четырех копыт его коня, деревья лесов на склонах, обращенных к югу, разлетелись в куски, деревья лесов на склонах, обращенных к северу, разлетелись в щепу; с большую о трех поясах берестяную юрту, сухая пыль взвилась клубами вверх, густою мглою темною дух захватывало от езды его и обволакивало тенью крошечною, — так тронулся в путь он.

Видевши это, дивились, изумлялись и сказали:

— Да! грозный человек поехал! Как угодно, не одобровать тамошним нашим!

Этот человек не мешкал, очень скоро приехал он к Кёр-Джизьлту.

Привежавши, привязал коня своего, как раз посредине поля, к священному дубу-дереву.

Когда посмотрел он на это дерево: дерево это выросло из вершины тучного громадного холма; семьдесят соединенных корней его, проросши вниз, внизу немного не достигнув демонского мира, — «в вонн, в смраде этого мира мы раньше, чем в три года, загнивши, иструхлеем наверное», мол, — вверх дугою выйдя, стали священою, о восьми разветвлениях, вешалкою-столбами (для сливок) у Мылахсын-господина и Мылахсын-госпожи; верхние три его главные разветвления, проросши сквозь трое небес, — «если отсюда выше пойдем, то нам, дереву, выростему в нижней стране людей, предосудительно будет и поведет за собою кару», мол, — здесь у Покровителя лошадей старика и у Покровительницы лошадей старухи, словно роща березовых деревьев, такие пышные, стали березками, украшающими

кумысный пир¹. На дереве этом 70 громадных серебряных листьев, 90 могучих, крупных шашек, словно опрокинутые большие кумысные бокалы; в три пальца толщины слоистая тройная серебряная кора на нем; в шесть пальцев толщины золотая заболонь; из пор восьмидесяти кудрявых разветлений дерева, каплями с лицо гоголя, каплет желтая божественная влага; из пор нижних корней его клубами, с большой кумысный бокал якута, кипит, пенится-вздмается белая пена. Сока этого-то дерева вкусивши, алчущие с востока, с юга истощенные бескормией, с запада изголодавшиеся, с севера отоцвавшие уходят, нагулявши толстый брюшной жир, толстый шейный жир и тройной жир на боках.

А когда глянул в сторону дома: уже вышли и стоят около дома люди.

Посередине Золотой-шеломый, на голову и шею выше всех людей Кёр-Джизлыт стоит. Около него собранные хозяином богатыри стоят: С-гибкими-серебряными-лыжами, с красно-палкой-опираться-при-езде-на-лыжах Берг-Бергельни, Детина Одуна-Бэргэн, Из-выгзей-визяз Эрбхтхэй-Бэргэн, С-темно-сивым-конем-Кёгюль-Бёгё, По-рождении-сразу-заглянувший-в-верховья-трех-падей Юёдкюян-Бёгё.

Вот все они, все шестеро, привготовая к встрече, стоят, в броню одетые, с оружием в руках. Сюнг-Джасын, увидевши это, очень громко закричал:

— Грабитель, разбойник! Кёр-Джизлыт удалой! Жене мою добром дашь или худом? На это Кёр-Джизлыт сказал:

— Гляди, пожалуйста! Нахвастал, что, мол, столько народу, а я отниму, мол. Вот то-то ты и пришел! Это уж как есть! Посмотрим, какими способами возьмешь!

Выслушав это и ни слова не говоря, побежал на них, стал рубить пальмою Кёр-Джизлыта. Те шесть богатырей с шести сторон рубить стали. Пальм Сюнг-Джасына о броню Кёр-Джизлыта сломаась у самой рукоятки и отскочила. У тех тоже от оружия остались лишь черены. Тогда схватились в рукопашную.

Смертная брань, кровавый бой длился девять дней и ночей. Тогда Сюнг-Джасын, повидимому, стал одолевать: кулак его стал тяжелее. Те другие мало-по-малу стали изнемогать, мало-по-малу уставать стали. Тогда Сюнг-Джасын сломал предплечье Берг-Бэргэну, Детине Одуна-Бэргэну перебил три ребра: они изувеченные отходят. С-темно-сивым-конем-Кёгюль-Бёгё (могучему) он сломал плечо, Сразу-по-рождении-заглянувшему-в-верховья-трех-падей Юёдкюян-Бэргэну вышиб левый глаз, Эрбхтхэй-Бэргэну он, шнувши ногой, перебил голень.

С Кёр-Джизлытом вдвоем только остались. Вот, когда этот один остался, сейчас же стал он одолевать Кёр-Джизлыта. Тогда тот молит:

— Не силой или грабежом взял я: по-человечески, после сговора, по-людски сладившись, взял я. Не говорила, что это твоя невеста. Зазнамо, тебе, мол, в обиду брать — этого не думал я. Теперь мне уж не отбить эту женщину! Ничего уж не поделаешь: тебе досталась. Но у нас один Отец Создатель-Господь, одна мать у нас Кюбий-Хатын. Благий мой Бог этого не одобрит, я думаю, своим покровом Создатель Творец мой не покроет, я думаю, если ты убьешь, сотрешь меня! Примирися! Кончим ладом! Ну, убьешь меня — что ты выиграешь?

¹ Березками (кумысного пира) воткнулись.

На это Сюнг-Джасын сказал:

— Правда! оба мы божи дети, и убивать один другого нам не годится. Должно нам кончить ладом.

И вот, сказавши так, оба перестали, примирились. После того Сюнг-Джасын:

— Жену мою, от Нет-старика и Есть-старухи взятый тобою скот, людей, имущество, все собери, чтоб мне уехать! — сказал.

На это Кёр-Джиэлыт, как он сказал, собрал и отдал и сказал:

— Женщины я совсем даже не трогал, — мол.

А собранных-то людей и скота вот сколько было: восемь домов людей, восемьдесят косяков кобыл с жеребцами, девяносто хлевов коров. Жены его одежда и украшения — это соболи самые лучшие, с проседью. Все это погнавши, нагурузивши, забравши жену свою, отправился. Кёр-Джиэлыт проводил его таким благословением:

— Подобно тому как меня пожалел, да будет тебе покровом Создатель-Господь мой! Кюбья-Хатын заступницей да будет! В неизменно громадном богатстве, в широком без помех раздольи живи!

Ну, вот табором своим доехал до середины своих владений. Тут започевали.

Вот когда расположились на ночлег, За-дневной-переезд-видна-пыль-его-коня, с-светло-рыжим-конем Кюдяня-Бэргэн примчался.

— Дже-е! Во-о! (2) В давнюю пору была у тебя младшая сестра. Этой твоей младшей сестре впоследствии дали имя: Дочь Белого Юноши, Юёргю Джиёргю Ююгей (Поважающая глазами Красавица) так называемая. Ее взял за себя Божье-дитя-Аджы-Буджу так называемый. От них-то родился я, Кюдяля-Бэргэн по имени. Что приемную дочь шаманки, Тимир Холурдан так называемой, дочь Господина Месяца, Почтенную Сардангачан, ты, убивши ее приемную мать, увез, молву об этом услышавши, разыскивая твой свежий след, проторенную тобою дорогу проведывая, вот я приехал. Ни жены у меня, ни домочадцев. Сударь дядюшка! Итак, что значит для тебя уютному дому моему дать хозяйку, нарядному дому моему — ему назначенное, пожаловавши эту женщину?

На это дядя его, Сюнг-Джасын, говорит:

— Я и сам думал, из моих кровных, из моих родных кто-нибудь домочадцами бедный, подругой скудный найдется же, тому дам, — мол. — Тебе не давши, кому же дам?

Так сказавши, из уха коня своего вынул женщину и дал.

Племянник его в восторге, простившись, отправился в свою сторону.

А Сюнг-Джасын удалой, так долго всевозможные трудности переносил, много пострадал, множество мук изведавши, теперь, воротившись в свою сторону, чрезвычайно богател, живет в большом довольстве, — людей и скота стало у него чрезмерно много, — изголодавшегося кормя, озлбшего обогревая, конному ночлегом, пешему приютом ставши, больному отцом, слабому матерью ставши, живет и до сегодня. Давешнее, медведя-волка образину свою, сбросивши, лишь только прибыл в свою сторону, сделался он лучшим из людей, избравнейшим из якутов.

Бессмертный витязь¹.

В блестящем средоточии земли, на ослепительно-белом чистом поле, — целехонький долгий день пересекая его, стерж не перелетит, — посреди белехоньким белого чистого поля, — кругом его не облетит журавль, — поселился и живет, говорят, с богатой державою, с многообразным жребием, Бай (Богатый) Хараххан²-Тойон по имени, чем пожелает только несметно много богатея; само богатство — жилье его, сама роскошь — его постеля, а женат он на Кюбуй-Хотун (Почтенной госпоже).

Так живя, породили они девять сыновей и девять дочерей. Самая середка, серебряное гвездо их, о восьмидесяти солидных (внушительных) боковых столбах, о девяноста крепких срединных столбах, о ста толстых лиственничных матицах, о тройном деревянном верхе, о семерных деревянных стенах, с девятерным крепкого дерева полом; с камельком из крупного камня, обшитым девятью с стоячую гору величиною обшивками, с белеющимся величиною с блестящее озеро шестком; с четырех сторон с каждой о сорока окнах; с восемью сами собою слетясь выросшими чуланами на лавках; кругом посмотреть с ставшими сами собою в передний угол задающими загадки скамьями, с закроймами, — пыль к ним не пристанет, — выросшими лежмя; на левой стороне на десяти рядах хитрых полок важно стоят громадами большие кумысные кубки, обвитые волосом, в ряд стоят гривой обвитые круговые кумысные чаши; туг и ковши с узорчатой резьбой; отделанная серебром воронка кумысного меха по своей воле, а с погремущками пест по своей мысли движутся; крепкая кумысная закваска кшиит; с разукрашенными веревочками три гривую перевитые березовые ветки низко-рослой, сучковатой, ветвистой березы воткнуты у подножья столба с крюком; выставлены большие, по поясищу коренастого человека, кожаные жбаны с тальниковыми обручами, а под ними разостлана шкура белого коня; с порогом, — а на нем обшивки: словно бык после водою прилег, — почтенная дверь с обивкой из восьми лучших медвежьих шкур — семи человеком не открыть ее; такие сени, что сильный конь задохся бы по ним пробегая, сделаны из крупной лиственницы, в них: маленькие окошечки в девяти местах на каждой стене, дверь с звонцами такая, что восьми человеком не приоткрыть, с таким лиственничным засовом, что двадцати человеком не отодвинуть. Снаружи посмотреть:

¹ Записана со слов якута Жулейского наслега Ботурусского улуса Якутского округа Николая Абрамова в 1886 г. якутом того же наслега Ром. Александровым. Якутский текст былины напечатан в I томе (вып. 2-ой) «Образцов народной литературы якутов» (изд. И. Академии Наук. Спб. 1911, стр. 113—147).

² Ср. тюрк. кайракхан — почтительное название божества, духов (Радлов, Опыт слов. тюрк. наречий, II, 22).

блестяще-белое, чуть гребнем приподнялось-протянулось, поле, такое чистое, что иneau не за что уцепиться, блестяще-белый двор, да такой гладкий, что граду негде удержаться, громадная, как дым, коновязь — похожа на девять громко разговаривающих почетных мужьян в волчьих дохах. Главный столб коновязи кричит, как ёксёку, средний столб по-орлиному клекчет, задний по-кукушечьи кукует, в красный день, в нарождение месяца говорят по-человечьи, по-урахайски важно беседуют. Вешать лук и колчан есть дерево о восьми разветвлениях. Завидев хозяйина, оно так воркует, как птица-мать к птенцам. Там вниз остреем воткнутая стоит пальма, сама жадно рвущаяся на брань, грозное копые остреем вверх воткнутое стоит; нарядный валуч стоит, а в него вложен роговой (костяной) потешный лук, собою с громадную реку, закопченный березою с Хабан-речки, лиственницей с Китэн-речки, берестою с Тобон-речки¹, с заверткой (скобой) из спящего сухожилия чубарого оленя, широкого неба белоголового черного ворона желчью раскрашенный, тетива его из крепкой спинки лесного зверя сучена вдвeятеро; висят колчан с погромашками, вложены блестящие боевые стрелы (кустук) и железные тараны-стрелы (олур), пробивающие землю. И морского орла лучшим пером оперенных, о восьми колечках, о восьми зазубринах, так зачарованных, что на восьми-слоистом светлом небе зажигается костер из острова лиственниц ровно, роковых стрел колчан полон и таранов-стрел и роговых стрел.

На девяти речках большими улусами живет народ его, на семи речках густо расселились его добрые соседи; сам — со стучащим (гремящим) налучем, а челядь его — храбрецы из храбрцов; так много, что всюду бродят, и незамужних женщин у него, и холостых парней, и вольных девушек, а последыш дочка у него — С-шестисаженной-косой-Айталын-куо шаманка.

На землях его, благоуханных, веселились птицы и четвероногие, их явно зыскала Иаехсит, тут воинству происходила Создательница. Там восьмиветвистое божественное дерево дуб; эти восемь его разветвлений, в виде целого леса, из краснорубых ветвей, украшают, должно быть, — так предполагают, — кумысный шир Белого Небожителя Господа; а девятое его разветвление как раз вот сюда, словно хвостовое перо журавля, извиваясь, спустилось с высшего неба; на вершине его с назначением от Создателя Господа орел клекчет. Это дерево считается и лучшими слявками и желтым маслом. Что касается семи корней его, то к духу вселенной, что с семью скрепами, с океаном в основании, с равнями из лежачих гор, с столбами из стоячих гор, с потолком из красного песка, с крышей из черной земли, с кровлей из зеленой травы — к рогатого скота создателю, идя-идя-голови-его-не-доставишь Мангхалын-Тойову, и идя-идя-конца-ее-не-найдешь Куяр Хотун, семидержавному началу растительности, — к ним, думаем мы, извиваясь, низошли эти корни, подобные семи красной меди столбам коновязи. А восьмой его корень, дугой выйдя наверх, лежит, кишит белою божественной жидкостью, что стог сена, покрытый снегом, вздымается, и стало молочное озеро, и потекла речка. Говорят, что птицы, когда после долгого пути истощится мозг костей их крыл, погружают свои клювы и, три дня потом в прохладе освежив свое

¹ По сравнению с описаниями лука в других сказках в этом месте мы допускаем исправление: лук называется, правда, роговым, но сделан из березы и лиственницы, а закопчен только дымом бересты.

сердце, тогда лишь отправляются дальше; а звери, бегом прибежавши, когда мозг костей ног кровавым стал, вкусивши отсюда, три дня в прохладе отлежавшись-остывши, тогда лишь отправляются дальше, говорят.

В красный день, в нарождение месяца щедро кропят землю кумысом, — говорят; выставляют глубокий семипшовный кожаный жбан, — говорят; широко, что елань-поле, раскидывается богатый кумысный праздник, — говорят; гривой перевязанную, пеструю ложку гадаючи бросая, судьбу ведают, — говорят; «за девять берестяных юрт!» мол, зывая¹ к восьми божествам, подносят (держат) кубки, — говорят; «за три берестяные юрты!» мол, вверх поднимают; «Белый Создатель!» говоря: «спорую закваску даровавший, похотливо-плодущий скотный двор жаловавший, высоко, что туман по верхушкам гор, дым, отгоняющий от скота комаров, поднявший, к толстому о девяти изгибах, о восьми палочках, кожаному канату (сәлә) девять шишек жеребят пославший, три края создавший, четыре края породивший Создатель Господь!» говоря, зывая, молили, — говорят: «даруй счастье; божий дар, жбан кумысный — березой помешивать, нижних швов на дне его чтоб не достать — такой глубокий да будет!» говоря.

Благословеннем Создателя Господа белые бегуны² его по всем речкам разбрелись, расплодились; а на землях, где дом его, — вилотную боками трутся, задевают друг друга обросшими шерстью коленями — так расплодились и с серебряными досками на мордах и полно-выменные и с медными намордниками и в таких загонах, что сильный конь до усталы бегаёт, и на таких выгонах, что изгородь их окружила широкую речку.

Первенец его — С-конем-в-заморозки-родившимся, выше-темного леса-горю-его, черным-иноходцем, в-дохе-червых-соболей, Харальк Бэргэн (Проталина Удаец) по имени человек, говорят. Меньший сын его — С-хитрым-тогбочный-островок-лес-головою-превышающим-долгим-соловым-конем, так называемый; а имя его — Орулуос Дохсуи (Бравый Гоголь), так называемый.

Так-то вот, чем только пожелают, несметно много и широко богатея, жидким поперхиваясь, от твердого икая, жили. Что в далекой чудной стране ему под пару найдется же, этого не думает старик-то: «Кто же будет таких владений, как мои владения?» думает он.

Так-то думают, а дочь их С-шестисаженной-косой-Айталын-куо называемая, говорит:

— Красный день настал, месяц народился! Меня вынесите, посадите на осьмипогий медный лабаз, мои восьmero девушки-прислешницы, мои девятеро, вольные журавли равно, старшие братья!

Вот вынесли они девушку свою, посадили на медный лабаз. Вот девушка сказала:

— Ну, девки, парни! Соляшню почтенную госпожу матушку вашу, с медным переносем почтенного сударя батюшку позовите! — Позвали старуху с стариком. Старик и старуха пришли. Тогда дочка их возговорила: — Буя, буя, буи! Эту почь привиделось

¹ Алданап. По-алтайски алка — благословлять. «Когда произносит шаман молитву, без жертвы и без бубна, то говорится, что он только алкап, айткан, т. е. молился. Родители, пыркаяя свое благожелание детям, произносят алкыш себе, т. е. благословение». Ср. Алтайск. грам., 146 стр.

² Здесь, как и всегда в сказках, под белыми бегунами надо понимать конный скот; рогатый же скот в сказках называется черными бегунами.

мне, что была я белою шаманкой. Передние мои волосы по соски отмеривши, задние волосы по средину спины, «будь, мол, белой шаманкой!» определили. Родные Белого Создателя благословили: имеющий ресницы при тебе их да не смежит, имеющий суставы при тебе да не споткнется, мол. В дохе черных соболей, с конем черным иноходцем, в заморозки родившимся, Харальк Бэргэн, старший брат мой! Птица не долетит, зверь не добежит, — в далекой-далекой стране живет он, много-многолетняя мать у него, — С-пальмбй-Детина-Сирота по имени человека призови, поезжай!

Выслушал он и поехал, а девушка ушла в свой чулан на лавке.

Оставляя глубокий след, прокладывая длинную дорогу, доехал он к Детине-Сироте-С-пальмбю, вот постучался. Тогда в доме голос человека заговорил:

— Старуха! выдь, глян: что-то шумит!

Старуха выглянула, вернулась-легла. Сын ее спросил:

— Ну, что старуха? Что там такое?

— Э, что-то: не вывороченное ли с корнем дерево? что-то стоит! — сказала старуха.

Тогда опять застучал. Тогда уж сам хозяин, одевшись, вышел к нему. Вот конь испугался вышедшего; его он, мужественнейший из людей, едва унял ударами по морде и по глазам, затем поворотил коня к человеку. Потом заговорил, подробно обещать стал:

— Буякабын! (3) Уранхаец, дедушка мой сударь! Обдумай, разбери-ка, что тебе скажу я! Нарочным сватом, доверенным гонцом приехал я, к твоему высокому имени, к широкой великой твоей славе приехал я: богатой-державы-многообразного-жребия, Бай Хараххан, так называемый, отец ее; полная-чаша-дом, щедрые-гостицы-постеля-у-ней, Кюбия-Хотун, так называемая, мать ее, — вот такого отца, такой матери младшая моя сестра, С-шестисаженной-косой-Айталын-куо называемая, белая шаманка есть; говорят, чтоб ты женился на ней, чтоб выращиваемый скот твой в загоны был поставлен, чтоб порожденные тобою дети в колыбелях были. «Сам-то ты кто по имени?» если ты спросишь: С-конем-в-заморозки-родившимся, темный-лес-превышает-горло-его, черным-иноходцем, в-дохе-черных-соболей, Харальк Бэргэн так называемый, вот я прибыл-стою. Ну едешь или нет — ответ дай!

На то тот сказал:

— Попытаюсь, разумеется, прити.

Приезжий поворотил коня и уехал.

Затем этот человек, С-пальмбй-Детина-Сирота, следом за ним отправился, в мерзлую землю нога по колено, в талую землю по вертлюги уходила, — словно по гризи брел.

Вот когда идет, сзади него что-то шумит; на то, оборотившись, глянул: мать его пришла.

— Голубчик мой, что! куда ты идешь?

На то парень сказал:

— Жениться иду!

Тогда старуха сказала:

— Ну, вдруг тебя позвал какой обманщик, оборотень; ну, вдруг к такому идешь?

Теперь тело рук твоих не окрепло, тело спины твоей не завершилось, тело ног твоих не заожело: меня, мои золотые кости, на медный могильный лабаз не поставивши, в серебряную гробницу не положивши меня, уезжаешь? — говорила старуха.

— Э, правда, ведь! — сказал и воротился. — Ну, положу ль в гробницу твои кости золотые? — сказал и отрубил голову старухе¹. — Тогда ущемил-положил на двуветвистую березу и, сказавши: — прости, мать! — пошел...

У Бай Хараххан-Тойона в сени стучится кто-то, услышали. На стук этот вышел Харахлик Бэргэн и видит он: на черной нарте о восьми копыльях приехал-сидит человек, весь сплошь в блестящей железной одежде, на быке приехал.

— Буйдааным, дайдааным! Задней страны князь, западной страны отец, славных подвигов Тонг Дорольджун — так называюсь я. Я приехал к превосходящему якутов на лук, людей превосходящему на тетиву, уранхайцев превосходящему на шест, богатодержавному, многообразного жребия человеку, Бай Хараххан-Тойону, так называемому: дочь свою с шестисаженными пышными волосами Айтальи-куо девицу свою дает или не дает — о том мне справься, варен! Доверенным гонцом будь, нарочным сватом будь! Та девушка за меня пойдет или нет — то пусть даст знать!

И Харахлик Бэргэн как раз так рассказал матери своей и отцу, а потом и младшей своей сестре. Девушка села у двери чулана своего и сказала:

— Ну, старший брат мой, выдь, скажи ему: за него не пойти, за кого ж и пойти-то? Но ведь мне Создательницей указанный муж есть: если он поедет, привезет мне его голову, тогда я пойду. Того человека имя — С-пальмбй-Детина-Сирота так называемый.

Тогда пошел он и именно так рассказал ему. Выслушавши, сказал:

— Ну-ка, как ехать к тому человеку? Укажи!

На то:

— Сюда, мол, ехать! — указал.

В ту сторону поехал; поехал, поехал в сколько-то чрезвычайно далекую страну. Вот едучи попал в три пади, тогда человек этот закручинился; закручинившись, остановил быка, слез с саней. А когда глянул и увидел, что идет колыхался человек, собою с осыпанную снегом ель, то подумал: лесной дух это или водяной?

— Буйкайданым, даякайданым! Дух ли ты богатого темного леса — Бай Барылах Тойон, иль крупного темного леса дух — Эригир² Хара Эрбэс шаман? ³ Грудь имея, кланяюсь; коленные сгибы имея, преклоняю колени; выю имея, склоняю выю: С землями у самого верха трех верховьев, чтоб в тень грозной горы, чтоб на бок каменной горы с неба соскользнул не ведающий, С-пальмбй-Детина-Сирота так называемый, якутов больше на лук, уранхайцев больше на шест — есть уранхаец; по сказанному, если отрублю, принесу его голову, покажу Хараххан-Тойону, то С-шестисаженной-косой-Айтальи-куо дочь его возьму замуж, зажгу домашний огонь, построю нарядный дом, вкочу медную коновязь; тогда самым первым хвалением посвящу твое имя, в домашний огонь воздвигая пищу, Бай Барылах Баянай⁴ призывая; крупного темного леса дух, Эригир Хара Эрбэс шаман призывая! Итак, что конь, направь, что жеребец, погони, найди дорогу, укажи путь!

¹ В древних сказаниях в подобных случаях престарелая мать иногда просит трогательно дать ей время перед уходом в загробный мир поесть сосновой заболони, ею же надранной.

² Дригир — с большими белками глаз.

³ Титулуется героем как лесной дух, хотя раньше был упомянут водяной.

⁴ Бааянай — бог охоты.

Тот, оскалив зубы, засмеялся — дрогнули верхушки дерев, и, посмотревши, сказал:

— У меня самого ты спрашиваешь? Богом назначенная, девятью божествами суженая С-шестисаженой-косой-Айталын-куо — моя собственная жена! Не перечь, себя ты погубишь, прочь уходи!

А тот сказал:

— Ты, что ли?

С этими словами побежал быстрым шагом и стал рубить пальмью. Другой, хватив его за пальмю, отрубил ему голову своею пальмью, тогда и быку его отрубил голову и зажег громадный, с остров лиственниц, костер. А Тонг Дорольджун, оказалось, был человеком, вот исчезла железная одежда — настоящим человеком он был. Быка его надвое разрубил, половину вечером съел; в семь саженой яму протоптал, оторвал половину короба саней, — положил туда и в протоптанной яме похоронил; тут же и заночевал. Наутро вставши, из саней поставил изгородь, а половину короба положил на могилу, как надгробную доску:

— В грядущие века памятником да будет! — сказавши, положил. И опять продолжал путь...

В красный день, в нарождение меслца опять сильно постучались к Бай Хараххан-Тойону. Харальк Бэргэн выскочил и видит он: с чудной красоты лицом, прекрасного вида, стройный, статный человек приехал на коне, стоит; он обратился к нему с такою речью:

— Буя! (3) Из какой страны двинувшись, из какой страны подвываясь, прибыл ты, что ты за человек? Отца твоего имя назови, матери твоей имя скажи, о роде твоём порасскажи! — сказал Харальк Бэргэн.

— Буя! (3) Чтоб отцом я был порожден, я не знаю, чтоб от матери произошел я, не знаю: в место, где плодятся белыми оленями белые бегуны, в место, где плодились вольно черными оленями черные бегуны, с многосоставного неба соскользнувший Харджыт Мохсогол (Снег приносящий Сокол) называюсь я. Я прибыл на высокое имя важного среди якутов, почетного из уранхайцев Бай Хараххана, на имя дочери его С-шестисаженой-косой-Айталын-куо. То ты, пойдя, скажи твоему отцу и твоей матери да и младшую твою сестру спроси! А я — с одетю в кафтан с разрезом, назад не сходиллся, с одетю в кафтан со сборками не знался, свято-чист я: и в дом, где рожала женщина, никогда не вхожу я.

Именно так и сказал он своим. На то девушка сказала:

— Ах, конечно, пойду за него; но богом назначенный муж мой жив. Если он пойдет, принесет его голову, пойду за него; а то как я пойду за двух?

То пошел он и, как раз, вот так именно передал. То выслушав, уехал. Едучи опять на разделе трех падей, по сю сторону когда поглядел, увидел, что идет, колыхаясь, человек, с осыпанную снегом ель, и подумал:

— Лесной дух это, или водяной? — мол, подумал. — Буя! (3) Дух ли ты богатого темного леса — Бай Барылах Тойон, или ты крупного темного леса дух — Эригир Хара Эрбас шаман? Грудь имея, клавиюсь; коленные сгибы имея, преклоняю колени; вью имея, склоняю вью: С землями у самого верха трех верховьев, С-пальмью-Детины-Сироты, так называемого, голову если принесу и покажу, то дочь Бай Хараххан Тойона, С-шести-

саженной-косой-Айталын-куо женщину, замуж возьму, зажгу домашний огонь, построю нарядный дом, вколочу медную коновязь; тогда самым первым хвалениям посвящу твое имя, в домашний огонь пищу возливая, Бай Барылах Тойон зывая, крупного темного леса дух Эригир Хара Эрбес шаман зывая; а ты, как конь, направь, как жеребец, погони, найди дорогу, укажи путь!

На то другой, оскалив зубы, засмеялся — дрогнули вершины деревьев:

— Прямо в глаза меня ты спрашиваешь? Богом назначенная, девятью божествами суженая — то собственная моя жена! Не перечь же, прочь уходи, себя ты губишь! — сказал.

Тот:

— Ты, что ли? — говоря, напал и стал бить пальмью. А в это время схватил его за руку, потом искрошил, в брызги, в росу обратил, оделся в его одежду, сел на его коня и поехал...

В красный день, в народенье месяца опять послышался стук к Бай Хараххану. На этот стук выскочил Харальк Бэргэн. Потом когда глянул, невозможно красивый человек пришел-стоит.

— Из какой страны нарочно пришел ты? — мол, спросил.

— Буя! (3) Я пришел нарочно к Бай Хараххан-Тойону: на имя его дочери С-шести-саженной-косой-Айталын-куо по имени девушки; на то согласие или отказ пусть дадут знать. А мое имя: Дитя чистого мира Аджи Буджу я называюсь. Ты пойдй, скажи!

Так именно, вошедши, передал своим. На то С-шестисаженной-косой-Айталын-куо называемая девушка сказала:

— Ах, за него не пойти, за кого и пойти-то? Но божествами созданный муж есть у меня — Детина-Сирота, так называемый. Если принесет его голову, пойду.

То, выйдя, сказал так именно. То выслушав, ушел...

А другой в сю сторону доехал. Проезжает благоуханной стороной, обильной многим множеством скота; проезжая, заглядевшись на этот скот, не покидает копя.

Потом оба встретились, и спознал Дитя чистого мира Аджи Буджу:

— Буя! (3) Это я, Дитя чистого мира Аджи Буджу, так называемый. Знаешь, другую, как раз такую самую женщину я тебе укажу: а эту женщину дай мне! — говоря, просил его.

На то тот сказал:

— Брось! с какой стати я б отдаю? Если ты — дитя чистого мира, то и убирайся в свой чистый мир!

Тогда тот сказал:

— Попробуем померяться силами: кто из нас одолеет, тот пусть возьмет!

Что ж, наперед из луков стреляли — что пущена стрела, ловили; тогда пальмами рубились, а пальма на пальму падает; тогда, с быка в поводу, молотами бились, молот на молот падал; тогда голыми руками схватились. И как схватились в рукопашную, Детина-Сирота его сразу же повалил, тогда длинный свой нож вытащил и стал уж водить лезвием по горлу. А Дитя чистого мира Аджи Буджу, лежа его руки отпихаючи, взмолился:

— Буя! (3) Ох, сударь мой, не убивай! Отныне, когда оглянусь я, да растреснется первый шейный позвонок, когда повернусь я, да свернутся вертлюги, — ей-ей, от будущих веков до будущих чистый небесный род да не берет себе жен из этого среднего мира,

а теперь не проливай же кровь существа чистого мира: я, дитя чистого мира, в свой мир и отправлюсь! — сказал.

Тогда один поднял—поставил на ноги, а тот, с коном, с телом оборотившись в стерха, улетел к чистому небу.

Чтож, Детина-Сирота сел верхом на коня, подъезжает к Бай Хараххан'ову дому. Подъезжаючи видит: коровница старуха, с водой идя, увидела его—расплескала семь своих ведер, шелудивого теленка шапка ее долой слетела, свалились с ног оба ее ичига, телячий шкура кацавейка с плеч долой полетела, с громадную лопату красной меди серги заболтались, порвала с натуги ремешки своих натазников, натазники спереди и сзади стребла в руку и неуклюже-нелепо побежала. Собачью порою шмыгнула и тут же, как влязла, содралась с нее натазники. Стала у пеньки, налево от входа в юргу, задохлась, не знает, что молвить — заныхалась, не знает, что сказать — задыхается. Наконец, и как говорить стала, все время сыпалась глина со стен.

— Ой-ошеньки! — голосит: — Зять-то ведь, статным молодцом мчится, красавец собою. Холостые парни, в обмороке вы, что ли?.. Незамужние вольные бабы! сейчас же выдьте: одежка разбросана осталась на дворе, внесите ее!.. В миске инею, в уполовинке снега принесите сейчас же!.. — сказавши, в обморок упала.

Что ж, парни выскочили, поведья приняли, от коновязи до двери дома зеленого сена настали; потом дверь отворили, почетную подстилку разостлали, под сиденье пельную, с головной кожей и с ножной, шкуру белого коня положили. Детина-Сирота вошел, сел на почетную лавку. Тогда Бай Хараххан-Тойон, на костыль упираясь, сидя:

— Ну, друг, из какой страны двинувшись, из какой страны тронувшись, прибыл? Имя отца твоего назови, имя матери твоей скажи, собственное твое имя назови, любезный! — так говоря, спросил.

— Чтоб в тень грозной горы, чтоб на бок каменной горы с неба пал я, не знаю; чтоб из земли вышел я, не знаю. Незнающая счета годов своих, до потери разума состарившаяся старуха, С-пальмой-с-лиственницу Детина-Сирота такое, мол, твое имя, дала мне имя. Птица не долетит, зверь не добежит, — в такой стороне, на берегу мшистого озера появившись на свет, жил я. Из якутов важный, Бай Хараххан-Тойон! на твое высокое имя, нарочно преодолев трудный путь, на имя С-шестисажженной-косой-Айталыи-куо, дочери твоей, я пришел. Дашь или нет, скажи мне: дочь твоя пойдет или нет — заветное слово твое скажи, благословенный искренный, подробный ответ твой поведай!

На то старик сказал:

— Пиля, ведь, мы ту же воду среднего света, те же травы, ведь, ели, говорю я; а когда так, дети, сами вы сойдитесь, столкнитесь, божествами указанное благословение мое я дам! — сказал.

Что ж, дети сошлись, столковались. Тогда старик вознес моление о счастье, старуха радостно восторженно прерывистыми гордовыми звуками запела. Затем, в переднем углу — белое, направо от входа — соловое, налево от входа — черное, а у порога серое убили, воткнули для кумысного пива с целый остров лиственничного леса желтых березок, торжественно выставили глубокий кумысный жбан; раскинулась роскошный кумысный пив, настала кропильный ысыах, скупился народ крупных улусов, поставили осьмяножные

лабазы с жирными яствами, о третьем годе родившегося откормленного выростка жеребенка мясо, по насту ожеребившейся первожеребой кобылы опойка-жеребенка мясо на слонстой бересте выложили, сколько поднять в силах были, ставили, сколько одожить могли, таскали на каждый лабаз. А подле них восьмиветвистой зеленой травы, на высоких местах растушей, пораскидали, с ножной и головной кожей, цельную шкуру белого козя постлали. И тут у них семь дней и ночей не слабела потеха, не прекращалась игра: силачи боролись, быстроногие состязались в беге, пускали всякч скакунов, искусники прыгать на одной ноге прыгали на одной ноге. А зятю их, славнейшему из чужеземцев, в те поры под сиденье клали лучшую медвежью шкуру, одна на другую несколько лучших волчьих шкур и лучших с проседью рысьих и собольих шкур.

Зять же ни к чему не пристаает, к играм этого люда, сидит да думает про всякого: одолею! Тогда те другие вереницей ходят, совещаются и просят своего господина Оруду Дохсуна, да и Харальк Бэргана тоже просят:

— Теперь с зятем вашим вы поборитесь! — мол, сказали.

Тогда оба они стали бороться, да другой-то их сразу, как малых детей, поднимает; и сколько тут было народу, все оробели.

— Как-нибудь осерчает — убьет прямо! — мол; испугались даже.

Что ж, затем кончилась свадьба и ысыах, уговорились. Детина-Сирота сказал:

— Есть у меня свои земля-угодя, по моих землях-угодьях стосковался я; отправьте же нас, меня с подругой!

На то:

— В красный день, в нарождение месяца лучше бы было! — сказали.

Дочь их позвала своих старших сестер и сказала:

— Ну, сестрицы, день моего отъезда пришел вот; умоетесь в нашем чистом, как соль, озерке, что у нас для купанья и игр, — мол, сказала: — освежимтесь на широком бугре, где мы всегда ветерком освежаемся, — сказала.

Потом Айталия шаманка принесла лахань масла и брызнула в огонь. Тогда, обернувшись девятью стерхами, все девятеро, на глазах у зятя, улетели. Прлетели, вымылись, сели освежиться ветерком на широком бугре, только послышалось — кто-то поет:

— Вишь ты, вишь ты прыткий какой! Чью это жену себе в жены забрал, да, на белом повалываясь, на мягком покатываясь, важно так нежится-подеживает, гляди-ка? — поет.

Девять стерхов, испугавшись, с громким криком взлетели. Восемь стерхов улетели, а девятый, что спал ночи с человеком, замешкал; тот поймал его, пожимцем (бад́а́й) перебивши крыла. А, поймавши, всю ее связал накрепко, в сто двадцать сажений, длиною веревкою. Тем временем стерхиную ее кожу унесли ее восемь старших сестер. Тогда левой рукою схватил ее женскую одежду и одел ее:

— С самого рождения твоего суженая, пичужка, пташка моя! — сказавши, посадил ее на нос лодки своей.

На это шаманка молит его:

(Поется) — Сударь дедушка! Из имеющих уши самый чуткий, из имеющих глаза самый зоркий! Кланяясь, на коленях умоляю. Не говори: — Пустыньких заклинающих певунья перечит, понятно! Не говори: — Понятно, хлещет своим красным языком девчонка!

Випки в мою Великого велений звучную песнь, Широчайшего заветов исполненное мое стенание услышь! Из славы страны нарочно пришедши, тебе (демон) подобало отправиться от Бай Хараххан-Тойона, приняв благословение от могучего длинноволосого шамана, вея вколотить священный столб, длинную ленту¹ протянуть, вея отказать себе рыжего беломордого жеребца. А если ты из преисподней вышел, то, девять круторогих черных беломордых быков велев принести в жертву, о трех перехватах важный столб велев вколотить, о четырех пожках жертвенный стол велев поставить, о девяти ободях крепкий горшок велев вскипятить, при звоне бубнов подобало тебе тронуться в путь. А то после долгих поисков нашел такую-то девушку-подростка, неужели ж ее увезешь? Восемь узусов, родня твоя, — посмотришь, — глаза таращить будут; семь твоих узусов, — посмотришь, — осуждать, брезговать будут.

На то тот сказал:

— Пичужка, пташечка, серебрино-грудый жавороночек, понятно, ты это все из любви ко мне, ведь! — сказал. Потом налег на весла и погнал лодку. По пути остановился у устья ручья и здесь опрокинул себе в рот бурак червей. Под черное небо, туда, где солнце и месяц с половиною уполовника, в страну черной тени из черного моря вывез; лодку вытащил на поле. Потом себе под мышку схватил жену свою и побежал к дому: оказывается, была у него юрта черного камня; туда с ношей своей вскочил. Развел с треском огонь, вытащил горшок с половиною печки, налил туда воды черных глубин, положил половиною черного беломордого быка, половиною рыжего беломордого жеребца и поставил варить. Когда поспело, подал... — Ну, пташка, птенчик, вот толстый шейный жир, вот толстый брюшной; кушай же твою чистую (человеческую) пищу! — А женщина, притворяясь, что ела, бросала на пол. Между тем ее хозяйка говорит:

— Дитятко, и я с имеющей сборки на кафтане никогда не знался, с имеющей разрез назад кафтана никогда не сходил; от двух еще невинных породим девять сыновей и дочерей. — Сказавши так, вскочил в чулан левой стороны дома. Вытащил семь жертвенных шкур, семь обреченных шкур, бросил их шерстью вниз, гладкой стороной вверх; ну, мелкими камнями набитую подушку громыхнул на лавку, потом набрал в рот мясной похлебки, на подстилку и на одеяло выбрызнул, тер, тер, вымял, разостлал подстилку, сел, в изголовье положил подушку, одеялом покрылся и, раздевшись донага, лег, лянулся к стене. — Ну, поспим вместе! — сказал (демон).

— Из далекой чудной страны не взял себе под пару да взял меня! Откуда ж знать-то мне, что придешь за мною? С-пальмой-Детина-Сирота оставил беременной, с такою спать вместе собираешься? Я пятый месяц, как беременна! — сказала (молодая женщина).

— Гляди-ка, пташечка, правда твоя! — сказал (демон): — коли так, буду спать врозь. — Первые дни он спал врозь, да потом спрашивает: — Что друг, сколько времени, как беременна? — мол, спрашивает.

— Как, друг! рожать время еще не настало! — мол, говорят.

И вот раз:

— А, что там, месяцы, дни ли, иди сюда, будем спать вместе! — заорал. — Заезды мои совсем замерзли — говорит — и еда у меня вышла...

¹ Лучше: волосной шнур (саалама). Ред.

А во время сумятицы этой другой человек (Детина-Сирота) выскочил, обнял главный столб коновязи и заговорил:

— Громадная беда обступила, злая гибель притиснула! — Потом, глядя вверх на небо, продолжал: — Спины моей тело завершилось, рук моих тело окрепло, ног моих тело задюжело! — сказавши, так говорил: — В тени грозной горы, на боку каменной горы, на руках незнающей счета годов своих старухи, в месте, куда птице не долететь, укryвши, в месте, которого во власти Джылга-хана, с зависимостью судеб своих от Одун-хана живущему, с свободно на шею вращающейся головою, три темные тени бросающему смуглому уранхайцу ни найти, ни достигнуть, — поселивши, ты, Создатель Господь, творческую твою рукою дал мне известное назначение, говорят. Старуха, что в почетельницы, как мать, дана была мне, дала мне имя, Детиней-Сиротой назвавши. В неге жил я ребенком, вырос, возмужал, почетного из якутов, важного из уранхайцев, Бай Хараххан-Гойона любимую дочь за себя взял; и когда готов был возжечь домашний огонь, построить нарядный дом, вколотить медную коновязь, — под черное небо, на ту сторону черного моря имеющий отцом опрокинутую гору, а матерью наклоняющуюся гору Дуодан-богатырь жену мою украл, увел! Быть бы мне славным богатырем, с таким конем: сразу по рождении ставшим на ноги, с белой полосой на лбу, с гривой, что выюга, хвостом, что вихрь, взнузданным, оседланным, с блестящей броней, пальмью и луком в тороках испосланным, посреди спины крылатым гвездым конем. Старуха матушка! — сказал: — Внизи сгони, спусти мне коня моего — мой крылья!

Дрожали-рвались где-то далеко в горах негромкие низкие молитвенные звуки, и, едва замерли, зарокотал гром по хребту светлого неба, низшел молниеносный огонь, с елань-поле вихревое черное облако вихрем примчалось: по сейчас сказанному, с белой полосой на лбу гвездой конь к коновязи спустился; каменные горы треснули, земляные горы раздались. Одним скоком ловко вскочил на коня: конь взревел и понес выше леса. Повиже облаков пустил он его и прилетел прямо к Дуодан'ову дому. Тут, соскочивши с коня, привязал его к коновязи черной тени, сильно загромыхал, постучался, а тогда стал-выпрямился во весь рост, держа, как посох, остреем вниз грозное свое копые.

Хозяин заголосоля:

— Вот к моему счастью и несчастью пришло! — Встал, открыл дверь подполья перед порогом и пал туда трегранным железным колом. Тогда: — Сквозь главную, что у хребта, натянутую жилу его (того другого человека), сем, пролечу! — подумал да и вылетел.

На то тот другой на три маховые сажени вверх подпрыгнул; тогда пролетел он ему меж мясом и кожей и опять провалился. А тот, что на дворе был, увидевши кровь, заткнул рукавицей, бросился на коня и уехал. Ну, другой вскочил в дом, а женщина его сидит, плачет.

— Наконец-то, друг! негодяй тот убрался; ну, друг, пицца наша вышла, я пойду на промысел; а ты, что родишь, ребенка хорошо корми: что осталось маленько пицци, не обделай; а уж вернусь, сам пецись буду! — сказал и пошел. Дверь дома привалил камнем и ушел.

Это минуло. И пришло время родить женщине, почувствовала она предродовые муки. Подстилку разостлавши, на восток гляючи, села, волосы свои причесала.

— Даруй, даруй, услышь, услышь! Что ровная речка, сизая-дымка-пути Раскрытие, — Иехсит рекома! на счастье впервые рожаящего дитятка, ради молодого (твоего) дитятка, владычица Иехсит мать, приди ко мне на перистом облаке, повернись ко мне владычиной грудью! Создательница, Царица-мать! царственной грудью обернись ко мне, воочью истинно низойди, Создателя Господа огнем, серебряным дуновением души! этого темного дома напасти удали, чары его разреши! четыре пуговицы твои расстegni, соболонную доху твою только накни, бобровую с проседью шанку твою откинь от чела, что холмы, колени твои, одетые мехом, обнажи: влявь приди сюда! у моего изголовья зарокочи-запричтай! в ногах постели моей приляг! Сама расположившись на белой постели, умаченными руками твоими обними меня, дарующей дланью приласкай, Иехсит мать! Богатого потомством ребенка молением твоим призови, Иехсит мать!

И вот с этими ее словами пришла, приняла ребенка: богатый потомством мальчик появился на свет. А через три дня Создательница отбыла. Создательница перед уходом так благословила:

— Аял мячик! (3). С уздой и седлом из спины его выросшими, звонкой бронею навьюченными испустившимся, что мотылек, белым конем обладающим, врагов губить, недругов доконать родившийся Ельбёт-Бэргэн (Бессмертный Витязь) урахайцем будь! Урахайцев на шест больше, людей на тетиву, якутов на лук больше будь! Воочью выскующей Иехсити, явленного Джэсёгёя, верного талана, неизменно цельной доли человеком будь! В встречу счастье! — так говорила, молила-пела.

После молитвенной негромкой песни, из обеих грудей белого божьего молока в дарующую длань свою надоила. Надювши, в рот влила ребенку, а тогда в лицо ему брызнула.

— Рожденные тобою дети в колыбелях да будут, вскармливаемые тобой скот в запахах да будет! — говори, благословив, на востоке на узорчатое облако села и улетела в сторону восхода летнего солнца.

Вот глядит шаманка: в черном дому ясно стало; тогда возрадовалась, молитвенную песнь запела. Рассмотрела, а ребенок — одна красота. Тогда зажгло наиболее тело, и одела она ребенка в оленью шкуру. Вот смотрит, смотрит на ребенка она и плачет:

— Такою прелесть съест наверное! — говорит.

А ребенок через девять дней ровно девятилетний стал, а когда встанет — вровень с сводом камелька стал.

Земные сыны на небо взлетели, небесные сыны на землю пали, сильный топот раздался, и вдруг приваленный камень отвалил, отворил дверь дома, набросал, натолкал в дом половины быков, половины коней и сказал:

— Сладкий запах слышно! — С этими словами подпрыгнул: — Пташечка моя разрешилась! — мол. Дружок родила, вот буду пнячить моего ребенка!

Только глядит: вровень с сводом камелька стоит-то человек, красуется.

Распростер тогда руки и бросился на него; на это ребенок железным в трех местах изогнутым оягом стал хлестать его по лицу. И сейчас же опять кинулся на него — на то ребенок вспрыгнул на переднюю лавку. Со словами:

— Вишь, стрекача задал! — опять бросился на него.

Ребенок проскочил у него под мышками, а тот упал и раскрыл себе лицо о железную закройму лавки. Ребенок же бросился в дверь, выскочил и побежал, обернувшись рыжей лисицей; тот вскачь за ним и догнал у подошвы южной горы; тогда ребенок проскочил у него под мышками и побежал назад; а тот, промахнувшись, раскрыл себе лицо о подошву горы. А когда прибежал он назад, мать вытащила грудь навстречу ребенку; ребенок прибежал, пососал один раз; а на втором глотке — нагнал. Тогда ребенок побежал, обернувшись сидовушкой с саженными ногами, на север — у северной горы нагнал; тогда, снова проскочивши у него под мышками, побежал назад; а тот, промахнувшись, совсем разбил себе лицо и опять вскачь побежал за ним. Мать ребенка, снова вытащивши грудь, пошла навстречу: и ребенок пососал один раз, а на втором глотке — нагнал. В третий раз пососал он, да в собственном виде ребенка побежал прямо на восток.

Бокá — каменные горы, середина — море, — туда головою пал ребенок и, обернувшись соколенком, поднялся вверх; взлетевши, сел на облако да, сидя там, сказал:

— Я — обладающий, что мотылек, белым ковом Ёльбёт-Бэргэн и я со спины и шкуры твоей взыщу: гляди, не мрачи мою матушку, кости ее златые! — так сказал. После того мелькнул ребенок: — Долго не заставлю ждать, скоро прибуду!

А тот бросал камнями да, не попавши, пошел домой. Женщина его стоит, плачет: — Чего ты плачешь, дружок? — сказал: — Ну, посним вместе! — мол, сказал.

Жена его сказала:

— Ребенка моего не кажешь, съел, должно? — сказала. — Улетел птенчик! — говорила.

А тот ответил:

— Нет, не ел я — мол. — Сказал же я тебе: посним вместе! — сказал.

— Как, друг? Разве я не поганая? — сказала. — Как! пусть народится месяц, да красивый день придет: помывшись, причесавшись, ветерком освежившись, и посним вместе, — мол, сказала.

— Ну, тогда скажешь! — сказал.

Ночи ночевал, дни дневал, лица вышла.

— Что там! что там! ну, хоть и не мойся! Какая беда? Иди сюда: посним вместе! — мол, заорал.

Женщина на это сказала:

— Э, друг! потерпи: два десять один месяц остался!¹, — мол сказала.

На то тот:

— Ага, ну и ладно! — мол, сказал.

Только глянул на запасы — лишь на одну эту ночь осталось!

Во время такого разговора загромыхал, постучался кто-то со двора; от этого стукна весь огонь из камелька во все стороны разлетелся. Тогда захлопал в ладоши и, превратившись в трехгранный железный кол, пал в подполье, а затем вынырнул попрежнему. На то другой стал его восьмивостною железною плетью охлестывать, и оборотился он тогда в три печатные сажени железным человеком. Тогда схватил его за волосы и исхлестал так, что сухожилия спинные показались.

¹ Она говорит так странно нарочно: затуманивая демона.

Вот, отвез своего человека к Бай Хараххан-Тойону, ввел в избу и привязал на ночь к столбу.

И вот вечером незамужние женщины, собравшись вместе выйти, выходили на двор, и, когда выходили, старуха коровница, проходя мимо Дуодана, стала сильно кричать, а потом послышалось шелканье зубов Дуодана — есть было стал; тогда спас старуху ее господин Ёльбёт-Бэргэн.

На следующее же утро привязал пленника к хвосту своего коня и отвез к своему отцу; привезши, втащивши в дом, шумные сени — двадцати человекам не отодвинуть — заволом из крепкого дерева запер. Мать его стоит и говорит:

— Это чудовище убери прочь, глазам моим не кажи! — так говорила мать. — Как ни расправившись, расправляйся! — стоит, говорит.

Вот, подумал Ёльбёт-Бэргэн да и схватил его, а потом:

— Вот, чудовище вот этой рукой, должно, схватил мою мать! — мол, отрубил ему руку. Тот хоть бы тебе что.

Тогда отрубил ему ногу и один глаз ему вырвал — тот хоть бы тебе что, стоит. Мать страшно испугалась, стоит. Он подумал:

— Работнику понапрасну отрезал я руку и ногу! — мол. Срамной уд вовсе ему срезал. Тогда тот унял навзничь и закричал:

— Ой-ой! ой-ошеньки! ой-ошеньки! — говоря, сильно кричал. Потом сказал: — Господин мой, Ёльбёт-Бэргэн! Общим с тобой советом крушили бы мы доблестных, думал я, — сказал. — Поехать отсюда в ту сторону, где в бласке восходит осеннее солнце, — есть так называемый почтовый из якутов Сабья-Бай-Тойон, с девятью богатырями сыновьями, с девятью богатырями дочерьми; с остров лиственниц у него родня-соседи; и холостых парней много у него, и незамужних женщин, и вольных девушек. На его высокое имя, на имя-то вот его дочерей собралась чужеземные витязи: западной страны князь Тимир Няхалла¹ богатырь прибыл; первейшего в среднем свете Бай Хараххан-Тойона старший сын, с черным иноходцем, в заморозки родившимся конем, в дохе черных соболей Харальк Бэргэн, младший сын с ретивым соловым конем Орулуос Дохсун, с верхнего света с Иссера-буланым конем — ветру его не догнать, и с Корольки-вороном, — вихрю его не догнать, — конем Юёгэн и Тэйгэн; из нижнего мира вышел Алгахтыр Дадар, вынырнул из страны своей Кюкюрдюр богатырь. Господину моему, Ёльбёт-Бэргэну, — дали бы, не дали бы, все равно, — верхнего света богатырей вверх удаливши, нижнего мира богатырей спровадивши, рассеявши, господину моему, тебе, солнцем, месяцем выисканным лучисто-белым конем владеющую Сяние Солнца (Кюн Туярыма) шаманку, — всевозможными чарами добился бы, — тебе предоставил бы: была б опека порожденным тобой детям, вскармливаемый тобою скот в загоны б был поставлен, до верхнего мира дошла бы твоя высокая слава, через тень твою при солнце, через дорогу твою при месяце не ступил бы никто. Попытавшись умереть, познаю ли смерть? Умираю, умираю! — сказал.

И умер. Сильно пожалел тогда Ёльбёт-Бэргэн.

¹ Няхалла — плесень.

Труды Ком. по изуч. Якутск. АССР, т. VII.

Сейчас после того отец его и мать устроили роскошный кумысный пир; веселье, потехи настали. После того в красный день, в нарождение месяца отправился, наконец, этот их сын; как указал Дуодан, в сторону восхода осеннего солнца поехал Ёльбэг-Бэргэн. Наконец вот кончил путь, доехал. Приехавши вот, — правда, как говорил Дуодан, собралось у Сабья-Бай-Тойона много могучих из жителей чистого мира и демонов, — подехал он к говорящему по-человечески, молящему по-якутски о девяти перехватах столбу коновязи, слез с коня, коня привязал. Увидевши его, лучший из них в красный уголок бросился, храбрейший в хлев вбежал, доблестнейшие в чулан в юрте у входа бросились; дядя его, Харальк Бэргэн и Орулуос Дохсуя, оба вышли, приняли поведья, входную дверь открыли, ввели. Тогда хозяин спросил:

— Откуда двинувшись, из какой страны тронувшись, пришел ты? Твоего отца, твоей матери имя назови, собственное твое имя назови! — так спросил.

— Буя! буя! буя! В тени грозной горы, где не увидишь солнца, на боку каменной горы, где не заметишь лета, на руках не знающей счета своих годов старухи, называя ее матерью, вскормленный, чтоб он, девятислойное, обильное вихрями небо, в образе девятигранного крепкого кола, насквозь пробивши, низошел и таково ли его происхождение — не ведающий, Детинюю-Сиротою стал называться; чтобы он из непоколебимой широкой преисподней, проросши вверх, произошел и таково ли его происхождение — не ведающий, Детинюю-Сиротою был назван, — в Промысле девяти небес Господа содержимый, восьми небес отцом благословенный; не знающая счета своих годов, что ему и за отца и за мать была, вскормившая его, приемная мать рассказала, говорят, ему его жребий, подробно поведала ему его происхождение: бесчисленных чистого мира улусов-родов, — без ночи, не видать солнца, а светлым-светло, попробовать ночевать — никакого порока, попробовать пройтись — никакого промаха, — не увидать владений, ослепительно светлым, истинно сияющим Создателем Господом благословенный; с судьбою в зависимости от грозного Сюя Тойона; спереди кусающегося, с боков бьющего, сзади пинающего, — стучащее-камень-пёбо, клекчущий-соль-клюв, Хомпоруи-Хотой-Отличнейшего бесчисленными родами благословенный; Белого Аар Тойона и Солнца Кюбэй Хотуи сын; Белого Создателя ввук; с поперечной полосой на лбу, с гривой, что выюга, с хвостом, что вихрь, с чолкой, что мгла, с слутанной гривой, с хвостом, что лодка, буйного гнедого коня владелец, как завершится тело спины твоей, как окрепнет тело рук твоих, в девятом¹ месяце стоймя родившимся Джюра-богатырем будешь ты называться. Мой отец — Джюра-богатырь. Что до породившей меня матери: после богатодержавных, разнообразного жребия, изобильно богатых, окруженных роднею соседями, важно по восьми речкам раскинувшимися, принадлежащих к народу крупных улусов, по девяти речкам густо расселившемуся, с длинными пальмами, с стучащими науками, с пылками и отважными (что сквозило и в дюем их сложен и в осане) холостыми парнями, незамужними женщинами, с вольными девушками, с имеющими разрез сзади кафтана не сходившихся, с имеющими сборки на кафтане не знавшихся, святочистых девяти сынов и девяти дочерей, позже их всех родилась она, С-шести-саженной-косой-Айталин-куо так называемая: то моя мать. С уздой, с седлом с высокого

¹ Т.-е. в январь.

неба ниспешшим, что мотылек, белым ковом владеющий Ёльбёт-Бэргэн я называюсь. Что на имя почетнейшего из якутов Сабья-Бай-Тойона девяти богатырей сынов, девяти богатырей дочерей сверху низошли, по сказанному, что снизу вышли, по сказанному, прибыл я состязаться, грудь померяться, с быстрым бегать, с сильным бороться! — так он сказал.

На то:

— Должно, вместе с тобой среднего света прекрасные травы мы ели, чистейшую воду вместе мы пили, — мол. — Толстым лиственничным оплотом будь, толстым лиственничным щитом будь! — сказал. — Счастья и удачи! — мол, старик приветствовал.

Три богатыря парня подали кумыс, половина наполовину сдобренный маслом, в трех перевитых гривую кубках, трижды низко поклонившись; и он в три приема выпил три кубка кумысу. Затем выскочил и, трижды богатырски свистнувши, побежал на богатырское чистое поле; тогда с верхнего света ниспешшие Юёгэн и Тэйгэн оба побежали в чистое поле. Лишь только прибежали, оба богатыря в него стрелять стали, а Ёльбёт-Бэргэн, в руки поймавши их стрелы, в них самих выстрелил и обоим в самую печень пронзил. Тогда лошади тех, Иссера-буланый и Коралки-вороний — оба коня, унесли их в сильном черном вихре; а они так говорят:

— Если мы повернемся, то да свернутся вертлюги, если мы обернемся, то да растрешется первый шейный позвонок! — И уехали после многих благословений, призывая при этом Берён Бюльгюна. А их родня соседи вверх улетели, совсем все.

А Алтахтыр Дадар и Кюкюрдюр богатырь сидели на северном мысу, зажегши громадный, с остров лиственниц, костер. Они прибежали теперь и стали биться — их-то он, без всякой борьбы даже¹, тотчас убил; а тогда их родня-соседи все в нижний мир убрались.

С западной страны князем, Железным Няхляля богатырем драся; человек тот, и вправду, в железо блестящее одет был; с ним они дрались три дня и три ночи, и, наконец, убил. У того человека, оказывается, была двуногая железная лошадь. Того человека одежду надел; севши на его лошадь, поехал он по свежему его следу найти дорогу и разорить его родню-соседей, скатать в трубку его нарядный² дом, пылающий огонь его загасить.

Вот когда едет он, младший брат Железного Няхляля, тоже железной одежды человек, едет; того человека имя Железный Изгяльджин. Богатыря увидел он. Изгяльджин богатырь говорит:

— Чего ты так поздно? — мол, сказал. — Что, зачем не гонишь с собою богатых стад Сабья-Бай-Тойона? — мол, спрашивал.

На то сказал он:

— У гибели был я, в жестокую свалку попал, — мол: — Ёльбёт-Бэргэн удалой едва жизнь оставил мне, и вот еле еду. Ну, поезжай же вперед! Поедем! — сказал.

Поехал вперед, и отправились. Отправились да доехали до переднего края демоновых земель, тут Ёльбёт-Бэргэн своему спутнику голову саблей своей отрубил; поехал затем и доехал до дома Изгяльджин богатыря. Вот доехал, нарядный дом его скатал в трубку, пылающий огонь его загасил, родню-соседей его умертвил. Вот ехавши назад и достигши вершины

¹ Посчитал за ничто.

² Алаас дйа, что я всегда перевожу нарядный дом, означает здесь берестяную юрту (ураса).

южной каменной горы, протоптал там могильную яму, железную эту лошадь свою, туда положивши, похоронил, с таким заклинанием:

— Упавшее да не выйдет на поверхность, умершее да не оживет!

А Сабья-Бай-Тойон с девятью богатырями сыновьями, с девятью богатырями дочерьми, с своими, с остров лиственниц, роднею-соседями вышли ему навстречу и, колена преклоненные, ждали. И тотчас устроился большой пир, настало неослабое веселье.

И тогда же старик после молений сказал:

— Вот ты, Харальк Бэргэн, и Орудоос Дохсун, вы берите на выбор моих трех дочерей! — сказал.

На то ответил:

— Двум дядям-то моим ты дай двух твоих дочерей, благословивши и одаривши домами людей, хлевами коров и езданьями коней. Я из этой страны жены не возьму: молодым будучи, подобает мне поехать с смертью переведаться, в бранях побывать, рубиться с мечом вооруженными, столкнуться с славными, поспорить с храбрыми! А ты укажи мне: кто найдется остановить мою дерзость, кто найдется понизить мою спесь, кто найдется надломить мою доблесть? — спросил.

На то старик сказал:

— Отсюда в очень далекой стране, в паху ее, в подмышках далекой страны, в швах земли, в очень далекой стране, поселившись живет с щетинообразными волосами (взетрошенный) Аан Бурэй-Тойон, так называемый, и жена его, с восьмисаженной косою Аан Дуолян Хотун. На высокое имя, к светлому сану их дочери, на спине о шести месяцах, на груди о трех солнцах, Анальджима-Мяняльджима-куо так называемой, сын Улу Тойона, Улуя Ботур, спустился, говорил. Он и девяносто его оборотней, богатырей парей, за сватов и восемьдесят колдуний, демоновых девок, за сватей прибыли и живут, говорят, — так сказал.

— Поедешь туда — там уж сведают твой талант, твою долю! — сказал.

Потом двум этим человекам дал он своих двух дочерей; наделивши хлевами коров, домами людей, косяками кобыл, после благословений отправил.

Ельбёт-Бэргэн, поглядевши на отъезд этих дядей своих, сам отправился в указанное ему место. Сабья-Бай-Тойон проводил его благословениями.

Вихрем, ловко, что тетерев-косач, вскочил он на своего, что мотылек, белого коня, направил и поехал в путь, езданьями считая, по широким полянам опознаваясь, пролагая далекие следы, оставляя за собою широкие.

И прибыл он к восьмиветвистому, — одно оно, а ровно остров деревьев, — священному дубу дереву. Сюда доехавши, конь его понятился. Тогда он соскочил и, снявши седло с уздечкой, подмостил себе под головы седло и лег навзничь, затем уснул и увидел сон:

Вот это восьмиветвистое священное дерево дуб с вершины и до подножья раздалось; подобно снегу беловолосой, с телом, что белая куропатка, старухи грудь и спина выдвинулись; потом развязала четыре своих ремешка, что конской кожи кумысный мех, две груди свои вытаскала, а тогда, молитвенно воздевая благотворные длани, так поет:

— Создателем Господом благословенной, славной страны дух, я дева чистого мира. Вверх взглянуть — что ровная речка светлый божественный путь раскрыт; здесь-то страна долу взирающих служителей Белого Создателя. Да, что ты, Ельбёт-Бэргэн, при-

будешь, слышала я, тому три года, а вчера приметы были. Рожок-его-полон, безреки-у-кумысного-меха-высоки-стали¹, Всполошного Улу Тойона сын Улуя Ботур, с девяносто оборотнями, богатырями парнями, за сватов, с восьмьюдесятью демоновыми девками, роднею, за сватей, спустился к Аан Бурай-Тойону, высокое имя его разорил, на белых и черных бегунов его спустил девять серых волков, собак своих, и девять старых медведей, собак своих, совсем до голой земля² стравил; а спустился он взять в жены дочь их, Анальджыма-Мяняльджыма-куо, так называемую.

И тотчас после этих слов она дала ему грудь; он сососал ее дважды, а за третьим разом она толкнула его в лоб так, чтобы он упал навзничь. Тогда он привстал. Вот вскочил он на ноги, и береза, оказывается, стоит попрежнему, а он, оказывается, видел это во сне; а по сравнению с прежним у него стало силы вдесятеро. Оседлал, взнуздal он коня, сел и поехал.

Приехавши к взьерошенному Аан Бурай-Тойону, соскочил он у громадной, о восьми отрогах, коновязи и стал взад и вперед прохаживаться; ногу откинувши, подбоченившись, глядел в сторону Улуя Ботура. Ваглянул на него своими, с кольца узды, выразительными глазами:

— Буя! Буя! Буя! — (каменные горы трескались, земляные горы распадались, так говорил:) — Наконец-то, с твоим быстрым конем коня вскачь пустить прибыл я, с твоими скороходами побегать в перегонку прибыл я, с силачами твоими побороться прибыл я, доблестью померяться, грудью шпобиться; как ты с той, что на спине ее шесть месяцев, на груди три солнца, с Анальджыма-Мяняльджыма-девицею, с роднею ее, что остров лиственниц, соседями, с узорчатыми разрезами сади кафтанов, с лицами, что выюга, с девяносто девятью богатырями-приспешниками ее, вихрем валл, с громким шумом спарядишься-поедешь, поглазеть я, смерти не находящий, в Промысле Белого Создателя сущий, Ёльбёт-Бэргэн удалой, вот приехал. Ну, ну! погляди-ка на шумные твои сборы, шумный твой отвал!

На то Улуя Ботур пустил своего, с девятисаженим, задранным вверх огонь-хвостом, пламенем пышущего железного коня. Тогда этот, увидя, разнуздal, расседлал, и с гривой, что выюга, с хвостом, что вихрь, конь в южный угол неба и земли побежал. А за ним и дьяволов конь сзади. Побежали они. Восточным углом неба с землей возвращались, чистого мира конь впереди, демонов конь позади. Тогда Ёльбёт-Бэргэн выстрелом опрокинул демонова коня, а сам побежал в перегонку с Ветерком-Скакуном, и добежали они до восточного края неба. Тогда Ёльбёт-Бэргэн сказал:

— Дружок! зачем это ты громадное войско собрал? — так сказал.

На то другой в его сторону посмотрел, а этот, схватив одною рукою каменную глыбу — тот-то одноглазый был, оказалось, — в глазную впадину ему бросил; тогда тот заковылял журавлем; а он на бегу ссек ему голову.

Тогда подошел к Улуя Ботуру. Затем бросил в него головой Ветерка-Скакуна, его парня, а потом девять его серых волков, восемь старых медведей по одному перестрелял, восемьдесят его колдуний демонских кровавою, черною своею пальмью сразу, вихрем,

¹ Означает: занялся больно.

² С зеленым дерном.

прикончил левою рукою, девяносто южных его оборотней правой рукою смертоносною длинною, громадною своею пальмю сразу, вихрем, прикончил; а тогда, подошедши к Улуу Ботуру, сказал:

— Какой такой глупый демон ты! До таких дряхлых лет! Видел ли раньше или слышал, чтоб из видимого людского рода какой-нибудь демон взял жену, народы детей да и обзавелся домом, бывает это, ты слышал? Ну, поглядим-ка, как это ты справишь свадьбу с Анальджима-Мявальджима-куо так называемой женщиною да отъедешь! — так говорил он.

На то Улуу Ботур сказал:

— Что ж, дружочек, попробуем еще стрелять из луков! — молвил.

На то:

— Так, так так! — сказал Ельбёт-Бэргэн. Тогда демон выстрелил в него стрелою; он увернулся и поймал стрелу, потом сказал: — Погляди же, как дают пять моих пальцев, как вытягиваются десять моих пальцев! — С этими словами выстрелил в него назад его же стрелою, черную печень пронзил. Тогда тот против солнца вихрем кружась полетел, сильным темным вихрем окутавшись, и сказал:

— Обернусь я — да растреснется первый шейный позвонок; если повернусь я, да свернутся вертлюги! Ты остаешься, я ухожу. Твой верх! — Так сказавши, улетел.

А эти люди его, вознося благодарения небу, радуясь и веселясь, вышли ему навстречу: Аан Бурай-Тойон и хозяйка, воздымая свои благотворные длави, негромко горлом напевая, молясь о счастье, зывая, встретили его. Тогда устроили непрерывное пиршество, щедрое, широкое угощение выставили, богатый ысыях кропили, большие игры играли; с остров лиственниц золотистые березы воткнувши, что глубокое озеро, глубокий кумысный жбан выставили. А тогда, положивши кушанья на слоистой (хорошо отодранной) бересте, выставивши восьминожные березовые лабазы, с остров лиственниц, родне, соседям своим, крупных улусов народу своему устроили пир, непрерывавшийся девять дней и ночей. А ббок лабазов по земле раскидавши зеленой травы, зятю своему лучшую медвежью шкуру под сиденье положили, из девяти волчьи с черными полосками на лапах сиденье устроили, а сверху лучшими рысьими шкурами укрыли; с имеющими разрез позади кафтана не сходящиеся три молодых парня в волосом перевязанных кубках сдобренный маслом кумыс зятю их, трижды колени сгибая, кланяясь, подали. А с узорами сзади кафтанов, с распитыми полами девяносто девяти богатырям, дружине, трехножные смазные кровью столы отдельно поставили, густо настлали прутьев, под сиденье положили шкуру белого оленя. Зажгли громадный, с остров лиственниц, костер, повалили (убили из скота) задистого, сронили грудастого, и лучшую часть отложили Байнаю, угощали крупными кусками, — что темный лес, столы с яствами выставили; изукрашенные свежей кровью стрелы стоямя воткнули, а с черенами пальмы остреем вниз воткнули.

Аан Бурай-Тойон благословил этот народ:

— На трудном пути о восьми помехах восемь божеств ваших спутниками да будут, на трудной дороге о девяти излучинах девять небожителей ваших товарищами да будут! На рассвете Бай Байнай, дед ваш, да подает голос, да дает слышать стук большого пальца; давши найти брод через лазурные пучины, путь ваш через темный лес, на каменные горы

подъем да открывает! В продолжение целых девяти веков с свободно вращающеюся головою, три темные тени бросающий, с душою из рассыпающейся прахом земли, смуглый урахаец-якуг, с словами: — О Бай Баянай, дед мой! О духи моих горных перевалов! — возывая в пылающий огонь пищу, да вознесит моления, а воздымая чашу, да взывает зычно; а на спусках под гору и на подъемах на гору да вешает ленты, да вяжет гриву!

И после того причитал и, негромко, ликующую песнь пел.

И девять дней и ночей такой пир был. А тогда построили берестяную юрту, что венчается тремя махровыми концами жердей, а около нее вколотили гривую перевязанную коновязь; а в доме с левой стороны от входа три гривую увитые низенькие березки воткнули. Разостлавши цельную, с ножной и головной кожей, шкуру белой лошади, выставили большие кожаные жбаны с тальниковыми обручами, собою по лопатку приземистого человека; с верхом, с краями полно, — пусть, мол, разгонят думы, — свежим кумысом налили, — пусть, мол, глотки поправят, — крепким кумысом налили круговые братины. По братинам рядышком всюду гривой перевязанные пестрые гадалные ложки положили, а перевязанные волосом кубки стоймя опустили в узорчатые енды с тальниковыми обручами. Украшенный иглами пест, о девяти перехватах, по своей воле бродящую крепкую закваску да приводит в брожение, а свежий кумыс по своей мысли да забалтывает, мол, — с узорчатой мутовкой, с разукрашенным перехватом, крепкошовный кумысный мех выставили; тут свежий кумыс пузырями, с яйцо гоголя, вздымается и желтым маслом булькает. С чуланчиком, с туго свитыми узорными веревочками, с частоколом из березочек, с резными узорами, с затвором с звонцами, с дверью с погремушками — пусть их детям гнездышко будет! мол — хатрую резную лавку изготовили. Настлали зеленой горной осоки с 80 шуршащими листочками; серебристых соболей подстлали; лучших рысых мехов одеяла положили; высокой ости конским волосом набитые подушки положили. И так-то детям гнездышко сделавши, перед загадки загадывающими лавками росомаховые шкуры поглавши, а под сиденье бобровые шкуры подмостивши, выставили шестиножные лабазы с жирными яствами. Кушанья клали на хорошо отодранной бересте, на отодранной-то бересте приспособлявали; грудями-то клали и сердце, с жиром вместе, о третьем годе рано родившегося, молоком матери откормленного, вольного выростка-жеребенка и мясо жеребенка на пасту ожеребившейся первожеребой кобылы — все это клали грудями, полным полно. А девице, что на хребте ее шесть месяцев, а на груди три солнца, Анальдкыма-Мяняльджиня-куо, дали восемьдесят человек стремянных да девяносто парней и восемьдесят девок почетной свиты; сударя-батюшку и сударыню-матушку, каждого, девять человек вели под руки; а за зятем шло девяносто парней и восемьдесят баб почетной свиты. Да вокруг главной коновязи о девяти перехватах по солнцу ходили, а, ходючи, и сударь-батюшка и сударыня-матушка дочку все время свою благословляли. А прочие кричали: уруй, негромко горлом напевали и благословляли так:

— Зажгите пылающий огонь, поставьте нарядный дом, вколотите медную коновязь! Да растут порождаемые вами дети, да множится вскармливаемый вами скот! Через тень вашу от солнца, через путь ваш при месяце тот, что с черной тенью, да не перешагнет!

Потом ввели в его дом. Тогда эти люди, откушавши, после многих благословений вышли. А молодая женщина и зять в своем дому остались. Когда эти люди вышли, глянули, а девяносто девяти богатырей-то уж нет.

Наконец, затем, в нарождение месяца, в красный день настало время отъезда молодой женщины и зятя. Тогда дали им хлеба коров, поля (слави) коней, девяносто, что вольные журавли, парней, восемьдесят, что стерхи, девушек, и с словами благословения (напутствия) отправились они с великим шумом.

Молодая женщина, по-якутски напевая, к божествам взывая, говорит:

— Передние мои волосы по грудь отмеривши, а задние — по первый спинной позвонок, «будь ты, о трех месяцах на хребте Анальдкыма-Мяняльдкыма-куо, белой шаманкой!» сказали. Страна, где я в неге вскормлена была, да цветет и впредь зеленою травкою о девяносто литого серебра шишечках цветов! Краса поросли, краса молодого березняка да сочята желтой божественной жидкостью, а с высоких ее деревьев да стекают каплями густые сливки! Спорую закваску даровавших, похотливые скотные двory распространивших Кызлн Баалы Тойона и Широкой Кызлн Баалы Хотун, коней покровителей, — скотные двory установивших, загоны умноживших, веревки с палочками для привязывания жеребят протянувших и по северным склонам, что шишки, жеребят скучивших покровителей коней, — и Белого Создателя серебряный тройной оплот¹ заповедную нашу родную сторону да окружит: дабы загребистая тень-рука осьминогих лихих родов через него не хватала и со два ничего не черпала! Сударь-батюшка мой, сударыня-матушка моя! камень да будет вам опорой, до десяти веков живите и на ваших землях, в вашем светлом доме, у пылающего огня пребывайте в неге! Мы едем с вашего, богами указанного, благословения.

И, поехавши, доехали вот до этой восьмиветвистой березы и остановились на ночлег. Анальдкыма-Мяняльдкыма-куо велела зажечь огонь, надела набекрень свою рысю шапку, велела влить в огонь безкровного сала и желтого масла. Три молодых человека, молитвенно подгибая колени, принесли в увитых волосом кубках сдобренный маслом кумыс, влили в огонь — и зашипел кумыс.

Преклонивши колено, Анальдкыма-Мяняльдкыма-куо молитвенно голосила.

А то береза-дерево надвое раздалось, выдвинулась оттуда грудь и спина почтенной женщины, и зычно та женщина возгласила:

— Без задержек сзади, без помех спереди странствуйте да доезжайте, пылающий огонь зажгите, постройте нарядный дом, вколотите медную коновязь! Да мвожатся у вас резвые дети и да растут крупные жеребята! И всю жизнь вашу Джёсёгёй ваш божественный да является вам, да явно сопутствует Иэхсит и истинно нисходит Создательница!

И вот ехали они о восьми чарах и помехах трудным путем, о девяти излучинах трудною дорогою пробивались. И вот, когда ехали ущельем, сбоку дороги увидели: одетый в черную оленью доху всадник на гегом олени звонко, гулко и резко заговорил так, что гул пошел по верхушкам дерев:

— Ёльбёт-Бэргэн удалой! Для тебя, знаменитого, я и задистого повалил, и грудастого сронил, и крупных повастлаа, и быстроногих свалил, ради встречи!

¹ Собственно: ремень.

И с этими словами мелькнул.

Тут люди эти на привольи привал сделали, в огонь возняжие сотворили. И, по молевни тронувшись в путь, эти люди, уже приготовившись, шли. Постоянно, на каждом перевале трудного, о восьми чарах и помехах, пути и на каждом стыке трудной, о девяти излучипнах, дороги они и возняжия делали и молились.

И вот густого темного леса дух, Баянаі Ботур — гул пошел по вершинам густого темного леса — так захохотал и запричитал:

— Ты богатою удачей и обильным счастьем от Белого Создателя взысканный, Ёльбёт-Бэргэн! да возвысится твое счастье! Я в ожидании тебя нагромоздил толстошкурных, крупной дичи нагнал.

И вправду нагнал много олевей. Овять огонь зажгли и сделали возняжие. Гриву повесивши, поехали дальше. Затем приехали к отцу своему, Джура-бёгё, — там для них построили трехпоясную, большую берестяную юрту, зажгли пылающий огонь, нарядный дом поставили, а тогда богатый кумысный пир устроили, и непрерывная игра была: быстроногий состязался в беге, силач боролся. Девять дней и ночей непрерывный пир шел, восемь дней и ночей неунимавшаяся гулянка.

Ну, по гулянке зажгли хорошо, шумно, суетливо; от густого икала, жидким поперхиваясь, жила.

Тут и сказке конец.

Шаманки Уолумар и Айгыр¹.

Были, говорят, две шаманки. Старшую звали о девятисаженных косах Уолумар-шаманка, а младшую — о восьмисаженных косах² Айгыр-шаманка. Что до земли, где они жили — ликовали там крылатые, шумели четвероногие, зимы не было, а всегдашнее лето; в такой стране, говорят, они жили. Что до дома, где они жили — был он о тройном потолке, девятерной у него был крепкого дерева пол, семерные лиственничные стены, а в стенах по четыредесяти окон; была жаркая-важная печь, что, ровно стоячая гора, стоймя выросла. Печь эта — из крупного камня, с девятью обшивками; что большое озеро, светлый шесток у ней, и выросли лежмя закроймы — пыль к ним не пристанет. А в переднем углу сплелись-выросли чуланчики, были фигурные, задающие загадки скамьи, скрутилась-выросла пятерная узорчатая красная лавка. Была обита семью большими медвежками шкурами плотная дверь, а порог у нее — крепкого камня, с тремя обшивками. По воле своей выросшие шумные сени были, а в них по своей думе выросшие двери с звонцами, с толстого дерева засовом.

Чем только пожелают, изобильно богатея, жили они вдвоем: больше никого у них не было. Как раздуются ноздри, то говорят: «должно, светает», а как глубоко вздохнется — «должно, солнце показалось», говорили. Уже с подушек заершившись, уже с постели нахохлившись, уже с кровати разгневавшись, лишь вскочат, бывало, побегут, умоются черных глубин водою, обмоются лазурных глубин водою, побегут к себе домой да по своей воле забродившим крепким кумысом глотку оправляют, по своей думе готовым свежим кумысом думы разгоняют, осьминожный стол поставят, толстый шейный жир да толстый брюшной кушают, выбегут, да и побегут.

Побегут в свое для игр поле да той березой, что ловить-играть, ловят-играют, той лиственницей, что пинать-играть, пинали-играли, на то, что подскакивать-играть, высокое дерево подскакивали-играли; а потом на той релке, что прыгать-играть, прыгали, на той релке, что на одной ноге скакать-играть, на одной ноге скакали, на сухом лужке, что в зайцы играть, в зайцы играли, на тех каменных горах, что в олени играть, играли в олени.

¹ Записана Э. К. Пекарским в 1886 г. со слов того же Николая Абрамова, которому принадлежит преддущая былина: *Бессмертный Витязь*. Якутский текст ее напечатан в I томе (вып. 2-ой) «Образцов народной литературы якутов» (изд. И. Академии Наук. Сиб. 1911. Стр. 148—194). Р. д.

² Т. е. собравных (а не заплетенных) на затылке волосах. Р. д.

А тогда, бывало, домой бежали, вскакивали да свои кафтаны да дохи надевали, пальмы да налучи опоясывали и выбегали. Двух коней своих приманивали-звали, — имена коней-то: Щебечущие Подорожники, — да, словно как тетерев спускается на березу, так ловко на коней верхом садились да и ехали на восток. Где впервые в него свет увидел, ту свою сторону, где окрепли-отгулялись, ту родимую сторону, словно дно кожаной посуды, обьежжали широкою, длиною ходой; ближний лес верхушками долу склонился, в дальнем верхушки гулко шумели, трещал дремучий лес, а сухоподстойный ломался — таково ехали они; доезжали до выросшего среди земель их, одухотворенного священного дерева, трижды его окружали. Тогда ехали домой, соскакивали с коней у коновязи своей о девяти перехватах. Там, где вешают налучи, там вешали луки и налучи да, что граду негде удержаться, иneau не за что уцепиться, на таком гладком дворе своем, заложивши руки за спину, взад, вперед прохаживались; потом, подбочившись, глядели одна на другую. Да, подбочившись, говорили, бывало:

— Нас силач искалечат, что ли? Имеющий бока повалит разве? Имеющий респицы одолеет ли? — говорили. — Сверху если заглянет — вверх назад спровадим, а если снизу кто-нибудь придет, вниз назад прогоним, — говаривали. — Где шаман родился, у подножья трех больших темных деревьев колыбель наша, ведь, — говорили. — С бубном огромным, что лесное озеро, с колотушкой поперек его, с свободно вращающеюся головою, с тремя рассыпающимися прахом душами, три черные тени бросающие, смуглые уранхайцы, — шаман, ли будь, будь то шаманка, — никто не сравнится с нами, — говаривали. — От высшего царя, отмеривши передние волосы наши по соски, а задние до половины спины, испустили-согнали нас в виде молодых белых кобыленок в эту нашу, что лесное озеро, колыбель; задних ног наших шпоры, как большие пальмы, назад торчали, и крепки были копыта передних ног наших, — говаривали они.

Так вот говаривали да входили в дом.

Старшая сестра, Уолумар-шаманка, спала в переднем углу, а младшая, Айгыр-шаманка, спала в красном углу. Так вот и легли спать. И стал давить кошмар младшую сестру, и она заговорила:

— Ах, что это? что это? что это?

И сразу вскочила с лавки да и села, голая, лишь в натазниках. А старшая-то сестра, — и допрежь того не спала она, прислушивалась, — лежит да смотрит, подперши щеку рукою. Затем спросила свою младшую сестру:

← Что это такое с тобою? — сказала.

На то младшая ее сестра сказала:

— Ах, тетенька, сказать, что ли? — молвила. А тогда сказала, так-то вот молвивши: — Гляди, за доброе предзнаменование сочти! — молвила и рассказала, что ей привиделось. — Вот что: вижу это во сне — ты да я вдвоем поехали мы верхом на наших Щебечущих Подорожниках конях, приехали, вот, стали у восьмиветвистого этого нашего священного дуб-дерева, у подножья его стали. Да когда так стояли — страшная, сильная буря завывала с запада; на западе появилось полосатое облако и замычало, слышно, — замычало-замычало да и пришло; с востока дырявое, гулящее облако, рыдая и плача, пришло; с севера громоздкое облако, клекчучи, пришло; с юга охряное облако, ровно ворон гракаячи, пришло. Тутодой-

кое облако загулло, наполнилось молоком вымя стародойки¹ облака. С запада, с елань собою, черное облако прилетело. Все облака, как раз тут над нами, скупились. А тогда черное облако по вершине расселось, и пала из этого облака к подножью дерева осьминога железная кобыла, покаталась по земле и породила, с полстога собою, зеленое место; а тогда сама кобыла на восемь частей распалась; распавшись, превратилась в восемь железных верблюжонков и разлетелась на восемь краев неба. А порожденное ею место осталось и тряслось-лежало. А ты разрежала его пальмой. Гляжу я, а из места вышел и сел такого вида демон: из носа у него выступали, ровно худых заячьих хвостов меховой шарф, такие выступали сопли; а их-то он всего в каких-нибудь полторы маховых сажени, зеленым, ровно селезенка, языком своим то там, то сям облизывал; а еще поглядела я на него — левым глазом своим на широкое небо жадно, вытаращившись, смотрел он, а правым глазом вниз злобно уставился. Что до бровей его, брови, оказалось, были ровно две медвежьи шкуры, положенные одна к другой ногами. Ресницы, как долота; и когда мигал он, они стучали, ровно железо. А гной-то из глаз его выступал, ровно белая куропатка, и туда сюда размазывал он его своими огромными тениями-руками. И, песню запевши, так он сидел-мямлил: «О боже мой, боже мой! Буяйданым, даййданым!» говорил. А потом так: «С раннего утра, еще с потемок еду да еду, блужу да блужу, и вот, наконец, нашел ваш дом; расположился вот на ваших землях, теперь-то войду, погрею спину у огня в вашем нарядном доме!» сказал.

Этим кончался сон девушки. Старшая ее сестра быстро вскочила, села на лавку, достала из чуланчика боевые замшевые патазники, надела их, затем, сильно ногами топая, побегала в левую половину дома, отперла замкнутую кладовку, взяла оттуда свой бубен и надела шаманскую одежду. Видевшая даве сон девица сидела и глядела на свою старшую сестру.

А шаманская одежда ее такая была: ровно чугуны, колотились друг о друга, стучали бубенцы; ровно кости голеней большой птицы, «сосульки» звенели; словно большое озеро, сверкал кружок на спине япанчи; «стерхи» по-стерхиному звенели, наплетнички ревели, шелковые кисти по голеним бились, канфовые кисти кругом рук оплелась, замычал с звонцами громадный бубен, — ровно бык, замычал, — колотушка поперек бубна по-волчьи завывала, и зазвенели медные звонцы на нем, собою с большую лопату. Как невесть что, расходилась шаманка, отмахнула передние волосы вверх, напустила на лоб задние волосы и сказала:

— Еще не видал мой всепроникающий глаз, а ты уж увидала, девка? — сказала (своей младшей сестре). — Еще и не слышало мое чуткое ухо, а ты уж услышала? — сказала.

А тогда, павуши ногою, дверь отворила, вышла и у главного столба коновязи бойко заворожила.

Младшая сестра оделась в свое платье, вышла следом за нею, стала, присловившись, у двери сеней и думала:

— Как-то поступит старшая моя сестра? Сверху павших, должно, вверх прогонит, снизу вышедших, должно, вниз спровадит, — так думала.

¹ Яловая корона.

А Улумар-шаманка трижды обернулась вихрем. А когда она так вихрем кружилась, день стал совершенно тьмою: такое черное облако все покрыло; ровно шкура черного жеребенка, такое облако на куски, с черную собаку, она порвала и разбросала-расхлупала; и буря настала такая сильная: все деревья поломались; а тогда с запада пал большой снег: глубиною по горло быстрого коня, задравшего голову, по грудь молодого коня был снег; и очень скоро затем с запада, ровно распростертые крыла лебедя, прояснилось; а тогда большая вьюга настала и гололедица; ветер был такой холодный: бегущих зверей, скот, всех снегом забросало; а пернатые не могли летать. Тогда младшая ее сестра, Айгыр-шаманка, глядя на это, заплакала и сказала своей старшей сестре:

— Горюшко мое, ах, горюшко! сестрица моя! ты же сказала: пригрезилось девчонке, что немее рыбы, яйца тупее, а теперь что ты делаешь? — говорила. — С созданными Белым Творцом пернатыми и четвероногими такую вот землю нашу, желтые наши березы у кумысного меха, глубокий наш кумысный жбан, таких-то вот белых и черных бегунов зачем в такое жалкое положение привела? Ах, делай, что знаешь! — Так сказала да, с плачем, пошла в дом.

А тогда та, что ворожила, шаманка трижды против солнца обернулась, и скоро затем снег растаял, а на землях их пернатые зайковали, зарезвились четвероногие, стало — как раньше. Перестала шаманка, в дом пошла. Ни младшая сестра, ни старшая не вспоминали об этом; жели — как и раньше.

Вот однажды, по обыкновению, обе поехали верхом, осмотрели скот свой и приехали к священному дуб-дереву. Вот приехали, стали, и, как давеча видела во сне младшая сестра, Айгыр-шаманка, так, как раз, вдруг стало. Так стало, как видела раньше во сне: пала железная кобыла, породила большое место и улетела, как улетала раньше; порожденное ею место тут осталось. Тогда старшая девица, Улумар-шаманка, подошла:

— Это что? — говоря, своей громадной пальмью разрезала, и стоят они обе, смотрят.

Вот стоят, смотрят, и, как раз такой, демон выскочил и сказал:

— Ой-ой! Не даром вы так славитесь! Должно быть, вы вышли принять поводья моего коня! — сказал он. А потом захолоп в ладоши, расхохотался и сказал: — Девка! Айгыр-шаманка! Ты оставайся на своих землях, в твоём нарядном доме и никому в обиду не давайся! А мы, я и старшая твоя сестра, вдвоем отправимся в путь, — сказал.

Взяв тогда коня Улумар-шаманки за чембур, намотал чембур трижды на левую руку, повел коня, а сам пошел неший на запад. А на дороге сказал женщине:

— Про ту страну, откуда я поднялся, про ту страну, откуда нарочно отправился, про высокое мое имя, про славных моих предков расскажу после, на просторе: теперь недосуг. Ну, пойдем: что тут толковать? Далекий путь! — сказал и пошел дальше.

Видя это, Айгыр-шаманка подумала:

— На этом белом свете никогда не думала я, что разлучусь с старшею сестрою. Боже мой, боже! что это стало с старшей моей сестрою, Улумар-шаманкою? Ведь, просто же улететь могла бы, и то бы ушла!

С этим словами отпустила коня, кивком головы сбросила шапку, закружилась вихрем. Потом надела свою шаманскую одежду, в вихре принесла рыжего беломордого жеребца, на желтом с белой вершиной мысу о трех перехватах священный жертвенный столб вколотила,

высоко девятисаженную ленту¹ протянула, а тогда камлать стала вслед ушедшим, и так потом молила:

— Эй, сударь дедушка! «Какие-то пташечьи песня поющая девчонка, хлещешь-то ты красным твоим языком», не говори! «Как чечотка трещишь ты — такой силы твои заклинания, смела ты, девчонка! зачем ты перечишь?» — не говори так, сударь дедушка! Великого велений шаманка, пою я: взглядишь в эту высоко протанутую ленту, впери твой огненный взор! что остров лиственниц, густая мгла — дыхание твое к жертвенному столбу ниспусти! ослабя твою схватывшую руку! Сударь дедушка мой, затеям твоим я укажю ход, и раскинутые тобою напасти у меня в руках!

А демон тот, услышавши эти слова, взглянул на жертвенный столб, потом пугнул жеребца; жеребец убежал, демон пошел дальше.

Увидела это Айгыр-шаманка и подумала:

— Обозналась я да не впопад заклинала конем; «сверху он ниспал», подумала я: ах это снизу вышел-то демон! — подумала она.

Тогда она отправилась в путь. Елави кончились — пошла мелкая поросль, сенокосные места кончились — тундра пошла, вместо земли — овраги, болотца, кочки; лягушки ровно ребята грудные — в такую страну она прибыла. Туда прибывши, прямо криком привела черного беломордого пороца, погнала его, опять вколотила жертвенный столб, протянула высоко ленту, к столбу привязала быка и опять заклинала демона. Зажгла там большой костер, о девяти ободьях крепкий горшок вскипятила, четырехножный массивный жертвенный столб поставила и стала так заклинять ему навстречу:

— Я пригнала тебе камающего громадное, в горный проход не проходящее, роговое ядро Бухар-джолу, — сказала.

Тогда пришел демон, быка ее избил и прогнал, а затем пошел дальше. А Айгыр-шаманка покаталась и, оборотившись на лбу о полторасаженном крутом роге, о восьми в кулак величиною ногах на брюхе, с девятисаженым извилистым хвостом, губельной губелью быком, пошла навстречу демону; лишь только пришел демон, она в самую середину печенихватила его своим рогом.

Тогда тот оборотился в такого же точно быка и подставил ей рог, сцепились рогами, в продолжение трех дней и ночей бодались они и все деревья совсем истоптали. А Айгыр-шаманка глянула в это время на свою старшую сестру: конь старшей ее сестры взобрался на травяную гору и ходит, траву ест, а старшая ее сестра дремлет на кове, покачивается. Увидевши это, в быка оборачивавшаяся женщина там, где стояла, на том месте, оборотившись в длинный железный шест, ушла в землю; оборотилась потом в губельную железную рыбу и пошла кругом земли: с ртом на шее, с глазами на затылке рыбы нижнего мира вверх вынырнули; вот кругом земли пробежала шаманка. Демон на западную сторону побежал — запад накренился, на восточную сторону побежал — восток накренился, на южную сторону побежал — юг накренился, на северную сторону побежал — север накренился: демон в нижний мир совсем провалился. Взяла она коня своей старшей сестры за белый его чамбур да, взявши, привела домой. Коня привязала к своей коновязи, вошли они в свой дом. Вошедши, разговоривали:

¹ Салама — аят, јалама.

— Тетенька, что это случилось с тобою? — сказала Айгыр.

Уолумар-шаманка сказала:

— Совсем ничего не помню, девонька! — сказала.

Поели, как обыкновенно. Когда уж спать собирались, из пещки их демон вот вышел, — вышел и сказал:

— Я говорил, что путь далекий, чего же сидишь? — сказал.

С этими словами схватил ее за руку и вывел; выпедши, посадил на коня верхом; за трехсаженный чамбур, наматывая его на руку, повел, пошел. Айгыр-шаманка уж ничего не могла поделать: ее чары кончились. С граненым клювом, с ободками на глазах, золотозыким, с откинутой назад шеей, с цветными лапами, с желтыми голеньями, с золотогранеными когтями, узорчатыми ляжками, с хвостом дугой, с черного серебра краями крыльев, спереди посмотреть — прямым примехонек, сбоку посмотреть — статыным статын, сзади посмотреть — спина круто-круто вогнута, — таким-то стерхом оборотилась теперь Айгыр-шаманка. Полетела она следом за старшей сестрой, под самым небом, понад блестящебелыми облаками во след летела. Летит она да плачет; заветные слова выговариваючи, плачет:

— На белом свете одинокою остаться не думала я! — говорит; — на божьем свете с старшей сестрой расстаться не думала я! — говорит.

А путь-то в подземный мир раскрытый стоял; близ прохода-то этого все деревья что обьиндывели, что мерзехоньки стояли; сильная вонь шибала. Стерх назад повернул, домой. А тот демон привел вот женщину верхом на коне и спустился в нижний мир. Поглядела эта женщина на ту сторону. Когда глядит она — такая сторона: пороша там падала ишерцями, гризью были лягушки, град падал дождюбами, трава была железная, железные деревья. Без всякой пристани на этой стороне и не заметно взвоза на той — к берегу такого моря они прибыли. А глядит женщина: сухие русские в нем за стерлядей, мерзлые русские за шук, девочка за мелкую рыбешку — такое-то вот чудовищное море бурлит; а на том берегу, что темное облако застит-стоит, черные каменные горы чернелись; как тень худой собаки, железная собака вышла и лает, мотаючи головой, морду вытгиваючи. На задней стороне задних гор дух по-кукушечья закуковал, южной горы дух, как вброн, загракал (с того собачьего лая), северной горы дух пронзительно, по-лебедьному, закричал, передних гор дух заклекал по-орлиному¹. По виду будто хозяйка выскочила, огромные тени-руки пальцы за пальцы сцепила да из-под рук смотрит.

— Старичок-то мой! из славной страны, из божьей земли — палка-ломится-длинные стада где? — печаловалась: — веревка-рвется-широкие твои гурты где? — молит. — А! старичок не с пустыми руками, — говорит: — под мышками есть что вынуть, в тороках есть что развязать: о девятисаженных косах Уолумар-шаманки удамой белого Подорожника-коня и гривы волос и хвоста волос новью я! — говорит; — золотое ее гнездышко встряхну я! — говорит; — ее погребальными заповедными одеждами тряхну я! — говорит.

¹ Айр кылаа. Ср. соботк. ёсегд, караг. есегд — орел. — Ближе к якутскому будет двуглазый есир-охотничья птица. В «Русско-якутском словаре» И. П. Будищева (Якутск, 1926), в разделе «хищных птиц», встречаем айр в значении «цапля». Ред.

С лошадиную голову колокольцы-серьги ее звенели; «за пеший дневной переход треплется» ровдужный ее нагрудник шумит, вихрем стелется; что колечки кольчуги, молниеносные глаза ее молнией сверкали; что края колокольчика, краснелся рот; длинный язык ее высушлся и из стороны в сторону хлопал по щекам; что левая поверхность мягкого огнива, короткое по середине вогнутое лицо-то у ней было; лоб, ровно колено; на обоих висках, посмотреть, виднеются у ней короткие и торчащие волосы; накинуг на голову колап с землянку величиною.

Старик на это сказал:

— Старуха, в огонь сотвори воззвание!

Страшная вон пошла. Старик из уха своего вытащил железную трость, бросил на море, сделался железный мост; по тому мосту он довел до дома.

Дом его такой: с лестницей подполье.

Ковя за чембур подвел он и тянет, чтоб спустить в подполье; ковь ни за что не хотел, тянулся, не поддавался. Жена его, Яга-баба, пугнула коня сзади, но ковь ни за-что не слушался, тянулся. Женщина, Уолумар-шаманка, испугалась-таки, вынула из своего уха пальмú. Разрубила чембур и улетела на белом Подорожнике Уолумар-шаманка. А половина чембура осталась в руках у старика, старик полетел в подполье вниз маковой. Когда увидела, что старик упал, Яга-баба закричала кликушей, заскакала; поскакавши, поскакавши, спустилась вслед за стариком: старик на дне подполья лежит, что мертвый.

— Что, старик! что с тобой, что с тобой? — сказала.

Старик сказал ей:

— Лежу вот, как видишь, — сказал.

Ошупала тогда Яга-баба старика: поголовы и глаз размозжил себе, одну руку размозжил, восемь ребер размозжил. Яга-баба тогда полевала на старика, поворожила; тогда он стал без одного глаза, без одной руки, пол-человеком стал. Старик вскочил на свою одну ногу. Яга-баба положила его на его лавку, а сама выскочила из дома и стала скликать детей — у ней было девять сыновей и девять дочерей, и кликала она их по именам:

— Куллурут (род кулчка), Былдырыт (род кулчка), Эриггия-Эккячян (пучеглазый), Тунгалайм (Белянка моя), Тангалайм (Небо мое), Джестэйбэм (Красноглазый мой), Былтарангкы-куо (Поперек себя шире девка)! — так звала.

Детей ни одного не оказалось; стала она искать своих детей и нашла — лежат они искрошени. Пособирала она детей своих, вскочила в дом и показала старику.

— Вот горе какое стряслось над нами! — сказала. — Говорила я тебе: не ездй в святые улусы, а ты не послушал, поехал! — Так корила она старика.

На то старик сказал:

— Убери! Сама ты ведала, сама и ведай! — сказал.

Яга-баба присела и съела...

Уолумар-шаманка летит на коне да на лету глянула. И видит: на лабазе, оказывается, лежит один человек, а под ним развели огонь, и, словно тени, люди стоят, смотрят, громадами такими неясно маячат. Уолумар-шаманка, как летела, так и продолжала лететь на свет и прилетела в прекрасную страну; птицы там ликовали, четвероногие шумели, белые

бегуны, что олени белые, стали¹ — к страшно богатому человеку прилетела. Прилетевши, спустилась во двор к этому жителю; спустившись, поглядела. Вот, когда глядит она, а это житель с тремя коновязями, о девяти столбах каждая; а у коновязей коню негде протискаться, так густо коней привязали. Направо от нее стоял-то красной меди столб: к нему повела она коня и там привязала; привязавши, и по шерсти и против шерсти коня погладила рукою: выючным седлом оседанным, с корьем за подседельную подстилку, с тальникового лыка обротью, с веревочными удилами, с задравными кверху концами копыт, с ногами врозь, с узким вдавленным крупом — такую-то лошадию оборотила коня шаманка. И самое себя оборотила; с жесткими злыми глазами, красно-медволицой, с красной меди серьгами, на голове надета шапка из телячьих камусов, телячья наголенница, а шуба — телячья: наперед запахивать — переда не закроет, назад оттянуть — зада не закроет, — такую оборотилась.

Вошла левой дверью сеней и в сенях стала. Вот, стоя, когда слушает — в доме так кто-то говорит:

— Буя, буя, буя! Моя песнь, что пою я, и за порог не переходит; мои моления, что молю я, и за дверь не выходят: сильный шаман прибыл; зашумели пернатые, притихли четвероногие — беда настала. Скиньте с меня япанчу! На заиндевелом коне зачернелась его тень... Эге-ге! — говорит: — Взор шаманки визвел долу; демоновы взоры укрылись за ее тенью! Если спасение возможно, эта шаманка спасет.

Послышался голос хозяйина:

— Дружок Кыкыллан (Звонко-тонко-голосый), потрудись, попробуй!

И послышался в свою очередь голос хозяйки:

— Кыкыллан надежа, ради дитятка моего потрудись, пожадуйста! Покрайности, эту ночь поворожи, попробуй!

А шамана голос сказал:

— И людей, и скот — все погубите!

А тем временем она (шаманка) вошла в дом и глянула на красный угол: чудный собою, красавец мечется, бьется. На левой стороне дома сбоку нечки прижалась, стала: с отвислыми подбородками, звонкоголосые почетнейшие родовичи кругом сидели; а по левую сторону, раскинув руки, широко расставив ноги, назад откинувшись от дородности, почетнейшие родовички кругом сидели; с тяжелыми пальцами, с гремящими налучами молодцы парни стояли и ходили. Глянула на хозяйина, — ровно бугор, старик сидит, несколько согнувшись. Ровно широкий бугор, хозяйка сидит, голову высоко держит. Одну волчью доху на полу разостлали, одну волчью доху в изголовье положили, одну волчьей дохой укрыли: больной лежит, оказывается; восьмеро прекрасных парней, здешних же домашних, за больным ухаживают.

— Положите же, положите, подымите же, подымите! — говорит (больной); — ведь я в огне горю, — говорит: — в огне горю!

Услыхав это, подумала шаманка:

— Это, значит, давешний-то человек, что я дорогой видела!

С шамана япанчу сняла, старик и старуха плакали; такие слова выговариваючи, плачут:

¹ = без счета коней.

— Под-защитой-солнца-и-месяца-сильный-человек-Кюн-Эрлик, белый свет покинуть сбрасься разве? — говорят.

А шаман сказал:

— Вот тут же, в вашем доме, есть шаманка; эта-то шаманка спасет, — сказал.

— А где тут шаманка? — так говорили, искали, но не нашли.

Хозяйка сказала:

— Девка, ведь ты же кликуша, Сырбанг-Татай! Может-быть, найдет на тебя наитие: подойди к большому, поухаживай за ним!¹ — сказала.

Девушка не захотела:

— Боюсь я! — сказала.

А люди нашли незнакомую девушку, подвели к огню страшно безобразную девушку. Хозяйка сказала:

— Голубушка! поворожи, попробуй, не робей! Подарочков вдоволь дам тебе: женскую думушку женщина, небось, понимает; и сухожильев, и веревок, и одеж, и ниток — сколько душехенька пожелает — получишь от меня!

А шаманка сказала:

— Ну, потружусь же, попробую, только вы возьмите меня за Под-защитой-солнца-и-месяца-сильного-человека-Кюн-Эрлика. Ну, буду камлать!

В левой половине дома сильный стук раздался в чулане, раздался рев звонкоголосой женщины: две женщины держали ее руками, чтоб не вставала она, и стала она сильно топать и биться.

— Что это такое! ремнем не охватишь — змея подколодная, подпругой не охватишь — подлая, не вышла замуж да на мужчин зарится, распутница! — так она кричала.

А свекровь журила:

— Уймись, уймись, уймись! — говорила.

Свекор сказал:

— Кто это? кто это? — сказал.

Свекровь сказала:

— А, невестка наша, из ревности, ругается! — молвила.

— Ну, девушка, подарков тебе вдоволь, плату твою тотчас дам: Бай Харахан Тойона имя разве не слыхала, не слыхала про мое богатство обильное? Пой же, твори заклинания! — сказал хозяин.

Вот под руки привели шаманку, посадили, где сидел шаман, надели на нее япанчу, дали ей бубен. Ровно одеяло напинули, так сидела на ней япанча, а что бубен держала, выше ее самой был бубен. Съехавшись, глядя, потихоньку смеялись:

— Вот такая-то мечтает излечить своими заклинаниями, превзойти Кыкылава и, зарясь на подарки, на замужество с Кюн-Эрликом, свидит, заклинает! Ну, уж и вид-то!

Вот шаманка «донг, донг, донг!» ударила в бубен и стала зевать:² «ой, ой, ой!» зычно и пронзительно.

¹ И до сих пор, в представлении народа, истеричные наделены чудесным даром прозорливости, и в случаях трудной болезни волкам истеричной внимают с полной верой в пророческое их значение.

² Приступ к мистерии.

— Единой мне други, южных страшилац улусы, приблизьтесь! Одной только мне сопутники, демонские клусы, долу низойдите! Этот нарядный дом, где я теперь, расположившись, пребываю, в день моего отбытия да красуется восьмиветвистой зеленой горной осокой, и да не колеблется подножие того домашнего огня, при котором я сижу, пою мою песнь! О принесите, положите мне на темя мою вещую, тяжелую, гадальную ложку! И если мертвого к жизни возратить дано мне будет, дано будет воротить душу живую, могучего демона три смеющихся порога переступивши, взять на руки прах-душу, — дайте мне отклик, щелкните пальцем! О вы, с восемью, что громадные вилы, ногами, из грудной ямки выросшими, сонмы мои, услышьте! — так говорила.

И ровно так, как она говорила, и прилетели крылатые и стали сновать в доме. Лучшие вглубь лавок к стенам забились, почетнейшие туда, где дрова лежали, сколько поместиться их могло, туда бросились, храбрейшие в хлев натискались. И вот съехавшиеся все подумали:

— Подобного уранхайца-шамана никто никогда не видал и не слышал даже. Ужасно! Ох, ужасно!

С своего места поднялась шаманка и бойко колдовать стала, как невесть что расходилась! Шелковые ее кисти по голеним бились, канфювые ее кисти вокруг рук обматывались, «стерхи» на японце вьльв кричать стали, «гагара» вьльв заготала; три раза против солнца вихрем кругом промчалась и стала судьбу гадать колотушкой бубна. Колотушка бубна вокруг печи трижды облетела и как мония пала на ее темя (на счастливую сторону пала); обитую семью большими медвежьими шкурами дверь пузла ногою, настезь раскрыла, севей с погремушками дверь пузла ногою, открыла и вышла, — где граду негде задержаться, на такой гладкий чистый двор вышла и бойко колдовать стала. А все вышли и смотрели; хозяйин и хозяйка с домашними остались в доме. И вот смотрят народ, а она от широко раскинувшегося по двору рогатого скота отогнала темнобурого телянка-выростка и на облако, величиною с не так большое озеро, прогнала телянка, а сама взошла на облако и стала там и, что выше лиственницы, что пониже облаков, полетела. Сильно дивились люди, страшно изумлялись. Так и улетела шаманка.

После того все вошли в дом. Хозяин спросил:

— Ну, как ребята? Шаманка-то ваша что там делает?

— Выростка-телянка взогнавши на облако, улетела, — ответили.

На это старик сказал:

— А как же иначе? Ведь, на счастье к нам она нисходила! — молвил.

Шаманка с шорохом трубною камелька влетела, и в руках у нее было что-то величиною с рукавицу.

— Высокоименный Бай Харахан Тойон, к тебе, высокоименному, ниспускавшегося демона изгнала я; три смеющихся порога перешедши, душу живую¹ его (твоего сына) назад воротила, прах-душу его в руках принесла. Твое согласие дать или отказ скажи мне: ты — знаменитый родовитый человек, я же — знаменитая шаманка, и ты мне за порукою дал свое слово! Итак, старец, берешь ли ты меня своей нарядною невесткой, или нет? Если возьмешь

¹ Мать-душу.

меня в невестки, я вдуну душу живую его; если же не сделаешь невесткой, я рассыплю прах-душу его, и тотчас отойдет сын твой; а душу живую его вдуну, с быстрым в беге составаться будет он, с могучим — бороться, с хватом — играть, и крепко сидеть он будет на предстоящем ему пиру жизни.

И старик и старуха молили:

— Помог, о, помоги! — говорили.

Тогда лежащему человеку душу его вдунула: сильный-человек-Кюн-Эрлик вскочил — хлопнула дверь. Кюн-Эрлик назад со двора не пришел.

И дивились же этому. Кыкыллан-шаман с сыном своим остался. Кыкыллан-шаман сказал хозяину:

— Друг! я сегодня еду, пораньше дайте мне поесть!

Харахан-Тойон позвал своих слуг:

— Пойдите, привяжите для этого старика жирного коня, — сказал; — а для сына его, Лучшего-человека-Бэрэт-Бэргэна, привяжите молодого хорошего коня: сам-то он молод!

Хозяйка вышла и велела внести в дом целую переднюю конскую ногу с восемью ребрами; наварили целый громадный котел мяса с жиром в три пальца на брюхе и на бедрах; принесли берестяную лахавь масла и растопили, примерно, десять безменов (= 25 ф.), а в горшке вскиятили сливок. Одного в теле коня для старика привязали, а для Лучшего-человека-Бэрэт-Бэргэна молодого коня привязали. Старик подали на стол кушанья; мягкое да жирное ел старик, вплотную поел и масла и сливок.

Хозяин сказал Эльбэс-Тэльбэс по имени парню:

— Этого старика в их края проводи!

Между тем Кыкыллан-шаман выходить собрался. Эльбэс-Тэльбэс отворил ему дверь. Кыкыллан-старик еле-еле вышел из сеней; доху свою распахнул старик, и на четвереньках стало его слабеть.

— Эльбэс-Тэльбэс, подойди-ка, подчисти мне задницу! — сказал он.

Эльбэс-Тэльбэс поглядел там и сям: щепки близко не было, а висел конский череп.

— Дедушка! кость, ведь, это! — сказал.

— Ну, дружок! подчисти, подчисти! — сказал тот.

Эльбэс-Тэльбэс с костью в руках подошел к нему, и стыдно было ему, и испугался он. Он в сторону стал глядеть да, отвернувшись, стал подскребывать тою костью. А череп этот до половины влетел в задницу старiku. Старик упал и лежал, охая. Эльбэс-Тэльбэс убежал в дом:

— Невиданное увидал я, беда случилась! — сказал.

Лучший-человек-Бэрэт-Бэргэн, сын Кыкыллана, услышав, что отец близок к смерти, выбежал с палкою в руках посмотреть на отца; а сзади отца — белая собака.

— Грызет она отца! — подумал и в то же мгновение палкою бросил в то белое: — должно быть, собака вцепилась в задницу отцу моему! — подумал он.

Череп разбился в мелкие кусочки. Отец его вскричал:

— Ой, убил, шарень! — сказал.

Он (сын) захотел внести его в дом и вбежал в дом.

— Хозяйка, старуха! Нет ли какой старой подстилки? На подстилке надо вносить! — сказал.

Старуха сказала:

— Ох, ты Господи, Боже мой! Отъезжающих, должно быть, за голову прикрутило, а презежающих за затылок привязало! Девонька, Сырбанг-Татай! вон там на изгороди висит старая подстилка, внеси ее, дай! Да и не старая, пожалуй: недавно волос лезть стал! — сказала.

Девушка вышла, внесла и подала подстилку. Бэрэт-Бэргэн взял подстилку и выбежал. Отца его целая толпа людей, укутанного в подстилку, на руках внесли в дом и положили у огня. Кыкыллан-шаман сказал:

— Здесь эта девочка шаманка?

Девушка шаманка сказала:

— Я здесь.

— Спаси, спаси, спаси, голубушка! — сказал старик.

Шаманка сказала:

— Сына твоего, Лучшего-человека-Бэрэт-Бэргэна дашь в мужья?

Кыкыллан-шаман сказал:

— Дам, дам, дам! Спаси, спаси, спаси!

Шаманка подошла к нему, села на табурет, взяла три перевязанных гривою тальниковых прута и поворожила над Кыкыллан-шаманом:

— Три года назад умершего возвращать к жизни даровано мне!

Сейчас на мелкие куски рассыпался череп и выпал на землю. Лучший-человек-Бэрэт-Бэргэн выбежал.

Кыкыллан-шаман оправился и сел:

— Хозяйка! дай мне заячью шкурку: зуд страшный!

Старуха сильно рассердилась:

— Ох, детушки! Ну, уж и накладный денек! Сырбанг-Татай, подай-ка мне ту суму! — сказала.

Сырбанг-Татай подала суму, которая была в ногах у постели старухи.

— Развяжи, девонька, ремни и завязки! — сказала.

Девушка развязала. А старуха вынула из сумы натазники и в сердцах бросила, и они полетели на пол. Была тут, что двухтравый жеребенок, рябая собака, бросилась она на натазники; старуха сейчас же кинулась, отняла у собаки натазники и уложила в суму. Уже осторожно вытащила заячью шкуру и бросила одну старику. Старик вложил в штаны, встал и оделся. Хозяин, Харахан, сказал:

— Не претендуй, друг! Не претендуй, друг! Вам с сыном двух коней подарил: уважил, как следует! — сказал. — Эльбэс-Тэльбэс, проводи старика! — сказал.

Жирную конскую шею внесла и дала старуха и одну берестяную лахань масла дала старику:

— Вьюк твой, гостинец тебе! — сказала.

Эльбэс-Тэльбэс поехал за проводника. Уехали. Домашние разговаривали, очень рады были:

— Ну, слава Богу! Уехали, наконец! — так говорили.

А Лучшего-человека-Бэрт-Бэргэна, сына шамана, и Сильного-человека-Кюн-Эрлика, хозяйского сына, обоих пет.

— Куда-нибудь заехали, — так думали.

Шаманка сказала хозяйке:

— Тетенька, я сегодня уеду! — молвила.

Хозяйка сказала:

— Зачем ты едешь, дружок? Не уезжай, поница у меня в голове, швы на голове разглядь мне! — говорила.

Послышался голос невестки:

— Пусть едет, к чорту проваливает, пусть убирается! — так говорила.

Шаманка сказала:

— Ах, я тороплюсь: свари мне поесть! Поевши, небось, поеду!

Старуха немножечко мяса сварила, в горшочке молока вскипятила. Шаманка поела; когда поела, та внесла и дала ей безмен (= 2½ ф.) масла:

— Домой повези, там огню принеси жертву! — сказала. А тогда внесла для нее худую, худую, черную, претерную переднюю ногу: — Вот и выюк тебе! — сказала.

Шаманка сказала:

— Гадость какая! дрянь какая-то черная! — так сказала.

— Значит, ты брезгуешь, девонька! — сказала старуха: — а, ведь, еще как зачала я жить своим домом, той-то поры коровушки нога это! — сказала. — Вся-то сплошь один мозг! — говорила.

Шаманка не взяла; она надела свою худенькую одежду, подошла к левому боку коня, села и со скрипом поехала. А домашние провожали глазами: корьевая подседельная подстилка ее потрескивает, выючное седло поскрипывает. Смехом проводили:

— Чорт какой-то! — говорили между собою.

— И за это им ничего не было.

Под сень темной чащи въехала шаманка, прыгнула с коня и стала ходить кругом коня, гладила его, и белый Подорожник-конь принял свой собственный вид; сама шаманка покаталась по земле — и приняла свой собственный вид. Надевши на себя кафтан и доху, на поясе налуч подпоясавши, поехала она: ступню скользила, рысью подрагивала, пускала коня широкою ходою, глубокие следы оставляла.

— Так вот взять, — мол, — дом мой будет! — догадываючись, едет.

Темный лес ломала, сухоподстойный лес мяла; по мысам опознавалась, еланями считала, по падам припоминала; песни пела струйками облаков, песенки напевала дымчатым облаком.

А в родной ее стороне звонко закричал орел, заклектал беркут, заворковала горленка, кукушка закуковала; а домовой ее, Дээрэ Бахсынат, оборотившись жеребцом с обротью с погрешками, громко заржал. Видя это, младшая ее сестра, Айгыр-шаманка, спознала:

— Ах, это о девятисаженных косах Уолумар-шаманка радостная, веселая едет, — молвила.

В доме, в службах прибрала, воткнула желтые березки у кумысного меха, глубокий кумысный жбан выставила, поставила кушанья на шестиножках березовых лабазах, разо ротившегося оюйка-жеребенка мяса наварила и поставила, выставила гривой перевязанный большой кумысный кубок, поставила рядами круговые чары, положила рядами гривой пере- вязанные пестрые ложки, желтого масла налила с краями полным полно. А всюду по лесу, разубранному густою молодою поросью, мелким березником изукрашенному, в берестяных лаханях с обручами полно налила кропильного кислого молока, прокипяченным сквашенного, и желтым маслом то молоко одобрила, еще три дня тому назад.

О девятисаженных косах Уолумар-шаманка воочию сама на белом Подорожнике-коне примчалась. Айгыр-шаманка поведья приняла, коня ее привязала; пальцы рук сцепляючи, стали они друг друга обнимать; в губы до того, что масло проступало, целовались. Шумно одна другую в лицо нюхали; руки одна другой пожимаючи, одна другую провожаячи, пошли они туда, где был выставлен кумыс. Айгыр-шаманка, младшая сестра ее, с верхом одоб- ренный маслом, перевязанный волосом кубок, сгибаячи колени, старшей сестре подала. Старшая сестра приняла да, прививши, тоже, колени сгибаячи, сестре подавала. И кубки кумысу вкруговую они пили; взяли гривую перевязанные пестрые ложки и, черпаючи из изукрашенных берестяных лаханей, ысыях кропили.

— Даруй, святой род, Белый Создатель! — зывая, — о дух земли! — зывая, ысыях они кропили.

А все заповеданное свершивши, гадальные ложки бросали:

— Судьбу нашу поведеам! — с такими словами бросали.

И обе брошенные ложки на счастливую сторону пали; обе они тогда преисполненный радости клик возгласили:

— Уруй, уруй, уруй! — восклицали.

Наконец, по своему обыкновенно, бегом в дом побежали.

В доме у дверей чуланчика, перед задающею загадки лавкою поставили стол о восьми ножках; как обыкновенно, мяса отгулившегося выростка-жеребенка, по насту ожеребив- шейся первожеребой кобылы жеребенка мяса грудями наклали на обоих краях лабаза; поставили на стол свежего кумысу в разукрашенных тяжелых кубках; в кумыс налила масла с верхом, с краями полно. О восьмисаженных косах Айгыр-шаманка старшую сестру умоляла:

— Ну же, тетушка моя, тетенька! Расскажи мне заветные слова, подробные, откро- венные речи молви! — говорила. — Как это тот демон, который нарочно приходил с запада, выпустил тебя, дал ускользнуть? — говорят.

В ответ на это старшая ее сестра, Уолумар-шаманка, рассказывать стала; что с ней было, подробно все рассказала. А потом сказала младшей сестре:

— Чтoб жить по-людски, не щадил я трудов, девонька! Бай-Хараханова сына, Силь- ного-человека-Кюн-Эрилика возьмешь ты, иль увешанного подвесками железными Кыкыл- лан-шамана сына, Лучшего-человека-Бэрэт-Бэргэна, берешь? Я привезла их самих.

— Тетенька, ты ведай! — сказала.

Тогда сказала Уолумар-шаманка:

— Умирающего я спасла, ведь, Сильного-человека-Кюн-Эрилика, Харахан'ова сына.

Пусть мой то будет! Кыкылаана-шамана сына, Лучшего-человека-Бэрэт-Бэргэна, я тебе назначаю: без труда чарами я его добыла, тебе назначаю. Ты его возьми! — сказала.

Уолумар-шаманка, сидя, вытянула руки и засвистала; потом стала бить себя пальцами по ушам так, что забрепчали серьги: выпали и стали на ноги два красавца собою, — косая сажень¹ в плечах, толстые бедра и руки, длинные голени, сами рослые, крупные — невозможно описать, какие молодцы! Выбежали они оба из дому, побежали на восток и потом воротились.

— Друг! Сверху ль мы пали, аль снизу вынырнули? Откуда мы пришли, с какой стороны? не знаешь, ли друг? — говорил они один другому. — Очаг! Берестяная юрта²! Ах, да и юрта! А женщины — вот это так женщины! — Они и глаза потупили. — Пойдем-ка! — говорят один другому. — Они вдвоем только? — говорили друг другу. — Направо от них нет слуг парней, налево нет служанок — только вдвоем они, гляди! Чего нам бояться?

Прибежали они, вскочили в дом. Старшая сестра, Уолумар-шаманка, встала навстречу, подошла и взяла за руки Сильного-человека-Кюн-Эриляка, повела и посадила в переднем углу. Айгыр-шаманка Лучшего-человека-Бэрэт-Бэргэна взяла за руки, повела и посадила в красном углу.

— Еще непочатый кубок, лучшее, что предложить можем! — с такими словами подали с верхом сдобренного маслом кумысу в перевязанных волосом больших кубках.

Те выпили со словами:

— Уруй, уруй, уруй!

Приняли кубки шаманки, отнесли и поставили в особенном месте в левой половине дома. Прямо подошли они, сплели руки, пальцы с пальцами, с руками мужей, подняли их, поставили на ноги и три раза поцеловались с мужьями.

— Живите в вашем доме! — сказали и посадили.

Сами рядом сели. Вот, усевшись, разумно на мужей поглядели:

— Вот это собственное ваше серебряное гнездо, самая сердцевина ваших земель, вот негу сулящий рядный дом ваш, вот вам очаг! Создателем-Господом благословенная о девятисаженных косах, в Промысле Господа-Творца сущая Уолумар-шаманка я! Восемью божествами обегованная Айгыр-шаманка я! Ну, откушайте ваших кушавьев!

И вот задвигались их крепкие кости, заволновалось владыка-сердце, отлетела гордая мысль, ослабела сильная мысль. — Рассмотрю, как следует! — говорили они себе, да в землю смотрели. Вглядеться желая — в огонь глядели. Так вот оробели.

Наконец, сидя вместе, отужинали. Женщины проворно постели постлали. Оба мужа молодецкой походкой выскочили, да, выскочивши на двор, так разговаривали:

— Какие женщины! А дом! А очаг! А богатство! Наши-то бедняги жены, с этими посправить, и не женщины даже!

Ну, вскочили в дом. Женщины, уже давно постели постлавши, разделись и улеглись. Два этих человека вошли, возле спального отделения разделись и легли с женами, полюбились, поиграли, тесно прижавшись, уснули.

¹ Собственное значение баттах допускало бы перевод: крижистый.

² Так перевожу я здесь аласа үйү. Аласа можно сопоставить с тюрк. алачык — юрта из коры или шалаш из ветвей. Радлов. Опыт словаря тюрк. наречий, т. I, стр. 362.

Разудались их поздри — «должно, брезжится», мол; глубоко вздохнулось — «должно, солнце взошло», мол — встать захотели. Сильный пот по хребту пошел, крупный пот на спине в плечах выступил, так обнимались они. Встать захотели, да пристали друг к другу и, отставая, как береста, шуршали. Оба мужьяны, вскочивши, оделись, выскочили бегом на двор, едва дом заперли. Обе женщины, того быстрее одевшись, побежали с мужьями к воде, лазурных глубин водою омылись, и все четверо побежали оттуда, прибежали домой.

Две женщины в серебряных кубках крепкий кумыс мужьям подали, рядом с ними сели. Вот круговую пили, горло свое поправляли, спины выпрямляли. Толстый шейный жир грудями клали; толстое брюшное сало, против себя нагромождая, кушали. Муж жене, жена мужу пододвигая, друг друга угощая, кушали. Густые сливки пили из одной посуды одну ложкой. Покушали и побежали вместе к выходу. Пальмы их и налучи висеть остались.

А они все вчетвером побежали на восток. Березою играли, лоя руками; подбежали к дственнице, да в пинки ногами играли. У высокого дерева, — где в прыжки игра была, — в прыжки играли. На той чистой релке, — где в скачки игра была, — скакали. На той релке, что для игры в прыганье на одной ноге, на одной ноге прыгали. На том поле, что для игры в зайца, в зайца играли. На той каменной горе, что для игры в оленя, в оленя играли. Сбежали оттуда, домой примчались. Подбоченившись, статными стояли; отставив ногу, прямешенькими да высокими стояли.

С осмиразвилистой для луков и налучей вешалки своей эти две женщины пальмы и налучи свои сняли, своим мужьям подали. Мужья пальмы и налучи за пояса взяли. А тогда две женщины позвали коней своих так:

— Хорук, хорук, хорук! — махли.

Оба Щебечущие-белые-Подорожники, так называемые кони их, пришли. Эти две женщины этим двум коням своим так заповедали:

— Нарочный твой господин, верный твой хозяин, назначенный твой спутник от богов благоденственный Сильный-человек-Кюн-Эрлик! — сказала Уолумар-шаманка.

И Лучшего-человека-Бэрэт-Бэргэна жена, Айгыр-шаманка, подобно тому сказала:

— Мы, как дно берестяной бады, объезжаем кругом землю, осматриваем (сгоняя в стадо) каждый день коней и скот, кругом нашего божественного дуб-дерева объезжаем и, приняв благословение от духа нашей отчины, возвращаемся.

Вот мужьяны вскочили на коней и уехали. Женщины, теперь уж по дому хозяйки, вошли в дом.

Тогда мужьяны, как им женщины указали, как дно берестяной бады, землю объехали, коней и скот осмотрели, вокруг божественного дуб-дерева объехали: «это мы, мол, благословение приняли!»

Примчались в заповеданный нарядный свой дом, коней пустили, пальмы и налучи на вешалку для налучей повесили и в дом вскочили. Они узнали теперь свою собственность и радовались: «наше собственное!» думали. Кафтаны и дохи повесили.

Женщины, как обыкновенно, кушанья и стол приготовили. Они сели рядом с женами.

— Рассказывай, друг! Кони твои, рогатый твой скот как? Все благополучно ли? Земли твои каковы? — спрашивали жены у мужей.

На это муж жене рассказал:

— Прекрасная страна! Да вот какал прекрасная: птица возликовала, гам подняли звери, богиня родов визожла, Иехсит обернулась сюда. Это дверь божественного, царственного пути — такова эта страна. Без зим лсное лето, благоуханная, прекраснопикая — такова эта прекрасная страна. Однокопытные не спотыкаются, не расходятся раздельнокопытные. Они трутся вплотную голыми боками, задевают друг друга мохнатыми коленями. Стадами ходят никогда не знавшие оброти, собрались резвые. По северным склонам жеребята там, по лугам полно телят. С серебряными планками на мордах вольно плодятся, с медными намордниками и полно-выменные размножились — чем только пожелаешь, богатая и несметно избыточная страна. Такова-то эта страна!

Они ставили ее в десять раз лучше своей. Поговоривши так, они радовались все вместе. Покушали, поели, как обыкновенно, и, сидя рядом, пили круговую свежий кумыс в большой круговой чаше.

Как обыкновенно, встали, сходили на двор, а женщины опять, постели постлавши, раздвинулись, улеглись. Мужчины разделелись на загадывающих загадки скамьях.

Рано утром, как раздулись воздри: «брезжится, должно быть!» мол, как глубоко вздохнулось: «встает солнце, видно!» мол, говоря себе, лежали они, обнявшись. Сильный пот лился по хребту, по спине между плеч выступал крупный пот. Оба они вскочили, сели, поели, как обыкновенно. И три дня так мужчины уезжали и приезжали.

Через три дня женщины за собою примечать стали: в животе, как мяска, что-то появилось; соски почернели.

Мужья в жен взглядывались: меняться в цвете стали скулы; ясные лица потемнели; к носу, ко лбу кровь то прилет, то отхлынет; тонок стал подбородок; понежнели пальцы, кулаки стали маленькие, руки тонкие. Печальны стали, вяли и худели, и вставали и садялись потихоньку.

Мужья и то подумали: «беременны, должно быть!»

И сами мужчины печалиться стали и жалели жен: «Что это с ними стало?» И обед готовить и постели убирать мужчины помогать стали.

Через семь дней после того заметно стали мучиться женщины, на девятый день совсем ослабели, на десятый уж и не вставали. На одиннадцатый день пришло время родов.

— Дружочек! — говорила жена мужу: — ну, чего же ты смотришь? На западе, в том острове березнику, что похож на то, будто идут вместе знатные родовички, сруби там развилстую березу, сруби-принеси кривую березу! Вколотивши колья, перекладину ту на них положи! Постели зеленой осоки!

Муж приготовил это. Женщина села на ту траву:

— Ой-ой! ай-ай! — громко кричала: — и в ногтах отдается, и руки ломит! Ой, виски мой! виски! Спина моя, поясница! Как больно! Восемь¹ костей моих разошлись¹, должно! К печени подступает! Разве что держит? Девонька! Айгыр-шаманка! попытайся, скажи что-нибудь!

Младшая ее сестра говорит:

¹ По требованиям аллитерации.

— Ты хоть говоришь, а мне не в мочь!

Уолумар-шаманка сказала:

— Ох, как напирает! Как напирает! Ой, какая боль внизу, какая боль внизу! Дружокек! Сильный-человек-Кюн-Эрилик! Отвори скорее дверь!

Муж ее быстро открыл дверь. Уолумар-шаманка сказала:

— Услышь, услышь, услышь! Даруй, даруй, даруй! На двуслойном небосклоне живущая Изехсит мужчин да обернется! Богиня родов женщин да низойдет на счастье невинного дитятка! Богиня родов! Государыня! Взяв с узорчатого твоего облака, в рысьей дохе твоей параспашку, соболью шапку накинувши, мехом одетые колени твои обнажив, богиня родов, государыня, на белом моем покатайся, на пышном моем поваляйся! Матушка моя! Войди, войди, войди! Приди, приди! Войди!

И въев царственная женщина пришла и на прилавке стала кататься, склонива руки и в ладони приняла. У младшей ее сестры, Айгыр-шаманки, тоже приняла.

От этих двух женщины два сына родилось одновременно. Два ребенка одновременно сели так грузно, что земля загудела. Они, поглядев на потолок, заплакали, да так гулко, что глина осыпаться стала. Вот оба ребенка на ноги вскочили. Тогда отцы их за кудрявые водосы схватили и ничком положили, а матери умыли их. Отцы, с трудом поваливши, завернули в шкуры лося-самца, длинною веревкою увязали.

Оба мужнины выбежали, двух белых жеребят ввели, убили, потом на прилавках две жеребачьи шкуры постлали для богини родов. Богиня родов поочередно то у той, то у другой — на прилавках обеих шаманок каталась. Поглядеть на богиню родов — спяльно она испотела, умащена маслом. И все смеясь, три ночи она тут провела. Через три ночи вот богиня родов благословенье сказала, а детям имя дала:

— Сильного-человека-Кюн-Эрилика ребенок пусть будет Кюлюктэй-Бэргэн, Лучшего-человека-Бэрэт-Бэргэна ребенок пусть будет Бэрбэжэй-Бэргэн! Имеющий суставы да не калечит! Имеющий ребра да не валит наземь! Камень будь вам посохом, лиственница опорой! Длиннорукий пусть далеко не протягивает рук, со дна не грабастает вовек!

После благословения она вышла. На глазах домохозяев она на востоке вскочила на узорчатое облако и на восток улетела.

Тогда женщины, омывшись, причесавшись, одежду ребятам своим приготовивши, одели их. Ох, невозможно красивые, молодцы собою стали ребята!

Отцы их выводили их играть на поле, а сами следом ходили, караулили. Если бы не караулили, они бы и невесту куда ушли к примеру — такова была их прыть. Вечером, введши их в дом, к угловому столбу привязывали.

Четыре дня спустя, о восьмисаженных косах Айгыр-шаманка даве виденный сон увидала, его рассказала. Как рассказала, на всех страх попал. Уолумар-шаманка, как обыкновенно, взяла бубен и одежду, оделась. На двор вышедши, бойко зашаманила. Держа в руках включенный хвост жеребца, как чародейское опахало, она машет им и молит:

— Десять божьих моих улусов, восемь божьих моих колен сюда, сюда, сюда! Огненноглазый да не посмотрит, шегудиво-языкий впаод да не скажет, тот, что о черной тени, через тень нашу при солнце да не пересягнет: от господа бога благословенная белая серебряная ограда да виспадет! — говорила.

Сказавши так, она вошла в дом и сказала мужьям:

— Сильный-человек-Кюн-Эрлик, Лучший-человек-Бэрэт-Бэргэн! Ну, берегитесь, ждите, караульте! Я детей из дому не выпущу.

Схвативши пальмы и налучи, выбежали мужчины, прибежали к своему священному дуб-дереву. Как снилось Айгыр-шаманке, так и сделалось. С запада, ровно елань-поле, черное облако прилетело, долетело до божественного дуб-дерева и разбилось надвое. Осминогая, двуголовая, двухвостая, о восьми титьках железная кобыла к подножью священного дуб-дерева пала, ровно полстога зеленое место породила, на восемь частей распалась. В восемь железных верблюжонков оборотившись, в восемь концов неба разлетелась.

Тогда глянули оба они: ни ветра, ни облаков, ничего нет. Вот место, раздувшись, лопнуло. Внутри, оказалось, сидел, подбоченившись, человек страшного вида, с короткими взъерошенными волосами, с раскрытым ртом, редкозубый, страшного вида. Глаза его, что большая прорубь на неводбе, лоб вперед упал, с опрокинутыми надбровными дугами, как глыба земли — лицо. Был на нем львиной шкуры шафа, рубаха из обреченной шкуры, голодного года шкуры штаны, жертвенной шкуры торбаса, натазники из листового железа, закаленного железа кафтан. Он сидел, подбоченившись, ноги по-господски положивши. Не говорит, не шевелится, сидит. Тогда оба они подошли ближе к нему:

— Вот, вот, вот! — молвили: — по-якутски молви, говори по-человечьи, по-урахайски побеседуй! Ты к нам, высококаменитым, силою переведаться с выси ниспал ли, из преисподней ли вышел или с среднего света нарочно прибыл? Скажи сейчас твоё заветное слово, откровенно и подробно все ласково поведай! Мы — вспльщивые, необузданные, гневные люди. Рассказывай скорее, успокой нас! Ну же, ну же, ну же!

С пальмами наперевес они подошли ближе. Нет! не обращает внимания, не двигается, не говорит!

— Сделаем тебя сытью пальмы, острого копыя краской. Теперь не на добро пошло. Разрубим на части! Ну же, ну же, ну же! — громким голосом кричали они: — говори, говори, говори!

Нет, не говорит! Они стали рубить пальмами. Все попрежнему подбоченившись, вскочил на ноги, ни разу не дал попасть, увертывался. Они искрошили темный лес, изломали сухоподстойный, в кашу иссекли сырой лес, а тот все не дает попасть, уходит.

Вот они оба из сил выбились, задыхаются-стоят. А тот схоронился за такую, как чувал, лиственницу, с обеих сторон лиственницы глаза его виднеются, все поровит вернуться, туда-сюда отпрыдывает. Тогда те двое, — пропала прыть их, ослабли силы, — после тщетных усилий сказали:

— Как имя отца твоего? Как твоей матери имя, скажи! Про ту заступу страну, откуда ты прибыл, поведай! Разве ты немой, мошеник?

На это тот, с обеих боков лиственницы все выглядывая, все настороже, зубы оскалив, заплакал очень громко — так, что гул пошел по вершинам дерев. Струею текли его слезы.

— Испугался я! Испугался! Испугался! — говорит: — оробел, оробел, оробел! Горюшко, горюшко! Чистая, небесная моя страна! Святого господя моего — батюшки, святой государыни моей — матушки послушался, послушался, послушался! «Государыням старшим сестрам твоим сено их коси, дрова их руби, коней их смотри, за скотом ходи, детей

нянчи!» Испугался я, испугался, испугался! Пальмью погнали, копьём оттолкнули, саблею глади... Я ухожу, вы остаетесь... Я сообщу святому господу отцу моему, святой государьне матери моей расскажу, по святым узусам, по народу моему, распространю! — сказал.

Эти люди:

— Вот те на! Чего же ты не рассказал тебе заповеданного, чего не сказал о данном тебе поручении? Иди, пойдём!

— Не пойду! Испугался я!

— Э, иди! пойдём! — сказали.

— Не пойду! — сказал.

Эти два человека домой побежали, полетели. А тот уж давно дверь распахнул. В дом вошедши, сняв одежду, хотели пальмью повесить, а тот уж схватил обеими руками и повесил. О девятисаженных косах Уодумар-шаманка сказала:

— Тьфу, ты чорт! Какого это губителя вы добыли? Кто ты, друг?

Тот, что вошел вместе, сказал:

— Я Суодалба.

Шаманка снова спросила:

— Кто я, говорит он, детушки-и?

На то Суодалба сказал:

— Я — Суодалба, я — Суодалба!

Хозяйские дети верхом на тубаретах кругом чувала в лошадки играли. Увидевши это, Суодалба стал на четвереньки.

— Ая, ая, ая! — по-лошадному заржал и на четвереньках кругом печи бежал, сильно топая.

Глядя на это, оба ребенка сильно смеялись, подскочили к нему и сели верхом на Суодалбу. Вот кругом чувала неуклюже, грузно бегаёт. Дети их сильно радовались. Из волос его поводья сделали, а Суодалба кругом чувала бегаёт. В доме пыль столбом, а он не устает, не унимается, бегаёт. Они со стола, где грудями лежало сало, мясо, по пути хватают, своей лошади в рот кладут, тот ртом подхватывает, ест, и дальше. При беге все одинаково стучит и руками и ногами. Открыл дверь Сильный-человек-Кюн-Эрилик, выбежал Суодалба и в поле стал бегать. Тогда оба мужа рассказали женам, что им рассказал Суодалба. Женщины не спорили, остались довольны, поверили. И каждый день дети их вольно гуляли на иоле. Хозяйева, как и раньше, хорошо поживали.

Дети же их стали большими: окрепли и спина, и руки, и ноги. Как бы с крепким — побороться, с быстрым в беге состязаться, с врагом в смертный бой вступить — могучая дума пришла. А дядя их, Суодалба, хотя они так выросли, как детей, носит их на руках. И дни и ночи вольно ходят они, и домашние не боятся и спят на всей своей воле.

Только однажды, еще не светало, ранним утром дети, слышно, с грохотом вскочили в дом. И вот оба сына отцам и матерям своим слово сказали. Раньше те и не слышали такого голоса. Они так зычно пели: потолок дома впустило.

— Мы отправляемся, вы остаетесь, — сказали: — если поехать в сторону восхода летнего солнца, на другом острове, на отдельном поле о восьмидесяти пегих жеребцах

Джагылын-бай-тойон есть, говорят. — А на добрый угон оттуда, на отдельном поле о девяносто¹ чубарых жеребцах Томорон¹-бай-тойон, есть, говорят. У Томорон-бай-тойона Грозного Грома сын, Бура Дохсун, свататься к дочери Томорон-бай-тойона нисседши, жавет, говорят. Сваты его, с небес взятые им: сын небес Харджыт-Сокол, Кытыгырас Баранча прибыли с Бура-Дохсуном, и привел с собою и девушку Кыбый-Эрэмэх. А с востока пришел Эрөйдэх-Буруйдак-Эр-Соготох (Мученный-Казненный-Муж-Однокопий).

Хозяин и хозяйка лежат и слушают:

— Суодалба, не ты ль рассказала это?

— Я не рассказывал, — отозвался тот.

Тогда дети сказали:

— Дайте нам большие ваши пальмы, гремящие налучи и Щебечущих Подорожников, копей ваших, дайте, благословенцем проводите!

Отцы их и матери сказали:

— Где у вас запасы на трудную о девяти² излучинах дороге², на трудный о восьми³ изгибах путь³? Вам придется творить возлияние духу перевала, нужно будет вешать подарки. Подождите, оглядитесь! В счастливый день, в нарождение месяца, приготовивши запасы на дорогу, убивши крупных и грудастых, необходимо вам запастись и безкровным жиром и без примеси воды питьем — желтым маслом. Подождите, осмотритесь!

— Вы остаетесь, мы уходим! — сказавши, выбежали. — Если все благополучно будет, будет удачи и счастье, то через три месяца мы тут будем! — помышались в доме их голоса.

Они приманили криком лошадей, и пришли оба Подорожника, кови. Они сели на них. Сильный-человек-Кюн-Эрилик и Лучший-человек-Бэрэт-Бэргэн оба выбежали, смотрели на их отъезд. Суодалба следом за ними бежит.

— Суодалба! нешии идешь ты? Как тебе угнаться будет за этими конями?

Нет не слушает.

Семихвостой, кроеного серебра плетью так размахивали, что верховьев семи речек достигало. Они выстунами пускают размашистыми, красу и стать выявляючи, ближнего леса вершины долу склоняючи. Гудели вершины дальнего леса, от хвостов вихрь подымался, от грив непогода, от крупов ветер волшебный стоял. Такой шум подымали путем-дорогою. Наступил⁴ закат⁴ намеченного⁴ дня, пришла⁵ пригожая⁵ ночь. На холме одном сделали привал.

Суодалба подошел, копей привязал, развел яркий костер. Седла их в изголовье положил, подстилки разостлал. С собою принес он дорогою убитого им красного лося-сампа.

— Большого да грудастого свалил я детям моим! — сказал. Голову отрубил. Отдельно огонь развел и сказал: — Прежде всего голову Баянау. — Сказавши так, в огонь бросил.

Разрубил на части, светлые кости вытащил, восемь частей расчлененной туши двум господам своим дал. Те, обглодавши маслаки, светлый мозг высосали. На рожках он жарил.

¹ Аллитерация.

^{2,3} По требованиям аллитерации.

^{4,5} По требованиям аллитерации.

Господам потом рожны подал, стоямя перед ними воткнул их. Они вверх резали да во рты себе клали.

— Спите! — сказал он, и они заснули.

Настала ночь. Как темная ночь настала, в дохе черного оленя, густого темного леса дух, Богатый Барылах¹ пришел на то место, где сожжена была голова, и сел, тяжело дыша.

— Богатая удача, всяческое счастье! Ха, ха, ха! — смеялся он так, что катилось по вершинам дерев: — да жалеет вас страна, где едете вы, да благословит вас та страна, куда приедете вы!

Так сказавши, вики он скрылся.

Утром господа проснулись, взглянули на Суодалбу: он сырое ест, а варево, на огне, помешивая, уплетает. Оба господина вскочили, побежали, в речке умылись, назад прибежали на свою стоянку. Когда прибежали, коней их оседла уж. Отвизал чембуры, господ посадил на коней. Трогаясь в путь, глянули. Смотрят: четыре лапы медвежьей и голову на развилыстое дерево повесил.

От хвостов коней их вихрь стоял, от гривы непогода вздымалась, от крупов волшебный ветер вставал.

Так вот путешествуя, прибыли они к тому, что об осьмидесяти с крапнинами на мордах жеребцах, к Джагылын-Бай-Тойону.

Джагылын-Бай-Тойона слуги поводья приняли, дверь открыли, почетное сиденье положили. Суодалба, вошедши, так столбом и стал у двери.

Джагылын-Бай-Тойон, на костыль грудью опираясь, сидел, глядел на них разумно своими, что коня глаза, очами:

— Буя, буя, буя! — громко начал он: — откуда вы по крови, чьей утробы, каких родов уранхайцы вы? Расскажите по порядку! Род ваш поведайте! Откуда вы выехали, про ту заступу страну вашу подробно расскажите!

Эти два человека, как спрашивал старик, так ему и рассказали про отцов своих, про матерей, про богоданное рождение свое. А, рассказавши, сказали:

— О восьмидесяти с крапнинами на морде жеребцах Джагылын-Бай-Тойон! К тебе, высокоинментому, славному, нарочно, трудный путь пройди, прибыли мы. На лоне лежать достойной жены не имея, на постели лежать равной жены не имея, прибыли мы свататься к дочке твоей, Нарын Нюргустай (Отменно-нежная) называемой. Дашь или не дашь?

Жена Джагылын-Бай-Тойона, Джагылыма-Бай-Хотун, родовичка с широко-расставленными ногами, с раскинутыми руками, — жир на брюхе назад ее откидывает, жир на спине пригибает, — ясно на них очами глянула:

— Айталын-куо, дочь наша, шитья не знает, работать не выучена, кушанье даже стрипать не приучена; она привыкла к неге, в холе выросла. Невинное дитя, беденькая! Если вам полюбится, то вам не дать, кому же и дать? — Вы — отрасль почтенных улусов, сыны великих улусов, вижу я. Девоньки! Приведите дитячко ваше! Слугами сопровождаемую, служанками окруженную приведите ее ко мне!

¹ Баянай.

Привели с узорчатого прилавка. Подойдя, она прикорнула к матери. Мать тоже встала, прижимая к себе дочь. Кругом стали слуги. Мать приподняла рысью шапку дочери, дала поглядеть на нее.

Когда взглянула Бэрбэкэй-Бэргэн, заходили его крепкие кости, сердце в грудь толкнуло. Увидевши эту женщину, пожелал он ее! Потом человек этот сказал:

— Если вы с благословением вашим дадите ее, я возьму.

На этого человека своими, что самца-рыси, глазами ясно глянула, повела своими, что черные соболи, друг против дружки положенные, бровями, сжала губы свои и зубы, к носу кровь прилила, зарумянились скулы, залоснились щеки, струею полился по носу пот, крепкие кости ее заходили, дрожала она.

Старуха уха дочери губами коснулась:

— Голубушка! за этого человека пойдешь ли? Ты должна сказать.

Девушка сильно смутилась.

— Пойду! — сказала она матери.

— Дочь моя «пойду!» сказала, — сказала старуха.

Старик вознес моление:

— Уруй, тускуо, тускуо, тускуо! — очень громким голосом.

Старуха выражала ликование негромкими горловыми нотами:

— Дай бог! дай бог! дай бог!

Тогда старик сказал:

— Ребята! что ж вы глазете? Пойдите, убейте скотину!

Волосом увитые, полно сдобренным маслом кумысом налитые три кубка три человека к огню воздымали, а потом повернулись и, трижды низко, колени подгибаячи, кланаясь, предложили. Сударь отец их, Джагылын-Бай-Тойон, быстро успел благословить:

— Сливки кубка, непочатое, благословеннейшее! — А потом говорят: — За вами и велью повести гривастых и прямогогх погнать.

Затем негромко ликующую песнь пел и радостно взывал. И три человека вышли три кубка кумысу. Те три человека, что подавали кубки, подошли и взяли кубки, а навстречу опять, низко, колени сгибаячи, кланаясь, три человека подали. В третий раз опять поднесли другие три человека. Выпивши, все трое вскричали:

— Уруй, уруй, уруй!

Потом эти два знатных родовича стали одеваться. Главный из них, Сяньного-человека-Кюн-Эрляка сын, Кюлюктэй-Бэргэн, подошел к хозяину, стаа, ногу оставивши, и самым громким голосом воспел:

— Буя, буя, буя! Отсюда прямо на восток поехать, на совсем отдельной релке о девяности чубарых жеребцах Томорон-Тойон называемый есть, говорят. О девятисаженных косах Туярыма-кюо называемая дочь у него, говорят, есть. К нему-то, высокоиненному, нарочно с широкого неба спустился Бура-Дохсун называемый богатырь, говорят, и висшел сын небес Харджыт-Сокол, с Кытыгырас-Баранча, с Сюдоё-богатырем. С восточной стороны прибыл, говорят, Эр-Соготох. Говорят, что Бура-Дохсун привел с собою Кыбый-Эрамах, свою девку. О девяности оборотничествах парней своих Бура-Дохсун вместе привел и низвел своих о восьмидесяти чародействах девок. Они нарочно низкошли

к высокоименитому Томорон-Бай-Тойону: о девятисаженных косах Туярыма-куо в жены возьмет, говорят, Бура-Дохсуи. Джагылын-Бай-Тойон! Эту вон твою дочку, Отмевно-нежную, Кытыгырас-Баранча по пути в жены берет. Опустошивши твои владения, гурьбу народа, тьму скота идут они на широкое небо взогнать, говорят. Услышавши это, я при-был силою переведаюсь, грудью сшибиться и о девятисаженных косах Туярыма-куо в жены взять. Мой младший брат, Бэрбэнэй-Бэргэн, если доля верх возьмет, если счастье будет, дочку твою возьмет, да и поедет.

— Счастье! — сказал он: — удача!

Джагылын-Бай-Тойон проводил благословенными.

Вот они оба выбежали, сели на Подорожников, белых коней своих, и погнали на восток. От хвостов Подорожников-коней их вихрь стоял, от грив непогода вставала, от крупов волшебный ветер. С великим шумом отирались. На дворе стоявшие, видя это, дивились:

— Э! страшные люди поехали, ребяташки! Наверное, они одолеют, — говорили.

— Други! А тот товарищ их пешком-то идет, пешком пошел, пешком пошел! — говорили они все вместе: — он когда же дойдет, поможет? По всему видно, поест норовит, затем и идет.

Они уехали.

Войдя в дом, рассказывали:

— Ну, видели мы, с шумом-то каким отъехали! Хвосты коней их — вихрь, гривы — непогода, крупы — волшебный ветер. Ближнего леса вершины долу клоня, по вершинам дальнего леса гул пуская, отъезжали. А товарищ прямо пеший за ними побежал. Прямо, должно, попровать с ними пошел.

На это хозяин сказал:

— Э! да что знаете вы-то? Богатырь их, должно быть! — сказал.

Прискакали, прамчались к Томорон-Бай-Тойону. Слуги поводая приняли, дверь отворили, стол поставили, положили почетное сиденье. Томорон-Бай-Тойон грудью на трость оперся.

— Чьей вы крови, чьей утробы, каких родов вы уравхайцы? Расскажите по порядку Род ваш поведайте! Расскажите про вашу родину, откуда приехали!

Отвечал Кюлюктэй Бэргэн:

— О девяноста чубарых жеребцах Томорон-Бай-Тойон! К тебе, высокоименитому, к дочке твоей, о девятисаженных косах Туярыма-куо, свататься я приехал. Дашь или не дашь? Согласие или отказ? — скажи мне!

Старик взглянул на него сердитыми глазами. Посмотревши, сказал:

— Ту же лучшую воду среднего света мы пили, ту же красу трав ели. Дал бы я! — и слезно заплакал: — с южного неба Грозного Грома сын, Бура-Дохсуи, Кытыгырас Баранча и Харджыт-Сокол девять дней тому назад послали сватов к девке своей, Кыбый Эрэмэх. Завтра они придут. Опоздал ты! — говорит: — из восточной стороны Эрэйдэх-Буруйдаэх-Эр-Соготох прибыл, живет.

Эти люди почевать остались, как почлежники. В трех кубках, по обыкновению, три служителя, трижды низко, колени подгибаячи, кланяясь, кумысу подали. Старик сказал.

— Сливки кубка, непочатое!

Второй раз уж не подавали.

Убили трех яловых кобылиц, восьминожный стол поставили, положили на него все целиком мясо трех яловых кобылиц. В трех больших кубках налитого с верхом полно сдобренного маслом кумысу сразу подали. Эти два родовича через разрезы кафтанов вытащили длинные свои ножи, вверх отрезывали куски с рукавицу, в рот клали; обглодавши кости, мозг высосали, пустые кости на стол валялись. Их товарищ Суодамба без пожа все стегно целиком в рот затолкал да на стол кости выбрызнул. С верхом полно сдобренным маслом кумысом налитые три братины троем подали. Словно куда в посудину лили, пили они масло и прочее. На столе осталось только три конских головы, слуги убрали.

Хозяин сказал:

— Ах! Когда придет завтра Бура-Дохсун, на борьбу сильного, на беги в перегонку быстрого вызывать он будет!

Оба знатных родовича молчали. Суодамба сказал:

— Если есть у них силачи, я поборюсь. Если есть у них скороходы, я буду бегать в перегонку.

На это хозяин сказал:

— Кто это прекрасногодосый, друг, кто?

— Суодамба я! — сказал.

— Кто, говоришь, ты, друг? — сказал.

— Суодамба я, Суодамба я! — сказал.

Хозяин сказал:

— Молодчина! Эту ночь, господа, — есть отдельный дом, — там почуйте! Рано утром, о восходе солнца, приедут.

Велел в отдельном доме постели приготовить. Там заночевали эти три человека. Подорожников, белых коней их, в конском хлеву накормили. Переночевали.

Наутро, на восходе солнца, поднялся шум, крик, суматоха. Что черные тучи, на северном склоне, в темном лесу стали спускаться небесные улусы.

Для приема их желтоватые березки воткнули, глубокую кадь выставили, что елань-поле, жирными яствами уставленные столы поставили, разостлали зеленой травы, кругом почетные сиденья намостили. Увидевши это, Бура-Дохсун радовался:

— С такими приготовлениями, с таким почетом, уважением, рады радешеньки, отдадут они девушку свою! — думал он.

Прибывшие на дворе в кружок уселись. Девяносто слуг, в гривой увитые кубки кумысу наливши, подали пить, колени подгибаячи, кланяясь; девяносто человек принесли братины, подали пить. Все племя, все до одного, выпили кумысу. Два девять коней убили на поле, на дворе огонь зажгли, сварили.

Тем временем Бура-Дохсун снарядил с поручением человека к хозяину:

— Есть ли скороход? Пусть в перегонку! — говорил. — Силач есть ли? Борьбу заставим! — говорил. — У меня, — говорил, — есть скороход.

На это хозяин сказал:

— С убывающей водой, с валяющимися деревьями среднего света люди не одожают.

Нет, скорохода нету! А вот если у господина, у самого есть подходящий для игры народ, пусть играют; клаяясь земно, просит, мол, скажи, парень!

Как уходил этот-то посланец, чей-то голос раздался:

— Если есть у него скороход, я буду бегать в перегонку!

Пошел, рассказал Бура-Дохсуну, господину:

— Хозяин, земно клаяясь, просит: с убывающей водой, с валяющимися деревьями среднего света люди не одюжеют; а, может-быть, сами играть горазды, пусть играют! молвил. А когда я выходил, чей-то голос сказал: «Если есть у него скороход, я буду бегать в перегонку!» Так молвил.

Бура-Дохсун внял этому:

— Ну, что ж! пусть выходит! — молвил.

Посланец пришел и сказал:

— Кто брался бежать в перегонку, выходить велят! — молвил. Сказавши, пошел к своему господину.

— Джэргэлыгэн (Реежье воздуха)-Бегун! Начните бега за дневной перегон места! — молвил Бура-Дохсун.

Джэргэлыгэн-Бегун по невесть длины какой длинной релке побежал, пробежал дневной перегон и стал. Суодалба два его господина унять никак не могли — выбежал. За Джэргэлыгэн-Бегуном побежал, заковылял. С неба ниспавший люд смеялся:

— Должно, обомлеет, пока добежит до места, где ждет его Джэргэлыгэн-Бегун. А как бега начнутся, ваш-то молодцом будет! Эй, ты! Ты хоть голову-то свою приноси! — так говорили они. Смеялись сильно.

Наконец-то доковылял Суодалба к Джэргэлыгэн-Бегуну. А тот ждет, стоит, оказывается.

— Ну, друг, становись в ряд! — сказал он.

Суодалба за руку схватил Джэргэлыгэн-Бегуна и в ряд стал.

— Ну! — сказавши, побежали они, наконец.

Джэргэлыгэннову голову оторвал Суодалба. Суодалба один побежал. Когда глядят, прыжками до середины крупной лиственницы бежит, в одной руке за волосы кочку ровно держит. Поглядели небесных улусов люди: один-одинешенек бежит человек с человеческой головой в руках. Увидевши это, сильно смеялись: «наш человек бежит», подумали.

Бура-Дохсун, увидевши это, сказал:

— Э, дурак, туда бежал да и стал, — думаю я. — Разве умный он, — дурачок!

Суодалба голову бросил туда, где кумысный пир был. Потом столбом вскочил в дом. Его два господина и хозяин радовались.

— Живой-то пришел! — говорили.

Хозяин тихо сказал:

— Счастье, счастье, счастье!

— Ну, — Бура-Дохсун сказал: — выплите борца! У меня один борец есть. — Опять послал гонца к Томорон-Тойону.

Томорон-Тойон отказался:

— Совсем нет! — сказал.

А когда шел назад тот человек, Суодалба сказал:

— Я буду бороться, я буду бороться, я буду бороться!

Гонцом приходивший человек, приди к господину своему, рассказал:

— Томорон-Тойон отказался, молит, земно кланяется. А когда уходил, чей-то голос сказал: «я буду бороться, я буду бороться!»

— Пойди, парень, скажи: пусть выходит! — сказал Бура-Дохсун. А потом сказал своему человеку: — Сюдоё-Ботур (смелый, задорный), ну, готовься!

Сюдоё-Ботур разделся, рослый собою человек, пошел, колыхаясь, на место кумысного швра.

Из дома захотел выйти Суодалба. Два его господина не могли удержать его. Да, не могли удержать, двух человек на подмогу позвали. Двое домашних мигом пришли на помощь. За оба колена чембуром тянули, а два его господина, за углы рта его пальцы засунувши, тянули. Не послушался, убежал. Тот силач посмотрел на него да, посмотрев, топнул ногами и в землю по вертикали ушел. Суодалба подбежал к нему и ребром ладони перебил его пополам у перехвата стана и вверх бросил. Ну, человек этот, брошенный вверх, упал наземь. Как падал он, Суодалба вскричал:

— С заживо сгнившими людьми бегать заставляют, заставляют бороться! — сказал он, насмехаясь, и вскочил в дом.

Тогда и Бура-Дохсун разгневался:

— Я сам пойду к нему!

Сородичи умоляли его:

— Э! сам ты не ходи к этой сволочи! — говорили они.

Он не пошел. (Он унялся).

Два девять столов поставили в доме, два девяти коней мяса на столы навалили, в девять мис похлебки налили. Домашние парни вышли, позвали:

— Идите есть!

Бура-Дохсун, господин их, вперед и все сородичи его пошли. Вошли в дом и сели. В два девяти кубках кумысу подали им, потом они стали есть.

Когда они этак до ночи ели, Бура-Дохсун сказал:

— Лучшие люди чужеземцев славятся достатками, велите дать две хороших ноги мяса!

Ему послали две ноги мяса.

Когда они ели это, то на левой стороне, в том отдельном доме, где жили они, Суодалба страшно раскричался:

— Эти с неба нисшедшие гордецы очень же глупый, очень же дерзкий народ! Не терплю, не выношу! Что они сделают, если я унесу дочку Томорон-Тойона, о девяти-саженных косах Туарыма-куо?

Услыхав это, Бура-Дохсун очень разгневался:

— Что это, что это говорит шустрый? Пойду-ка я к нему! — И захрапел.

А Суодалба, между тем, прибежал и вылил в огонь девять мис похлебки. В доме от масляного чада страшный дым, страшная темь стала. Людям людей не видно — такая беда!

Иные своим слугам говорили:

— Кушанье подай мне!

Слышны были голоса других:

— Где моя пальма, налуч мой где? Одежа моя где?

Шум, крик поднялся. Иные, хозяйские слуги, грабастали мясо, что грудями на столах лежало, да под мышки совали. Иные в штаны себе совали. Иные, набив себе рот мясом, спорились:

— Ой-ой! человека ушиб ты, человека ушиб!

Суодалба разнес девятерной чуланчик и семерные стены, постели, одеяла, подушки, все швейные ящики, берестяные кузовы, сумы для платья сразу сграбастал себе под мышки.

— Я ужоу, господа мои! — очень громко на запад крикнул.

Это слово его все слышали. Два его господина сели верхом на своих коней и за парнем своим вслед погнази. Бура-Дохсун приказал девке Кыбый-Эрэмэх:

— Иди, девонька! Никуда-то он не уйдет — пусть он женщину оставит!

Кыбый-Эрэмэх нагназа Суодалбу:

— Господин мой сильно разгневался. Я ему не дам уйти, говорит. Пусть оставит женщину! говорит.

Выслушавши это, Суодалба сложил наземь свою девицу. А эту гонцом прибывшую девку, Кыбый-Эрэмэх, схватил, придавил; взлез, как бык; как жеребец, наскочил. Суодалба взлд под мышки девицу свою и отбыл. Два господина его, за ним следом едучи, увидели — Кыбый-Эрэмэх, девка, сидит уже и плачет. Види то, проехали. А девка, плача, голосила:

— К святых улусов народу моему, на чистое небо мое с каким лицом взойду я? На небесных чистых дев каким лицом я гляну? Одно-го, единого слова Бура-Дохсунова послушалась, да что со мною сталося!

Так она, плача, причитага, слышали они, отъезжаячи. Суодалбу, когда ночь светлеть стала, нагнази Харджит-Сокол и Кытыгырас-Баранча. Увидевши их, девушку свою наземь положил Суодалба и схватил в обе руки два стяга. Харджит-Сокол и Кытыгырас-Баранча, двуголовыми ёксёкю-птицами оборотившись, с небес с шумом прямо на него пали. Когда спускались они, он, что в обеих руках держал, стягами бросил им в печень, обоим. Когда они оба кувырком летели, Суодалба схватил было их — едва они на небо улетели. Девицу свою опять взявши себе под мышки, опять пошел Суодалба.

Едва тронулся, как по хребту светлого неба гром загрохотал, пала молния. Глянула Суодалба, взял стяг. Бура-Дохсун, оборотившись чернопегим орлом, на него спускается. Суодалба бросил стягом.

— Пятью пальцами моими подарок дал! — сказал да бросил, по обычаю, в печень.

Чернопегий орел громко кричать стал, широкого неба пользием хлестал, шумным вихрем оборотился. Вихрь уходи, слышно, к небу шумно летел. А когда улетал, слышался голос:

— Где убывают воды, деревя́ где валяются, в Среднего Света грязный, поганый прах низошел я, да вот что стряслося! На будущие века с небес воочию, в плоти и крови, да не нисходят!

Все исчезло: поле полем, дуга́ дугами.

К Джагылын-Бай-Тойону прибыл он с двумя господами. Домашние вышли навстречу с кликами: уруй! айхал! Девиносто слуг поводья приняли, дверь открыли, подстилку на сиденье положили. Восемьдесят баб и девок служанок побежали навстречу о десятисаженных косах Туурьма-куо, на ладони свои дали ей с коня сойти, с одежею и прочим в дом ее почетно ввели. Когда ввели, у чуланчика Айтальи-куо посадили.

Большой пир настал, неослабное веселье. О девяти выпуклых ободках, гривою увитые, с верхом полно налитые, маслом одобренные кубки девять человек трижды, низко, колени сгибаячи, кланяясь, подали. В трех гривою увитых, о девяти выпуклых ободках, полных маслом кубках три служанки, трижды, низко, колени подгибаячи, кланяясь, о девятисаженных косах Туярыма-куо пить подали. Пошел обычный свадебный пир, подобающая гулянка, ниспосланная свыше утеха. И девять суток шел непрерывный пир.

У Джагылын-Бай-Тойона конюх был, парень проворно-ходкий, быстроногий, Этири-Май называемый. Посмотреть на него — жиру нисколько, ни мяса, одна кость, такой он. Ездит на обьеженной кобыле, в дом не входит. Чрез девять дней Джагылын-Бай-Тойон позвал этого парня.

— Этири-Май, поди-ка сюда! — сказал.

С обьеженной своей кобылой в поводу пришел пред своего господина.

— Ну, парень, доверенным гонцом будь, нарочным сватом! Поезжай ты к тому, что о девяносто чубарых жеребцах — к Томорон-Тойону, скажи ему: радость, мол, высокал, великое, мол, счастье. Пусть выдает о девятисаженных косах Туярыма-куо, дочку свою, замуж за славнейшего из улусян, почетного уранхайца, Белого Господа внука, Кюлюктэй-Бэргэна. Да пусть приведет с собою девяносто парней поезжан да восемьдесят баб, да в приданое пригонит такой большой гурт скота, что палка ломится при погонянии, да такое его обилие, что веревка рвется, в поводу приведет в самую серединку мою, в мое серебряное гнездо. И я сам так же точно дочь мою, Айтэлын-куо, благословением благословил. Друг мой, Томорон-Бай-Тойон, да я, мы вдвоем с благословением отправим от Господа-Бога благословенным людям. Ну, парень, Этири-Май! поезжай скорее!

Этири-Май на свою обьеженную кобылу ловко вскочил и вмиг скрылся. Этири-Май доехал, к радующимся великою радостью людям прибыл. Слуги-парни бросились к его поводьям. Не сошел он с коня!

— Батюшке вашему сообщите, матушке вашей расскажите: о восьмидесяти жеребцах Джагылын-Бай-Тойона конюх я, что на обьеженной кобыле Этири-Май называемый. К другу его, Томорон-господину, и Хабаран-госпоже нарочным сватом я прибыл.

Парни побежали в дом и сообщили батюшке своему, рассказали матушке своей. Старик и старуха, поддерживаемые с обеих боков, с каждого бока девятью человеками, вышли. Этири-Май рассказал заповедные слова, задушевные речи поведал. Старик и старуха стали восклицать: «уруй! аяха!» А Этири-Май направил свою обьеженную кобылу в родную сторону и мгновенно умчался.

Джагылын-Бай-Тойон на пиршестве сидел, а быстрым часом прибыл Этири-Май, заповедные слова рассказал, свои, нарочного свата, речи поведал. Джагылын-Бай-Тойон восторженное вознес моление.

— О! и молодец же! — похвалил он Этири-Мая.

Этири-Май взял за повод обьеженную свою кобылу и ушел.

Суодалба предстал пред своих двух господ. Заложив руки за спину, стоял он, надувшись. Отставив ногу, стоял, как столб.

— Господа мои! — сказал он: — к нашим-то, к сударю-батюшке, к сударыне-матушке, возвратиться срок близок. Я отправляюсь. А вам медленно ехать, ведь, с приданным скотом: погоните да в поводу поведете. Длинна дорога-матушка! — сказал и быстро повернулся.

Даже не заметили, как он из глаз пропал. Здешние остались устроить свадебные обрядности.

А здешние, сильный человек Кюн-Эрлик и лучший человек Бэрот-Бэргэн, эти господа и госпожи сят себе, а богатство их, попрежнему, множится. Суодамба, по прибытия, одним-одни, столбом в дом ввалился; оказывается — проснулись, лежат. Все четверо привстали, сели на постелях, очень испугались и так смуглись, что ничего не могли ни сказать, ни подумать. Тогда тот песнею выводить стал:

— О зятя мой! О тетушки мой!

Подбоченялся, а затем:

— Сегодня положенных девяноста дней срока исполнилось. Счастья большого доверху, блага большого кругом привалило. Знаменитых демонов, как сено, косил я, — как по воде, бродом шел. С выси павших, в вышний их свет прогнавши, сировадил. С божбою отправлялись они, с клятвами вдаль уходили. Томорон-Тойонову, о девятисаженных косах Туярыма-куо, дочку господин мой Кюлюктэй-Бэргэн, а Джагылын-Бай-Тойонову дочку Бэрбакэй-Бэргэн женами взяли и едут теперь. Да такие, что палка ломится, стада пусть гонят, такое множество скота, что веревка рвется, пусть в поводу ведут. По девяноста на каждого парней вольных приспешников, по восемьдесят на каждого вольных девиц приспешниц. В красный день, в нарождение месяца придут они. Господам моим, детям моим, нарядный дом их сооруже, домашний их огонь возжегиши, встречу их; медную коновязь их вкочучу; желтоватых березок натыкавши, глубокий чан выставлю, мол, — с этим-то поторопился я, прибыл. Веселье-радость настала, ясное счастье пришло! Спех-суетия пошла!

Здешним людям, что в сердце не поместится, радость пришла, в мысль не войти — хвала и честь! О девятисаженных косах Уолумар-шаманка о девяти ободах кубок кумысу наливши, с краями полно маслом сдобривши, мужу подала. Сильный-человек-Кюн-Эрлик поднял кубок, трижды, колени подгибаячи, кланяясь, Суодамбе подал. Суодамба, так стоя, и вышел в один прием.

Он побежал к выходу, у порога схватил топор и вышел. Необыкновенный шум поднялся, необыкновенная возня! Вышли, и видят: то он, взваливая на себя, бревна вносит, то, обнимая руками, волочит. А как за работу принялся, и не увидели. И самим-то смотреть времени не было — все вчетвером готовились: что остров лиственниц — сребристых березок натыкали, что лесное озеро — глубокий чан выставили, столы расставили, кубок нагромоздили, круговых братин ряды поставили, шестиножные березовые лабазы выставили. Длинных свалили, опрокинули грудастых, на слоистой бересте готовили, на чистой бересте поставили. Натащили, сколько в силах поднять были, сколько поместиться могло. Что сенокосный дол — золотистые столы поставили, горной зеленой осоки настлали, белых конских шкур на сиденья положили. Едва управились с этой суетой. Три дня прошло, как обратили внимание на Суодамбу: сработал, устроил дом, очаг, коновязь, утварь, изгороди, загонны, без изъяна, полным полно. Пристально рассмотрели эту работу его.

В красный день, в нарождение месяца голоса слышались с южной стороны. Ржет молодой жеребец, мычит бычок, слышен сильный говор людской. Что шорох листьев древесных, несется шум мехов, одежд. Сладкий запах ласкал обоняние, взоры тешил прекрасный вид. Что радости было, что смеху! Сколько говорю! По девяноста вольных парней, по

восемьдесят вольных девиц раньше прибыли. Они стали на встречу прибывающей родни, поезжан господ, поезжан-госпож. Все поводья приняли, дождались с поклонами и вливаниями, дождались с ликованиями и благословениями. Что год на год собиралось одежи, мехов, шкур, приданого, — год на год поклали в сумы, вдоль уложили, краями сложили. Приспела обычная свадебная гулянка, великий пир настал.

Среди радости этой Суодалба прискочил. Он перед Уолумар-шаманкой, о девяностаженных косах, столбом стал.

— Тетуська! Заветное слово мое да скажу я! Задушевную речь мою да поведаю я! Там, в том месте, где солнца огонь, ровно опилки серебра, вспыхиваючи, валится, ровно медные опилки, сверкаючи, сыплется, оплот гибельной смерти — Яга-баба матерью моею матери была. Бродячим, зловещим гением стала о семисаженных косах Селенгедай-шаманка, мать моя. Светлого мира девицею оборотившись, скромно ходит. Солнечного мира девицей оборотившись, тихо движется. О восьмидесяти колдовствах, о девяноста оборотничествах, о семидесяти чарах Селенгедай-шаманка, — в том крае, куда нисходят божества, в том месте, где играют святых улусов вольные парни и чистых небес поколения, — Селенгедай-шаманка, мать моя, компанию водила, Аджиной-богатыря обольстила, на себя, как жеребца, вскочить привлекла. От него порожденный, божьей крови я. Но что деготь — смуглый, невзрачен я. Внук божий, Аджиной-богатыря сын, благих я настроеный. Ну, тетя, Уолумар-шаманка! Ведь, ты родила девочку и скрываешь. Я сын младшего твоего брата, Аджиной-богатыря. Ту твою дочку, Девипу-богатыря, дай мне в жены с благословением твоим! Дав в приданое девять кобыл масти стального отлива и девять черных коров с благословением твоим дай! Пóтом лба моего мазал ступни мои я, пóтом ступней моих я мазал по лицу моему. Смерть мою сну равняя, до потери дыхания, ваши яйца золотые, Кюлюктэй-Бэргэна и Бэрбэкэй-Бэргэна, устраивал я: нарядный дом их устроил, домашний огонь возжег, медную коновязь вколотил, недругов их сразил, врагов их сокрушил, все целиком выполнил. На века ширьтесь, распространяйтесь, по вселенной славьтесь в тиши! Ведь, божий внук я, благословляю вас Господа-Бога благословением... Ну же! Дай дочь твою! Одно сказать: дашь — возьму и не дашь — возьму! Будем тесно по-соседски жить, близкою роднею заживем! — сказал.

Он вскочил. Десятерных стен кладовые, десятерной резьбы прилавки, мехи, одежду, все, что ни было, целиком сгрел. Под мышки забравши, на запад убежал. Никто ни слова не сказал, обомлевши сидели: так смуглились, испугались.

Через три дня все вот что увидели: на западной стороне, по ту сторону одно за другим тянувшихся покосных угодий, позади порося, которая выросла-спелась, поверх дальних гор, посреди стройного, ровно отрезанный хвост матерого коня, темного леса, вьется сизый дым, ровно вверх брошенный аркан. На это все глядели. Сильный-человек-Кюн-Эрлик и Лучший-человек-Бэрэт-Бэргэн помчались на этот дым. Вступили в стройный темный лес. Войдя туда, увидели: девять коновязей вбиты, девятиконная высокая юрта слажена. Подошли близко. Еще до входа, дверь дома открыл домохозяин Суодалба. Он громким голосом вскричал, не пускал:

— Не подходите! Сами себя губите вы! Убирайтесь!

И они повернули назад.

З А Г А Д К И

(т а б р ы њ)

Загадки¹.

1. Природа.

1. На юрте мелкая щепа лежит. Звезды.
2. На юрте просыпана мелко взрубленная сосновая заболонь. Звезды.
3. Один старик разбил палатку, на ней песок рассыпал, и его, говорят, никто не подбирает. Небо, звезды.
4. Посреди моря плавает серебряная миска. Солнце.
5. Говорят, в море плавает одна серебряная чашка. В воду ударяют лучи солнца.
6. На дне моря лежат семь денежек, говорят. Плеяды.
7. На дне моря бесовской девки глаз виден, говорят. Венера.
8. Харабльджыг-господин загоняет скот Мохсогольджут-господина. Венера заходит на рассвете.
9. На юрте выщербленная поварешка лежит, говорят. Месяц.
10. Над морем лежит выщербленное блюдо. Месяц.
11. В море лежит полтарелки. Месяц.
12. На дворе отточенная пальма воткнута, говорят (т. е. чернеется отточенное лезвие пальмы, его фаска). Рассвет.
13. Ржет жеребец вселенной, ревет бык важной страны, говорят. Гром.
14. Болтуна старика мячик 50 человек не подымут, говорят. Гром.
15. С домом на краю почтенного моря могучий богатырь, без крыльев вылетаая, без ног выбегая, песню поет: «широкую землю украшу, уберу седалище средней страны (= земли)», говорят, — говорят. Когда рот он откроет, огонь сверкает; когда зубами скре-

Загадки, отмеченные НСС, взяты из собранных В. Л. Прикладским по выправленному Н. С. Слепцовым списку. Их у меня помещено 5—6. Все остальные загадки любезно доставлены мне следующими лицами: Н. К. Жирковым, родоичем 1-го Осетского наслега Доупсонского улуса, В. И. Васильевым, родоичем 2-го Легийского наслега Борогонского улуса, Н. Н. Соловьевым, родоичем Батагайского наслега Доупсонского улуса, и Е. И. Афанасьевой, женою головы Доупсонского улуса. Текст редактирован интеллигентным родоичем Осетского наслега Доупсонского улуса А. П. Афанасьевым, который с бесконечной любезностью давал мне обширнейшие объяснения, толкуя как смысл отдельных слов, употребляющихся ишь в поэтическом языке, создаваемых часто ad hoc, вне контекста почти лишенных значения, так и целых выражений, и постоянно иллюстрируя свои объяснения ярким освещением всех сторон духовной жизни племени и материального быта. Сам А. П. Афанасьев сообщил мне не мало загадок. Поэтическим колоритом одеты загадки Н. Н. Соловьева и отчасти Е. И. Афанасьевой.

жещет, края каменных гор отламываются, — говорят. Грозовая туча с ветром, с вихрем, с молнией.

16. Кушак толстого господина хватает лишь до половины его. Радуга.

17. Один мячик 1000 человек, говорят, поднять не могут. Земля.

18. Совсем не помнит возникновения; легла, мол, я, — не отдыхает; спала; мол, я, — сон не проходит; происхождением от Грозного Князя есть, говорят, с непостижимой обстановкой государыни. Земля.

19. Верхний свет с одним основным столбом, средний свет с одним основным столбом, подземный свет с одною ровней. Бог, царь, старик сатана.

20. Есть божественный дуб, на нем 7 курошоток, двенадцать ветвей с 30 шишками. Год, дни недели, число месяцев, дни месяца.

21. С 52 шишками, с 30 ветвями, с 7 листьями, с 12 коленями и о 4 суставах, до неба хватающий дуб-дерево, говорят, есть. 52 воскресенья, 30 дней месяца, 7 дней недели, 12 месяцев, 4 поста, год.

22. На южной стороне елани 30 курошоток. Дни месяца.

23. На северной стороне елани 7 рябчиков. Дни недели.

24. Говорят, что у 12 соколов пищей 365 яиц годоля. 12 месяцев.

25. С 12 ветвями, с 30 шишками, с 7 листьями дуб-дерево есть, говорят. Год.

26. Говорят, одна (некая) ливтвенница — с 30 ветвями. 30 дней месяца.

27. Без шума застилаячи мраком, приходит, говорят. Ночь.

28. Широкая страна с уступами. Бугры.

29. Без нарядчика крыша покрыта, без рубанка выглажено, насланы полы, без плотника стены поставлены. Зима.

30. Белая кобыла ушла, саврасая ускакала рысцой, соловая кобыла осталась. Снег стоял, весна пришла и ушла, лето стало.

31. Белая кобыла ушла, саврасая прискакала. Таяние снега.

32. Поле почтенной елани по своей мысли выравнивается. Замерзание озера.

33. Вечером моя мать родила, утром я мать мою родил. Замерзание льда, таяние льда.

34. Я свечусь как драгоценный камень. Лед.

35. Дыханье — роса, одеяло — туман, ложе — зеркало. Вода.

36. Без крыл летает, без ног ходит. Облако, вода.

37. Саврасая кобыла скачет рысью, черная кобыла шагом идет. Снег, дождь.

38. Чужеземка (= тунгуска) старуха в белой шляпе, говорят. Пень, покрытый снегом.

39. Шапку свою сбросил, говорят. С пня падает снег.

40. Как родился, так глядючи, не моргаючи и живет. Дупло ливтвенницы.

41. Глядит да не моргает, говорят. Ямка, оставленная в ливтвеннице выпавшим суком.

42. Разинул рот да не сомкнет. Щель в дереве.

43. Как вається господин досыта, так полы кафтана его не сходятся. Щель в дереве.

44. На южной стороне елани ухо. Дупло.

72. Четыре ребенка мочатся, говорят, в одно ведро. Соски коровы.
73. Четыре человека матицу носят, два молятся богу, один подметает дом, два светят, два прислушиваются. Ноги коровы, два рога ее, хвост ее, глаза ее, ее уши.
74. Есть, говорят, ель с повислыми ветвями. Хвост коровы.
75. Грамотку свою один паренек не прочел, не мог. Книжка. Ср. № 86.
76. У двери дома протянута, говорят, пестрая волосная веревка. Горло коровье.
77. Четыре человека дерутся, 4 человека держат лучину, 4 человека роют яму, 4 человека шепчутся, 2 человека подметают. Быки бодаются, их глаза, их рога, их копыта, их уши, их хвосты.
78. Под перекладной поверх аслей шустрый вор. Дыхание скота.
79. Матерого льда холод не берет. Рога скота не пробирает мороз.
80. Веревное с кручевым сороятся, тяжелая пальма судит, говорят. Потрошат брюхо скота.
81. На уступе горы чашка с маслом опрокинута. Колени скота.
82. Выпуклый господин. Скотское сердце.
83. Плоская госпожа. Скотская печень.
84. Хозяин — кувшинное рыло, хозяйка — плоская рожа, а дочь — павой выступает. Сердце скота, его печень, его кровь.
85. Во льду красная полевка. Скотские почки.
86. В подполье есть 8 медвежьих пальцев. Книжка. Ср. № 75.
87. В хлеву — расшитая узорами шапка. Рукав.
88. Верхоянская ель растет вниз верхушкой. Хвост рогатого скота.
89. Госпожа хлебом блюет, говорят. Из хлева скотский кал выбрасывают.
90. Мягче жиру. Спинной мозг скота.
91. Между Хамыстахом и Хамагачкою¹ растет, говорят, осока. Спинной мозг скота.
92. Между Хамыстахом и Хамагачкою белый конский волос протянут, говорят. Спинной мозг скота.
93. Белее масла. Скотский головной мозг.
94. Не потерял да ищет, не болен да стонет. Свинья.
95. Два факельщика, четыре постельника, один подметальщик. Собака.
96. Праздный гуляка, шустрый крикун. Собака.
97. Ходит по людям длинноногий. Собака.
98. Колени подогнуло, ноги подвернуло, запел королек. Собака лает на человека.
99. Сын выси, ниспустившись, свернет себе шею, а его хватает с лету шустрый хват. Собака подбирает человеческие экскременты.
100. Плакса клубок с ясными глазами. Кошка.
101. Под землей есть, говорят, горячая крица. Медведь в берлоге.
102. Под землею лежит, говорят, горячая крица. Медведь лежит в берлоге.
103. На лугу вертлявый, на поле долговязый, на иве понурый. Лисица, журавль, тетерев.

¹ Хамыстах и Хамагачча — наслеги Намского улуса (Якутского округа).

104. Белая кобыла — с черным детенышем, говорят; тот ее детеныш никогда не ест, говорят. Хвост горносталя.

105. Что-то листовичней подперто. Белка.

106. Черный выросток бежит за белой коровой, да никак не догонит. Черный кончик хвоста горносталя.

107. Под буреломом снег, говорят, не тает. Брюшко белки.

108. Меж корней бурелома есть петающий снег. Брюшко белки.

109. Есть, говорят, кожа с задка сивой кобылы. Бобр.

110. Кожа из-под гривы саврасой кобылы. Росомаха.

111. На верхушке дерева есть, говорят, красивый прыгун. Летяга.

112. Внизу есть глаз. Заяц.

113. Царап-царап — листовичничная гора есть, говорят. Белка.

114. Поджарая-поджарая — сосновая гора есть. Рысь.

115. Припадает-припадает на ноги — земляная гора есть. Бобр.

116. Калека-калека — каменная гора есть. Тарбаган.

117. С крыльями да не птица, о 4 ногах да не скотина есть, говорят. Летяга.

118. В лесу один старик ест, говорят, карасы внутренности (лучшую часть). Бурундук ест бруснику.

119. В горе — глаз. Стриж.

120. У долгого стояки белую его кобылу, украсивши, съел, говорят, прыгунчик-крошка.

Черный дятел ест древоточка.

121. Морская девица — с земляным домом¹, Татинская девушка — с каменным домом, Байгантайская девушка — с деревянным домом. Стриж¹, дрозд, кукушка.

122. В кочке — клюв. Улит травник.

123. На дугу есть сумочка (или мусатик) с салом, говорят. Лягушка.

124. С двумя руками о пяти пальцах, да не может работать; две ноги — не ходит; с ртом на макушке, с глазами на затылке, весь свой век печенью мнет да мнет — есть, говорят, (таков) не окрепшее дитя. Лягушка.

125. Ни ног, ни крыльев, а ходит быстрее всякого. Змея.

126. Бесценная камышовая сума. Лягушка.

127. С крыльями — да не летает, без ног — да ходит. Рыба.

128. В япанче из шелка и кожи короткий бесхвостый шаман гудит. Шмель.

129. Ревет, с рогами, в шерсти — да не бык, с крыльями — да не птица; ног много, рук нет — да хороший мастер; пища его лучше чьей угодно. Шмель.

130. С бумажным городом, с прозрачным брэнчалом грозный царь. Оса.

131. Есть, говорят, с прозрачной лавкой огненный царь. Оса.

132. С острым копьем небесного солдата похода не видно; случись только, колет кого угодно. Оса.

133. На русский и на якутский лад наглый гуляка. Овод.

134. С песнями, с напевами певец с короткой шеей, с головой, ушедшей в плечи. Муха.

135. Острозыбкий орел, солнце-месяц заставляючи, летает. Комар.

¹ Ср. Худяков, заг. № 63а и «Словарь» Пекарского, 1835, где отгадка: зверек овражка. Ред.

136. С крыльями с длинную полосу бересты, с клювом с откованную вчерне пешню громадная птица, говорят, есть. Комар.

137. С крыльями с длинную полосу бересты, с клювом с откованную вчерне пешню птица; если сядет на лиственицу — та гнется: такая птица. Комар.

138. С ложку крови нет в нем, куска мяса в нем нет — есть, говорят, паренек забияка. Комар.

139. Птица орел сидит на престоле. Комар на лице человека.

140. Спина его застилает солнце, от голоса его трепещет человеечь сердце — птица орел говорит: Бог все мне подчинил, не подчинил только синего моря, говорит. Комар.

141. Под землей клей кипит, говорят. Муравьи.

142. Невыходящая замуж девушка в трех местах подпоясалась, потом пошла под бревно. Муравей.

143. Измокает — и на одной стороне его множество ног, и тогда пешком ходит; просохнет — другая сторона крылатая становится, и тогда он летает. Водолюб.

144. Без пера безостановочно пищет — (такой) есть. Древоотец.

145. Длинного стояку целиком бел белехонек, почтенный скребло воровски съел, говорят. Лиственица, ее точит древоотец.

146. Есть русская девица, в трех местах подпоясана. Личинка стрекозы.

147. Каждый раз как красная девица заиграет на золотой гармонии, крошительный «сысах» кропится. Кобылка уничтожает траву.

148. Звук китайских ножниц здесь слышно, говорят. Кобылка.

149. Шкурки на пару рукавиц хватит, мясом его котелок можно наполнить, а сам — крохотный. Маленькая жигалка.

150. Под подушкой в гнилой сыни ребенок лежит, говорят. Скверный запах клопа.

151. Под подушкой есть острый ножичек. Вошь.

152. См. предыдущий №: та же загадка про блоху.

153. С клейнку собою комочек шерсти¹ летает, говорят. Паук.

154. Роговая табакерка — без всякой державы, говорят; между землей и небом качается, говорят. Паук.

155. Стреноженный конь в грязи увяз, говорят, и лежит. Боконлав.

156. Стреноженный рыжий конь выряючи живет, говорят. Боконлав.

3. Человек.

157. Из мяса миленья крошка выходит, говорят. Рождение ребенка.

158. Узорчатый повод распустился, милая шишечка упала и лежит бугорком. Рождение ребенка.

159. Один человек украл выростка у своего старосты; за это его бросили в тюрьму на девять месяцев, а он, взломавши их тюрьму, ушел; его схватили, на 12 месяцев привязали

¹ После диньки.

к трем плахам тремя веревками: одна из них — железная¹, две — серебряные веревки². Потом веревки их порвал, побежал на четырех ногах; нагонять стали — тогда побежал на двух ногах; опять догонять стали — тогда он стал о трех ногах и очень быстро побежал. На небо ль улетел, иль на земле куда ушел, — не ведомо. Зарождение ребенка в утробе матери, рождение, пеленание в колыбели, ползание на четвереньках, потом хождение, бегание, под старость хождение с палкой, затем смерть.

160. Утром сидит, днем бежит, вечером — с посохом. Дитя, взрослый, старик.

161. Внутри тела есть миленький драчунишка. Беременная.

162. Без стола изысканная пища есть, говорят. Женское молоко.

163. На нарте³ — ветки, на ветках — молочный жеребенок (сосун). Колыбель, дитя.

164. Никуда не кладет, ни ножом не режет, ни уполовником не черпает, ни руками не держит, а есть ест. Ребенок сосет.

165. На пень упавший снег, говорят, не тает. Седина.

166. В волчьей дохе хмурый старик, с гостинцем одной кварты водки, пошел в гости к позающей на заднице старухе, расположившейся на медвежьей шкуре. Coitus.

167. Посреди поля серебряный кол вбит. Пуп.

168. 10 ребят несут лед. Ногти.

169. Десять ребят, таща лед, идут вагнувшись. Пальцы, ногти.

170. Меж двух гор бьется, говорят, языка. Язык.

171. В чаще шаман камлает — что? Язык.

172. Рыжая корова мычит в узком проходе. Человеческий голос.

173. Среди поляны, поросшей березником, бурая корова привязана. Человеческие зубы, язык.

Вариант. Среди двух полян березника бурая корова, привязанная, мычит.

174. У 30 рябеньких рыбок — одна подушка, говорят. Зубы и язык человека.

175. Не дерево, не камень, а хорошо шумит. Голос человека.

176. Ночи желают — есть (также) волоса. Ресницы.

Вариант. Волосы сходятся с волосами и ночи желают.

177. Ночью две шерсти, сверху и снизу сведеншись, тесно прижимаются одна к другой, днем врозь становятся — что? Ресницы. НСС.

178. Два человека с двух сторон озера бьют шестью. Ресницы.

179. 10 ребят бьют шестью по маленькому озеру. Ресницы.

180. К склону долины, обращенному на юг, прилипла разломанная берестяная посуда. Человеческое ухо.

181. На склоне долины, обращенном к югу, подгриба растет. Ухо.

182. В летнем хлеву червый жеребенок, запертый, бьется. Человеческие глаза.

183. Поглядеть — маленькое, а вытянуть — по тот бок широкого поля хватает. Зрение человека.

¹ Т. е. толстая веревка вдоль колыбели сверху.

² Тоненькие поперечные веревки.

³ Нарта — узкие длинные сани.

Труды Ком. по изуч. Якутск. АССР, т. VII.

184. Мертвый и живой ногами друг к другу вместе лежат. Кривой.
185. Бывший и новый староста есть, говорят. Глаз с бельмом и здоровый.
186. Говорят, два серых волка лежат ногами друг к другу. Брови.
187. Между двумя озерами одно дуллистое бревно лежит, из дыр его два горностая выходят. Нос человека.
188. Серый горностай из дула бревна высовывается помаленьку. Сопли.
- Варианты:* а) Из дуллистого дерева бегут серые собаки.
б) Овражка, из норы высовываясь, опять уходит назад. Из носа показываются сопли.
189. Сбегаёт, говорят, с Верхоянской горы жеребенок со свалывшейся шерстью. Сопли.
190. Два брата, евши, не делают. Глотка, горло.
191. Ребенок не сосчитал ступенек своего крыльца. Горло человека.
192. На виллах — кузов, на кузове — мячик, на мячке — мочалка, в мочалке — свины. Человек.
193. На столбе — лодка, на лодке — весло, на весле — берестяной бурак, на буреке — мох, во мху — свины. Человек.
194. С Хан-Хара-хан'ом караульным, с наглою рожей писарем, с мочальной бороною служителем, с торным-преторным проходом, с куча-кучей городом есть, говорят, приземистый господин. Человеческие глаза; нос; губы; язык; зубы; рот; глотка; брюхо; сам человек.
195. Один архиерей едет из Якутска с двумя проводниками и 20 солдатами. Человек, два глаза его, 20 пальцев его.
196. Ни на кове, ни на быке, без крыл, без ног, всюду достигнет. Человеческая мысль.
197. С мячиком на верхушке драгоценное дерево, говорят, есть. Человеческий ум.
198. На то место, где сел твой друг, ты не сможешь сесть. Человек сидит у другого на коленях.
199. Есть, говорят, серебряная шишечка. Ленивый человек.
200. Есть, говорят, слаще сладкого. Сон человека.
201. Медная пуговка не стирается. Рост человека.
202. Где в бубен колотящий старик ударил бубном, след не пропадает 9 веков. Место, где прижигали трупом.
203. У 100 человек одна мысль. Горшок с пищей.
204. Посиживает (сидит себе), а могуч. Водка.
205. Есть, говорят, (такой, что) корчит начальника, а не выбран. Водка.
206. В сторону солнца посмотреть — серебряное ведро, в сторону месяца посмотреть — медное ведро есть, говорят. Радость при виде бутылки водки, ссора и драка пьяных.
207. В большом пальце, говорят, есть диковинная пеструшка. Игра в карты.
208. Все, все уничтожает диковинная пеструшка — (такая) есть, говорят. Карты.
209. Обороты уничтожает, барыши губит диковинная пеструшка. Карты.

210. Разные разности отняла диковинная пеструшка. Карты.
 211. Полеживает, а силен. Деньги.
 212. Лежит себе (полеживает), а чрезмерно денежен. Масло.
 213. Есть включенный войлок. Нищий.
 214. 100 лет связывается, в три года развязывается. Богатеют, беднеют.
 215. Оловянное ведро протаптывает глубокую дорожку. Молодая, недовольная
 приданым.

216. В целом горшке мяса есть один дорогой кусок¹. Зять, спящий с обрученной.

217. Между месяцем и солнцем есть маленький, говорят. Любовь матери и отца
 к новорожденному.

218. Желать я желаю — да теснит меня Бакалан², влюблена-то я влюблена — да
 боюсь закона; желать я страстно желаю — да мешает указ. Повенчанные супруги
 боятся закона.

219. Белого священника приложенной печати след никогда не пропадает. Человече-
 ское имя.

220. Сам котел товет, дужка его остается, говорят. Человек, его имя.

221. На склоне, обращенном к югу, есть, говорят, что-то, что не трогается.

Могилы.

222. На склоне, обращенном к югу, есть говорят, неподвижное что-то. Могила.

223. Целую страну один богатырь в одной руке держит. Царь.

224. Комары, когда у них вздорные сторожевые, прокусывая друг друга, погибают.

Смерть людей, когда цари воюют.

225. Семь-восемь островов березы в году три раза обдирают, а, между тем, береза —
 все зеленая. Царь взимает подать.

226. По самому верху небесной выси, поверх наклонившейся лиственницы, пониже
 низко склонившегося дерева. Голова, староста, сборщик податей.

227. Пониже почти лежачего дерева, повыше наклонившегося, по выступ холма,
 у небесной выси. Сборщик податей, старшина, староста, голова.

228. Лягается жеребенок сивой кобылы. Бубен шамана, колотушка его.

229. В печень господина, во все стороны ее, лягает серый жеребенок, говорят. Бубен
 шамана, его колотушка.

230. Кабы я встала, я бы до неба достала, — так говорят кто-то. Дорога.

231. Лежит старик, обхватив руками землю: «если бы мог я встать, до неба
 достал бы!» — говорят, говорят. Дорога.

232. Щенки от топора южной стороны (= России) сюда доходит, говорят. Письмо.

233. Южной стороны (= России) топора щепки сюда отскакивают, нашего топора
 щепки туда отскакивают. Письмо из России сюда приходит, отсюда идет письмо
 в Россию.

¹ Самая нескромная загадка: под словами «один дорогой кусок» разумеется penis зятя. Относительно
 обычая, который выражается термином *кутубттур*, см. выписку к № 273.

² Собственное имя супруга, интересы которого затрагивает преступная любовь; употреблено здесь для
 аллитерации с предшествующими словами.

234. Без крыл летает, без ног ходит, без языка, да по-человечьи разговаривает, — (такое) есть, говорят. Письмо.

235. Кто говорит все, хотя безъязыкий? Письмо. НСС.

236. Срезают его голову, дают пить, вынимают его сердце — и по-человечьи разговаривать начинает. Перо.

4. Дом (и церковь).

237. Говорят, ревет божий бык. Колокол.

238. Когда ревет бык средней страны¹, земля дрожит; «стада мои, собирайтесь в одно место!» говорит, говорят. Колокольный звон.

239. Жеребец вселенной, бык земли. Священник, колокол.

240. Ржет, говорят, жеребец вселенной. Колокол.

241. Болгуна старика мячик 50 человек не могут поднять. Колоколья. Ср. № 14, 336.

242. Из серебряной горы выходит (восходит) солнце, говорят. Церковная свеча.

243. До солнца достигает драгоценное дерево — (такое) есть, говорят. Церковная свеча.

244. В брюхе соловой кобылы есть жеребенок, в нем — красный, как медь, трескун. Дом, печь, огонь, ее.

245. Под корнями бурелома перезимовали стерхи — что (это)? Люди в доме. НСС.

246. Есть, говорят, елань наполовину темная, наполовину светлая. Темная и светлая половина дома.

247. Шесть человек — в одной шапке. Балки, столбы.

248. У войска — одна шапка, говорят. Стены юрты, ее потолок.

249. Сыт господин — его пуговицы не сходятся. Трещина в столбе юрты.

250. У ста человек — одна подушка. Матица.

251. Почтенное озеро боком дыряво. Окно.

252. Таттинская девушка² своими блестящими глазами смотрит, говорят. Стекло, окно.

253. Бётюнская девушка³ смотрит своими выпуклыми глазами (большими, навывкат, очами). Ледяное окно.

254. Почтенная гора ранена в бок. Окно.

255. Дородная женщина — в трех поясах, говорят. Берестяная юрта.

256. Грызучи-грызучи, скрипит; отбираючи, шуршит. Шитье берестяной юрты.

257. Толстая Софья, широкая Катерина. Печь (камень), ее шесток.

258. Толстая госпожа с догкою дочерью, говорят, с коротким проворным сыном, говорят. Печь (камень), ее дым, ее огонь.

¹ Средняя страна, т. е. земля; небесный мир — верхняя страна, подземный мир — нижняя страна.

² Т. е. девушка Таттинского улуса, Якутского округа. *Ред.*

³ Т. е. девушка Бётюнского наслега (в Амгинском и Намском улусах Якутского округа). *Ред.*

259. С сыном — долгим стоякою, с дочерью — короткими карлицами госпожа, распахнувши полы, сидит. Печь (камин), дым, искры.

260. С долгим сыном, с короткими дочерью коренастая госпожа. Печь (камин), ее дым, ее искры.

Вариант. Госпожа, выпятивши брюхо, сидит, долгий сын, короткая дочь, а пять ребят на качели качаются. Камелек; шесток; дым; искра; над камельком нависшая бахромой паутина, на которую насажена сажа.

261. В доме есть тарбаганья доха. Сажа печная.

262. Три собаки лежат ногами друг к другу. Шесток (камина).

263. Выблрать — не кончается. Дым.

264. На дворе есть волчья доха. Иней в сенях.

265. На дворе есть почтенный, в доме всего выше есть. Кладовая, образ.

266. На дворе лежа жиреющий (есть), а в доме есть худощавый. Сумет (около дома), закройма (лавки).

Вариант. В доме худой есть, говорят, — на дворе есть жирный, говорят. Закройма лавки, сумет.

267. На дворе — здоровающийся, на дороге — певец, в доме — хлебосол. Коновязь, дверь, стол.

268. Журавль его остался, стерх его ушел далеко. Коновязь, конь.

269. В котловину солнце не проникает, говорят. Подполье. Ср. № 366.

270. Укращение вселенной¹, коню назначение. Изгородь, коновязь.

271. Хороший человек ступил, — век не теряется. Следы столбов изгороди.

272. Два человека пробуют силу на пальцах, ни один из них не одолевает. Тальниковая связь изгороди.

5. Одежда и уборы.

273. В однобокой юрте назойливый зять² спит с обрученной, говорят. Серьга в ухе.

274. Страдалец дитя суком подпоясан. Перстень. Ср. № 296.

275. На стене есть краса мужчин. Старинная броня.

276. На горе бьется страшно-дикая лошадь, говорят. Старинная, с рогами шапка.

277. О четырех крыльях, трепыхаясь по ветру, ворона, — с Анадыри в Якутск полечу, мол, — летит, говорят. Старинные женские штаны.

278. В ящичке лежит купорос. Женские штаны, охватывающие только таз и немного ляжки.

¹ Ан даиды имеет два значения: вселенная и понос якута.

² Зять помолвленый, но не обвенчанный, по уплате известной доли калыма имеет право, и осуществляет его всегда, приходить к родителям сговоренной и разделить брачное ложе с будущей своей женой. Человека не родонитого можно спросить, не нарушая приличия и не посягая на sancta sanctorum интимной жизни: начал ли ты спать со своей невестой? Вероятно, эти посещения зятя не всегда приятны тестю, чем, может быть, и вызвана полная сарказма загадка № 216.

279. Один ребенок, волоча свои кишки, лезет, говорят, под лавку. Веревочка женских ичигов (мягкой обуви).
280. Почетный человек — о трех лицах, говорят. Куски меха, стянутые ремнем (в защиту ушей и лба).
281. Один черный выросток ходит кругом дома, говорят. Человек надевает боа.
282. Голое всовывается в мохнатое. Человек надевает камусные рукавицы.
283. Самец лось в глухой пади зимует, говорят. Ноги в торбасах (в чулках, суконных или меховых).
284. Две пташки целуются. Пуговицы.
285. В полукружие шарик входит, говорят. Пуговица.
286. Малое юркое, красивенькое-красивенькое, нежное-нежное. Бусы, вышивка оленьей шерстью, шелк.

6. Промыслы.

287. С каменными подошвами, с берестяной шапкой Беда-Гибкий старик. Сеть.
288. В берестяной шапке, с каменными подошвами, а серединою — еще не окрепшее дитя. Сеть.
289. Бурюю корову через все озеро прослабило. Сеть.
290. Сверху вертило на выворот вертит, а внизу черный орысина в загон загоняет. Саком ловят.
291. На верхушке шеста богатый узор¹. Сак.
292. По подземелью ворище ходит, говорят. Невод.
293. Под землю причмокивающий вор. Верша.
294. В море есть, говорят, пестрая (так что рябит в глазах) рыба с тремя толстыми боевыми жилами (аортами). Верша.
295. С сердцем — да не человек, без головы — да со ртом, без одежды — да в трех поясах, и выхода нет — да польый стоит, (такой) есть, говорят. Верша.
296. Страдалец дитя суком подпоясан (ср. № 274), бедняга дитя крученым подпоясан, мученик дитя тальником подпоясан. Плетение верши, ее связки.
297. Мученики, запертые в дому без выхода, беседуют о своей муке. Рыба попала в вершу.
298. В трехпоясной большой берестяной юрте поется табын (?) песня. Рыба попадает в большую вершу (для крупной рыбы)².
299. Быстро мчащегося человека следа не заметно, говорят. Ветка³.
300. Сявого молодого коня следа не заметно. Ветка.

Варианты: а) Пегой двухтравой кобылы след неведом — что? НСС.

б) Есть, говорят, серая кобыла с неведомым следом. Ветка.

¹ Ср. Худяков (Верхоянский Сборник, стр. 21, № 24): На кончике шеста есть игривый узор. Плеяды.

² Ср. Худяков (ibidem, стр. 26, № 61): В девятипоясном круглом доме, говорят, поют татарскую песню. Рыба бьется, вошедши в морду.

³ Сибирское название плоскодонной лодки.

301. Из снасти¹ старухи коровницы гриб вырос, его украл наголицый², купый рас-трека. Черканом бьет горностая, его берет человек.

302. Под челюстью тунгуски гриб вырос. Горностая бьет черканом.

303. Тунгус парень схватил зубами гриб и держит его во рту. В ловушку попал горноста́й.

304. Бесовская девка не дает трогать своего рта. Черкан.

305. Каждый раз как Натужило-старик бросит, серебряная чашка катится. Само-стрел.

306. Лежа подглядывает, да бегуна колет. Самострел.

307. Говорят, что едва заметный куличок никак не может усидеть в загоне Дарыма. Насторожка самострела.

308. Скрючься Горбач-старик — и красная чашка кувырком летит, говорят. Лисцу бьет самострел.

309. На белую кобылу небо, расколовшись, упало, говорят. Плашка придавила зайца.

310. В одной местности кольцо-глаз, вытаращившись, смотрит. Пленка (на уток).

311. Проходя мимо, в бесовские пути запутался я, в беду попал, ведь. Петля (на уток).

312. Малым мало, шум-гам. Утка бьется в пленке.

313. Длинному стояке красивенькая вертунья ком жиру дала на хранение, а его украл наголицый³. Человек выбрал яйца в дупле (нырчли).

314. Мать ржет, а детеныш убегает. Ружье, пуля.

Вариант. Что это значит: жеребенок убежал, мать его ржет, осталась?

315. Два брата в дом друг к другу не входят. Пальма́ и нож.

316. На грузном облаке — что-то тонкое, на тонком — ель, на ели — шар, на шаре — мочала, в мочале — свины, на свинях — грив. Снег, лыжи, человек, его голова, его волосы, его вши, его шапка.

317. Ком сала и кусок масла бежит, закинувший назад голову шаман за ним гонится; тяжело-шагающий (лаппардан), погнавшись за ним, берет. Человек берет добытую собакой лисцу.

318. С быстро мелькающим проводником, с смелым искателем следа толстый старик есть, говорят. Собака, выслеживая, ловит добычу.

319. На небе — скользкое, на скользком — ель, на ели — курчавое, на курчавом — гриб. Снег, лыжи, человек, волосы его, шапка его.

320. В болоте вязнет черный варнак, с ним бежит во весь дух быстрый бегун, за ними верхом на белой своей лошади три года плелся сгорбившийся. Лось убегает, преследую-щая собака, за ними человек на лыжах.

321. Стук! топ! — (такие звуки производящий) есть, говорят. Кузнец.

322. Рыжий выросток в огонь идет, ревя, ревя. Кузнечные мехи.

¹ Здесь двусмысленность: якут. сѣи — орудие, снасть, а с притяжательной местоименной приставкой — половые органы.

² Это — поэтический epitheton ornans человека. Ср. № 818.

³ Ср. выноску к № 801.

323. Желтоватая собака брюхом ляжет, затылком блюет — (такая) есть. Рубанок.
324. Мастер блюет затылком, говорят. Рубанок.
325. Говорят, есть ребенок в сыпи. Подпилоч.
326. Черная корова пролизывает вдоль доску. Струг.
327. Вверху кивок кивает, внизу мотычит черномазый. Скобление кожи скребелкой.
328. Жует да не ест. Орудие для обминки кож.
329. Слипшийся с другим обрезок отдиральщик отдирает. Отделение кожи от грубых слоев конской шкуры.
330. Головою ест, серединой блюет, — (такой) есть. Жернова.
331. Есть, говорят, такой, что ест среди страшного вихря. Жернова.
332. Ест да не бывает сыт — (такой) есть. Жернова.
333. Старуха разевает рот, старик вкладывает, тискает. Ступа, пест.
334. И на меринах и на жеребцах — какие хлопоты, какой звон! И на быках: важен и горд я! И посох у меня!.. Вишь, вишь, ребята! Слова духа¹ горшечной глины.
335. Сам с большой палец, а туже всего. Шпы вьючной деревяги (деревяжка).
336. Болтуна старика мячик 50 человек не могут поднять. Якорь судна. Ср. № 14, 241.
337. Черный, поджарый мерно выступает, говорят; редкозубый так и идет редкозубым, говорят; серебряные шишечки кучками встают, говорят. Коса, грабли, копны.
- Вариант.* Черный, поджарый мерно выступает, цветное войско пластом ложится.
338. Вверху — колыхало, внизу — блеск. Это значит: косьба горбушей.
- Вариант.* Есть волк: махнет хвостом — чаща валится, потом холм становится. Коса в деле.
339. Редкозубый тянет, серебряные бусы проступают. Гребут сено.
340. Черная громада неуклюже выступает, стелющееся разбежалось, редко-редкозубое подпрыгивает, бахрома повысышала, и долгоязыый старик силач Капитон — тут, говорят. Косьба, скошенная трава, грабли, копны, стог.
341. Силач Капитон, плотный старик, мелочь старушочки, скрипучий вор. Изгородь, стог, копны, кобылка.
342. Бойкий писарь ссучил кушак для толетяка господина. Изгородь кругом стога.
343. Саврасая кобыла рысочой бежит, черная отстает. Палы².

7. Принадленности хозяйства.

344. Белая кобыла увязла в болоте, говорят. Гребень.
345. На том берегу озера шишечка высается. Зеркало³.
346. Пестрый червь задницею дышит, говорят. Якутская трубка.
- Вариант.* Пестрый олень задом дышит.
347. Сколько дней все потрошат ребенка. Выскребывание из трубки.

¹ Дух гордятся, что много народу и приезжают и приходят к нему брать его глину.

² Сибирский обычай жечь сухую траву на полях: пускать палы.

³ Ср. Худяков, заг. № 1886 и «Словарь» Пекарского, стр. 1317—18, где отгадка — церковь. *Ред.*

348. О медных ножках, с языком из сала есть, говорят, глаз. Свеча.
349. Наружу — мясо, внутри — рубаха. Свеча.
350. С травяным носом, с языком из сала, с железными ногами есть, говорят. Свеча.
351. Из драгоценного дерева солнце выходит (восходит). Свеча.
352. Хороший человек пропал, и пропадать стал-то с верха. Свеча сгорает.
353. В кармане есть, говорят, Силыштин¹-богатырь. Спячки.
354. С шуршащими крыльями, с плотной печенью, с легкими (вода-снег) сочленениями топор-молот собою есть, говорят. Огонь огнива, кремь, трут, само огниво.
355. Брюхастая старуха есть, говорят. Фляга.
356. На дорогу не входит меткий колышек. Посох.
357. На дорогу не входит — (такой) колышек есть, говорят. Посох.
358. Господин, подбоченья, стоит. Самовар.
359. Вверху — дыра, внизу — дыра, а посредине — вода, да огонь есть, говорят. Самовар.
360. На воде живет, дышит огнем — водяной низенький толстячок есть, говорят. Самовар.
361. Сивый коник (конёк) хвоста своего не подымет. Безмен.
362. Жеребец, вожак косяка, хвоста своего поднять не в силах. Безмен.
363. Почетный человек о трех руках. Вилка.
364. Один ребенок каждый день свой глаз колотит. Замок.
365. Николка Николке лупит в самый глаз. Замок и ключ.
366. Есть, говорят, котловина, куда не проникает солнце. В сундук не проникает солнце. Ср. № 269.
367. У двери привязана черная собака, не лает, не кусает, в дом не пускает. Крючок.
368. Подставивши ладонь свою к образу, не меняет ее — (такой) есть, говорят. Вешалка (крюк).
369. Любимец божий. Стол перед образами.
370. У трех ребят один картуз. Ножи круглого стола.
- Вариант.* Трое русских — об одной шляпе, говорят.
371. Ладен, да не укладистый есть, говорят. Табурет. Ср. Худяков, стр. 43, загадка № 262 а: Для заду и ладно, а не входит. Стул (якутский).
372. В доме и на дворе — махало-выросток в кормежке. Веник.
373. Саврасая кобыла так пропала: прежде всего грива ее пропала. Веник пестреется.
374. Есть, говорят, бездонная, железная, толстобрюхая старуха. Сито.
375. Черный бык свой повод по зеленому полю волочит. Игла, нитка.
376. Когда маленькое юркое юркнет да выюркнет, весь народ нарядится. Игла.
377. Сивый бык волочит повод. За иглой тянется нитка.
378. Сивый бык сквозь сумет волочит свой повод. Игла с ниткой.
379. Один кусок мяса без костей сто человек съесть не могут, говорят. Брус.
380. Десять ребят не могут съесть жиловатый кусок мяса двугодовалого теленка. Брус.

¹ Собственное имя, стоит по требованию аллитерации.

381. Сто коней не могут съесть горсть сена — что? Брус. НСС.
382. С дорогой водой, с серебряной рыбой круглое озерко есть, говорят. Скворода с оладьями. [с маслом.
383. С дорогими птицами дорогое озерко есть, говорят. На сквороде оладьи
384. У большой, нескладной старухи и старика, с тонкой шеей, железная ветка, драгоценная вода, сладкая рыба. Скворода, сквородник, лопатка¹, масло, оладьи.
385. Кружится, кружится, голова его не дурет, смотрит, смотрит, — тут, тут же, мол, да не находит. Мutowka.
386. Семь наслегов, собравшись вместе, подрались, то короткобрюхий шаман, вошедши, шаманивши, не ододел, а прилизанная шаманка, пришедши, привела в порядок. Якутской каши молоко, сосновая заболонь, травы, разложившаяся от квашения рыба, сквашенное в запас молоко, вода, мutowka, сусак².
387. Беспорядочная куча, долгий верзил. Кушанье, мutowka.
388. Бой-визг-шаман когда шаманит, имеющие ноги собираются, имеющие пятки толпятся. Мutowкою в горшке мешают кушанье, еда.
389. Есть модутская³ девушка — с растрепанными волосами шаманка. Мutowka.
390. Русская девушка и якутская девушка бегут в перегонку, по русская опережает. Горшок и котел.
391. Госпожа позабыла свою бляху с шапки. Место, где стоял горшок.
392. Котловина с сладкой водой и пестрой рыбой. Пища на сквороде.
393. Богач, нечего сказать: работник умирает с голоду! — говорят. Котел, дужка его.
394. Голова старого лося вкатывается в огонь, говорят. Горшок.
395. Корень загадок — там татахаи (?). Берестяная клеянка.
396. С посохом из долгой лиственницы аккуратный железный есть, говорят. В клеянке варят клей, ручка клеянки.
397. Опрокинутое небо — дом его, длинное дерево — посох. Берестяная клеянка, посудинка, в которой варят клей.
398. Опрокинутое небо — сумочка его, большая лиственница — посох, с золотой коло-тушкой муть-шаман есть, говорят. Клей в клеянке.
399. Одноногий высокий свяч есть, говорят. Доска, на которой рубят мясо.
400. Властителем Рока предуказанный, манехонький кусочек дерева. Жолобо для стока мочи в детской колыбели.
401. Перед огнем — что-то сердитое. Железко, которым мешают огонь. Ср. Худяков, стр. 42, загадка № 255 а: Плачь-вой колупало есть, говорят. Ожиг.
402. С березовым колпаком, с тростью из ободранного дерева старухе сидеть-то совсем не на чем! Кумысный мех, горло его, пест его, подножье его.
403. С привесками из пестрой волосной веревки, с основанием из 5 лиственниц шпروه, тяжелое сиденье. Кожаный мех для кумыса.

¹ Которую переворачивают оладьи, когда пекут.

² *Vitium umbellatus*, по определению Маака. Якутами употребляется в пищу корень этого растения.

³ Модут — наслег Намского улуса, Якутского округа.

404. С висячими узорами из пестрой веревки, с козлаком из березы, из важного дерева с тростью есть, говорят, широкое, тяжелое сиденье. Вережки на кумысном меху, горло его, пест его, мех с подножьем.

405. Важная постройка, ключом бьющий жребий, звонкий отголосок, глянецвитое нечто. Подножье кумысного меха, кумысная закваска, пест меха, мех.

406. Малый ребенок угощает народ. Низенький, без ножек, кумысный бокал.

407. Выгнутая дугою старуха (наподобие скребка) до половины в кистях. Чапрак, кисти.

408. Сесть — хорошее сиденье, ступить — ступенька прекрасная есть, говорят. Седло.

409. Сесть — сиденье, шуть — опора, ступить — ступенька. Седло, стремя.

410. Хороший человек о трех поясах. Подпруги.

Вариант. Добрый молодец о трех поясах.

411. Добрый молодец жует смолу. Конь, его узда.

412. В красивые места ушел бы я, да мешает мне эта обуза. Колодка конская. Ср. № 65.

413. Двое ребят каждый день вровень бегут взапуски, говорят. Полозья.

414. Хороший человек, уронив рукавицу, не может ее поднять. Бык упавшее ядро не может поднять.

415. У господина есть одно кольцо. Кольцо в ноздрях у быка.

416. С бойким грамотеем начальником; со силошным крепостным валом кругом; с семью в железо окованными стражами есть, говорят, бездонный город. Прорубь.

417. Есть, говорят, бездонный ушат. Прорубь.

Вариант. Железное ведро без веревки.

418. Большой кумысный бокал для проезжающих. Прорубь.

419. С отвислыми губами¹ старуха, сын ее — проворный, ловкий, с редкозубою дочерью. Прорубь, пешня, ледень.

420. Лежа живреет — (такой) есть, говорит. Мелкий лед, выброшенный из проруби.

421. Есть, говорят, город Анадырь с шестью воинами. Ледень.

422. В круглом городе, с шестью солдатами, с майором начальником, поверх их черный ворон ежедневно гракает. Пешня, ледень.

423. От каждого жителя виднеется до облака доходящая Святая Гора². Лед, выбрасываемый из проруби.

424. У каждого жителя есть брюхастый силач. Лед, выбрасываемый из проруби.

425. Сколько дней под ряд каждый день черный ворон гракает. Пешня.

¹ Здесь разумеется возвышающееся бугром ледяное кольцо кругом проруби (ее порог).

² Тут разумеют Сургуев камень (на Лене).

ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ

(өс хосб̄но)

Поговорки и пословицы¹.

1. Хвастун казистее богатого.
2. Задравши голову, не плюй: в глаза попадет.
3. Поспешншь, да тихо выйдет.
4. Не рой яму впереди другого — сам попадешь.
5. Проклятое Богом — в яме, а на что озлобился человек, то — на пригорке (т. е. вражда людская не так-то страшна).
6. Прямым поедешь — кружить будешь.
7. У скупца тот, кто с выщербленной ложкой (= чорт), тот черпает (и скупец поэтому не богатеет).
8. Словно собака съела свою блевотву.
9. Словно как шило в мешке, что не укладывается.
10. Не вытирай клюв о кочку: обдерется.
11. Не точи язык.
12. «Еду!» — мол — не изводи дров до конца!
13. Сытому и жир не вкусен, проголодаться — и вода сладка.
14. Голодному не кажи пища, озлбшему огня не кажи, нагому не кажи одежи!
15. Что потерял один дурак, сто умных не найдут.
16. Мало слов сладко, много слов претит.
17. Мертвому черви рады.
- ✓ 18. Богатому да глупому небо по горло, море по колено.
19. Рыболов дерзок, сытый нагл.
20. Деньги сильны.
21. В теле лошадь надежна.
22. Не заставляй зариться: (назначаемая тобой) цена спадет.
23. Словно, видевши след, искать следа.
24. Это, как говорится: уши худого человека — у его хвоста (глупый человек всегда ничего не знает, никаких новостей).
25. Счастье, как говорится, слепо на оба глаза.

¹ Эти поговорки и пословицы сообщены мне в 1896 г. родоичем Борогоиского уезда, 2-го Легойского насага, В. И. Васильевым. Проредактированы они А. П. Афанасьевым, который оказывал мне помощь и при их переводе.

26. Словно дочь рыбакова, что рубила топором крошечную рыбку. Ср. Худяков, стр. 6: Подобно тому как (модница) взяла нож, чтобы есть крошечную рыбку.
27. Не нападай чересчур на свое положение: небось, веревка твоя не порвется¹.
28. Берите с собою старца в суму и спрашивайте у него совета.
29. Словно, как два лысых искали вшей друг у друга. Ср. Худяков, стр. 4: Ведь вы — как двое плешивых, друг у друга ищущих вшей.
30. Как собака на сене: сама не ест и скоту не дает.
31. Чем много говорить, лучше побольше куски бери в рот!
32. Когда улетает криква, чирок не остается, как говорится.
33. Словно собака, что не отстает от бегущей лошади.
34. «Нет» крепче дерева, как говорится.
35. Отдыхает бревно, как говорится, пока не упадет топор. Ср. Худяков, стр. 8: Отдыхает чурбан до падения топора.
36. Мот, как говорится, хуже вора.
37. В сильный утренний мороз зимой не разговаривай: хлопот не оберешься, как говорится! (Это потому, что в такие дни — очень сильное эхо, и разговор легко могут подслушать).
38. Жаден, как собака, как говорится.
39. Сова на верхушку дерева забирается, как говорится. (Говорится про того, кто, не будучи почетным гостем, по наглости забирается в передний угол).
40. Как чудочная вошь взобралась на затылок.
- ✓ 41. Переднюю ногу задняя догоняет, как говорится (не унывай, видя, что другие опережают тебя в какой-нибудь сфере).
42. Поглаживая чолку, режет загривок, как говорится.
- ✓ 43. В его голове вшей даже нет, как говорится (так он обеднеет).
44. Как собака набрасывается на ремешок.
45. Верх его — рысья шапка, а низ — босые ноги, как говорится.
46. Собачья голова выкатилась из серебряной миски, как говорится. Ср. Худяков, стр. 3: Отклоняешься ты (от чести) подобно собачьей голове, скатившейся с серебряного блюда.
47. Вверху настлавши зеленой травы, бездонную пропасть вырыл, как говорится.
48. Ходивший соринку находит, как говорится. Ср. Худяков, стр. 5: Ходивший (ездивший) хоть соринку да находит.
- ✓ 49. У ленивого есть отговорка, как говорится.
50. Житель жителю не верит, как говорится.
51. У потерявшего — сто грехов, у укравшего — один грех, как говорится.
52. Есть лучше, чем нет, как говорится.
53. Хоть нет, да подай, как говорится.
54. На пригорке вода не останавливается, как говорится.
55. С благодетелем своим враждует, как говорится.

¹ Ср. русск. поговорку: полно тебе петь Лазаря.

56. Словно мышь, что, покрывшись шерстью, «ах, холодно!» сказала, как говорится. Ср. Худяков, стр. 2: Подобно тому как мышь, покрывшись шерстью, говорит: «у, холодно!»
57. Словно собака: не давится, как говорится.
58. Похоже на то, как сказать: на друга не надейся, а надейся на стену!
59. На жеванное не надейся, на проглоченное надейся!
60. Пока не поймал, не надейся! когдаймаешь, тогда наешься, как говорится.
61. Весною человек знай облизывается, а осенью человек ест сытно.
62. Смех и плач — сестры, как говорится.
- ✓ 63. Ворона сидит у остатков добычи орла, как говорится.
- ✓ 64. Богатого объедешь мимо, что ли? как говорится.
65. Родня далеко, а вода близко — хорошо, как говорится. Ср. Худяков, стр. 4: Хорошо, когда вода близко, а родственники далеко.
- ✓ 66. У еды мало народу, у работы много народу — хорошо, как говорится.
67. Совет — богатырь, как говорится.
68. Позднейшая алчность больше бывавшей раньше, как говорится.
69. Чем с глупым найти, лучше с умным потерять, как говорится.
70. Кормить собаку — привязывается к хозяину, как говорится.
71. Словно дождевою водою умылся, как говорится.
72. Чужая жена будет ли женою? как говорится.
73. Имущий щедр; тот хлебосол, у кого есть пища (покормит); одетая — рукодельница, как говорится.
74. Собачья лапа не достала, как говорится.
75. Пловец (водолаз) — да ради собак (= из-за собаки кинулся в воду), как говорится.
76. Лягушка в своем болоте дерзка, плавунец в своей грязи нагл.
77. Собачий кал раз пошел за лекарство, как говорится.
78. Помеха не остается втуне, как говорится.
79. У хорошего человека — одно слово, на хорошую лошадь — одна плеть.
80. Несчастному достанутся лытки, как говорится.
81. На рот кухаря Барылах¹ не наложил запрета, как говорится.
82. С пьяницей поживешь — пьяницею станешь, с картежником — картежником, с мастером — мастером станешь, как говорится.
83. Словно бы сказать: подружись с худым — он не введет тебя в худое, а вошедший в хлев не замарается.
84. Пловец в воде, а лязящий (по деревьям) от дерева погибает, как говорится.
85. Пренебреженной жены пожелаешь, как говорится.
86. Невестке своей подал кубок, как говорится (т. е. оказал почет тому, кому не следовало).
87. Шел, шел да и пришел в ступу, как говорится.
88. Мышь расширила свою нору, как говорится. Ср. Худяков, стр. 2: Мышь-то (уж) увеличила свою нору. (Говорится о струсившем человеке).

¹ Барылах — эпитет Бајанага, бога охоты.
Труды Ком. по науч. Якутск. АССР, т. VII.

89. Словно сказать: не подходи к работающему человеку, а иди к испражняющемуся!

90. Богатый богатством своим не удовлетворяется, как говорится (ему все мало).

91. Улететь — небо далеко, провалиться — земля тверда, как говорится.

92. Словно сказать: ехать — так не увидишь ям для верев.

93. Рыба глубины, а человек красных дней ищет, как говорится.

94. Как влюбленный, воспеваю, как говорится¹. (Так, говорю только: что на уме, то и на языке).

95. Хочет сердце, да сил не хватает, как говорится.

96. Думать-то думаю, да нельзя, как говорится.

97. В ветхой дохе чорт есть, как говорится. (Оборванный часто бывает забякой).

98. Если родится сын, даже ворюя рад, как говорится.

99. От беды пища (польза), от несчастья добро, как говорится, бывает (выходит)².

100. У мертвого просил поговорки, как говорится.

101. Несчастье ведет злословие, беда — осуждение, как говорится.

102. Когда умрет человек, тогда узнаются его достоинства, как говорится.

103. Свои сопли сладки, как говорится.

104. Словно ворона, что сказала: мой детеныш обут в козевьи чарки³.

105. Съем голову тайменя будущего года, как говорится. Ср. Худяков, стр. 9: Съем голову тайменя на будущий год (т. е. получу что-нибудь после очень долгих ожиданий).

106. Погнался за кряквой — и чирка упустил, как говорится.

107. Захотел зимой стерхьиного мяса, как говорится.

108. Жевание на жевание похоже, как говорится⁴.

109. Когда ничего не имею, к чему мне канфоявая шапка, как говорится.

110. Как лысухе ее бляха⁵, как во мху серебро, как говорится (= как корове седло).

111. В ногах правды нет⁶. (Всю глубину почтения чувствует сердце, хотя наружно я и не выражаю).

112. У кого зуд, тот чешется, у кого жгучая боль, тот поглаживает, а нуждающийся просит, как говорится.

113. Словно гуси с караульным.

114. Стал я ровно собака, привязанная на кумысном шпире, как говорится.

115. Как медведь, что ловил муравьев, как говорится. (Ты стал мелочен). Ср. Худяков, стр. 2: (Значит) ты стал (мелочничать, бросаться на всякую мелочь) как медведь ест (черных) муравьев.

116. Не давай повадки глушому: на голову тебе взлезет, как говорится.

117. Когда дурак сыт, земля не держит, как говорится.

¹ Поговорка употребляется в смысле, приблизительно передаваемом приведенной русской.

² Соответствует русской пословице: нет худа без добра. *Ред.*

³ Сибирское название грубой обуви без голенищ (коты по-русски).

⁴ Так в утешение себе, с покорной иронией над собою, могут сказать обедающие, когда за другим столом в той же юрте едят более вкусное более почетные.

⁵ Нарост на лбу лысухи и бляха на парадной женской шапке одинаково зовутся тусахта.

⁶ Сердце чует, да не ноги.

118. Рожон его полон, как говорится (о возгордившемся). Ср. Худяков, стр. 9: Рожон-то наполнился.

119. Гнилое бревно перевернул, как говорится. (Говорится, когда кто-либо просит чего у неимущего, или поручает что неспособному).

120. С больного места не сходит рука, с любимого глаз не сводишь, как говорится.

121. Ждать — день долог, ревновать — ночь долга, как говорится.

122. Ты крив, я крив, как говорится. Ср. Худяков, стр. 10: «Ты кривой!» — Да и ты кривой! (Говорится, когда двое людей, равных между собою, станут осуждать друг друга).

123. Чорт не отходит от того места, где ел, как говорится (= пришла беда, — растворяй ворота).

124. Дающая рука знает, берущая не знает, как говорится.

125. Кривой зорек, как говорится.

126. Старая собака понапрасну не лает, как говорится.

127. Заяц в чаще крепок, человек на миру весел.

128. Бедняк — богатырь.

129. С собаки шкуры не снимешь.

130. С вола двух шкур не дерут.

131. Толстое не ломается и не раскалывается, как говорится.

132. Бывает ли, чтоб с глазами — да не моргал, с языком — да не заикался, с ногами — да не спотыкался?

133. Нет такого дерева, чтоб на нем не сидели птицы. Ср. Худяков, стр. 7: Бывает ли дерево, на котором бы не сидела (когда-нибудь) птишка? (Употребляется иногда в смысле: «есть ли женщина, у которой бы не было любовника?»).

134. Такой воды нет, куда не спускались бы птицы.

135. Мертвеца нет без могилы, живого нет без пищи.

136. У ворона горшка нет. (Так шутят над собою путники без дорожных запасов).

137. Добрый конь для сена сума, рабочий человек для пищи сума, как говорится.

138. Ложбина не стоит без воды, как говорится.

139. Всякое благословение исполнено тука, а всякое проклятие — крови, как говорится. Ср. Худяков, стр. 6: Принцип проклятия с кровью; принцип благословения с маслом (т. е. не проклинай: это ведет к кровопролитию, а благославляй: это ведет к благополучию)¹.

140. Что муха, надок до сахара, как говорится.

141. От старика бери благословенье, от молодого — мир, как говорится.

142. У путника есть спутник, у дорожного есть товарищ, как говорится.

143. Предчувствие не удаляется, рок не уходит, как говорится.

144. Как собака в ошейнике, как говорится.

145. Еще тянется², до тла не кончилось, как говорится.

146. Лежачий не промахнется, а в пути человек постоянно сбивается.

¹ Говорится, когда оправдается чье-нибудь проклятие. *Ред.*

² Была и халта — последние остатки чего-нибудь и последние силы, ср. № 27.

147. Богатый, и варнаком будь, — господин; бедный, и умный будь, — дурак, как говорится.
148. Язык без костей, как говорится.
149. Как таймень, что сгнил с головы. Ср. Худяков, стр. 10: Подобно тайменю, сгнившему с головы. (Говорится о богатом или знатном, уничтожающем своею глупостью свое собственное достоинство или богатство, или об умном, когда он сделает что-нибудь необдуманно).
150. Как в рукавице дал кукиш.
151. Словно косился на далеко живущего человека. Ср. Худяков, стр. 5: Ты, верно, так же как (некто) исподлобья свирепо смотрел на русского, уехавшего в город? (Когда по-заглаза бранят человека, находящегося далеко).
152. Былое туча покрыла, настоящее создал Бог, как говорится.
153. Веревка рвется, где тонко, кони там перепрыгивают, где изгородь низка, как говорится.
154. Жаждущему вода — драгоценность.
155. Половина дерева — икона, половина — лопата, как говорится. (Поговорка русская).
156. Камень, выдолблен лишь будь, доли не теряет. (Было бы куда лить-то, а доля будет).
157. Мысль девушки короче ее волос, терпенье ее уже рукавов.
158. У девушки на ее постели десять огней. (От девушки можно ожидать всего: и хорошего и дурного). Ср., однако, Худяков, стр. 7: Девушка и десять раз (обзаводится) хозяйством (и семьей), т. е. не унывай!
159. Девушек больше, чем мелкой рыбешки.
160. Око женщины насыщается в могильной земле.
161. Око мужчины насыщается при добыче самца-лося.
162. Девушка, не вышедшая замуж, с мисками, с ложками дерется.
163. Неженатый с рукавицами своими, с шапкой своей дерется.
164. Холостой уже с кровати сердится, уже с постели ногами топает.
165. Кафтан за одеяло короток, седло за подушку твердо, рогожка за постель холодна, кровать из жердей жестка¹.
166. Не желай чужого: своего лишишься.
167. Что взял, то и трость, что надел, то и шляпа. (Слова бедняков).
168. Яйца тупее.
169. Пуще рыбы заика.
170. Утка у утят училась, как говорится.
171. Коровий язык долог, да ничего не может.
172. Бык силен, да в хлеву лежит.
173. Медведь сердит, да в берлоге лежит.
174. На берцо твое не полагайся: счастье решит!

¹ Мучительна [для холостого юноши], Худяков, стр. 125. *Ред.*

175. Никто не знает счастья парня.
 176. Парень, три раза повесивши лук, становится взрослым.
 177. Старый друг лучше нового.
 178. Войска не засыпешь землею.
 179. Мысль богатого, что вода, сильна.
 180. Счастье девушки в личке.
 181. Кто не бывал в пути, тот не знает муки.
 182. Многоречивый хорошего немного наговорит.
 183. Молчаливый всегда слывет за умного.
 184. Кто не делает худого, не знает ни жару, ни холода.
 185. Прилежный ни в чем обделен не бывает.
 186. Если б не лень, с полки еду достать бы да поест, то-то бы ладно, как говорится.
 187. Собирать ягоды — бурак наполняется.
 188. Попищешь — и найдешь, попросишь — и получишь, как говорится.
 189. Мастер мастера хулит, грамотей — грамотей.
 190. Если уж заревел, то и будет реветь, как говорится.
 191. Брезгливый на рвань и попадает.
 192. Палая скотина возмещается, безкормица вознаграждается, как говорится.
 193. Детеныш орла орел, детеныш вороны ворона.
 194. У человека нестрота внутри, птичья — наружу.
 195. Вонь, как от невылинявшей собаки.
 196. Как от худа худо и выходит.
 197. Как головою филина напугали.
 198. От добра добро и выходит, как говорится.
 199. Как разжирела собака.
 200. Как медведь ситом воду черпал.
 201. Хозяин — о двух глазах, хозяйка — об одном, прислуга — без глаз.
 202. Человеческий язык стрелы острее, как говорится.
 203. Глаз видит близкое, ухо слышит далекое.
 204. У старого не спрашивай, спрашивай у бывалого.
 205. Пепелище — с пнями, а старая усадьба заветна.
 206. Нужда хлещет лозы больнее.
 207. Изголодавшийся — все равно, что без рта (мало ест).
 208. Человеческий язык жжет сильнее огня, как говорится.
 209. Человек без разума — без глаз и ушей, как говорится.
 210. На зеленом дереве червей искал, как говорится.
 211. На сухом дереве кровью мазал, как говорится.
 212. На дню семь пятниц, как говорится.
 213. Чтобы обман свой привезть, дал лошадь, запряженную в сани, как говорится.
- (О записном плуте).
214. Как баловень (но не ловелас), повесил рысью доху на дерево. (Про мота).

215. Дал же я тебе черепки (чего еще надо), как говорится.
216. Один раз был во мне чорт, как говорится. (В оправдание простука).
217. Окно земли, мудрец, как говорится. (Похвала умному).
218. От доброго — да адова земля, как говорится. Ср. Худяков, стр. 6: И от хорошего худое родится.
219. Словно сказать: что у порога, то придет в передний угол.
220. На спине — стрелы, в носу — чутье, как говорится. (Про стрелка).
221. Молодым¹ не надейся, стариком² не отчаивайся!
222. Скрипучее дерево не валится.
223. Без ветра дерево не колышется. (Дыму не бывает без огня).
224. Водой обварись — да и молока стержься будешь.
225. На дымящийся (теплый) телячий кал зарится, как говорится.

¹ Молод, мол, я!

² Старик, мол, я!

45. В чаще шаман камлает, говорят. Осина.
 46. Растрепанная тунгуска-шаманка без перерыва кружится, вертится. Листья оспины.
 47. Раздобыл землю приземистый богатей. Кочка.
 48. Умерши, рождается (есть). Семя.
 49. Румяна-то я румява, да не девичий румянец мой. Репа.
 50. Долгий стояка глазами не моргает, рта не смыкает. Дупло лиственницы, ямка, оставленная выпавшим суком.

2. Животные.

51. Из короба вываливается купорос. Комки, налипшие к копытам лошади.
 52. Из табакерки пропал купорос. От копыт лошади отскакивают комки налипшей земли (или снега).
 53. Внизу кубок ходит вкруговую, вверху приплясывают. Лошадь на водопое прячет ушами.
 54. Внизу плясун приплясывает, вверху танцор танцует. Водопой коней, губы их движутся, вверху уши их шевелятся.
 55. Внизу празднуют ысымах, вверху приплясывают — что? Коня пьют. НСС.
 56. Божья тварь черный конский волос (из хвоста) вытягивает (= струит). Водопой коней.
 57. Веточка без коленев. Конский (из хвоста) волос.
 58. Вверху понурый клонится, внизу пляска идет. Конь, нагибаясь, ест, губы его движутся.
 59. Госпожа без кремня мучится. У лошади нет желчи.
 60. Господи без дорожных запасов. Конь в пути.
 61. Четыре ребенка постель стелют. Копыта коня.
 62. Две птички приподнимаются лететь, да ни одна из них не летит. Уши коня.
 63. «На волю уйти держит меня серебряный браслет!» — говорит кто-то. Лошадь в колодке.
 64. «Нашла бы я дорогу в широкий мир, не держи меня это стукало-брякало». Лошадь в колодке.
 65. «Если бы не эта красotka, до Алданской станции дошел бы я!» — говорит. Колодка держит коня, он нигде не убегает (ср. № 412).
 66. *Вариант № 65* (почти тавтология): «Не будь этой красотки, до Алданской станции дошел бы я!» — говорит. Конь, если бы не было на нем колодки, убежал бы.
 67. Почтенным почтенный человек, почетным почетный; весь свой век в должностях ходил, а кортика нет. У лошади нет желчи.
 68. Мясная гора, железный подъем. Лошадь, стремя.
 69. Божье дитя черную смолу жует. Вздунданный конь.
 70. На дворе два конской кожи кошелька висят. Соски кобыльи.
 71. Перед печью два конской кожи ичига¹ висят. Соски кобыльи.

¹ Сибирское название мягкой обуви.

ПЕСНИ

(ырыа)

Песни¹.

1. Зима.

Ну-у! Во-от!

Какое основание, какое направление давши, петь мне?

О чем сказать мне веющие слова?

С ровнями из лежачей горы,

Обставленная стоячими горами,

Окруженная широким и глубоким морем-владыкою,

С текучей водою в основании,

Землю по середине,

Переслоенная песком,

Покрывала травую,

Широкая, прекрасная страна!

С сменяющимися временами года,

С убыточными сутками,

С накладными ночами,

С валящимся, недолговечным² лесом,

С недолговечными³ людьми,

С поздно рожаящим скотом,

С тридцатидневными месяцами!

Всю черную землю давящий

Белый снег-то наш забелел!

Все⁴ теснящая, тяжелая⁵ пора

Жгучим морозом пышущая,

Трескучим морозом обжигющая,

С вечной выгой и слякотью,

С отвратительным видом,

С пургой и метелью,

С плетью из резкого ветра,

¹ Записаны в 1895 г. со слов певцов А. П. Афанасьевым, оказавшим мне при переводе большую помощь.

² Букв.: наносным. *Ред.*

³ Букв.: временно пребывающими. *Ред.*

⁴ Ус даиды — вся земля, весь мир.

⁵ Т. е. высоконаги, — выжмут, несчастная.

Труды Ком. по науч. Якутск. АССР, т. VII.

Зачарованная сильным морозом с туманом,
Грозная, страшная обступила (притиснула) пора!

2. Наступление лета.

Ну-у! Во-от! Ну-у! Во-от!
В Николи день с южной страны,
С краев немерзнущего моря,
С побережья теплого моря
С откинутой назад шей,
С вогнутой спиной
Кукушка-го птица прилетает.
На верху рослого темного леса, на шумном свидоватом дереве,
На крепких сучьях темных дерев
Кукует она,
И лицо широкой земли разукрасилось,
Звоиная, дымкой подернутая пора настала.
С сезо-дымчатым ликом,
Истинно счастливое, ясное лето,
Вровень с беспокойной шейей солового жеребенка
Широкое раздолье настало.
По широкий крестец темносолового жеребенка
Большое счастье хлынуло.
Жеребец звонко заржал,
Бык громко заревел;
Въявь вернулась Богиня скота и коней,
Воистину пришла Создательница.
Из святой земли сочная трава-то совсем показалась,
Выглянуло перистое облако,
Ласковой волной подул теплый ветер,
Затрепетал своими каплями теплый дождь,
Орой-бурай¹ взыграл на небольшой лиственнице.
С плетью небесного огня,
С чарами домашнего огня,
Дюдюк-хап¹ на громадную, важную лиственницу пал;
Хан-чаган¹ ударил в коренастую лиственницу,
Уола-хан¹ взыграл на небольшой лиственнице.
Смерть-гибель мягче стала,
Привикла всякая хворь:
Радостная, красная пора-то настала, ах, друзья!

¹ Орой-бурай, Дудук-хэй, Хан-чаган и Уола-хэй — названия бога грома. *Ред.*

Радым радешеньки, улунив времечко, повеселимся,
 Золотые, дорогие друзья!¹
 С небольшою обувью прожить — кратковременное жилье,
 С оберткой прожить — недостаточная страна,
 С обувью из конской шкуры прожить — негодящаяся страна!
 Не верно разве?
 Как кубки и чаши пьют вкруговую,
 Заветные мои друзья,
 Сказавши вещи слова, расстанемся!

3. О происхождении человека.

С тремя оторочками, с семью поперечинами,
 С восемью путями², с девятью подпорами,
 На верхнюю сторону подземного мира ступить — не изгибается,
 Топтать — не раздается,
 Тянуть — не вытягивается,
 Из такой-то восьмигранной прекрасной матери-земли,
 Из медной лучшей ее части, на вершине ее золотистого средоточия,
 Из самого пупа его, из серебряного его приюта появившись на свет,
 Подумавши-размысливши, посмотреть:
 Длинноногие,
 Подпоясанные,
 С глазами из воды,
 С телом из земли,
 С жилами из травы,
 С гибкими сочленениями,
 С свободно поворачивающейся головой, смуглые уранхайцы-якуты мы,
 Наше происхождение доведывая,
 Наше зарождение обдумывая,
 Как раз на восток, на край трех небес вверх гляючи:
 От живущего на безо всякой тени ясном,
 На безо всякого следа гладком небе
 Создателя Господа ведя начало, произошли мы, вот что мы скажем.
 В восьмигранной вселенной человека —
 Предопределенным владетелем ее будь! говоря — создал,
 Иэхсят-богиней теткой одарил,
 Создательницей богиней, старшей сестрой одарил.
 Одаряющая нас и жеребятами и телятами

¹ Серебро-медь друзья! Но в других тюркских наречиях алтан — золото.

² Татазда называются пути, которыми уязвывают ноги сумасшедшего или пьяного для того, чтоб не свалился с коня.

И сладким творогом Иаехсит-богиня,
 По увешанному гривой, в ленту тянущемуся пути пришедши,
 Сидя на белом облаке,
 Белой кобылицей обернувшись, сверху вниз глянула.
 Ее пристально разглядеть:
 С четыре занесенные снегом копыны четыре подвижные серебряные копыта ее.
 Словно огниво, божественные знаки-пятна ее на лопатках,
 Словно ремень протянулся хребет,
 В семь обхватов серебряных нитей грива ее,
 В тридцать обхватов лодка-хвост ее,
 В три обхвата развевающаяся блестяще-белая чолка,
 Тройная серебряная кудрявая шерсть!
 Вот стоя, сильно, зафыркала,
 Звонко заржала:
 «Созданные дети мои!
 В этой Средней Стране с душой из рассыпающейся прахом земли,
 С паром-росою дышащем,
 В Средней Стране, предопределенными
 Владетелями ее ставши, живите!»
 Так говоря, молясь, воспела,
 Счастье посылая, лжуя сказала:
 «Этой Средней Страны предопределенными владельцами будьте,
 Уютные дома постройте,
 Медную коновязь вколотите,
 Дети в колыбелях да зародятся у вас,
 Скот в загонах да зародится у вас!
 Конного накормите, пешему давайте ночлег,
 Слабый да укрепитсЯ вами,
 Изголодавшийся да раздобреет у вас,
 Голодного накормите,
 Озябшего обогрейте!
 Полное поле гладкогривых кормите!
 С стоячей чолкой да собираются у вас в табуны,
 С вогнутой спиной да соберутся у вас в стада!
 Среди окаймленной лесом широкой поляны березки втыкайте,
 Обильный кумысный пир, неиссякающая прорубь¹,
 Обильное богатство, широкие дары да будут у вас!
 Пусть, собираясь, едят у вас!
 Будьте родоначальниками людей,
 Неумирающие, вечные будьте,

¹ Это употреблено метафорически.

Нестареющего возраста будьте,
Этой Средней Страны предназначенными
Владельцами ставши, живите!».

4. Песня на нумысном пиру.

Ну-у! Во-от! Ну-у! Во-от!
В сорок обхватов вокруг,
В тридцать обхватов вдоль — почтенная пора,
Девятимесячная, важная пора!
Она наступает снежными суметами,
Ложке стелет ледяными иглами,
Инеем одетая, зима ужасная!
Свободно гулявших ставить в загоны,
Все лето гулявшим собираться вместе,
Вольно гулявших ставить к яслям,
Ретивых запирайте пора!
Эту зиму ужасную чем сточить-исскрести,
Не думали найти мы.

Эту зиму сточивши-исскребши,
С верхового человека — холод могучий убивши,
Снежные суметы стали опадать: к тому пришли мы.
Ледяные громады стояли, твердыни согрелись,
Важная пора сменилась,
Старый год наш исчез,
Новый год¹ настал,
Нарядное лето раскинулось,
С туманом по вершинам холмов знойное лето настало:
Праздничная зелень зазеленела,
Трава узорами украсилась,
Земля наша нарядилась,
Деревья наши лучшими узорами покрылись,
Тальник наш принарядился,
Рослый темный лес убрался,
Кукушка, птица наша, закуковала,
Широкая страна нарядилась,
Горлица², наша птица, заворковала.
Прекрасная страна возникновала,
С туманами по вершинам холмов жары настали,
Нарядное лето раскинулось,

¹ Якуты считают начало года с мая.

² В уловах этой птицы (бѳѳи) нет; есть, говорят, банз Якутска.

Богатый пир развернулся,
 Изобилие настало,
 Глубокий кумысный мех с краями полон.
 Ну-у! Во-от! Ну-у! Во-от!
 С девятью крепкими палочками¹,
 С девятью изгибами большую веревку протянули,
 Девять шишек-жеребят привязали.
 У молодых женщин на локтях — узорчатым тальником убранные ведра.
 Они путают ноги молодых кобылиц,
 Ловят только-что ожеребившихся,
 К старым маткам в последний раз подпускают жеребят,
 С журчаньем и брызгами доят,
 Вносят в дом (молоко) и готовят шишучий кумыс,
 Узорчатую воронку меха ставят,
 Нарядным пестом мешают,
 В кожаном нарядном мехе готовят крепкий кумыс,
 В семишовных кожаных посудинах собирают.
 С обширным, как остров лиственниц, родным народом есть будем, мол,
 С роща-лиственниц — соседями угощаться будем,
 Увлажал горло крепким кумысом,
 Праздничными словами веселиться будем,
 Радуя друг друга, будем говорить друг другу драгоценные слова,
 Свеженалитым кумысом гортань увлаживши,
 Новые самые лучшие слова подберем, мол,
 Неубывающую прорубь — глубокий кумысный мех поставив,
 О девяти выемках кубки уставив, —
 Важным гостям своим подносить, мол, будем!
 Богатый кумысный пир устраивают.
 Здесь собирается с остров лиственниц — родной народ.
 Рощица лиственниц — соседи,
 Радуясь друг другу, будем ликовать, мол,
 Призывая счастье, будем играть! говорят,
 Свидевшись, порадовавшись, попиравовши, расстанемтесь!
 Каждый день таких драгоценных дней не увидать,
 Не расходясь, пируем!
 Не каждое утро принесет такие дни,
 Не отходя друг от друга, порадуемтесь!
 Вечно жить не будем,
 Непрерывные игры устроимте, пока мы живы!
 Собравшись, — повеселившись, расстаться подобает.

¹ Палочки эти на ремешках прикрепляются к толстой ременной веревке (сала), к ним привязывают жеребят.

В этой восьмигранной прекрасной вселенной
О вас, устроители этой красоты, —
Они, мол, конному приютом, пешему ночлегом стали, — эту вот о вас
молву все слыша, собрались мы.

Такое благо не всегда мы увидим,
Земле обреченные, умрем мы;
Пока живы, свидевшись, повеселимся часочек!
В разуме своем нашедши драгоценные слова, попирав, расстанетесь!
И часа не медлите,

Новые слова нашедши, будемте говорить!

Благословляем вас:

— Пусть порожденные вами дети в колыбелях будут,

Пусть вскармливаемый вами скот в загонах будет,

И впредь кормите голодных,

Иззябших обогревайте,

Пусть ретивые ковы водятся у вас!

Увечных кормите,

Изголодавшихся поправляйте!

В продолжение трех веков пусть возникает у вас такое благо,
Белого Бога белая божественная влага¹ да умножится,
Создателя Господа желтая божественная влага² у вас да создается!

Расстанемся же, благословивши

За устроенное вами пиршество!

¹ Молочные скопы.

² Масло.

ОСТАТКИ СТАРИННЫХ ВЕРОВАНИЙ У ЯКУТОВ

Остатки старинных верований у якутов¹.

По вопросу о генезисе первобытных верований было предложено немало догматичных, уверенных и, казалось, веских решений. Ни одно из предложенных решений вопроса не удовлетворяет нас, однако. В самом деле, одна теория, вполне удовлетворявшая современников, сменяет другую, имея перед предшественницей лишь одно преимущество — интерес новизны. За теорию фетишизма, как основы религий, следовала теория анимизма, уступив, в свою очередь, место теории поклонения предкам. Тогда оказалось, что мы шагнули назад — вглубь веков, и то, что поразило нас прелестью новизны, было давно уже сказано греческим философом Эвгемером. Нам говорили, что представление о невидимых деятелях не чуждо даже собаке, но скоро мы бросили такое наивное толкование психического мира собаки, чтобы притти к не менее рискованной теории эвтификации, как общего ключа, дающего начало и мутному потоку мифа и светлой струе науки.

Как о скалу, разбитись усилия благороднейших умов, красоты цивилизации, людей, которых будут вспоминать потомки, как ярких светочей века, и мы опять стоим, нищие и жалкие, перед великой загадкой — генезиса первобытных верований. Не счастливее, впрочем, были поиски отнесения к источникам и той системы верований, полупервобытных, которая, — удачно или нет, другой вопрос, — названа была черною верой, т. е. так называемого шаманства: нас просто отослали к младенческим религиозным понятиям, возникающим естественно в уме первобытного человека под влиянием природы и деятельности духа.

Скромнее, чем решение вопросов о генезисе религий или данной только одной религии, была бы задача осветить добытые исследователем факты древних, умирающих верований сравнительным изучением родственных религиозных систем. К сожалению, годы требуются на то, чтобы проникнуть в глубокие тайники языка народцев зареи истории, и исследователь рискует, в погоне за средствами, упустить цель, потратив годы на изучение языка и фольклора данного народа. . .

Но да утешит всякого незаметного работника, кладущего свой камень, то соображение, что велико значение коллективной работы многих исследователей, и что не под силу было одному, хотя бы даже гениальному уму, то, быть может, поддается дружной работе «миром»!

Это соображение не должно, однако, понимать, как *carte blanche* для беспорядочного, хаотического нагромождения материалов — не надо смешивать постройку здания с приемами

¹ Настоящая статья появилась впервые в мало распространенных «Известиях» Восточно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества (т. XXVIII, № 4-й, 1897 г.; отд. отт. Иркутск, 1897 г., стр. 1—44) и перепечатывается здесь в виду того интереса, который она представляет для исследователей первобытных религиозных воззрений вообще. *Ред.*

скальды Плюшкина, тащившего в свою кучу все, что ни попадало ему под руку, лишь бы росла его скаредная куча. Естественно поэтому к каждому даже незначительному сгруппированию фактов предъявить требование приведения этого сгруппирования в какую-нибудь связь с ранее добытым материалом. Пусть исследователь не опускает ни одного, даже мелкого, обличения, тожества обрядов, названий божеств, сходства культов! Пусть предлагаемые им обличения не носят характера решающих, пусть будет это скорее программа дальнейшего сравнительного изучения, чем подлинное освещение фактов путем серьезного сравнительного изучения предмета! Пусть он не боится даже скороспелых теорий и обобщений — хорошо для армии, если каждый ее солдат носит маршальский жезл в своем ранце.

Но не постигнет ли нас разочарование? Уже а priori ждем мы встретить много общего среди разноплеменных адептов этих странных радений с бубном в руках, истерических воплей, сумасшедших плясок; но где найдете вы у других народов центральные фигуры якутского культа: *Ар Тојон* (неужели это Ормузд, — божество общее у монголов с персами?) или *Үрүң Ајы Тојон* (Белый Господь Бог)? Чем объяснить далее, что так быстро на наших — можно сказать — глазах, тускнеют образы древних божеств? Так, наприм., бог *Цасайаі* якутской присяги уже сливается в представлении современного слагателя гимнов в одно лицо с богиней *Іәјәхсіт*. И сама *Іәјәхсіт*, эта *Изида* якутского культа, уже неотличима в умах современного нам поколения от *Ајысыт* (богини родов), и роженца в муках вызывает, ничто же сумняшеся: *Іәјәхсіт*, мать мол! Ничего нет поэтому удивительного в том, что творческий гений народа, продолжая безостановочно свою неутомимую работу, складывая славословия в честь божеств, принес и казнь этим самим божествам, отчасти затемнив старинные образы, отчасти заменив их новыми, уже неведомыми оторванными от якутов родичам-народам божествами. А там, может-быть, в свою очередь, шла та же созидательно-разрушительная работа. . .

Но тем не менее даже теперь можно и нужно отметить многие сходства в родственных культах. Не случайность, конечно, совпадение якутского названия божеств *таңара* с монгольским *тенгри*; не случайность, что бог охоты назван *Бајанаі*, — как раз тем именем, которое встречается среди названий божества у алтайских тюрков. Далее, обычай обречь духам животное, при чем животное остается в живых, общ у алтайских тюрков с якутами; общ и термин, которым называется такое обреченное животное: тюркск. *ыжык* = якутск. *ытык*. Затем, поклонение гению огня у якутов общее с монголами. Огонь якуты всегда называют обще-тюркским словом *уот*, но в названии гения огня при *уот* всегда стоит совершенно непонятный ни одному якуту эпитет *ај*: *ај уот іччиті*. Как показывает, однако, сравнение с другими тюркскими языками, слово *ај* надо считать исконно-тюркским: ср. название пламени в османли, джагатайском и алтайском наречиях — *alaw, alay, jalyn*. Но якуты утратили значение *ај*, — которое только и ходит в имени гения огня¹, — несмотря на то, что отсутствие теперь в языке слова для понятия *пламя*², казалось,

¹ Встречено еще в названии сказочного дерева (*улү ај лүк мас*), растущего посредине земли. См. «Словарь» Пекарского (столб. 1479). Акад. В. В. Радлов сблизил якутское *ај* с тюркским *ајл* — юрта, деревня, аул. См. там же, столб. 62. *Ред.*

² Для понятия «пламя» у якутов существует слово *төбөн* (ср. тюрк. *түлә* пылать) = бурят. *долоң* = монг. *долоу*. *Ред.*

должно бы чувствоваться. Замечательно, что огонь по-бурятски гал и дух огня гали эжин. Не менее замечательно, что богиня огня у монголов называется тюркским словом Ут, или От, к которому прибавляют эпитет Галайхана *царицы огня*¹. Монголы с незапамятных времен поклонялись богине земли Этугэн, или Этуга, или Итугэн². Нельзя слишком высоко оценить силу памяти народной: якут рабски-верно хранит имя этой богини в своем названии предпной — нэс түбүрт утүгэн!

Христианство убило среди якутов целую категорию жрецов их древнего светлого культа (образы которого теперь так прихотливо и капризно переплелись с представлениями совсем, казалось, чуждой стихии — христианства!) — так называемых белых шаманов, которых еще видел Н. С. Горохов, писавший об этом в 1884 году³, и старый культ живет лишь в поэзии народной — в эпосе и песнях. Он с каждым годом вымирает больше и больше в обиходе народном. И уж, во всяком случае, не у теперешних шаманов, — действительно, черных жрецов черной веры, — искать восстановления потускневших образов древней религии.

А народная поэзия и те формы, в которые выливается древний религиозный строй идей в уцелевших старинных обрядах, суть родственные, взаимно провинцающие одна другую сферы, и не удивительно и не странно, что автор, уже выполняя свое непосредственное обязательство перед Восточно-Сибирским Отделом И. Русского Географического Общества (изучение языка и народного творчества), столкнулся лицом к лицу с вопросом о древних верованиях якутов, — задаче, не входившей прямо в круг его исследований.

Все старинные обряды, предлагаемые вниманию читателя, записаны были родовичем Дююсюнского улуса Н. К. Жирковым: я лишь перевел почти дословно, стараясь сохранить колорит подлинника, якутский текст (Н. К. Жирков совсем не знает русского языка) переданный мне в 1895 году рукописей, содержащих простой, безыскусственный рассказ очевидца обрядов или хорошо о них осведомленного человека. При переводе мне оказал такое громадное содействие интеллигентный родович Дююсюнского же улуса А. П. Афанасьев, что, не обинуясь, можно сказать — главная часть работы сделана им. Я не раз в своих отчетах Отделу имел возможность отметить бесконечную для меня важность помощи, оказанной мне Афанасьевым при изучении мною языка и фольклора родного ему народа. И в самом деле: как бы я, чужеземец, без его помощи проник в тайники духа и языка такого далекого от нас по культуре и расе племени?

¹ О поклонении огню у монголов см. Банзаров, Черная вера, СПб. 1891, стр. 22—25. Здесь я позволю себе привести отсюда (стр. 25) чудный гимн богине Ут: «Матерь Ут, царица огня, сотворенная из дерева ильма, растущего на вершинах (гор) Хангай-хана и Бурхату-хана! Ты, которая зародилась при отделении неба от земли, произошла от стоны матери Этугэн и создана царем тенгрием! Матерь Ут, коей отец — твердая сталь, мать — кремль, предки — ильмовые деревья; — которой блеск достигает до неба и проникает сквозь землю! — Огонь, высеченный небожителем (Чингисом) и разведенный царицею Улукэн (матерью Чингиса)! Богиня Ут, которой приносим в жертву желтое масло и белого барана, имеющего желтую голову! — у которой бодрый сын, прекрасная невестка и стройная дочь! Тебе, матерь Ут, всегда взращающая вверх, приносим в жертву вино чашами и жир пригоршнями! Даруй благополучие царевичу (жениху) и царевне (невесте) и всему народу! Поклонимся!»

² Черная вера, стр. 16.

³ См. «Известия» В.-Сиб. Отд. ИРГО, т. XV, № 6—6, 1884 года. Иркутск. 1885, стр. 56.

Предлагаемая мною характеристика бога охоты записана А. П. Афанасьевым со слов лица, близко знакомого с культом этого божества.

Формулой присяги я обязан любезности В. В. Никифорова, представителя якутского областного статистического комитета на Всероссийской выставке в Нижнем-Новгороде.

Сергей Ястремский.

Иркутск, 28 мая 1897 года.

Родины.

Когда подходит время родов, муж роженицы идет в лес, отыскивает березу. Из этой березы вырубает он два развилстых кола, каждый в $1\frac{1}{2}$ арш. длиною, и поперечину, длиною в 5 четвертей. Эти три палки непременно надо брать от одной березы, а не от двух, а иначе — долги де будут потуги.

Таков, говорят, был обычай (туом) старинных старых людей.

Затем, в случае, если рождает первородящая, отмыкают все замки амбаров, все замки сундуков и бросают в огонь масло и белую гриву, приговаривая: — Госпожа богиня родов, кушай! Путь твой отверзи! (Аҕысыт¹ хатын, аса! Аттыккын ас!). Бросают в левый угол чувала.

Радостно встречают появление на свет ребенка и справляют родины — едят что-нибудь молочное, хаҕах², например. Затем бьют скотину, уж нарочно про этот случай запасенную, и варят ее всю. Голову скотины целиком варят, наливают в кишки крови, варят колбасы и колбасы вешают на голову. Говорят, что, мол, богиня это любит и что так уж истаря ведется.

Сторонние спрашивают: — Как справляли родины? А на то говорят: — Били, мол, скотину. И сторонние говорят: — А, это хорошо!

Еще застуживают в чашке масло с кусочками печени именно этой вот сейчас убитой скотины.

А через три дня справляют проводы богини. Собираются все близкие соседи, — главным образом, женщины. Женщины в левой³ половине юрты, влево от перегородки, вырывают ямку и погребают там послед. Кругом ставят рядом три берестяные юрочки и не позволяют на это смотреть мужчинам⁴. В юрочке огонь вздувают и делают из бересты фигурки лося, оленя, солнца и месяца, делают лучок и три стрелочки из лучанок⁵. Фигуры

¹ Аҕысыт, или Аҕыһыт (здесь, кстати, надо оговорить, что звук *h* возникает из *e* в положении между гласными) — имя богини родов, но, взывая к ней, в муках, роженица шлошь и рядом называет ее и именем другой богини — Ийјэхсит (что переводит Худиков — хранительница).

² Это смесь молока и масла, приведенных в состояние твердой массы. Масло хаҕах содержит около 10%.

³ Юрты истаря ставились дверью на восток, и стороны назывались правой или левой — если стать лицом к выходу. В настоящее время название левая половина юрты означает просто черную, не парадную, половину. Якут, однако, и доселе северную сторону котловины называет всегда левой.

⁴ Тем не менее весь ниже описанный обряд видел и помнил А. П. Афанасьев — его, в детстве, как ребенка, допустили женщины к мистерии.

⁵ Афанасьев замечает, что в случае, если ребенок — дочь, то делают ножницы, коров и кобыла с телатами и жеребятинами, с намордниками для последних.

лося и оленя ставит в юрточке у огня. Затем женщины сгребают в фигурки и стрелами сбивают их в огонь. Потом тотчас все три юрточки разоряют и бросают в огонь, разведенный в юрточке.

Еще до того, как погасает огонь — стоит пригвожденное в чашке масло, а женщины стоят кругом огня и все хлопают в ладоши, а затем одна из них понемножку берет из миски масла и льет им на ладони, и все начинают смеяться.

Сначала насильно смеются, а мужчинам на это смотреть запрещают. А если кто их увидел, и вправду бы смеялся и над ними и над их штуками. Они сильно мажут себе лица обеими ладонями, а речи их такие:

— Государыня богиня родов, кушай!

На всех них надеты суконные шапки набекрень, и так стоят и все требуют себе на ладони масла. Наконец, и вправду разбирает их сильный смех: бросает их в жар и дрожь, говорят. Выступает сильный пот, и хохочут вны без удержу. И кто так без удержу хохочет, про ту говорят: «вот это вошла в нее богиня!» И если хохочет молодая женщина, то это большая, говорят, радость, — вошла, мол, в нее госпожа богиня, — и пророчат: «много, мол, будет у нее детей!» если речь о еще не рожавшей молодой женщине. А про рожавшую женщину говорят, что и еще, мол, даст Бог.

И вот сторонние расспрашивают, говорят, про это: «ну, что, в кого входила богиня, мол? в какую женщину, в какую девушку?» Об этом прежде всего спрашивают. И примутся рассказывать побывавшие там женщины: — А, в такую-то женщину, в такую-то девушку входила, мол. На то опять спрашивают: «в скольких, мол, входила?» И отвечают: — В одну, либо в двух, входила. «Да, значит, было явление богини!» — Было, парень, было! отвечают.

Колья, на которые опиралась рожавшая¹, убирают, связывают вместе, мажут их маслом и кладут на балку под кровлей хлева — втыкают их там. И эти колья опять берут, когда наступает время других родов. А другой женщине не дают этих кольев; да другая и сама не попросит, уверенная, что ей не дадут. Колья эти — заветная вещь, если дети остаются в живых. А если умрет ребенок, то уж прежних кольев не берут, а так они и остаются. Выбрасывать их все ж не выбрасывают.

Костей, что остались от угошенья на родивах, не выбрасывают, а собирают их в посудину, выносят в лес и там вешают крепко, хорошенько. И говорят: — Мы почтили первые родины.

Вешают же эти кости затем, чтобы не топтал их ни человек, ни собака. Если не почтить их так, то богиня разгневется.

Если так не приберет кто костей, то про него идут толки: — А, так не почтили первые родины! Ужас что такое! Гляди, надоели им родины! — так говорят. Разговаривают об этом сторонние и дивятся даже. Пересказывают другим, и все изумляются: — Грех это даже! — говорят: — так распорядились!

А если ребенок умрет или потом не рождаются дети, то толкуют: — А! пренебрегли прежними родинами, вот и разгневалась богиня, — говорят. И после, говорят, сами каются,

¹ Якутки рожают сидя. Оттуда выражение олоордо (седа) про женщину на сносях означает — разрешилась от бремени, родила.

бывало, да, попавши впросак, других учат. Досада на себя, тайком друзьям говорят: — Э, друг, ошиблись-то мы как! А на то другой отвечает: — Кто же мог ожидать, что так выйдет?

Бездетная женщина подле лиственничного «гнезда» (арык¹) на южном скате долины вымалывает ребенка.

К «гнездчатой» (арыктях) лиственнице привносит женщина белую конскую шкуру и миску топленого студеного масла. Расстилает там под лиственницей подстилку (белую конскую шкуру), а мимо дерева по южной стороне не проходит. Садится на подстилку, надевает шапку с бляхой², зад шапки отворачивает, бока шапки тоже подбieraет. А масло ставит на подстилку. Глядя вверх, молит она:

— О, дух земли моей³, услышь!

Вот для изнывающих, подобно мне, нарочно-явленное, отметное, любимое твое дерево — вот же оно!

Вот же к нему я, болезная, пришла — стенаю; скорбная, я пришла — скорбные мои речи молваю. О, услышь!

(— Аи дайдым ичгйа, исит аря!

Бу аи мин курдук багалыхха анан озорбут, балиа, таутыр масык бу бар абат!

Онуоха мин, арайдах кран, аналжан арабин; мунах кран, муцатыжан арабин абат! Исит аря!).

Молит, молит, плачет, рыдает, — говорят, и какие только вспомнить может славословия — славословит и коленопреклоненная молится. А тогда на подстилку падает что-нибудь — козявка либо паук. На это она тотчас бросается и мигом кидает то (упавшее) в свою миску с маслом, а затем проглатывает. Как идти домой, она маслом из миски мажет, говорят, эту лиственницу кругом, а, придя домой, в огонь творит возлияние.

И вот если козявка будет, то говорят, что жизнь (сур⁴) мальчика, а если паук — жизнь девочки. И поговаривают, что «гнездчатое» дитя недолговечно и правом всплыть: — А разве это не гнездчатое дитя? — мол: — вот чуть подует ветер, и колышется!

А к такому дитяти мать привязана всего сильнее; даже не видано, как удивительно привязана бывает. Об этом всегда толки: — Еще б не привязана была к «гнездчатому»-то! И так говорят каждый сторонний, кто только услышит, и все так говорят, куда только слух доходит.

¹ Случается, что на лиственнице нарастут часто-часто мелкие веточки, сверху на них нападает еще веточек и насыплется хвоя. Такое естественное гнездо якуты называют арык, а такую гнездчатую лиственницу — арыктях.

² Речь про тусахталых чабака баргиса, т. е. суковная с бляхой шапка; бляха на женской зарадной шапке — обыкновенное украшение.

³ Аи дайдым имеет два значения — вселенная и урочище.

⁴ сур — жизнь, жизненное начало; кут — душа; тбин — дух, дыхание. В грубой интерпретации строй идей, отвечающий этим понятиям, можно передать в виде представления о трех душах у человека. Такую интерпретацию см. и в Словаре Алтайск. и Аздагск. наречий тюркского языка Вербицкого. Слово тбин дыхание есть и у алтайских тюрков; алт. кут означает душа, присутствие духа; алт. сур значит образ, привидение, а јур значит жить, ходить (ср. якутск. сырыт).

А если у людей, справлявших обряд, родится ребенок, то бывает большая радость, и очень почитают этого шамана, а на ребенка смотрят, как на явно ниспосланного Богом (тацара). И говорят: этот шаман — призыватель богини (Аҕысыты аҕалыччы); все вспоминают о нем с благодарностью. И бывает, говорят, так, что и не сильный шаман, а призывает богиню. Случается же, что иной сильный шаман да не может призвать. Про такого толкуют, что не любимый богиней шаман. Соглашаясь с этим, верили этому, — очень верили в это все старинные люди.

Постройка юрты.

Прежде всего, под постройку выбирают место; толкуют: то место худое, несчастливое, мол, будет — остались, мол, ямы от старого жилья или де просто, должно быть, несчастливое место будет или деревья, мол, больно толсты, а не то — все развилысты. Затем находят еще место. Идет туда человек. Там он становится, молит:

— Бабушка, госпожа моя, осьмиободной, осьмикрайной¹ земли моей² хозяйка! услышь! (Аҕа хатыным, аҕыс ыһах-саҕалах аһ дайдым иччитэ, исит!).

Сказавши так, он, на восток глядя, снимает с руки одну рукавицу (а стоит он там как раз, где думает построить дом) и молит:

— Я молю о моем кратковременном жребии, о недолговечной судьбе³. Я молю вещей тяжелой гадальной ложки⁴.

Вышние белые боги, услышьте!

Подземного мира властитель, услышь! Даруй мне вещь тяжелую гадальную ложку! (Бир хонор билгэ, ики хонор төлкө көрдөсбүп. Төлкөлөх төп түбүрэх көрдөсбүп.

Убса уруч аҕылар, истиң!

Аллара аһ дады иччитэ, исит! Төлкөлөх төп түбүрэхпин кулу!).

Потом трижды помахивает рукавицей и бросает ее вверх, крича: уруй⁵. Рукавица падает на землю, он поднимает ее.

Но вдруг она пала тыльной стороной вверх. Опять ее берет он, вторично молит — о буераки, мол, задело:

— Бабушка, госпожа моя! Нечаянный случай поразил: о препону, о буераки задело!

Бабушки, госпожи мои, урочищ властительницы, услышьте! Вещую гадальную ложку, о, даруйте!

Даруй, даруй, даруй!

(Аҕа хатыным! Осол оҕуста, татир таһта, сир былаҕаја таһта!

Аҕа хатыгтарым, аһ дайдыларым иччилэра, истиң ара! Төлкөлөх түбүрэхпин кулуң ара! Уруй, уруй, уруй!).

¹ Этот обычный эпитет земли и урочищ Худяков передавал — восьмигранная. Речь идет о восьми полукружиях, охватывающих по горизонту землю или урочище.

² Здесь, вероятно, надо разуметь урочище.

³ В тексте более конкретно: однодневный жребий, двухдневная судьба.

⁴ Т. е. хорошего предзнаменования, предсказания.

⁵ Слово обветшавшее; повидимому, значит — даруй! пошли!

После того бросает вверх рукавицу. И вот, наконец, она падает тыльной стороной вниз. Он кладет ее себе на плечо и кричит: уруй! Сейчас же на этом месте крест ставит: на этом месте, мол, построюсь, а там как Господь Бог (Аји тацара) пошлет. Потом рубит дерева, возит и для четырех основных столбов ямы роет.

Вот все приходят — все домашние, а вместе с ними и ближайшие жители. Вдувши огонь посреди дома, они огню жертву приносят — льют масло, суорат и бросают конскую гриву. А тогда гадают гадальной ложкой — бросает ложку домохозяйин, шаман или знахарь (ичән кисі).

При этом так молят:

— Ради непрочной, недолговечной нашей жизни!¹

Властитель места!² Властитель пылающего огня!³ услышьте!

Бабушка, госпожа моя, у лона, у чресл твоих приют!

(Бир хонор билгәбә, иккі хонор төлкөбө! Ән дадым иччitä, әл уотум иччitä! иста туруң!

Әбә хатыным, хонвохор, быттыккар кыбыт!).

Они молят об уютном доме (iärimä ciä), об устройении пылающего огня (әл уот төлкөтө), о благе рождаемых детей (төрөтөр оҗо туспата) и о вскармливании скоте. А тогда бросают вверх ложку, восклицая: уруй! Потом бросаются к гадальной ложке. Вдруг она вверх дном пала — опять ее бросают вторично. Тогда гадающий преклоняет одно колено и, глядя прямо в огонь, славословит — какие только в состоянии вспомнить славословия, что только вспомнит, ничего не опускает, — все упоминает.

А тогда бросает опять ложку:

— Бабушка, госпожа моя, буеракам не выдавай, о неровности не дай удариться, о преткновения не дай запнуться — даруй вещь тяжелую ложку!

(Әбә хатыным, былаага былцатыма, очурга обустарыма, тәтргә тәптәримә, сир былааҗыгар былцатыма, төлкөбөх төп түбрәхнин кулу!).

Потом махает гадальной ложкой и — крича: уруй! уруй! — подбрасывает ее. Опять бросается к ложке. Вот ложка упала вниз дном — он с радостью хватается ее, кладет себе за воротник и подпрыгивает. Тогда все радуются: «хорошо, друг!» говорят. И у всех просветлеют лица, речи станут веселые. Иные при этом рады, что ложка упала открытой, другие радуются, что на новоселье наедятся.

На новоселье же от кушаний, прежде чем их попробовал кто-либо, возливают в огонь: «мы дали, дескать, самых сливок кушаний, поделились, дескать, с дедом нашим».

Вот начинается новоселье. Прежде всего хозяин черпает с самого верха, и едят все кругом сидящие. Когда кончат, благодарят хозяина. А тогда кто-нибудь из стариков, начав с благодарности хозяину, благословение говорит:

¹ В тексте более конкретно: ради однодневного жребия, ради двухдневной судьбы.

² Т. е. genius урочища.

³ Т. е. genius огня — әл уот иччitä. О жолдине огня (галл эжин) у бурят см. Матер. для изуч. шам. Агапитова и Хангалова, Иркутск, 1883, стр. 11. Опочитании огня у монголов см. Банзаров, Черная вера, СПб. 1897, стр. 22, где, между прочим, читаем: «Восгия огня у монголов носит турецкое название *ум* или *от*, т. е. огонь». Слово әл исконно-тюркское (напр. в османли *alāw* пламя), но у якутов обветшавшее и утратившее значение.

— Зажги пламя-огонь, да не пропадет искра твоего огня¹, покинутое жилие пнями богато да будет, а летнее жилие — полно заветов!²

(*Ал уоту отун, уотуң кыма сүппитин, отоһ төдүргэстэх, сүт кэрийэстэх буоллун!*)

И вот все расходится. На этом новоселье остов дома заканчивают.

Потом опять приходит, ставит чувал. И говорят, что нельзя, чтоб чувал ставился без крови; поэтому убивают маленькую скотину и крови этой скотины вливают в огонь, потом кровью этой же скотины кропят потолок и кругом чувала кропят кровью.

Вот настает время перебираться. Тогда устраивают большой пир, сзывают всех ближайших соседей. Приходит все, кто в ладу с хозяином живет. А недруги не приходят, говоря: — Тоже, туда же, новоселье вишь какое-то!

А тот говорит:

— Что ж, не приходит — как хочет! Ну, человек! А не очень-то он мне и нужен — так, будто, к примеру зашла речь.

К пирушке одну скотину убивают, а кобыл всех ловят раньше и 7 или 10 дней копят кумыс — устраивают так называемый кумысный пир (ысыах). На этот пир призывают шамана славословить вышних белых божеств (*усă уруң аҕыны алҕатары*), и пока шаман не славословил, кумыса совсем даже не отведывают. Кумыс заготавливают в кожаном мехе, сверху сдобривают его маслом. Из меха наливают в кубок (чорбѣ). Один человек держит этот кубок, а за огнем женщина смотрит. Из кубка черпает шаман и брызгает в огонь и в потолок. При этом шаман славословит, а другие молчат. На двор вышедши, опять славословит он. Кубок кумысу держит один человек и на восток смотрит, а о бок стоит шаман, и у него в руках перевязанная гривою ложка. Глядя на восток, он так славословит:

— О божество коней Орел Горбонос³, Джэсэгэй⁴ Изехсит⁵ госпожа! Направь гладкогривых и длинногривых собери в стада!

(*Сылгы аҕыта, Хотой Хомпорун, Цасайгай Иаҕэхсит хотун! Сылгай сииллэҕи салай, ура муосталары убрда!*)

И при каждом слове он черпает своей ложкой и кропит. А возле него воткнуты две березки, называемые чачыр⁶.

¹ Т. е. да не будешь ты лишен потомства.

² Несмотря на то, что выражение это обратилось в ходячую поговорку, смысл его для меня в высшей степени темен. Ср., впрочем, выше, что козлы, на которые опирались роженца, заветная вещь (*кэрийэс*) и что их никогда не вырасывают, а прячут в хлеву (обряд «Родины»).

³ *Хотой Хомпорун*. Орел в эпосе и в песнях носит много украшающих эпитетов: клекучий сольклов (т. е. белый подобно соли), стучащее камень-пёбо (т. е. твердое подобно камню), драчливый бок и проч.

Может быть, благотворное женское божество является людям в виде орла, и отсюда и идет обожание орла. Но легко может быть здесь смешение представлений, истариною разнившихся.

⁴ *Цасайгай* (*Цаһагай*), повидимому, был благотворный бог, независимо от богини *Иаҕэхсит*. Но такова путаница современных представлений: здесь *Цасайгай* и *Иаҕэхсит* слились в одно представление, что повторяется в записанной мною песне певца Мегинского улуса.

⁵ В эпосе (да и в устах якутов) мне встречалась имя *Иаҕэхсит* в приложении к богине родов *Аҕыһыт*, или *Аҕыһыт*.

⁶ Эти березки — неперенная принадлежность кумысного пира.

— Хозяйка скотного двора¹, ты, святая, тихая госпожа! Ради великой веревки² о девяти привязках!.. С торчащей чолкой собери в стада, а гладкогривых направь!

С кучей обротей в тороках, с тьмой намордников³ на локтях, Иэхсит госпожа, сжался, милостива будь!

Березками путь твой обставлен, гривой перевязанными ложками увешан, дымокур⁴ — горшок твой, о Иэхсит госпоженька! кушай!

(Тiяргiяи iччiтiя, ыгык нiйбiи хотун! Тобус харабалах тоюн сiлi туса!.. Өрбгөр кбүүлiбi уордi, сылаi сiллiбi салаi!

Чохчо кбөн ббкiүргiлiх, оi томторук тонохотх Iajäxсit хатын, iäнигijä тур!

Äн чачыр äткытiх, сiллiх хамыжах ыллыктiх, тунтi уот кубстiх Iajäxсit хатын-ан, асiн сiян тур!).

После этого моления в дом входит, опять славословит и в потолок втыкает кругом зеленые листья, а это называется тоже чачыр, и Иэхсит, говорят, это любит.

И тогда радостные, ликующие садятся пировать. Но прежде всего усаживают шамана, его как священника — так высоко почитают:

— Без него как бы мы справились? — говорят. Его усаживают на белой конской шкуре, ему первый кубок подносят. И подносит-то ему кубок еще невинный молодой юноша, а ведется такое чествование истари. При входе, при выходе дверь шаману отворяют, и для этого уж стоят настороже — такой наказ раньше делают, пойдика с ним!

Вешание веревки гению урочища.

Прежде всего, жеребят ловят и загоняют их не в коровий загон, а в отдельный. В этом загоне бывает два небольших столбика, меж этих столбиков протягивают кожаную веревку, называемую сiлi⁵ — на ней двенадцать привязок, а вьют ее из четырех ремней (быа). К привязкам привязывают жеребят. Жеребята сильно бьются; чтоб не бились — караульного ставят. На эту поимку жеребят собираются ближайшие жители — они уж раньше осведомляются, когда, мол, поимка будет.

Затем устраивается пир. Еще с зимы запасают нарочно на этот случай потроха конские, а кроме того угощают кумысом, сдобренным маслом.

Посреди скотного двора огонь зажигают, творят возлияние и так взывают:

— Хранительница⁶ госпожа! (3) кушай!

¹ Т. е. гений скотного двора.

² Это сiлi = алт. jele (кирг. jeli) веревка, за которую привязывают жеребят, чтоб не сосали кобыла. (Ср. словарь в приложении к Грамматике алтайского языка, Казань, 1869).

³ Это намордники, надеваемые на телат, чтоб те не высасывали маток.

⁴ Чтоб прогнать тучи комаров, мучащих животных летом, разводят большой дым, зажигаля сухой коровий навоз. Это и называется дымокур на языке тамошних русских. Повидимому, у богини горшок таких громадных размеров, как этот дым.

⁵ См. выше, примеч. 2.

⁶ Так переводна слово Iajäxсit Худяков.

Богиня коней, орлица горбоносая!¹ Однокопытным не давай спотыкаться, раздельнокопытным не давай уйти! С торчащей чолкой собирай в стада! Гладкогривых сгоняй! Беломастных соединяй!

Орлица святая! кушай!

(lǎjǎxst хотун! (3) аса!

Сылыг аҕыта Хотой Хомпоруй! Бутай туҕахтаҕы мүдүрүгүмэ, атырцах туҕахтаҕы араарыма! Орбгөр көбүлэҕи үөрдэ! Сылай сiällэҕи салай! Маҕан түлэҕи бэрэйд!²

Хотой аҕа, асан сiан туо-ор!).

Потом готовят кумыс, а готовят его из молока первожеребых кобы и раньше никому не дают того молока отведывать и сами его не отведывают. К растущей среди поля чтимой (мáллáx) березе привносят кумыс: «пришли мы, мол, к властителю нашей родимой земли³, чтобы повесить веревку (сáтi) в подарок⁴.

А это так делается:

Мимо березы этой по солнцу не проходят. По одну сторону березы втыкают рядом девять маленьких лиственниц, на нижних ветвях березы вешают веревку (сáтi, выговаривают и сiтi, — тоненькая веревка) и протягивают ее и на все маленькие лиственницы. Вешают на веревку в ряд: девять намордников⁵, ушитых бусами, наперсток (кожаный), перья девяти пород уток и девять разных доскутков материй⁶. Потом зажигают дымкур⁷ и ставят у огня сдобренный маслом кумыс в берестяном ведре (маҕас), перевязанном волосом из конского хвоста. Потом один человек берет наполненный кумысом кубок об одной ножке (бр атахтаҕаx чорбi) и, держа его в руках, становится лицом к востоку; на человеке этом надета суконная женская шапка с бляхой⁸. А тут же стоит «славословящий»⁹; на нем тоже суконная женская шапка с бляхой. Это молодой чистый юноша. У него в руках ложка, какие бывают на кумысном пире. Ложка эта такая: видом похожа на лопатку, и сама она в трех местах продырявлена, а у перехвата, у черева, перевязана белою гривой.

¹ См. выше, стр. 203, примеч. 3.

² Глагол образован от русского слова пара = бэра.

³ Т. е. к гению урочища. Родное урочище названо в тексте «бабушка наша» (áбáйт), а гений его — «хозяин» [iччitá = бур. ижинг, ижэн, эдзэнг (эдзэн). Ср. также тюрк. ä, idi (монг. едзэн) голын; невидимый дух, обитающий в известном месте, демон; ту äzi демон, живущий в горах, су äzi демон, живущий в воде, — владеющий рекою].

Ласкательное или почтительное «бабушка» (áбá) всегда на устах якута, когда он говорит о родной реке, родном озере, родном урочище. Было бы неуместным браваурством, святотатственным чем-то, назвать родное озеро озером (күöбi), а не бабушкой (áбá). Больно грубых, вульгарных терминов замечается и во многих других случаях.

⁴ Весь описываемый обряд «Вешания веревки» (сáтi үйэр) повествователь видел в 1886 г. Обряд справляла богатая родовичка, украдкою от мужа, светлою летнею ночью.

⁵ См. выше, стр. 204, примеч. 3.

⁶ В тексте взятое с русского тáрáпiскá = трипичка.

⁷ Ср. выше, стр. 204, примеч. 4.

⁸ См. выше, стр. 200, примеч. 2.

⁹ алгыр кiсi. Алгы — благословлять, славословить = алт. алка. «Когда шаман произносит молитву, без жертвы и без бубна, то говорится, что он только «алкап айткан», т. е. молится (ср. словарь к алт. граммат., стр. 146).

Тогда человек с кубком в руках становится на одно колено, а славословящий черпает кумысу и крошит на березу и лиственницы. При этом вспоминают все урочища, ни одного большого урочища не пропускают — на 100, на 200 верст кругом:

— Властелин бабушки, государыни моей! Кушайте, все без изъятия, кушайте! — обращаются они к демонам урочищ.

(А́бá хатыным и́ччitá! а́сáй сián туруң! Барыгыт машпакка а́сáң!).

Потом, сидя в кругу, пьют кумыс. Затем, встают и танцуют — все, взявшись за руки, ходят хороводом и поют. Один выступает запевалой, а все другие подхватывают его песню и поют за ним.

П е с н я.

Цá-á дуо-о! А́бáн сабан áтáн и́сiáңиң,
о́оло-ор!

Кáккáлáсáй туран, кáскilлáх тылла кáл-
сáтiáңиң, о́оло-ор!

Уру́i дián олохтóн и́сiáңиң, о́оло-ор!

А́-á-á! дуо-о! А́ихáл дián албáн и́сiáңиң,
о́оло-ор!

А́-á-á! А́гái дián áтáн и́сiáңиң дá-á-á!

Бiсiгi цон кáккáлáсáй турарбыт кáскil
буолаан, до́оло-о-ор!

А́-á-á! дуо-о! Бiсiгi уктáмiт сiрби́тiттáн
у́кáр⁴ ку́бх от у́нiу́н, о́оло-о-ор!

Бiсiгi цон алтахтабыт сiрби́тiттáн а́рыс
салáлáх ачá⁵ ку́бх от а́чáтыннын, о́о-
ло-о-ор!

Цá-á, дуо-о! Íтáр Iá́жáхсiнпiт iсáн iáни-
гii, о́оло-о-ор!

Аiбыт А́йсыт хатын, ара́чáччылы тур,
до́оло-о-ор!

Тiáргáн и́ччitá, тáри́я тур, о́оло-ор!

Ой-ли! ой-ли! Подробную речь поведемте,
детушки!

Стоя рядом, вещице слова поговоримте,
детушки!

Мольбу о счастье¹ положимте в основу,
детушки!

Ой-ли, ой-ли! Ликующими кликами² сла-
вословимте, детушки!

Ой-ой-ой! Эгэй, эгэй!³ вскричимте же!

Вот, как рядом стоим — да будет нам
доля, други!

Ой-ли! ой-ли! Из земля, на которую мы
ступали, да вырастет зеленая трава, де-
тушки!

Из той земли, по которой гуляли мы, да
расцветет осьмиразвилистая зеленая осока,
детушки!

Ой-ли! ой-ли! Кормилица хранительница
наша (богиня Иэехсит), услышь, ласкова
будь! Детушки!

Родимая, богиня родов, госпожа, покровом
будь! Детушки!

Хозяйка⁶ скотного двора, строительствуи!
Детушки!

¹ уру́i, см. выше, стр. 201, примеч. 5.

² а́ихáл — молитвенный возглас, слово обетшавшее.

³ а́гái — песенный клик.

⁴ Вид осоки.

⁵ Вид осоки. — По «Русско-якутскому словарю» И. П. Будищева, это — пырей. *Гед.*

⁶ Т. е. гений.

Ајыбыт хатын, бiсiгi алтахтабыт сiрбiтi-
гiр арымыс кус сымбытын курдук арагас
илгiнi бiллiргiчi¹ тамалата тур! Оџоло-о-ор!

Бiсiгi дон тiйрiдiнi бiт сiрбiтiгiр чiркiбi
кус сымбытын курдук уруц сулугiгi чiлiур-
гiчi² тусiрi тур! Оџоло-о-ор!

Кiнчiйрi кiсiтiн кiскiллiгiн iсiн кiрi бi-
нi кiсiлiбiт, оџоло-о-ор!

Тулајабын торолутуовун тусугар туңујун
туксарбыт, оџоло-о-ор!

Цi-а, ду-о! Ыччатын асатыабын iсiн
абыс ајыбыт тiйргiнi атгырдах кыпа анi-
быта усу, оџоло-о-ор!

Соноџос атiр сылгым тумуктах буоабут
усу, доџотгор!

Тiйргiнiм iччiтi, хотоi ајыла-арбыат, хол-
ботту туруц, оџоло-о-ор!

Цiсiгi-и-лi-ајiхсiттiр, тiйргiн туругурдуц!
Доџоло-о-ор!

Цi-а ду-о! Товус харадалах тојон сiлiнi
тусарда дiаммит, туојахтыабыц! Доџот-
то-о-ор!

Сылai сiллiлiхпiн салаја тур дiаммит, саңар-
сыабыц! Доџотто-о-ор!

Уруц тулiгi убрду тулдун дiаммит, убу-
лiбiуц! Оџоло-о-ор!

Маңан тулiгi бiралатын дiаммит, маргы-
сыаң iрi! Доџотто-о-ор!

Тус iлiн дiакитгiн кiнi аттыга кбстi турар
куцкuiя урiх курдук кбсуннi абат! Доџот-
то-о-ор!

Икi хiрдiх бугул саја уруц кугiнiнiн ушi
турар усу абат! Доџотто-о-ор!

Богиня родов, госпожа, на то место, где
гуляли мы, точи в яздо гоголя каплями жел-
тую влагу!³ Детушки!

И на ту землю, где мы хороводом ходили,
в яздо чирочье каплями точи белую влагу!⁴
Детушки!

Чтобы поздно явившихся на свет людей
своих судьбу устроить, она белой кобылице
гостинец⁵ послала, детушки!

Чтобы сирот своих поправить, первоже-
ребую кобылицу красой наделила⁶, детушки!

Ой-ли, ой-ли! Чтобы роды родов кормить,
восемь божеств наших указали — с жереб-
цом быть скотному двору, детушки!

И молодой жеребчик плодущим стал, други!

Скотного двора владетели⁷, орлы⁸ святые,
собирайте, собирайте воедино, детушки!

О, вы, хранители⁹, скотный двор устройте!
Детушки!

Ой-ли, ой-ли! Запоемте-ка помаленечку,
что добрую веревку, о девяти привязках,
так, мол, украсила! Други!

Гладкогривых направь! мол, — возгово-
римте так! Други!

Белошерстных да соединит, мол, в стада!
вскричимте так! Детушки!

Беломастных да сочетает, мол, в пары!
разом, дружно подхватим-ка! Други!

Гляди, прямо с востока, что далекая, глу-
бокая речка, реет се божественный путь!
Други!

Гляди, в две покрытые снегом конвы бе-
лою пеною вздымается! Други!

¹ Звукоподражательное: бузь! бузь! бузь!

² Т. е. масло, или вернее — сок трав, обращающийся в масло.

³ Звукоподражательное: чоль! чоль! чоль!

⁴ Т. е. молоко или вернее — сок трав, обращающийся в молоко.

⁵ Т. е. указала ей быть жеребой, повести.

⁶ Т. е. повелела ей быть жеребой: ср. выражение: сылгы тупсубут цыла, где этим же понятием
нарядности, убора (тубус = тугус значит *украшаться*) выражается понятие плодovitости кобылиц.

⁷ Т. е. гении; ср. стр. 205, примеч. 3.

⁸ Ср. выше стр. 203, примеч. 3.

⁹ В тексте множ. число от Цiсiгi-и-лi-ајiхсiт.

Аспытын асатыабын ісін артыгып асап
 арар абат! Дождотто-о-ор!

Туорхасыбытын тоторуоудун ісін уруң ку-
 гайиһан улуһнарда! Дождотто-о-ор!

Ца-а дуо-о! Ілјаксиг хатын ісарә ила-
 баччы ісіннә абат! Оволо-о-ор!

А-а-а дуо-о! Толон самбір норбсунаидәх
 абат! Дождотто-о-ор!

А-а-а дуо-о! Дорвөн әтиң суорумижулаһ
 усу! Дождотто-о-ор!

Уот чабылган кымнжылаһ абат! Ово-
 ло-о-ор!

Ыдаң мағас ындылаһ ібиг абат! Дождот-
 то-о-ор!

Ца-а дуо-о! Таиган сипр кәсипәх! Ово-
 ло-о-ор!

А-а-а дуо-о! Чохчәи кәвән бәктүргәләх
 усу! Дождотто-о-ор!

Ца-а-а дуо-о! Ои томторук тоңоохтәх
 ібиг абат! Дождотто-о-ор!

Ца-а дуо-о! Әрийән сәти әнјиргәләх иһи,
 дә-а! Дождотто-о-ор!

Чәјиң, дождоттор, урајарбыт буолла!

Удуор тохору оңорү буоллун! Ово-
 ло-о-ор!

А-а-а дуо-о! Кәпәдәсін уја тохору кәскі
 буоллун дән әтиәңиң, дождотто-о-ор!

А-а-а дуо-о! Удуор тохору ураібакка
 оңосулла турдун! Дождоттор!

А-а-а дуо-о! Тохтөбөккө тулхатыбат ту-
 раны тӯраланнын дән туомнәтахныт буол-
 лун! Дождотто-о-ор!

Ца-а-а дә-а-а! Ырас буорум урдүгәр сип-
 нбәт сәтәлгә тәриһиннән диятәхниг буоллун!
 Оволо-о-ор!

Ца-а-а дуо-о! Орто буорум урдүгәр ураі-
 бакка усун үгү оловурдун! Оволо-о-ор!

Чтобы накормить своих голодных, она,
 глянь, путь свой раскрывает! Други!

Чтоб отощавших своих насытить, белою
 пеною взбурлила она! Други!

Ой-ли, ой-ли! Втявь слышно, как гредет
 Хранительница Государыня! Детушки!

Ой-ли, ой-ли! Дождь и град парочным¹
 у ней! Други!

Ой-ли, ой-ли! Раскаты грома посланцом
 у нее! Други!

Молния пасть у ней! Детушки!

Тяжелые ведра выюк ее! Други!

Полный мех — гостинец ее! Детушки!

Ой-ли, ой-ли! Куча обротей в тороках
 у ней! Други!

Ой-ли, ой-ли! Тьма намордников² на лок-
 тях у ней! Други!

Ой-ли, ой-ли! Пестренькими веревочками
 увешана она! Други!

Ну, други, пора нам кончатся!

В роды родов да будет доле! Детушки!

Ой-ли, ой-ли! На вечные времена пусть,
 мол, будет уделом, скажемте так, други!

Ой-ли, ой-ли! Да совершается непрестанно
 в роды родов! Други!

Ой-ли, ой-ли! Да непрестанно не шаткое
 основание обосунется свершенным нами
 обрядом! Други!

Ох, ох! На святой нашей земле пусть,
 мол, кольцо³ в ноздрях быка, не рвущееся,
 изготовляется⁴ — скажемте так! Детушки!

Ой-ли, ой-ли! На среднем свете⁵ нашем
 да водворится долгое обилне! Детушки!

¹ норбсунаі — парочный, русское слово.

² См. выше стр. 204, примеч. 3.

³ Тальниковое кольцо, к которому прикрепляется повод.

⁴ Это метафора: желают прочного, надежного домостроительства.

⁵ Т. е. на земле, которая являет собою средний мир — между верхним (небесами) и нижним (подземным).

Ца-а-а дуо-о! Кэтит дайдым урдунан кэтит кэсэ тэргэнин да-а-а!

А-а-а дуо-о! Саларым тибат чабаба тартылыныны! Дожотто-о-ор!

Ца-а-а дуо-о! Улу дайдым урдунан урабас тибат усун уигута олохтонун! Оволо-о-ор!

Ца-а-а дуо-о! Кэтит дайдым урдунан тацка тибат диир тусулгата тариллинн да-а-а!

Ца-а-а да-а-а! Кэнибэсин тохору, кэскил буолуун! Дожотто-о-ор!

Ой-ли, ой-ли! На широкой стороншке нашей да расстелются широкие блага!

Ой-ли, ой-ли! Лукам нашим не дохватить — льва такая да прострется! Други!

Ой-ли, ой-ли! По великому моему миру жердью не дохватить — долгое обилие да водворится! Дегушки!

Ой-ли, ой-ли! По широкому моему свету стягом не достать — глубокий чан² кумысный да изготовится!

Ой-ли, ой-ли! На вечные времена уделом да будет! Други!

Высеканье огня, как средство против сыпи у новорожденного.

Когда у ребенка появится сыпь, смотрят ее, смотрят и говорят:

— О! это огневая сыпь!

А сыпь тем временем все больше и больше, и до того доходит, что все тело ребенка сплошь покрывается ею, как корой. Тогда начинают спрашивать о средстве, чем помочь? Ктонибудь сторонний на это и скажет:

— Как чем помочь? «Высекателя огня» надо!

Тогда спрашивают:

— А где, мол, высекатель огня?

На то отвечают:

— Что, думаешь, кто угодно может высекать? Нет! Высекателем огня бывает человек из хоринского² рода.

А хоринского рода человеком старинные люди называли всякого, кто происходил от знахарники или ведуна (i тэниги ду кэбрууяччи ду тэруттэх).

Тогда опять спрашивают:

— Кто ж бы был из такого рода?

— Постой, стой же! — отвечают: — припомни!

— Ну, постарайся, вспомни! — говорят ему.

— Сколько помню, вот тот — мол, говорили — высекатель.

Тогда примутся настойчиво разведывать о том человеке, и оказывается, что все знающие его приглашают его высекать огонь. Тогда зовут этого человека.

И вот он приходит и высекает огонь. Огниво у него, говорят, цельное, с ручкой из того же куска — тунгусское огниво; кремь — цвета красной меди.

Мать с ребенком на руках садится у огня и в огонь бросает пищи, говорят (делает жертву). А знахарь над ребенком высекает огонь и при каждом ударе огнива приговаривает:

¹ В тексте тусулга — слово обветшавшее теперь, означает ареву кумысного шира.

² Ср. Худяков, Верхоянский сборник, стр. 54: Хоро, прародители якутов.

Труды Ком. по науч. Якутск. АССР, т. VII.

— Күвдү! күвдү! Сырал, сырал!
 Хоро төрдө, хоро төрдө!
 Уот иччтә, кырыл түсүмәт, кырыл түсүмәт!
 (Сверкай, сверкай! Свай, свай!
 Хоринский род, хоринский род!

Властитель огня, почтенный и важный, почтенный и важный!).

Потом он требует платы; плата же ему не велика бывает — лишь стоимость огня, которым высекал. Все его надежды на лучшее вознаграждение — в будущем, когда поправится ребенок.

Разносится потом весть о том, что ребенок выздоровел; по этому поводу говорят:

— Да, шарень, ладио! Он помогает.

И опять когда заболевает ребенок, опять зовут его же — раньше, мол, помог. А пусть-ка опять выздоровеет ребенок — тогда уж и вовсе уверятся в него. А сам-то он, словно врач, все-таки в душе гордится немножечко: уж он не как простой¹ человек, а о том, о сем говорить берется, доведись ему ночевать у кого или просто зайти к какому жителю.

И вот такой-то человек, и то гордился встарину, — лишь потому только, что я, мол, высекатель огня! А то как бы не уважали человека, призываемого лечить какую-нибудь тяжелую болезнь, — шамана?

Встарь хорошо знали высекателей огня. Да и теперь даже изредка слышишь:

— Это, должно быть, огневая сыпь. Но я и сам не знаю, кого бы позвать высекать огонь, да и слышать про какого-нибудь высекателя не доводилось.

Культ Баяная.

Баянаев — духов, покровительствующих охоте, — 11: девять родных братьев и две их сестры. Они произошли от людей. В глубокой древности жили девять братьев и две их сестры; они были бедные и прощивались исключительно звероловством. Когда они умерли, то души их превратились в Баянаев.

Имена их следующие:

1) Баи хара тыа иччгә, Баи Бајанаи — бадам туту — баибары бәримҗи — көп сөгбiби (Дух богатого темного леса, богатый Баянай — богатые владенья — щедрая подача — обилие пушного);

2) Өндбiлүкү өбкөнб (Сгорбившийся громадина);

3) Әлп хандаҗаи (Лихой великан);

4) Дабы соххор (Далеко хватающий кривой);

5) Кустук тарбах (Стрелы-пальцы);

6) Куралаи бәргән (Дающий метко попадать удалец);

7) Кураҗаччы сүрүк (Пригоняющий дичь бегун);

8) Чочу кылбсыт (Искусник скакать на одной ноге);

¹ В тексте русское слово.

- 9) Сыра́на ку́дук (Гений рыболовства);
 10) Та́ллáх та́йáримá (С развевающимися плами);
 11) Ыты́к суба́йдáн (Почтенная охотница до крови¹).

а) Призывание Баянаев перед охотой.

Зверолов, наставивши свои самострелы, ловушки и пасти, вечером, стоя перед огнем, призывает всех Баянаев по именам и говорит: еште! кушайте! И с этими словами бросает в огонь лучший кусок: мясо или масло. Духи в это мгновение вселяются в охотника и устами его говорят:

— Нух диá! Нух диá! Бу асы-уóйу, бу асы-уóйу — ho! ho! ho! — бу атастарбын, бу атастарбын көр áрá! Ёруң хара кылáннахпын у́ллар уру́йáбиттáн, ты́ллар ты́рахтабыт-тан² уран кы́йдáн хата а́дала́йабын, сыты ты́цкыра́йабын ты́тажа́бын, áрчимнáх áлбáракпáн áсáйáбын, обунвáх осхорбу́н охсо́йобун, хатан харда́засы́н хамнатáжабын (ы́ оччотугар)!
 Ким бары́ мýжиги́ кытта сы́рсыах, кылысыах!

(Ух! ух! Вот на пиршество, вот на пиршество — ха-ха-ха! — вот на моих друзей, вот на моих друзей смотри-ка! Не пригнать ли мне, впрямь, белую и черную пушнину с бурлящих падей, с путей широких? Не тронуть ли вострую насторожку? Не спустить ли тугой ремешок? Не хватить ли ярой стрелой? Не двинуть ли крепкое полено³ (назначает день месяца)?

Кто найдется поспорить со мною в беге или в прыганьи на одной ноге!⁴).

Следует ответ со стороны охотника:

— Никто не может!

И опять раздается хвастливый хохот Баянаев. Охотник, когда вселяется в него Баянай, приходит в некоторый экстаз: произноса слова Баяная, прискакивает и делает гримасы. Лицо наполовину мажет кровью, а другую половину оставляет, в виде приманки, недомазанною, чтоб домазать после, когда опять упромыслит зверя.

б) Кукла Баяная.

Из дерева делают куклу — без рук, без ног, с головой только. Лицо, нос, рот — все ровво как у человека делают. Потом делают из серой⁵ зайчины доху для этого Баяная. Затем, призывают Баяная. Призывает шаман или знахарь (ичáн), — есть такие люди — не шаманы, а славословящие (алгáр) люди.

Потом куклу кладут на балку. Кладут в маленький кузовок, в котором намощено лоскутьев худенькой зайчины или тряпок⁶.

¹ Звериной.

² Русск. слово — тракт.

³ Т. е. лук-самострел (а́ја).

⁴ Известная якутская игра.

⁵ Т. е. летней окраски.

⁶ Русск. слово в тексте.

в) Гимн Баянаю по добыче лося.

Баї Бајанаї! Баї барыләх, баттах сабыңах, кустук куралаї, кулаҗаччы сүлүгәс¹,
оноғос бәргән, әргәнә хара тыа ічтітә, тоғус тумулаттар ічтіләрә! асан-сіән² туруң!

Хәннәх хаҗғыаны хәннәтым, — аңар іңгін хәннәбын, авыгытыгар аңарын хәннәым.
Цорғоно сотоабдуған тосхой, әргәнә хара тыа ылымкын ас! Хух! хух! хух!

(Богатый Баянай! Всячески богатый, головных шкур доха, меткая стрела, проворная
булава, молодецкая стрела, крупного темного леса властелин, девяти мысов властелин!
ешьте, кушайте!

Кровавую затесину² я кровью мажу, — одну щеку твою³ я кровью мажу, а ужо и
другую помажу. Приговни высоконогих! По крупному темному лесу путь твой открой!
Ух! ух! ух!).

Затем, затесину мажут и кровью лося, а в огонь бросают масла или хаху⁴.

г) Добыча лисицы.

Прежде чем выйти оглядеть самострелы, в огонь приносят жертву. Обходят само-
стрелы. Если убитая лисица, то из молодых лиственниц делают юрту⁵ над убитой лисицей.
По солнечной стороне мимо этой юрты не проходят.

Прижимая к груди обеими руками лисицу, скачут, приговаривая: ух! ух! ух!

Когда принесут ее к дому, то стучатся и кричат: — Эй, вы! в огонь киньте пиши!
Тогда сию же минуту бросают в огонь пиши. Выносят, затем, на двор сукожную шапку и
надевают ее на лисицу. Сами при этом тоже в шапках. Потом становятся по правую сторону
чувала и, поднося лисицу к огню, славословят. Славословит же убивший лисицу, а отнюдь
не кто другой.

— Баї Бајанаї, асә!

Баї барыләх, баттах сабыңах, тоғус тумулаттар ічтіләрә, әргәнә хара тыа ічтітә!
Хара сасыл хардыләх, кәрәмәс сасыл кәнтіктәх! хара тыа ылымкын ас!

(Богатый Баянай, кушай!

Ты, всем богатый, головных шкур доха, девяти мысов властелин, крупного темного
леса властелин! У тебя, что ни шаг, то черная лисица; что ни намерка⁶, то сиводушка!
Путь твой по темному лесу открой!).

Так приговаривая, скачут, поднося лисицу к огню и прикрикивая: ух! ух! ух!

Потом честную добычу доброй закуской. Через три дня обдирают лисицу и обяза-
тельно опять пируют, и опять, возливая в огонь, скачут с криками: ух! ух! ух! Затем, мясо
лисы заворачивают в сено и кладут в такое место, где б оно не могло сгореть, или погре-
бают в земле.

¹ Ср. выше: кураҗаччы сүрүк.

² Грубое изображение рожи Баяна.

³ Ср. выше в) Призвание Баяна перед охотой.

⁴ См. выше, стр. 198, примеч. 2.

⁵ Кошечью — так называемую урасу.

⁶ Это так называемый кәнтік — динька для примерки, как ставить самострелы.

Последнее напутствие.

С большим нетерпением ждут, когда, мол, приедет шаман, и наряжают сторожевого. А если больному значительно хуже стало, то очень тревожатся: умрет! умрет! — мол. А если без шамана умрет, то словно бы милости божьей человек лишен — так смотрели на это старшие люди. Но вот караульный увидел, что едет шаман; он быстро вбегает в дом и говорит: ну, други! едет, едет. Услышавши это, засуетятся. Домохозяин сам выходит, принимает повода, помогает сойти с коня, дверь раскрывает; на правом прилавке¹, если не имеет белой оленьей шкуры, расстилает белую конскую шкуру.

Шаман после обычных разговоров спрашивает: что, готовы ли приготовления? На это те говорят: ведь, тебе лучше знать, что тебе надо. Глядя в огонь, важно этак сидя, он говорит: то, то, мол, надо; это приготовьте, мол. Примутся готовить. А если чего из нужного нет, то едут просить к какому-нибудь жителю, — вскакивают на коня и вскачь летят. Если житель не дает, то по чрезмерной цене, а берут, что требуется. Те же, хоть против воли, а уступают нужную вещь из боязни, что вот, мол, будет говорить шаман: — Когда мне надо было, не дали.

Приходит вечер; шаман шаманит. Кончил, говорит: ну Бог (таңара) поможет. Радуются люди, просят его передпевать. Он остается. А они думают, что когда шаман у них, не умрет их больной. И вот когда уж они думали, что больному будто лучше стало, тот вдруг застнет, заохает; тогда шаман очистительным дуновением дует (сүргүжәр).

На другой день шаман едет домой, — его опять с провожатым отправляют. Ему дают перед отъездом плату (манја); кроме того, дают припасов (ындЫ), и берет он подстилку, на которой сидел приехавши. А еще берет он ту лошадь, что у столба привязанной стояла при его спешиваньи, — так называемую опору при спешивании (тајанан түсәр ата). Эту лошадь он сверх всего прочего берет.

Вот проводник его воротился. У него спрашивают: что, мол, как разговаривал? Если проводник ответит, что ничего, мол, — ладно разговаривал, то радуются. А если он им скажет, что не очень-то, мол, хорошо, то пугаются: ах, Боже мой, чем это мы не угодили? печалуются. А тогда и сторонние жители говорят между собой: — Э! шаману-то, слышно, не потрафили. И шепчутся: — Что-то сделает старик? А если передают, что довольным уехал шаман, то про тех людей, к которым он приезжал, думают, что ничего худого с ними не приключится.

Но вот больная вместо того, чтоб поправиться, умер. Тогда опять едут к шаману, — ровно к священнику, едут к нему. А это едут затем, чтобы отозвать назад души (кут арәт-тара) — не то уведет, мол, покойник души людей либо скота (кісі ду сүбсү ду кутун іцә барыаға діән). И вот шаман приезжает, шаманит; пошаманивши, говорит: столько то, мол, человеческих душ воротил, столько то, мол, — скотских. Опять радуются те люди:

— Авось, Бог и помилует; он-то (шаман) уладил. А еслиб его не было, что бы мы делали?

¹ Почетный угол.

В былое время, что, мол, грех это мы совершили — такой мысли вовсе и не было: напротив, если умирали покойники без шамана, то очень скорбели об этом близкие; если же при шамане, то радовались. И сторонние разговаривали промеж себя: какого де шамана брали? — спрашивали. На то сиропенный отвечал: такого-то, мол, шамана брали. — А! хорошего же старика брали: он сможет поправить. Это хорошо, парень!

А когда, бывало, похоронят покойника, то вечером шаман опять немножко шаманит: начнутся, мол, покойнички посещения (кисі кәррә). Чтoб отогнать их, затем-то и приказывают шаманить.

А такие посещения встарину, говорят, вoочью бывали. В виду таких-то случаев и говорили: без шамана где бы нам вынести?

Вот потому то в случае, если человек умер без шамана, сторонние толковали:

— Ах, бедняга! Без шамана умер беденький. Для него, вишь, и шамана не нашлось.

А так разговаривал меж собой, отец сына, брат брата учили, говорят. На то им отвечали: — Да, как то выйдет! А дело-то такое, что прямо все бросай, а заботься об этом. На то старшие говорили: — Старайтесь же, смотрите, молодые люди! А те отвечали: — Если только жив буду, все брошу, а это выполню.

На могиле покойника коня убивали, а убивали тоже не попросту: кругом поля вскачь его пускали и, пригнавши, тотчас убивали.

На покойника надевали волчью доху, а из вещей его клали с ним: пальму (батыҗа), косу-горбушу (хатыр), лук (курәхтәх сә), стрелы (ох, оновос), копые (анҗар уңу), нож (бысах), трубку (хамса). Был обычай хоронить все эти вещи вместе с покойником. Кроме того, в головах клали ему бадью студеного масла и сердце скотское, — называлось это смертные яства (кбдсуб).

А под покойника¹ клали какой-нибудь доскут одежи. Это называлось — сиденье (олох) в довозьстве прожившего человека. Доскут был рысей или росомаховой шкуры.

Лицо же покрывали горностаем. Это называлось покров личной.

И так и спрашивали: — А сиденьем, мол, что было? Потом: — А покров личной?

А на то: — То, то де, такой-то де, — рассказывают.

А те замечают: — Да, ладно. Ведь, слышно, что покойник в достатке век прожил.

Еще диковинный обычай был. Убитого коня мясо все, сколько там было при потребности народу, делили между собою и про это говорили: садаҗа быстахпыт².

Потом, говорят, вешали шкуру убитого коня, с хвостом, с гривой, с головой, с копытами — целиком. Делали так — ровно будто живой конь, с седлом, с уздой, с обротью, с тебеньками и чапраком по бокам и на крупе (кычым, чаппарак), с переметными сумами (әрйбәдәй, с русского), — все подделывали, как словно живой конь³. А означало это, что пусть де покойник там ездит верхом.

¹ В тексте более определено — под что именно.

² Т. е. мы разрезали, значит, тушу скотины, дававшейся рабочим и родственникам богатого покойника сверх номинальной скотины. См. «Словарь» Пекарекого, 2021. Ред.

³ Из эпоса акутов видно, что «смертный конь», по-акутски, назывался хаҗыҗа (= хаҗыҗа = хаҗыҗа) ат.

Те сани, на которых отвозили покойника, бросали; лопату — тоже. В дом входили, очистив себя (арчыланан) кругом деревом, спаленным молнией. Щенки от гроба¹ и грязную одежду выносили и сжигали. На каждой дороге вколачивали крест. А лишь наступал вечер, детей совсем не выпускали на двор, — и во всем околотке так боялись: — О, Боже избави, не выходите в этот опасный (дӱсык) день!²

¹ Гроб здесь назван просто мас, т. е. дерево. Могила же носит название кісі уңуоҕа, что буквально значит человечески кости. Старинная, на столбах, гробница-лабаз называется араҕас (ср. бурятск. араҕа).

Кстати, непонятно, почему Большая Медведица напоминает якутам эту гробницу-лабаз; созвездие носит по-якутски имя Араҕас Сулус.

² В тексте повествователь делает, — вероятно, «страха ради иудейска», — такое примечание относительно вышеописанного обряда: «это совсем старинный обычай, и теперь такого вовсе нет».

Ueberreste eines von Urahen stammenden Kultus bei den Jakuten.

S. Jastremsky.

R é s u m é.

Der Verfasser beschreibt eine Reihe von Gebräuchen, welche dem heidnischen Kultus der Jakuten angehören. So haben wir:

1. *Ritus bei dem Wochenbette.* Die gebärende Jakutin sitzt auf Birkenpfähle gestützt. Vor der Niederkunft giesst man Butter und wirft die weisse Mähne als Opfer der Geburts-Göttin in das Feuer. Nach der Niederkunft folgt ein Gastmahl. Am dritten Tage nach der Geburt veranstalten die Frauen ein Mysterium an welchem Männer nicht teilnehmen dürfen. Das unmässige hysterische Lachen, welches bei dieser Zeremonie eine Person weiblichen Geschlechts befällt, dient als Zeichen, dass die Göttin in dieser lachenden Person erschienen ist.

2. *Eine kinderlose Frau, um sich von dem Ortsgeiste ein Kind zu erbeten,* setzt sich am südlichen Abhang eines Tales am Fusse eines Lärchenbaums auf das Fell eines weissen Pferdes. Der Lebenskeim des Kindes fällt sodann auf das weisse Pferdefell in Gestalt eines Insektes oder einer Spinne.

3. *Das Durchschneiden des Strickes.* Diese Zeremonie wird von einer schwangeren Frau bestellt. Im Parade-Kleide, mit einem weissen Stricke umgürtet, stellt sich die Frau vor das Feuer. An dem Stricke werden neun rohe Stücke Kalbsleber, neun Haare einer weissen Mähne und eine Blutwurst aufgehängt. Während der Zeremonie berührt der Schaman die Frau mit *žalbÿr* (ein Birkenlein, welches mit der Mähne verbunden ist). Zuletzt wird der Gürtel von dem Schaman durchschnitten und sammt allem an ihm Hängenden in's Feuer geworfen.

4. *Das Beschwören der Geburts-Göttin.* Diese Zeremonie wird von einer unfruchtbaren Frau bestellt. Hierbei beteiligen sich auch ausser dem Schaman die sogenannten Tänzer (*bit-hitter*). Als Zeichen des Erscheinens der Göttin dient das unmässige Lachen der Person, in welcher die Göttin erschienen ist. Zu bemerken ist, dass hier die Göttin auch in Männern erscheinen kann.

5. *Ritus bei dem Bauen eines Hauses.* Auswahl des Ortes vermittle des Wahrsagens mit dem Fausthandschuh, welcher in die Höhe geworfen wird. Gebet dem Erdgeiste und den Ortsgeistern. Festmahl in der neuen Wohnung. Das Kymysfest und das Gebet an die jakutische Isis.

6. *Das Aufhängen des Strickes, dem Ortsgeiste gewidmet.* Das Festmahl beginnt im Viehhofe mit einem Gebete an die jakutische Isis und geht darauf auf das Feld über, wo am Fusse einer geweihten Birke Gesang und Tänze Platz finden.

7. *Funken, dem Feuerstein durch Anschlagen entzogen, als ein Heilmittel gegen einen «feurigen» Ausschlag bei einem Kinde.* Diese Zeremonie besteht darin, dass der Hexenmeister, über dem Kinde den Feuerstein anschlagend, den Geist des Feuers und die Urväter der Hexenmeister (*Khoró*-Leute) beschwört.

Alle diese oben erwähnten Riten gehören dem Kultus der sogenannten Ajjysyt (Geburts-Göttin), des āl uot itschtschite (Geist des Feuers) und der ān daidy lar itschtschilire (Erdgeist und Orts-Geistern) und der Iäjäxsit (jakutische Isis, oder Göttin der Pferde) an.

Weiter folgt in dem Artikel eine Beschreibung des Bajanaï-Kultus (der Jagd-Götter). Nach der Meinung einiger gibt es elf Bajanaï, welche früher menschliche Wesen waren. Der Bajanaï-Ritus besteht oft darin, dass man entweder ein aus Holz geschnitztes oder nur an einem Baume durch Einschnitte angedeutetes Bild des Gottes zur Hälfte mit dem Blut der ersten Beute bestreicht. Das letztere geschieht in der Absicht, damit der Gott noch weiter Blutdurst fühle und infolgedessen die Jagd mehr produktiv mache. Diese beiden Gebräuche sind übrigens nicht notwendig: es genügt statt ihrer, dass der Jäger die Hälfte seines eigenen Gesichts mit vorbenanntem Blute bestreicht. In allen Fällen wird auch hier das Lachen als ein Zeichen von des Gottes Eintritt in den Menschen angesehen. Ausserdem wird der Bajanaï-Kultus von Opfern dem Feuergeiste begleitet. Im benannten Artikel ist noch der bei der Jagd auf das Elen gebräuchliche Hymnus angeführt und der die Fuchsjagd begleitende Ritus beschrieben.

Schliesslich folgt der Text des heidnischen Eides der Jakuten mit Übersetzung in's russische und eine Beschreibung der Begräbniss-Gebräuche.

Der Jakut schwört vor dem Feuer («unserem Grossvater»), auf einem Bären-oder Hengst-Schädel sitzend. Den Eidbruch verschwört er mit Strafen des Erd-Geistes, des Jagd-Gottes, der jakutischen Isis (Iäjäxsit), «unseres Grossvaters» — des weissen Gottes (Ürūj Ajjy Tojon) und «unseres Vaters» Šāsägäi's.

Im Begräbniss-Ritus tritt die Furcht der Jakuten vor dem Besuche des Verstorbenen, welcher die Seelen der lebendigen Menschen und des Vieh's zu rauben, zu entführen fähig ist, klar hervor. Zum Verhindern solchen Raubes wird der Schaman eingeladen. Derselbe jagt die Seele des Verstorbenen weg und ruft die von ihm entführten Seelen zurück. In das Grab werden einige Sachen des Verstorbenen, zum B. seine Sense, sein Messer, seine Lanze u. dgl. gelegt. Auf dem Grabbügel wird sein Pferd geschlachtet, damit es ihm auch jenseits diene.

In der Vorrede wird unter anderem nachgewiesen, wie die deutlichen Bilder der Götter des Altertums in den Vorstellungen der Jakuten der Gegenwart sich verwischen und trüben.

Указатель собственных имен и предметный.

Примечание. Якутские былины, а к ним главным образом и относится настоящий указатель, так пресыщены содержанием, что составить к ним указатель — это почти значило бы составить список всех слов в этих былинах употребленных. В данном указателе этого нет; он носит несколько субъективный характер. В указателе имеется все то, что мне казалось нужным выделить по различным соображениям. Но и в таком виде, думаю, он будет не бесполезен для читателей.

Порядок букв таков:

а, ä, б, в, г, в, һ, д, е, ё, ц, ж, з, и, і, й, ј, к, к, л, л, м, н, ц, о, ö, п, р, с, т, у, ү, ф, х, ч, ч, ш, щ, ы, э, ю, я, ь.

Сергей Малов.

- Аан-Арбай шаман 95.
 Аан-Бурай-Тойон 116—118.
 Аан-Дуолай-Хотун 116.
 Аан-Дурай удалой 89, 90, 92. Ср. Г. П. Потанин, *Очерки Сев.-Зап. Монголии*, в. IV, СПб., 1883 г., стр. 633: Агис-бастах-Андурай.
 Аар Тойон (Белый) 5, 114. O. Böhtlingk, *Über d. Sprache d. Jakuten*, p. 87 (Text): Är-tojon.
 Аарсан-Туолай 95.
 абасы (демон) 1.
 Агыл-богатырь 81—83, 85—88.
 ага-кут (отец-душа) 5.
 Аджи-Буджу — Божье дитя (Дитя чистого мира) 99
 106. Ср. индийск., тибетск. и монг. сказания об гэя Вшоэ.
 Аджинай-богатырь 152.
 Аи (Ай) — Баджыр шаман 87.
 Аи-Дуралов шаман (т. е. шаман Аи-Дурала) 71.
 Айгыр-шаманка 10, 122, 123.
 Айталыи, Айталыи-куо (шаманка, девица) 40, 41, 61, 93, 101—107, 114, 143, 149, 150.
 ай (светлая сила, дух); айыс айым — восемь божеств моих 3.
 Айысыт (богиня чадородия, — родов) 3, 5, 196, 198.
 Акмыал — богатый господин 85, 88, 89. Худяков, *Верхонский Сборник* 125: бай Акмыал тойон.
 Ср. древне-тур. ату драгоценность, казна и аүүү казначей; шап — скот, имущество.
 Ыа (эпитет огня: Ыа уот) 196, 202. Замечания об этом слове С. В. Ястремского (и примечание редакции), по моему мнению, ошибочны; ср. также у В. Ф. Троицкого в его Эволюции черной веры (шаманства) у якутов, Казань, 1902, стр. 50.
 Алданское русло 79.
 Алеутский народ 86.
 Алтахтыр Далар богатырь 113, 115. Ср. урлик, айтарпа — шагаты, казанд. салтақта — немного хромать; ср. Словарь якутск. яз. Э. К. Пекарского, столб. 83.
 Ан-Аддырчынай 73, 74.
 Анальдэйма-Мивилдэйма (девица) 116—120.
 Ар-Тойон 196.
 Арат-море 56, 82.
 Арсан Дуолай (Дуолай) 3, 4. Г. П. Потанин, *Очерки Сев.-Зап. Монголии*, вып. IV, стр. 639—640.
 Арсан Дуолай 14, 15, 17, 50, 52, 53. Ср. *Верхонский Сборник*, стр. 134.
 Арсан Туолай 4, 57, 60.
 Ар Сооротох (Одинокий) 8.
 Бай Барылах Баянай (бог охоты) 104. Богатый Барылах 143.
 Бай Барылах Тойон 104—106.
 Бай Баянай 118—119.
 Бай Харахан 185.
 Бай Харахан Тойон 130—131.

Бай Хараххан 108, 106—107.
 Бай Хараххан Тойон 100, 104—107, 109, 110, 113.
 Баянаи 4, 5, 196.
 Барылах 177.
 Басымджи-богатырь 41—54.
 Баянай 118, 142, 210—212.
 Балнай, Балнай Ботур (дух леса) 121.
 бека 159.
 Белый Аар Тойон 114.
 Белый Небожитель Господь 101.
 Белый Святой Господь 15.
 Белый Создатель Господь 14, 21, 27, 117.
 Белый Творец Господь 1, 40, 46 (Уруң Ајы Тойон).
 Белый Юноша 81, 82, 86, 88.
 Берменность 86, 109, 138.
 берёва, берёски 2, 3, 35, 36, 38, 45, 54, 59, 76, 97, 100, 107, 118, 119, 135, 138, 151.
 беркут 73.
 Берт-Берегяни (богатырь) 98.
 Беспросветная Парца (земля) 23.
 Бессмертный витязь 100—121.
 Бёрён Бюльгюн 115.
 благословение родителей 4, 54, 63, 64, 119.
 блоха 160.
 бобр 159.
 Богатый Владелец (гений охоты) 21.
 Богатый Хараххан, — Харахан 30, 31, 34, 35.
 богиня скота и коней 186.
 бой 98; — смертный 67; — девять лет 90.
 бокоплав 160.
 борьба силчей на пиру 45.
 бубен шаманский 40, 41, 73, 87, 92, 93, 123, 124, 130.
 буала 16, 63, 68.
 Буур-Балахай (старуха) 95.
 буур-кут (земля-душа) 5.
 Бура-Дохсун, Бура-Дохсун 8, 142, 144—149.
 Бус-Булгуй 68.
 Бухар-джолу 126.
 бык 4, 57.
 Былдырыт (род куличка), сын Яги-бабы 128.
 Бытырангы-куо, дочь дьявола 128.
 Борбоэй-Боргон 139, 144, 145, 151, 152.
 Барот-Боргян, сын шамана 132—137, 140, 142, 151.
 Важный Громадный Владыка 14.
 ведро (принесо воды) 96.
 веки (глазные) 19.
 Венера 155.
 веревка 1, 2; см. еще резанье веревки.
 Верзла Громадный 23.
 вешалка 97.
 Вилкойск 68.
 вилит (на темени у человека) 93.
 лага 98; — сытная 40; — божественная из дерева 98; — золотистая 28; — волшебная 35. Ср. вода (живая).
 Властитель рова Господь 46.
 верша 166.
 ветка (т. е. лодка) 166.

вода (дождь) 156.
 вода живая (лага) 28, 35. Ср. Г. Н. Потанин, Вос- точные мотивы... стр. 887 (указатель).
 водка 162.
 водолюб 160.
 водяные божествам, см. огонь.
 волосы железные 19.
 ворона 17.
 восемь 13, 14, 16—18, 20—22, 31, 34, 35, 37—39, 41, 46; — божество 3, 84; — сажок (женская коса) 116, 122; — девица 54 (ср. Б. Я. Владимирцов, Монголо-обратский героический эпос, стр. 80 и 248); — кубков 54; осминогое чудиче 1; — стерхам подобных дочерей 21, 23, 49; — поко- ленный-родов 29; жир восьми кобылиц 38; — кубков 38; 51, 63, 93, 114, 121. (Восемь чула- нов у жилица, восьминогий демонов сын, — коновязей, восьмиветистый дуб; — ребер, — костей, о восьми титыхах кобыла 140).
 восемьдесят 22, 29, 30, 57, 99; восемьдесят человек не могут отворить дверь 57; ср. Приклон- ский, Якутск. поверья и сказки. Жив. Ста- рина II, 1890, стр. 171.
 носток 46, 47, 56, 58, 61, 82, 84, 93, 111, 122, 137.
 вошь 23, 134, 160.

Гений рогатого скота 60; — земли 12; — усадьбы 5; — охоты 21; 3, 24.
 Гибель-Дракона рыба 63.
 Гибель-Зла шаманка 52, 58.
 Гибель-черный ворон 30.
 Гибель-Бой-Шаман 29, 52, 53.
 Гибель-Дуодарба 15, 17, 20.
 Гибель-ерш рыба 26.
 Гибель-осина 26.
 глаз 16 (девичий); человек с одним глазом на абу 19, 27, 52, 78, 89. Ср. Алосский Сборник, стр. 114, 245—246. Г. Н. Потанин, Очерки С.-З. Мон- голии, в. IV, стр. 706; В. Миллер, Кавказские сказания о циклопах, Этнограф. Обзор, кн. IV, 1890 г.; Жив. Старина 1891 г., в. III, стр. 179, в. IV, 1891 г., стр. 147 (статья Приклон- ского).

Гамба-Громада госпожа 52.
 год 156.
 горечь (глотки) 53.
 горелка 56.
 горюстай 60, 159.
 горшок 170.
 град (с трехгранную корону) 15.
 грёбень 168.
 грех (сидеть на коне девице) 17.
 грива 1, 4, 115, 121.
 гривна 3; глаза, шожки на гривну 83.
 Грозный Дорожный Господи 50.
 Грозный-Разный, см. Слон-Джасын.
 гром 155.
 Громадный Верзла 23.
 Громадный Владыка 14.

Громадный Дорожный Господи 25.

грудь (сосание груди прибавляет богатствам силу) 5, 22, 42, 89, 112, 117. Ср. В. В. Бартольд, *Китаби-Корнуд*; ЗВО, т. XI (1899), стр. 190 (молоко из груди матери исподло рамы богатыря по указанию Хыра); А. Белослюдов. *Сказания и сказки киргиза*. Записки Семипалатинск. Подлота. И. Рус. Географ. Общ. т. X, 1915 г., стр. 16. Б. Я. Владимирцов, *Монг.-обратск. героич. эпос*, стр. 121—122. В. В. Радлов, *Образцы...*, т. IX, тексты, собран. и переведен. П. Ф. Катановым, 1907 г., стр. 401 и 403 (перевод).
гусь 6, 73.

Два 20, 115.

двадцать 110, 113.

двенадцать 57.

дверь 57, 70, 80, 100, 122, 139, 198 (открытие двери при родах).

двор 15, 33, 38, 55, 70, 101, 131.

девы (медоуказные) 72.

девясност 14—19, 22, 29, 30, 31, 57, 58, 70, 82, 93, 100, 116, 151.

девясност девять 65, 117.

девять 3, 5, 6, 14—17, 20, 21, 23, 32, 34, 35, 36, 38, 41, 45, 46, 48—51, 54, 57, 58, 70, 90, 100, 106, 113, 116, 117, 121, 122, 152. О «девять» см. П. М. Мелноранский, *Сказание об Едигее и Токтамыше*, СПб., 1905 г., стр. 15 (прилож.) и т. XXXI *Зап. И. Р. Географ. Общ. по отд. Этногр.* Костров, *Богатырские поэмы минувших татар. Этнограф.* Сборник, IV, 1858 г., стр. 150; Г. Н. Потанин, *Восточные мотивы*, стр. 114—115.

демон 124.

деньги 163.

дерево (спящее; ср. дуб) 3, 13, 22, 49, 97, 122.

десять 20, 21, 23, 31, 36, 41, 42, 45, 51.

Детина-Сирота 103—107, 109, 110, 114.

Джабыл-Тугуй (конь) 46, 47, 54.

Джагылма (богатый господин) 46.

Джагылма-Бай-Хотун 143.

Джагылма-Бай-Товон 142—145, 149, 150, 151.

Джаргыл 73.

Джаргистай (жеребец) 46.

Джарылык (жеребец) 48. (Прям. Ред.: важный, блестящий). Верхоянс. Сборник, стр. 251; Анд-Джарылык. Словарь Э. К. Пекарского, столбец 797.

Джесегей 1, 2, 138.

Джессин (железный богатырь) 39, 41.

Джестайбом (красноглазый мой) 128.

Джесегей 111, 120.

Джура-беге 121.

Джура-богатырь 114.

Джылга-хан 110.

Джургайган-Бегун 147.

Дюрдэ Бахсынат 134.

Динногий демонов сын 31.

Долговязый-Динногий парень 97.

дом (и его части) 17, 22, 38, 44, 46, 47, 51, 54, 55, 84, 100, 122, 164. Ср. П. А. Овунский, *Якутская сказка, ее сюжет и содержание*; см. Сборник Трудов... Сага кескиле, вып. 1 (4), 1927 г., Якутск, стр. 129.

дорога 38.

Дородная Госпожа 26.

Дородный Господи 26.

доска надгробная на могиле 105.

доха 22.

древоточец 160.

дуб (ср. дерево) 13, 22, 48—50, 97, 116, 123, 125, 137, 140.

дудочки 5.

Дуодан 114.

Дуодан-богатырь 110, 113.

Дуодарба 15—17, 20.

душло 156.

дурыла (принец) 23.

Дух Бродячего Облака 89.

духи 119 (— горных перелазов); 127.

душа 5, 6, 71, 73, 131, 132, 200.

Дудук-хан 5.

Дыбырдан (Железный Дыбырдан) 32.

дыла 159.

Ерш 28, 84, 85.

Есть-старуха 94, 96, 99.

Евёсюю 16, 17, 26, 42, 49, 53, 73, 90, 101.

Ельбёт-Боргон (Бессмертный Ватазы) 111—114.

Цэйгай (Аян) 2, 3, 5. Ср. Джесегей.

Цыла-хан (Властитель Рока) 5, 50.

Жаворонок 19.

железы (серебряные в руках у стремяных) 21, 28, 46.

Железная Холурдан-шаманиа 95.

Железный Джессин-богатырь 43.

Железный Изгальджин 115.

желудок 27, 28: раковое солнце, как залчий желудок.

жельч 16, 17.

женщина 8; описание красоты женщины 32, 37. Ср.

С. К. Патканов, *Стародавняя жизнь Остяков и их богатыри по былинам и сказаниям*, *Жив. Стрнина*, 1891 г., вып. III, стр. 108: савось кости виден мозг и савось мозг видны кости.

жеребец 4, 57.

жернов 23 (Громадный Жернов — женский эпитет), 168.

жертва (кровая людская) 7.

жидкость (божественная) 101.

жила (боевая у хребта героев) 28, 33.

жураль 48, 100, 158.

Загада 1, 2, 100, 155—171.

закил 19, 83.

запад 37, 52, 58, 84, 123, 152.

засов двери 57, 70, 100.

звезды 155.
 зверь (адский) 16.
 земля 156.
 зеркало 168.
 зима 185.
 змея 159.
 золото (золотой) 98.

Иголка 169.
 игра 45, 70, 118, 121, 190; 59 (— в прыжки), 122 и 137 (— в олени и в зайца).
 идол с сидящего ребенка 79.
Имен: **Имен** 16, 26, 62; **Томон Имен** 16, 26;
Тумуон Имен 62; **Хаман Имен** 26. [Ср. imän дуб (казаиск.), тополь (барабинск.)].
 имя 163; — познать: 27; — vesko 61, 71.
Иогальджин, см. Железный.
Иохсит — богиня 101, 111, 120, 138, 139, 187, 188.
Ияхсит 82, 84.
 Ijähxät 3, 5, 50, 196.
 jäh-kut (мать-душа) 5.
 иччи (дух, холин) 3, 4 (дл уот иччит (гений огня)).
 Этимологич. слова см. W. Bang, Turkologische Briefe... Vierter Brief. Ungar. Jahrbücher, VII (1927), p. 44—45.

Казарна 6.
 калям 2, 71.
 Камчатский народ 57, 86.
 (Каранк 77).
 карты 162, 163.
 кататься-валиться (перед превращением) 26, 31, 42, 44, 49, 51, 68, 84, 90, 126.
 каята с разрезом назад 105, 109, 114, 117, 118.
 Кёгюль-Бёгё (богатыри) 98.
 Кёр-Джизалыт 96—99.
Кимен-Имен (страна) 16, 26, 62.
 Китэи-речка 101.
 Кизли-Балы-Тойон 120.
 Кизли-Балы-Хотун 120.
 клей (пузыри рыбы) 16, 170.
 кликуша 130.
 клоп 160.
 книга (черная) 41.
 кобылка 160.
 ковш с резьбой 100.
 кожа стерха 108.
 колотушка (шаманская) 40, 41, 73, 87, 92, 123, 131.
 козачи 101.
 колыбель (железная) 28, 29.
 колычуга 16.
 комар 159, 160.
 коноваль 3, 15, 19, 45, 57, 60, 63, 65, 78, 101, 114, 117, 119, 129, 152.
 ковь (смертный) 9, 17, 19, 24, 27, 28, 33, 53; 17 (грех девиче сидеть на коне); 115, 120, 123 (имена коней).
 кошы 101.
 корова 19, 61, 158.

коровница-старуха 83, 107, 113; Ср. старуха — коса (женская) 36, 93.
 кости 29 (кровать из костей человеческих).
 котел 170.
 кошка 158.
Красный Богатый Господин 47, 50, 52.
 краска 9.
 красный угол 55, 58.
 кремьн 63.
 крошнень 56.
 кропление кислым молоком 155.
 крылья (у коня) 23, 88.
 крыша серебряная 15.
 крюк железный 19.
 кубок, кубия 13, 36, 38, 44, 100, 115, 150, 190.
 куанец 15 (черный), 16, 17, 20, 167.
 кукушка 17, 56, 73, 101.
 кулик 56.
 Кулдурут (род куличка) 128.
 Кулуи-Кулдурут 3, 4, 8, 56.
 Кулуи-Сюрюн 62.
 Курут 23, 25, 69—71.
 кумыс 3, 14, 35—37, 45, 58, 62, 98, 100, 102, 107, 114, 119—121, 135, 146, 189—191.
 курган, кровью мазаный и кровью крашеный 74.
 куртка железная 18.
 Куур Хотун 101.
 Кубай Хатын 3, 5.
 Кубай Армаих (дева небесных улусов) 8.
 Кубый Эрэмэх 142, 144, 145, 149.
 Кыкылдан (авонко-тонко-голосый шаман) 129, 132, 136.
 Кытыгырас Баранча 142, 144, 145, 149.
 Кюбий Хатын (шаманское божество) 98, 99; см. Кубай.
 Кюбий-Хотун (Почтенная Госпожа) 100, 108, 114.
 Кюдэни-Бэргэн 99.
 Кюгёльджин (шаманка) 40, 41. Верхонский Сборник, стр. 148.
 Кююрдор богатыри 113, 115.
 Кюлюктэй Бэргэн 139, 144, 145, 150—152.
 Кюн-Турлыма (шаманка) 113.
 Кюн Эрлик 130, 132, 134—137, 139—142, 144, 151, 152.
 Кюни-богатырь 94.

Лабаз (могильный) 103.
 лавка 119 (резная, хитрая); 119, 135 (— загадывающая загадки).
 лев 16, 28, 33, 37, 53.
 левая сторона 38, 44, 55, 129.
 лед 171.
 Лена (река) 2.
 лента (саллам) 109, 119, 126.
 лето 56 (всегдашнее, зима не было; ср. в монгольск. былинах: не было весны, все была осень, не было сухой травы, все была мурава. Б. Я. Владимирцов, Монг.-обратск. героический эпос, стр. 203), 186.
 летяга 159.

- лисица 158.
лиственница 57, 60, 74.
лодка 108.
ложка (гадальная) 22, 35, 38, 71, 102, 119, 131, 135.
лось 2, 5, 16, 17, 22, 27, 41.
лошадь 157; 115 (— двуногая).
лук (оружие) 17, 21, 24, 89, 101.
лыжи 15, 20, 24, 30, 35, 37, 44, 87.
лысуха 56.
лыгушка 159.
- Мамонтова кость** 21.
Манган Ханьхтыр (белая чайка — шаманка) 91.
Мангхалын-Тойон 101.
медведь 16, 143, 158.
Медный башмак (эпитет огня, — геняя огня) 4.
Медный Праведный Господин, Медный Божий Господин 21, 23, 25, 35, 50.
месяц 20, 53.
метка для сканиания на ноге 55.
мех (кумысный); грудь сравнивается с кумысным мехом) 21, 170.
меха (одежда) 45.
мир (вселенная) 3, 57, 58, 107, 127. О мире и мирах см. П. А. Ойунский, Якутская сказка., Сборн. Трудов исследовательского Общ. Саха Кэпкэ. Вып. 1(4), 1927 г., Якутск, стр. 99—100. А. Е. Кулаковский, Материалы для изучения верований якутов. Зап. Красного Географ. Общ. Кн. 1. 1923 г., Якутск, стр. 8—10.
- могила 163.
молоко 22, 23, 101; см. грудь.
моют 106.
море 39, 41, 56 (ледовитое); 25 (огнем ренущее); 56 (теплое); 56 (Арат-море), 21, 23 (масляное); 74 (огненное) 30, 31, 34 (черниное).
- Мотылек-Красивая-Белая Юкейден, Мотылек-Красоточка (или прекрасная)-Белая-Юкейден 22, 27, 36—38, 41, 50, 51.
моча 16 (семи девиц), 47, 90, 92, (— девчонки). Ср. А. А. Диваев, Этнограф. материалы, вып. V, стр. 22. А. И. Степной, Из восточных легенд и преданий. Тохтамыш и Идига (из незаданных записок Г. Ф. Генса), Камско-Волжский Край, 1896 г. от 15 окт., № 232. Г. Н. Потанин Восточные мотивы, стр. 497.
- муравей 160.
мутовка 119, 170.
Мылахсын (господин и госпожа) 97.
мышь 18.
мясо (медвежье) 39.
- Навыморот (страна)** 17.
нагрудник (медвежий у старинных людей) 19, 27.
Навызон 69.
наковальня 15, 17.
Нарын Нюргустай 143.
патазинки 107, 123, 124.
небо (слон неба) 3, 155.
невод 166.
Нежная, дочь Акымаля 38, 39.
Нет-старик 94, 96, 99.
Нюргун 8.
нога (ступня ногой, накрепил море...) 30, 78 (нось о трех ногах), 131 (нога из грудной ямки), 14, 66 (одноногий); 19, 27, 52 (нога из паха).
ножик с ножнами 63.
ножница 85.
нос (Громальный —, эпитет геняя огня; нос, т. е. выступ над челом очага) 4.
ночь 156.
Нюргун (мужское имя) 25—29. Ср. Нюргун ноханье 43, 73, 135.
- Облако** 28, 41, 46, 123, 124.
овод 159.
огниво 63.
огонь (дух огня) 4, 15, 17, 22, 25, 27, 36, 38, 47, 51, 54, 55, 63, 84, 120, 121, 209, 210. Ср. Живая Старина за 1890 г., вып. II, Прикловский, Якутск. Народные поверья и сказки, стр. 170: легенды о духе огня.
одежда 9 (потребляемая), 24, 33, 53 (смертная), 52 (железная), 124 (шаманская); 165, 166.
оделало 18.
один: одиноголая, одиорукая, одиголазая демонская девушка 84, одиоголазый 117.
одиноким см. Эр Соготох.
Одун-ого 62.
Одун-хан 110.
Одун-Бэргэн 98.
озеро 5; 3, 14, 15, 21, 27, 46 (молочное), 60 (блестящее).
Ойменок 57.
ойменокны 57.
олово 30.
олоухо (былина, поэма) 1, 2, 3, 6.
Оногой Бай 71.
Онодой Бай 5.
опахало 18.
орех 101, 127.
Орой-бурай 5, 72.
Орой-бурай (бог грома) 89, 186.
Оруаус Дохсуи (Бравый Гоголь) 102, 108, 113, 114, 116.
оса 159.
осина 157.
очаг 4; ср. огонь.
Ойбэт-Бэргэн 8.
- Пальм** 19, 20, 28, 30, 83, 63, 137.
панталоны 18, 32.
паук 28, 160.
песня 2, 119.
петля 167.
петушок грудастый 56.
пешее небо (след.: распростертое небо) 28.
пшкы ногами (игра) 137.
пир (свадебный) 150.

- письмена 82: пишет человек на каменном столбе. Ср. Э. Пекарский, Предания о том, откуда произошли якуты. Сибирская Жизнь Старина, вып. III—IV, стр. 137—144. Иркутск, 1925 г. (отд. отт., стр. 6).
- пища 7; 24 (смертная); 119.
- платье 47, 54.
- пляска 155.
- пляска 45, 55.
- погода (изменение погоды шаманкой) 125. Ср. А. Е. Кулаковский, Материалы для изучения верований якутов. Зап. Якутск. Краев. Географ. Общ., кн. I, Якутск, 1923 г., стр. 59—60 (о камне сата) Г. Н. Потанин, Тангутско-тибетская окраина Китая, т. 2, стр. 352. С. Brockelmann, Volkskundliches aus AltTurkestan, Asia Major, 1925, II, p. 111—112. Г. В. Кесно-Фонтов, Хрестес, шаманизм и христианство. Иркутск, 1929 г., стр. 55.
- погребение 9; 105 (надгробная доска).
- подергивание, предвещающее смерть 79.
- поднимание костей 19.
- подняток 168.
- подушка черного камня 18.
- покойник 9.
- пол 15 (медный, золотой); 122.
- помело ведьмино 6.
- понизить имя 26.
- порог смеющийся 6.
- пословица 175—182.
- похищение (девицы) 84.
- похороны 9, 20, 104, 214—215.
- поцелуй 43, 73, 81, 185, 186. Ср. нюханье.
- Почтенный Тромандый Господин 23.
- Почтенный Сударь-батюшка 20.
- права (сторона) 37, 38, 44, 55.
- препарация 4, 27—29, 31, 33, 35, 42, 49, 68, 82, 84, 112, 126, 129. Ср. кататься-валиться.
- пресподьял 14.
- прерывание аорты (у врага) 91.
- приданое 34, 36.
- приметы (исобманные) 18, 74.
- присяга 213. Ср. Г. Н. Потанин, Тангутско-тибетская окраина Китая, т. 2, 1893 г., стр. 114. С. В. Бахрушин, Исторические судьбы Якутии. Якутия. Сборник статей. Ленинград, 1927 г., стр. 289—290.
- прыганье, прыжки 108, 122, 137.
- птица шаманская 16.
- пузырь рыбы 16.
- пуп 42.
- пять 31, 42.
- пятьдесят 22.
- Рабы** — слуги 54, 62, 80, 83, 90, 102, 118, 114, 136, 146.
- радуга 156.
- рассвет 155.
- ревность 130.
- резание перчатки (шаманский обряд) 18, 29.
- резьба 58, 100 (ковш с резьбой).
- репа 157.
- рестницы железные 19.
- рог быка 44.
- роды 6, 41, 111, 112, 198—200 (родилья). Ср. Н. Н. Бурьякина, Якутские обычаи, связанные с рождением ребенка. Сборник трудов исследовательского Общ. Саха Кескье. Вып. 5, Якутск, 1928 г., стр. 142—150.
- Рок 22, 24, 27.
- Роквал Царица (имя земли) 23.
- росомаха 159.
- рубанок 168.
- рука 19, 27, 78.
- рукавички 22.
- русские 127.
- рыба 16, 159.
- рысь 159.
- Сабля 16.
- Сабля-Бай-Тойон 113—116.
- сак 166.
- салгын кут (душа) 6.
- самовар 169.
- самострел 78, 167.
- сапожки 22.
- Сардангачан-куо 95, 96, 99.
- Саты Наналын 69.
- свеча 169.
- свинья 158.
- сепер 58, 84, 95, 123.
- седло 171.
- Седенгедай-шаманка 152.
- семь 5, 14, 16, 18, 19, 22, 29, 39, 63, 73, 152. О «семь» см. Н. И. Золотницкий, Коренной чувашско-русс. Словарь. Казань, 1875 г., стр. 181—187. П. А. Фазлев, Введение в изучение тюркских литер. и наречий. Ташкент, 1922 г., стр. 38.
- семьдесят 29, 57, 93, 98.
- сени 15.
- сено 57.
- серебро 58, 84, 98, 100, 102, 103, 142.
- серьги 18.
- сеть 166.
- сжигание (убитого врага) 91.
- сиденье (смертное) 51.
- силачи 45, 55, 108, 121, 146, 148.
- Ситха 13, 48.
- Ситха 13, 59.
- связка 56.
- сказание 45, 55, 59. Ср. Н. Голоконский, Якутские пословицы... Собраны при ближайшем участии А. Кулаковского. Иркутск, 1914 г., стр. 62—63, 95, 106—107.
- скамья, загадывающие загадки 100, 122.
- скамья мамонтовой кости 21.
- скворода 66.
- скороход 22, 45, 146, 147.

Смертного-боя-шамаи 18.
 синить имя 26, 27, 38, 51, 53.
 собака 158.
 Создатель Господь 98.
 соко 27, 61, 85, 86.
 Соко Нуотай (имя девица) 94, 96.
 солнце 20 (... по славу месца и солнца прах его развел...), 47 (... солнце там наоборот пращалось), 119 (ходить по солнцу), 125 (ходить против солнца), 155.
 Солнце-Кюбий-Хатын 81.
 Солнце Ясное (женское имя) 51—54.
 Солнышко-государяня-матушка 20.
 солъ 24, 53.
 сон (и сповидение) 18, 32, 38, 117, 123. Ср. толкования спов и огузов. Записки Вост. Отд. И. Русск. Археолог. Общ., т. XII, стр. 050.
 сорк 14. Ср. Г. Н. Потанин, Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. Москва, 1899 г., стр. 127.
 сосание груди 22, ср. грудь, молоко.
 составание в беге 108.
 срывать имя 25, 29.
 старуха коровница 49, 107, 113. Ср. в кыргызск. эпосе рабыня называется «дошная кобыла», см. П. А. Фазев, Введение в изуч. тюркск. литер. и нареч., стр. 18. Ср. здесь: коровница.
 стена 84.
 стерх 48, 100, 107; стерхам подобные дочери 21, 23, 34, 41, 50, 51.
 сто 49, 100.
 стол 58, 109, 118, 122, 169; стол одноногий (калека) 66, 73.
 стоаб (священный) 109, 125, 126.
 стрекота 160.
 стрела 17, 21, 24, 101.
 стрема 63; выражение «ми дабана исайдай» С. В. Ястремским и Э. К. Пекарским (см. его Словари, стоаб. 658) переводится как «стрема с добрую (до месяца) гору». Я перевожу: стрема как выгнутая луна (букв. как выгнутая часть, низ, основа луны).
 стремлиные 8, 15, 21, 28, 34, 46.
 стриж 61, 86, 159.
 Студал — одноногий богатырь 14.
 Студалба 8, М1—143, 146—149, 151, 152.
 Суорун Тойон 91.
 Сугай Тойон 5.
 Сүң Цаскин 8.
 сур (жизненное начало) 6.
 сур кут (душа) 6.
 Сырбанг Татай (Татай) 130, 133.
 Сюга Тойон 114.
 Сюдое-богатырь 144, 148.
 Сюнг-Джаскин 77—99.
 Тягалами (Небо мое) 128.
 тацара 3.
 тарбаган 159.

Труды Ком. по изуч. Якутск. АССР, т. VII.

тарелки серебряные 21, 37, 38, 55, 58.
 Татта (— река) 13, 48, 59.
 теми 18, 19 (— каменное).
 теми 113, 119.
 тетереи, тетерка 61, 63, 82, 158.
 тетива 17.
 Тимир Нахлала 113; Железный Нахлала 115.
 Тимир Холурдан 99.
 Тобон-речка 101.
 Тойн-Тойболун 32.
 Тойон Джагыл 94, 96.
 Тойон-Тойболун (бык) 47, 48.
 томогон 9 (ошибочно напечатано: и могок).
 Томос-Имен (страна) 16, 26.
 Томорон (бай) тойон 142, 144, 145, 147, 148, 150, 151.
 Тонг-Дорольджуи 104, 105.
 Торольджуи 52.
 три 3, 19, 20, 22, 25, 30, 36, 44, 50, 90, 115, 116; три ноги гусем у коня 78. Ср. Г. Н. Потанин, Очерки С.-З. Монголии, вып. IV, стр. 725.
 тридцать 3, 14, 60, 70, 74, 85.
 трубка 168.
 трут 63.
 трутница из лосиных шкур 63.
 тугуни (рыба) 77, 78.
 тугут-зверь 43.
 Тумун-Имен (страна) 62.
 Тундальгса 46. Ср. Верхоянский Сборн., стр. 148, 193.
 Тунгалами (Бегалка моя) 128.
 тунгус 21, 46, 47, 64.
 Туярыма-кю 144, 145, 148—151.
 Тойгон 113, 115.

Убиение (стариков и старух, — обычай) 7, 104. Ср. П. А. Фазев, Ногайская сказка об Ак-Кюбине. Сборник Музея Антропол. и Этнограф., т. V, вып. 1, стр. 189—191, 194.

Убийства деды 72.
 угол (передний; левый) 58.
 ух (сранивой) 113.
 узда 92.
 Улу Тойон 116.
 Улу Тойон 3.
 Улуу Ботур 116—118.
 Улулар-шамаана 6, 122, 123.
 Уот Джурастай 84—86.
 Уот Джурастай 69, 70.
 Уот-Огуруодай (атаман демонов) 94—96.
 ураса (берестяная юрта) 20.
 урезать имя 30.
 урихлец 42, 80, 88, 95, 104, 105, 111, 119, 123, 131, 145, 150.
 утка 56.
 ух4 19, 27.
 ухо 99, 136.
 Уур 6 (ух).
 Уруц Аля Тойон (Белый Творец Господь) 1, 3, 5, 40, 196.

утурай (присподия) 4. Слово это, как географическое название, встречается в памятниках турецкой рунической письменности VIII века.

Хабан-река 101.

Хабран-госпожа 150.

Хаман-Имен 26.

Хан-Чаган 5.

Хара-хан-Тойон 82—83.

Харамын Борган 102—106, 108, 113, 114, 116.

Харахан Господин 30.

Харахсын (Някы-Харахсын) 17, 18.

Хараххан-Тойон 100. С. В. Ястремский сопоставляет это слово с турецким *qaraqan* — почтительное название божества. Но лучше: *qara qan* Черный царь. Ср. O. Böhlingk. *Über d Sprache d. Jakuten*, 89, 92, 94 (Text).

Хардай (птица) 68. Ср. I. J. Schmidt, *Die Taten Bogda Gesser Chan's*, Berlin, 1925, p. 6, 11, 55, 75. Г. Н. Потанин, *Очерки С.-З. Монг.*, вып. IV, стр. 346—348: Хан-Гериде, хан Геридей, хан Гариди, ср. там стр. 179, 511 и 1012 (але. указатель); *Алосский Сборник*, Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Русск. Географ. Общ., т. 37, 1916 г. Омск, стр. 46 и 269. Швидт-курпер, с монг. Галсана Гомбоса с предисловием акад. А. Шинфера. *Этнографич. Сборн.* VI, 1864 г. Dr. W. Radloff, *Proben*, T. II, p. XI—XII (A. Schiefner, Vorwort).

Хардзыт Мохсога 105.

Хардзыт-Сокол 142, 144, 145, 149.

Хачылан-куо 31, 32, 34, 35, 82, 84.

хвост 139.

Хоуур-шаманка 67.

Хомпори-Хотой 114.

Чарабана море 73.

человек (и части человеческого тела) 27, 160—164.

челды 101.

черный кунаец 15, 20.

четыре 17, 20, 22.

чудовище черное 66.

чухан 84, 100.

Шалаш жертвенный 73.

шаманство (шаманы) 3, 6, 9, 18, 40, 41, 87, 91, 95, 111, 122, 123. Ср. Г. В. Кеенофонтов, *Ле-*

генды о шаманах. Иркутск, 1928 г. Его же. *Култ сумасшествия в урал-алт. шаманизме*. С предисловием А. Окладского. Иркутск, 1929 г.

шапка рысья 22.

шаровары 22.

шесть 21, 39, 42, 101, 106.

шкура 30, 31, 39.

шмель 159.

Щушанье груди женщины 92.

Ысыах (кумысный пир) 107, 108, 118, 135.

Ытык-ыгулур (шаманка) 40, 41.

Ытык-Хоуур (шаманка) 61, 62, 65, 67.

Ытык Ычыктай 69.

Эльбэс-Тэльбэс (парень) 132, 133.

Эр Соготох (одинокий) 8, 13, 15—24, 144.

Эрблхтай-Борган 98.

Эрингар Хара Эрбэс шаман 104—106.

Эриггин Экилчин (пучеглазый) 128.

Эрбдех Буруйда-Эр-Соготох 142, 145.

Этири-Май 150.

Юг, южная сторона 44, 57, 58, 73, 88, 89, 94, 97, 123.

Юсгон (витязь) 113, 115.

Юэдяюли-Борган (богатырь) 98.

Юэдяюн (ладьяна черниного моря) 30—34.

Юэрюг Дзюэрюг Ююгей 99.

Юэйдэи (девица) 22, 23, 69—71, 89. Ср. Мотылен.

(номер 132).

юрта 14, 20, 25, 58, 64, 68, 70, 79, 121, 201—204.

Яга-баба 128, 152.

ядро 16 (в 50 пудов), 17 (в 90 пудов).

ядро 14.

якут, якутский 8, 19, 56, 58, 59, 61, 69, 87, 95, 98—100, 104, 105, 107, 110, 111, 113, 115, 119.

яланча (шаманки) 3.

Яснал Почтенная Госпожа 46.

Яснал Почтенная Государяня 21.

Яснал Чинмай Владычица 15.

яства 9, 33, 53.

ястреб 88.

Сергей Малов.

Национальная
библиотека РС(Я)

00160902

тел. 435919
www.nlib.sakha.ru

12/X-1810

~~21 X 385~~

~~15/X - 411/5~~

~~Wm 26~~

~~93/17 992~~

~~30/X 26~~

~~61 V 980.~~

9810700
26/10/45

Исправление

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
9	27 св.	И МОГОК	ТОМОГОК

12/X-3853

60 1925/60

11-6